

Санкт-Петербургский научно-культурный центр
по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии
Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета
Русская христианская гуманитарная академия
Институт Финляндии в Санкт-Петербурге

Санкт-Петербург и Страны Северной Европы

**МАТЕРИАЛЫ ШЕСТОЙ ЕЖЕГОДНОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Санкт-Петербург
2006

Редакционная коллегия: д.и.н., профессор В. Н. Барышников (ответственный редактор), Т.Н. Гордецкая, д.и.н., профессор П.А. Кротов, к.и.н. К. Е. Нетужилов, Т.Ф. Фадеева, д.фил.н. Д.В. Шмонин.

Рецензенты: д.и.н., профессор С.А. Козлов (Санкт-Петербургский государственный университет растительных полимеров), к.и.н., доцент А.В. Лихоманов (Российская Национальная библиотека).

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов седьмой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Книга рассчитан на всех тех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы седьмой ежегодной научной конференции (13-14 апреля 2004 г.). Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: РХГИ, 2006.

© В.Н. Барышников, П. А. Кротов, сост., 2006
©Издательство Русской христианской гуманитарной
академии, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Митюрин Д.А.

Военная и дипломатическая деятельность П. К. Сухтелена в Финляндии и Швеции

Терюков А.А.

Эрик Густав (Кирилл Густавович) Лаксман: судьба финна в России

Смолин А.В.

Русское дипломатическое представительство в Швеции и белые правительства России

Тетеревлева Т. П.

Страны Северной Европы глазами русских послереволюционных эмигрантов

Смирнова Т.М.

Кадры финской советской печати Петрограда-Ленинграда

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Базарова Т. А.

Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Принчевье (нач. XVIII в.)

Возгрин В. Е.

Скандинавия и Австрия в политике Екатерины I

Фруменкова Т.Г.

Финляндия и Северо-Запад России в планах эвакуации петербургских заведений Мариинского ведомства в 1812 г.

Строгов Д.И.

Пути решения финляндского вопроса в правомонархических салонах Петербурга-Петрограда.

Geust C.-F. (Гёуст К-Ф.)

International Assistance to Finnish Air Force during the Winter War 1939-1940 (Международная помощь финским военно-воздушным силам во время Зимней войны)

Федоров И. А.

Боевые действия Германии в Скандинавии и политика Швеции (март-июнь 1940 гг.)

Макуров В.Г.

Основные этапы и особенности Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в Карелии

Дмитриев А. П.

Кякисалми (Кексгольм) в 1941-1944 гг.

Фридкин В.Н.

Сотрудничество СССР и Финляндии в сфере безопасности в 1948 – 1991 гг.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Кротов П. А.

Гангутское сражение 27 июля 1714 г. в новейших исследованиях: новые сведения и перспективы изучения

Попов Ю. М.

Некоторые аспекты взаимоотношений России и Швеции и взаимодействие военно-морских сил этих стран во время Семилетней войны

Ковалевский А.В.

Эхо Крымской войны в финских шхерах

Подсобляев Е. Ф.

Развитие планов морской обороны Санкт-Петербурга накануне Первой мировой войны

Партала М.А.

Радиостанции особого назначения на мысе Шпитгамн и ее место в истории радиоразведки Балтийского флота (1915-1917)

Дубровская Е.Ю.

Моряки Балтийского флота о Петрограде 1917 г.

Петров П.В.

Советский Балтийский флот и события в Прибалтике в июне 1940 г.

Исторические источники, взгляды и оценки

Бельский С.А.

Новые находки средневековой древности на Карельском перешейке

Шрадер Т.А.

Публикации императорской Академии наук как источник о русско-шведских войнах середины и второй половины XVIII в.

Фишер А.Е.

К вопросу об особенностях исследования партизанского движения в Финляндии в период русско-шведской войны 1808—1809 годов на примере российской историографии XIX—XX вв.

[Цоффка В.В.](#)

[Финляндские страницы путевого очерка "По Швеции" Е.Л. Маркова \(1835-1903\)](#)

Федоров М.В.

Созыв Международной социалистической конференции в Стокгольме и «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (март- май 1917 г.)

Барышников В.Н.

Протоколы Государственного совета Финляндии 1939-1940 гг., как источник по изучению проблемы окончания «зимней войны»

Журавлев Д. А.

История болезни финских военнопленных в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. как исторический источник

Барышников Н.И.

Феномен фальши: «победа в противостоянии». Финская историография о завершающихся боях лета 1944 г. с советскими войсками

Усыскин Г.С.

Терийоки 1944 года, глазами очевидцев

Трошева Н.В.

История мемориала «Свирская Победа»

Халипов С.Г.

Финский субстрат в географических названиях Санкт-Петербурга

Мусаев В.И.

Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями (XIX – начало XX века)

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Хамфельд А.

Научное сотрудничество между университетом Упсала и Санкт-Петербургом: современное состояние и перспективы.

Бурков В.Г.

К истории геральдики и вексилологии Великого княжества Финляндского

Пулькин М. В.

Старообрядческие поселения в Финляндии: система внешних связей во второй половине XIX-начале XX в.

Ивлева С.Е.

Страны Скандинавии в русских иллюстрированных изданиях из собрания Николая Соловьева

Фокин А.И.

Ленинград – центр международных арктических исследований в 1920 – 1930-е гг.

Жарковская О.А.

Конные монументы в странах Скандинавии: исторический образ

Сергеев Б.М.

Образы древней Скандинавии в современном искусстве Петербурга

Папаскири Т.В., Кириленко И.В.

Норвежский художник Эдвард Мунк

Кривдина О.А.

Выставка «Сергель и европейская теракота» в Национальном музее Стокгольма (2004)

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....

Предисловие

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов седьмой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии (St.Petersburg Center for Research and Culture of Scandinavia and Finland) кафедрой истории нового и новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Русской христианской гуманитарной академией (РХГА), а также Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге. Кроме того, в организации конференции принял также участие Историко-этнографический музей-заповедник «Ялкала».

Конференция проходила с 13 по 14 апреля 2005 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения Петербурга и северо-западного региона. Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98-99», а также в последующих изданиях, вышедших под названием «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».¹ Традиционно на конференции принимали активное участие ученые РХГИ, многие из профессорско-преподавательского состава исторического, филологического факультетов и факультета международных отношений СПбГУ, а также научные сотрудники Российской Академии наук, ряда музеев и архивов. Зарубежными участниками конференции были историки из Швеции и Финляндии.

Д.А. Митюрин

**Военная и дипломатическая деятельность П. К. Сухтелена в
Финляндии и Швеции**

В качестве военачальника и дипломата Петр Корнильевич Сухтелен сыграл огромную роль в событиях, связанных с присоединением Финляндии к Российской империи. Позже, будучи российским послом в Стокгольме, он способствовал сближению между Россией и Швецией, которые с тех пор больше ни разу ни воевали друг с другом. Можно сказать, что основы последующих добрососедских отношений двух стран были заложены двумя монархами – Александром I и Карлом XIV, а также двумя дипломатами – Сухтеленом и его коллегой шведским послом в Санкт-Петербурге Карлом Стединком. Однако, в отличие от трех других вышеназванных персонажей, фигура и деятельность Петра Корнильевича пока так и не удостоились специального исследования...

Он - Ян Питер ван Зухтелен родился 2 августа 1751 г. в городе Гревее (Голландия). Окончив латинскую школу и Гренингенский университет. Затем, по примеру отца, стал военным инженером. Однако, подыскать подходящую должность в Голландии у него не получилось. В 1783 г. Ян переехал в Россию и, поступив на военную службу в чине инженер-подполковника, стал именоваться в официальных документах Иваном Петровичем Сухтеленом.

В первой же военной кампании ему довелось скрестить оружие со шведами. В 1789 г. он был награжден орденом св. Георгия 4-й класса «За мужественное дело, произведенное за рекою Кюмень, где держа пост, перешел с отрядом на неприятельскую сторону и взял батарею в три пушки». В последствии Сухтелен сражался и против поляков. В 1799 г. получил звание инженер-генерал-майора.

«Работая по специальности» Петр Корнильевич проинспектировал фактически все крупные крепости империи от Херсона до Риги и от Ревеля до Архангельска. Взошедший в 1801 г. на престол император Александр I назначил его генерал-квартирмейстером и управляющим его свитой по квартирмейстерской части. Тогда же Сухтелен возглавил так называемое «Депо карт», превратившееся позже в военно-учетный архив Генштаба.

С этого времени вместе с семьей Петр Корнильевич поселился в недавно построенном Инженерном замке, часть помещений которого, после смерти императора Павла I, была

отведена под служебные квартиры. Талантливый фортификатор и картограф, полиглот, знавший кроме голландского, русского и шведского языков, также латынь, греческий, немецкий и французский он был еще и известным ученым. В 1804 г. Сухтелен стал доктором экономических наук и членом Президиума Российской Академии.¹

Наконец, в качестве дипломата, Сухтелен выступал при Александре I в роли своеобразного эксперта по северным странам. И именно он, настойчивей многих других советников, призывал императора окончательно покончить со шведской угрозой, добившись завоевания Финляндии. Накануне войны 1808-1809 гг. на вопрос государя «Где бы ты думал всего выгоднее для обоих государств назначить границу?» Петр Корнильевич четко провел линию от Торнео до Северного Ледовитого океана, обозначив, тем самым, сложившуюся затем западную границу независимой Финляндии. На восклицание монарха «Что это ты? Это уж слишком много! Ведь шведский король мой свояк!», Петр Корнильевич успокоительно заметил: «Посердится и забудет»...²

В начавшейся войне со Швецией именно благодаря дипломатическим и военным талантам Сухтелена почти без потерь удалось добиться капитуляции самой мощной вражеской крепости – Свеаборга, прозванного современниками «Северным Гибралтаром».³

В Швеции и Финляндии падение этой твердыни до сих пор считают прямо таки национальным позором, и нет ничего удивительного, что когда летом 1810 г. Петр Корнильевич прибыл в Стокгольм с дипломатической миссией, встретили его не очень-то доброжелательно. В письме к канцлеру графу Н. П. Румянцеву он жаловался, что «небылицы, распространяемые обо мне, есть следствие того странного впечатления, которое произвел мой приезд сюда; меня обвиняют в том, что я главная причина сдачи Свеаборга, следовательно и потери Финляндии».⁴ Думается, что здесь нет ничего удивительного, тем более, что в Стокгольм новоиспеченный инженер-генерал Сухтелен въехал в карете на дверцах которой был изображен Свеаборг.

Несмотря на эту начальную бестактность, в дальнейшем Сухтелен буквально покориł шведское общество. Он был умным и обаятельным собеседником, устраивал роскошные балы, жертвовал крупные суммы на благотворительность.

Кроме того, Петр Корнильевич интересовался историей и культурой Швеции, а приобретенные им полотна шведских художников украсили его коллекцию, которая считается самой значительной среди всех собраний живописи, принадлежавших русским военачальникам XVIII- начала XX веков.⁵

Но главную свою цель Сухтелен видел не просто в нормализации отношений между Россией и Швецией, а в заключении тесного союза между двумя странами. И в этом отношении его деятельность совпадала со стремлениями таких деятелей как император Александр I, наследный шведский принц и бывший наполеоновский маршал Бернадот, шведский посол в Петербурге К. Стединк.

В феврале 1812 г. Петр Корнильевич был официально утвержден в должности чрезвычайного посланника в Швеции и уже напрямую занялся подготовкой столь нужного договора. Спустя несколько дней после его возвращения из Петербурга в Стокгольм, события вступили в решающую фазу.

Бернадот получил из Парижа, через свою супругу (бывшую невесту Наполеона) письмо без подписи, но написанное рукой министра иностранных дел герцога Бассано. Сухтелен сообщал Александру I по этому поводу следующее: «Наследный принц получил 25 марта от императора Наполеона официальную ноту, хотя без подписи, но написанную известною рукою, следовательно, имеющую все признаки подлинности. В этой ноте, вслед за льстивым предисловием и похвалами лично наследному принцу, ему предлагается объявить нам войну в то время, как сделается известным, что император французов начал войну с нами, и напасть на Финляндию. За это Наполеон обещает Швеции не заключать мира с Россией, пока она не обяжется возвратить Швеции Финляндию. Сверх того она обещает Швеции часть Норвегии, ежемесячно по полтора миллиона франков субсидии и вначале выдачу их за три месяца вперед, наконец на 20 миллионов колониальных товаров в каких-либо немецких городах из портовых, причем шведы могут перевести эти товары к себе, либо продать на месте. Наследному принцу предоставляются всевозможные для него выгоды, если он заключит наступательный и оборонительный союз с Францией.

Наследный принц был так благосклонен, что показал мне эту бумагу, которую только что получил, но заметил при этом, что она не введет его в обман, и что он неразрывно связал свою судьбу с вашим Величеством». ⁶ За отказ от союза с Францией Россия могла пообещать Швеции гораздо меньше – принадлежавшую Дании Норвегию, и помощь в получении денежной субсидии от Англии. Тем не менее, отчасти руководствуясь собственными соображениями, отчасти – благодаря присущему Сухтелену дару убеждения, Бернадот сделал выбор в пользу России.

5 апреля 1812 г. был подписан предварительный союзный трактат между Россией и Швецией, а 27 августа (после начала наполеоновского вторжения) в Або состоялась

историческая встреча Бернадота и Александра I, после которой размещенные в Финляндии русские войска были переброшены на петербургское направление.

В следующем 1813 г. русские и шведы уже вместе воевали против французов, причем Сухтелен сопровождал в этой кампании Бернадота, который командовал т. н. Северной армией союзников.

Правда, в это же время Петр Корнильевич фактически уступил роль главного императорского советника по северным странам бывшему шведскому подданному Густаву Морицу Армфельту. Между двумя сановниками шла скрытая борьба за влияние на Александра I, что, впрочем, не мешало им чисто внешне поддерживать дружеские отношения. При этом за глаза Армфельт называл его “хитрейшим созданием, которое когда-либо производи свет”, и всячески пытался устранить его от участия в делах связанных с управлением Великим княжеством Финляндским.⁷

И все же влияние Сухтелена на балтийскую политику России оставалась довольно значительным, косвенным свидетельством чего стало присвоение ему титулов барона (1812) и графа (1822) Финляндии. Кроме того, Сухтелену по прежнему принадлежали апартаменты в принадлежавшем императору Инженерном замке в которых он разместил значительную часть своих коллекций.

Должность российского посла в Швеции Петр Корнильевич сохранял до самой смерти, которая настигла его в Стокгольме 17 января 1836 г. Своеобразный исторический парадокс заключался в том, что кавалера высшего королевского ордена Серафимов шведы хоронили с такими же почестями, как и скончавшегося 20 годами ранее фельдмаршала Адлеркрейца. Только последний из них оборонял Финляндию от русских, а другой – отнял эту страну у Швеции.⁸

Эрик Густав (Кирилл Густавович) Лаксман: судьба финна в России

Основанная Петром Великим в 1724 г. Петербургская Академия наук к середине XVIII века превратилась в один из крупнейших научных центров Европы. В ней постепенно складывались научные школы и направления, которые совместно разрабатывались учеными самых разных национальностей. Его высокий научный престиж привлекал сюда ученых многих стран, которые стремились к научной карьере. Не избежали этого и финны, которые так же нашли свое место в российском научном мире. Этот список можно начать с Эрика (Кирилла Густавовича) Лаксмана (Erik Laxmann, 1737-1796), первого финского академика Петербургской Академии наук, исследователя Сибири.

Из ныне доступной научно-исследовательской литературы уже можно достаточно полно представить как биографию этого человека, так и его соответствующий вклад в научную деятельность России.²

Эрик (Кирилл) Густавович Лаксман родился в городе Нейшлоте (Савонлинна, Финляндия) 27 июля 1737 г. Нейшлот вместе со значительной частью Финляндии входил тогда в состав Швеции, а через пять лет после рождения Лаксмана был присоединен к России. Поэтому до сих пор многие спорят, кем он был по национальности - финн или швед. Но сам считал себя весьма тесным образом связанным с Россией, где прошла основная часть его жизни. Он происходил из многодетной семьи мелкого торговца. У его родителей было 9 человек детей, жили они в глубокой бедности. Нужда стала особенно острой после гибели отца, утонувшего в 1756 г. Первоначальное образование он получил в училище в приходе Рантасальми, находившемся в шведской части Финляндии. С 1757 г. Лаксман учился в гимназии в городе Борго (Порво). Именно тогда он начал интересоваться биологией и геологией. По окончании гимназического курса, в том же 1757 г., Лаксман записался в число студентов Университета в городе Або (Турку). Но проучился в Университете недолго, так как у него не было денег для оплаты за обучение.

После ухода из университета Лаксман до 1762 г. занимал скромное место помощника пастора в одной из деревень восточной Финляндии. За пять лет, проведенных в деревне, Лаксман серьезно пополнил свои знания, особенно в области естественных наук, занимаясь в основном самообразованием. Но материальное положение молодого человека оставалось

крайне тяжелым. И именно тогда он принимает решение ехать в Петербург. Он был не один в таких стремлениях. Быстро растущая столица громадной империи могла дать приют и работу людям многих специальностей. С середины 18 века окрестности Петербурга становятся очень притягательными для финнов, которые активно эмигрируют в Россию. Здесь они находили заработок, некоторые возвращались обратно, но многие находили здесь свою новую родину. К последним и относился Эрик Лаксман.

В 1762 г. Лаксман переезжает в Петербург и знакомится иам с известным ученым-географом, пастором А. Бюшингом, который в это время был директором училища и пансиона при немецкой церкви св. Петра и Павла. А. Бюшинг помог Лаксману получить место воспитателя в данном пансионе, а так же и учителя естественной истории и ботаники в училище при церкви. Вообще, это одно из многих удивительных везений в жизни нашего героя. Ведь к этому моменту он был всего лишь недоучившийся студент. Но такое могло случиться лишь в России, ведь своих преподавателей еще просто не хватало.

Но, по словам Э. Лаксмана, как он писал позднее, уже к этому моменту его захватывало стремление к путешествию в один из районов Сибири, и он упорно и энергично начинает добивается его осуществления. И снова счастье улыбнулось ему.

В 1747 г. по указанию императрицы Елизаветы Петровны у знаменитого русского заводчика Акинфия Никитича Демидова в пользу казны были конфискованы - Колывано-Воскресенские заводы, охватывавшие большую часть Томской и часть Омской губерний. На Колыванских заводах и рудниках жило и работало около 50 немцев лютеранско-евангелического вероисповедания, которые были основными организаторами производства. Для них был организован специальный приход, в котором в то время открылась вакансия пастора. Э. Лаксман по рекомендациями А. Бюшинга был утвержден на этом посту.

Но прежде чем отправиться в путь, 2 января 1764 г. Э. Лаксман обратился в Канцелярию Петербургской Академии наук с памятной запиской, в которой просил назначить его корреспондентом Академии или адъюнктом ботаники в связи с предстоящим отъездом в Сибирь на Колывано-Воскресенские заводы. 19 января 1764 г. он был избран членом-корреспондентом Академии.

15 марта 1764 г. Лаксман, преодолев более 4000 верст, приехал в Барнаул. Барнаул, с основания которого прошло всего около 30 лет, был в то время довольно большим населенным пунктом. Здесь располагалось управление горной промышленностью всего края,

главный плавильный завод, на котором выплавляли ежегодно более 400 пудов чистого серебра и от 11 до 15 пудов золота. Здесь же располагался стекольный завод. Так началось исполнение его мечты. А так как исполнение пасторских обязанностей не занимало много места, то он смог заняться другой своей страстью - путешествиями. Изучая животный мир и природные богатства Алтая, собрал богатый гербарий, коллекции минералов, насекомых. Организовал для их демонстрации домашний музей. Некоторые экспонаты пересылал в Петербург и Швецию. Вел переписку с К. Линнеем, А. Шлецером и другими известными учеными. В своих письмах подробно описал «огненную машину» И. И. Ползунова, дал ценные сведения о самом изобретателе. В Барнауле Лаксман начал метеорологические наблюдения: поставил выпел для наблюдения за переменой ветра, изготовил различные снаряды для измерения уровня воды в Оби, барометры и термометры. Многие иностранные научные журналы отмечали точность его наблюдений за состоянием погоды. А так как он просто манкировал своими прямыми обязанностями, то вскоре, 1768 г., был вынужден покинуть пасторское место и вернуться обратно.

В начале 1769 г. Лаксман оказывается уже в Москве. Он усиленно работает над разбором своих коллекций, пишет статьи для Императорского Вольного экономического общества и Стокгольмской Академии наук. Он уже становится известным в ученых кругах. Совершает несколько новых путешествий по Европейской России. В 1770 г. Академия избирает Лаксмана действительным членом по разряду экономии и химии. Он был единственным ученым в Академии, который избирался по такой кафедре. Этим ученое сообщество России отметило его разносторонние занятия. После этого становится действительным членом Академии наук. В его введение после смерти М.В. Ломоносова передана Химическая лаборатория. Он часто пишет отзывы на поступающие в академию научные работы. Преподает и экзаменует гимназистов Академической Гимназии и Сухопутного кадетского корпуса.

В 1770 г. его включают в академическую комиссию для написания «Географии России». За свои научные заслуги он был избран членом ряда заграничных научных обществ, в частности, Шведского королевского общества. Так, например, шведский король Густав III наградил его 2 золотыми медалями.

В 1780 г. Э. Лаксман, как известный ученый и организатор науки, был назначен на должность помощника главного командира Нерчинских заводов. Так как он постоянно говорил о своем желании вернуться в Сибирь, то в этом назначении Э.Лаксман видел возможность осуществить свои старые мечты о научных путешествиях в далекие и

неизведанные сибирские края, испытать еще раз радость новых поисков и открытий и наблюдений. На этот раз в Сибири он провел более десяти лет - с 1781 по 1791 гг.

В Нерчинск он прибыл в апреле 1781 г. Однако Э Лаксман не собирался здесь задерживаться. Взятая им на себя должность требовала частых и длительных поездок. Площадь его округа распространялась на 550 километров с севера на юг и на 500 километров с запада на восток. В этот момент главным в его изысканиях становится минералогия. Длительные путешествия щедро вознаградили исследователя интересными и редкими находками. В это время были найдены замечательные экземпляры бериллов и аквамарин у рек Аргуни, Онона, Ингоды и Витима, оникс на Яшме-горе у реки Аргуни, прекрасные штуфы порфира с реки Читы и др. Но эти странствия и привели его к очередному конфликту с местным начальством. Через год он был уволен «за упущения» со службы. В 1781 г. его исключают из членов Академии за то, «что он угрожал ассесору Герасимову в Нерчинске пистолетом». Когда в 1786 г. академик С.Я. Румовский предложил его восстановить в звании ординарного академика, его просьбу не приняли.

В результате 1784 г. Лаксман назначается «минералогическим путешественником» при императорском кабинете. Его деятельность заключалась в поисках и доставке поделочных камней и самоцветов для царских дворцов. Получив свободу действий, он переселяется из Нерчинска в Иркутск, столицу Восточной Сибири. Этот город надолго стал местом жительства неутомимого путешественника. Здесь он занимается метеорологическими наблюдениями, ставит различные опыты. Сюда идут письма из Петербурга и Европы. Сам он несколько раз выезжает в Петербург, чтобы получить поддержку своим планам новых путешествий. А чтобы быть материально менее зависимым от Академии, то становится промышленником, основав первый в Сибири стекольный завод.

После долгого перерыва он побывал в Петербурге в 1792 г., когда сопровождал в столицу своих японских друзей.

Этому предшествовала достаточно интересная и неординарная история. В 1788 г. в Иркутске появился японский капитан Дайкокуя Кодаю со своими спутниками. Сопровождал их сын Лаксмана Адам, который служил в то время в Гижигинске исправником. Еще в 1782 г. Кодаю отправился на своем судне из японского порта Сирока в столицу Японии г. Эдо. Но после сильнейшего шторма и длительного скитания по просторам Тихого океана их прибило к острову Амчитакк Алеутского архипелага. Здесь японцы встретили русских

промышленников и потеряли свой корабль. Лишь в 1785 г. за русскими пришел корабль, но тоже разбился на виду островитян. Русские и японцы решили вместе построить судно, чтобы добраться до материка. Это удалось сделать лишь в 1787 г. и они смогли двинуться в путь, добравшись до Камчатки. Перезимовав в Нижне-Камчатске, в следующем 1788 г. японцы отправились в столицу Сибири, Иркутск.

Японские моряки оказались в сложном положении. Оно было вызвано тем, что по японским законам, человек, оказавшийся за пределами страны, под страхом смерти не может вернуться обратно. Кодаю и его спутники знали об этом. Лаксман же решил воспользоваться этой ситуацией и уговорил Кодаю решиться вернуться на родину. А этот факт использовать для установления дипломатических отношений между Россией и Японией и начать между ними торговлю. Право торговать с Японией из всех стран мира до этого имела только Голландия.

Потянулись долгие дни переписки с столицей. 15 января 1791 г. Кодаю с Кириллом Лаксманом отправились в Петербург. Лаксман решил использовать свои личные связи для решения этой проблемы. В Петербурге через своих знакомых Лаксман добивается аудиенции у императрицы Екатерины Второй. Ее в первую очередь привлекла трагическая судьба японского капитана. Он был одарен императрицей разными подарками. Сам Кодаю преподнес ее последние японские вещи, оставшиеся у него. Кстати, они сохранились до наших дней и выставлены сегодня в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамере). Было принято решение об учреждении специальной экспедиции, которая должна была отправиться в Японию. Возглавлять ее был назначен Адам Лаксман. Значительное время заняло путешествие обратно в Иркутск, а потом в Охотск. 13 сентября 1792 г. на корабле «Екатерина» молодой Лаксман, Кодаю и его оставшиеся в живых спутники отправились в путь. Лаксман побывал на Хоккайдо, где он пробыл до конца июня 1793 г. и вел переговоры с японскими властями. В результате русским купцам было разрешено один раз в году посещать для торговли порт и город Нагасаки. А Кодаю был прощен, ему сохранили жизнь и по его рассказам была написана книга о России. Эта экспедиция стала триумфом Эрика Лаксмана. В 1794 он снова отправляется в Петербург, чтобы отчитаться о выполненном поручении и представить новые, планы.

В 1795 г. Лаксман отправился в путешествие в Бухарский эмират в качестве представителя русского правительства для установления торговых отношений. Как оказалось, это было его последнее научное предприятие. Его планам не суждено было

осуществиться: на ямской станции Дресвянской, у реки Вагай, впадающей в Иртыш, в 118 километрах от Тобольска, 5 января 1796 г. он умер. Тут же его и похоронили, на маленьком кладбище у реки Вагай. Даже смерть настигла его в дороге...

Рассматривая жизнь Лаксмана, можно выделить несколько аспектов его деятельности, в которых он достиг значительных успехов.

Прежде всего слезует заметить, что большая часть жизни Эрика. Лаксмана прошла в путешествиях по стране. Они начались еще в 1764 г., когда он впервые приехал в Сибирь. В это время он посещал селитряные пещеры близ крепости Бийск на р. Бие, был в районе Усть-Каменогорска на юге Сибири. Совершая поездки на север, в районе Томска и реке Чулым Э. Лаксман делает первое свое открытие - находит каменный уголь. Это сегодняшнее Черемховское угольное месторождение. В 1765 г. Лаксман побывал на берегах Байкала. Он первым дал научное описание горячих минеральных источников в устье Турки, исследовал их химический состав, измерил температуру различных источников, а также нанес на карту их местонахождение. Здесь, в местечке Култуак, между речками Слюдянка и Похабика, по местным легендам, стоял его дом, а само это урочище еще долго называли «Лаксманкой». Тогда же совершил путешествие по Алтайским горам.

В августе - сентябре 1769 г. он впервые посетил Карелию, побывав в районе реки Свири и доехав до г. Олонца. Результатом этого путешествия были тщательные «Экономические ответы, касающиеся хлебопашества в лежащих около Свири и южной части Олонца местах». Эта сравнительно небольшая по объему статья поражает острой наблюдательностью, широкой осведомленностью и строго научным и точным подходом автора к сообщаемым сведениям. Второй раз Лаксман приехал в Карелию в 1778 г. О целях своей поездки он писал следующее: «По повелению Императорской Академии наук, которая по высочайшему благоволению ее императорского величества предопределила сочинить совершенное описание Российской империи, предпринял я физико-топографическое путешествие по лежащим горам между Балтийским и Ледяным морями». На этот раз он приехал сюда из Твери через Тихвин. По дороге он изучал окрестности рек Сяси, Паши и Ояти. Посетив Петрозаводск, Лаксман 16 октября вышел в плавание вдоль восточного берега Онежского озера до его северного берега. 30 октября Лаксман прибыл в погост Сороку, лежащий на острове, образованном рекой Выг при впадении в Белое море. Здесь он оставался до конца ноября, совершая поездки вдоль морского побережья. 6 ноября он побывал в Кеми и в других местах. Во время одной из своих поездок Лаксман едва не погиб.

Вот как он сам описывал это происшествие в письме к своему приятелю Меннандеру: «5 ноября было для меня замечательным днем: со мной случилось утром на рассвете такое несчастье, что лед проломился подо мною в 3 саженьях от лодки, в то мгновение, как я хотел сесть в нее, чтобы плыть из губы речки Шуи к устью реки Кеми... Я... проплыл между льдинами до лодки, а затем... в продолжение целых трех часов должен был оставаться мокрым и вытерпеть холод до скалы Павнаволок в 15 верстах. Здесь сперва была затоплена печь в опустелой рыбацкой курной избе, а когда почти весь дым вышел, я влез туда, разделся, высушил платье, согрелся и через час был уже в состоянии обходить всю скалу и во время продолжавшегося отлива искать морских растений и животных». По-видимому, судьба еще берегла Лаксмана для выполнения тех задач, что он должен был сделать позднее.

В 1770 г. Э. Лаксман по приглашению Директора Академии наук графа В. Г. Орлова, одного из знаменитых братьев Орловых, фаворитов Екатерины II, принял участие в поездке в имения, принадлежащие этой знаменитой семье, расположенных на берегах Волги. Позднее план путешествия был значительно расширен. Экспедиция направилась через Москву в Воронеж, а затем по Дону к Сарепте и Царицыну на Волге. Обратный путь пролегал через немецкие колонии около Саратова, Симбирска и опять через Москву в Петербург.

Еще весной 1771 г. Лаксман задумал экспедицию в Молдавию и Бессарабию, освобожденные от турок русскими войсками и мало известные с научной точки зрения. Но только в следующем году ему удалось осуществить свое намерение. «Путешествие свое вокруг всей Молдавии и Бессарабии совершил с чрезвычайным удовольствием, - писал он впоследствии. Я познакомился со страной, в которой редко попадаются другие европейские народы, кроме греков; но в сравнении с этой страной лучшие наши края кажутся пасынками природы, а вследствие невежества жителей приходится назвать ее прекраснейшею пустыней, где человек... все-таки может жить привольнее, чем самый трудолюбивый земледелец у нас».

Осенью 1778 г. он совершает поездку с целью «физико-топографического и экономического исследования» районов «Северных гор между морями Ледовитым и Балтийским». В ней его впервые сопровождали сыновья, которые со временем сами стали известными исследователями, особенно старший, Адам. В июне 1779 г. была начата вторая экспедиция в район Среднерусской возвышенности и на Север, которая закончилась в декабре того же года. Задачей второй экспедиции было изучение возвышенностей, образующих водораздел рек европейской части России, и ознакомление с горными породами и рудными месторождениями, а также с горнорудными и промышленными предприятиями

этого района. Во время этого путешествия он был первым, кто серьезно изучал соляные минеральные источники Старой Руссы, ставшего позднее курортом. К этому путешествию относятся также высказывания «о бесстыдных коричневых тараканах. Последних я видел во всех домах, и мне кажется, что вскоре они станут всеобщим бедствием, в особенности если они распространятся на юге России». Лаксман считал, что они привезены через Сибирь из Китая, а не из Пруссии, как принято в народной памяти, ибо их называли «прусаками».

В этом отношении следует заметить, что Э. Лаксман был не только исследователь, но и страстный собиратель, коллекционер. Причем он собирал коллекции разных редкостей не столько для себя, сколько для Петербургской академии наук и многим другим научным учреждениям. Ни одно его путешествие не обходилось без сбора коллекций. Эта деятельность началась уже в 1764-1766 гг. на Алтае, когда возникла его первая естественнонаучная коллекция, включавшая различные минералы, растения и насекомых. В 1773 г. привезенные им коллекции растений и «натуралиев» передаются в кабинет натуральной истории Кунсткамеры. В 1778 - 1779 гг. он продолжил их в Карелии, где Лаксман собрал большую коллекцию руд и минералов. Его каталог включал 419 названий. В Забайкалье им были открыты залежи малахита, а так же новый минерал, названный им байкалитом. И этот список можно продолжить.

Причем он не только просто собирал интересные экземпляры. Им были открыты новые виды растений и минералов. Позднее некоторые из них были названы в честь него, например, живучка Лаксмана, рогоз Лаксмана, минерал лаксманит и т.д. Наш герой вел обширную переписку как с российскими, так и заграничными учеными. Его партнером долгое время был швед Карл Линней. Они переписывались по поводу сибирской флоры, когда Лаксман не мог определить тот или иной вид растений. Лаксман отправлял Линнею наиболее интересные и редкие экземпляры, собранные во время своих экскурсий. А иногда и прямо выполнял заказы шведского ученого. Например, Линнея интересовала одна редкая разновидность ревеня. Это растение считалось в Европе целебной и очень полезной. А привозили ее из Китая. И Лаксман нашел этот вид в Южной Сибири, между истоками рек Белой и Иркутска. Не забывал он и столичных садовников. Длительное время он посылал семена и корневища цветов для посадки их в Царском Селе и Павловске. Известно, что в 1787 г. он приезжал в Петербург, чтобы продать Горному институту свою минералогическую коллекцию. Сегодня часть его собрания хранится в Государственном геологическом музее имени В.И. Вернадского.

Не всегда во время своего пребывания в тех или других районах Империи ему всегда удавалось выполнить своими силами все задания. Тогда, пользуясь своими правами, он привлекал для реализации исследовательских задач или местных чиновников, или местных краеведов. Так, например, во время путешествия по Карелии 1778 г., он оставил в Канцелярии Олонецких Петровских заводов сообщение, в котором подчеркивал, что суровая осень позволила ему осмотреть только часть гор, и просил канцелярию доставить ему в Петербург некоторые сведения, определенные в специальном перечне. Этот перечень включал все, что было связано с историей горного и горнозаводского дела в Карелии: древнейшие рудники и заводы, число и деятельность казенных и партикулярных заводов, время их постройки, объем добычи меди и выплавки чугуна и железа. Он просил также составить описание Марциальных минеральных вод. В ответ, в мае 1779 г. Канцелярия отправила в Петербург все запрашиваемые Лаксманом сведения. Во время следующего визита в Петрозаводск его интересовали уже сведения об истории, достопримечательностях, народонаселении, хозяйстве г. Петрозаводска. Поэтому 4 октября 1779 г. он обращается с письмом в Петрозаводский городской магистрат, в котором пишет о цели своего приезда и просит ответить ему на 12 вопросов по интересующим его темам, что так же было выполнено.

Лаксмана интересовали и народы, которые проживали на бескрайних просторах Российской империи. Во время пребывания на Алтае его заинтересовали представители ламаистского культа. На это его натолкнули надписи на высоких скалах по берегам Джиды, впадающей в Селенгу. «Тангутские письма принадлежат собственно ученым, - писал Лаксман. - Ламы употребляют как письма сии, так и самый язык во всем, относящемся до идолослужения; врачи, приписывая больным лекарства, означают их на том же языке. В теплицах (у горячих источников) близ Байкала и при устье Турки я находил сии письма, перемешанные с обыкновенными мунгальскими, на флагах, по стенам и на вывешенных лопаточных костях разных зверей; сверх того, попадались мне оные, высеченные на крутых и выступающих скалах при реке Джиде». Тангутскими в XVIII веке назывались надписи на тибетском языке. Здесь же Лаксман собирал сведения, которые он позже поместил в работе «Описание мунгальского богослужения». К сожалению, о ней мало что известно, так как она так и не увидела свет.

Но если рассматривать деятельность Лаксмана с точки зрения выдающихся достижений в истории науки и техники, то на первое место необходимо поставить его

деятельность как химика. Ибо он совершил открытие, которое в корне изменило жизнь человечества, но его автор известен только узкому кругу специалистов. Если бы в то время существовал Нобелевская премия, то именно он был достоин ее получить. Это относится к разработанному им новому способу получения стекла. Ее суть состояла в замене поташа, одного из основных и главных ингредиентов технологического стекольного процесса, получаемого при сгорании дерева, природным сырьём. Это позволяло сберечь при вырубке огромные массивы леса.

Еще в 1764 г. на Барнаульском стекольном заводе Лаксман поставил первые опыты варки стекла с сульфатом натрия. До этого выработка золы сгубила большую часть лесов России. Власти еще со времени правления царя Алексея Михайловича неоднократно издавали законы с целью ограничения порубки лесов для получения золы и поташа. Эта технология была основной еще во времена Ломоносова, когда в России появились первые стекольные заводы. Поэтому предложенный им способ использования в стекловарении природной глауберовой соли вместо соды и поташа явилось важным достижением прикладной химической науки. Позднее он продолжал их в Петербурге, когда некоторое время после смерти М.В. Ломоносова «надзирал» за Химической лабораторией Академии наук. Но в промышленном виде он сумел осуществить этот процесс только в иркутский период. Этому способствовало то, что Лаксман обнаружил в районе Баргузина и Селенгинска значительные запасы соответствующих минералов, в первую очередь глауберовой соли. В 1784 г. на деньги, полученные от купца А.А. Баранова и иркутского генерал-губернаторства, он основывает Тальцинский стеклоделательный завод в 47 км от города. В 1784 г. Лаксман пишет в своём дневнике: «1784 год сделался решительным по введению минерально-щелочной соли. Именно я в этом году я с Барановым учредил завод у Тальцинска, 40 вёрст выше Иркутска, недалеко от Ангары. Там употребляется для плавки стекла из песка и кварца лишь горькая и глауберова соль». Основным компаньоном Лаксмана становится купец Александр Баранов, будущий основатель Русско-Американской компании и один из первых правителей Русской Америки. С 1786-1796 гг. Лаксман умело руководит производством, к заводу приписывают ссыльнокаторжных и объём производимой продукции с каждым годом растёт, принося владельцам деньги и почет. В это время он писал о необходимости развития содового производства на этой основе: «Остается мне только желать, чтобы наши торгаши поташом, взирающие с холодной кровью на истребление лесов, отечестволюбивые, получили мысли и сделали бы из сих солей (глауберовой соли – А.Т.) томко Российскому государству собственных, новую отрасль торговли». О своих

открытиях он пишет небольшую книгу, которую публикует по-русски и по-немецки, чтобы сразу сделать его доступным мировому сообществу. После этой публикации его технология становится постепенно основным во всей Европе. В настоящее время в Тальцах существует историко-этнографический музей, экспозиция которого рассказывает о деятельности Лаксмана.

Кроме того, Лаксман ставил опыты по получению соли из морской воды, предложив замораживать концентрированный раствор соли, исследовал получение селитры, соды, квасцов. В 1790 г. он предложил название «соляной кислоты» для этого химического вещества, которое до него называли то соляной спирт, то морская кислота.

Русское дипломатическое представительство в Швеции и белые правительства России

Февральская революция 1917 г. в России привела к обновлению и либерализации российского дипломатического корпуса за границей³. Вместе с тем и дипломаты, служившие старой власти, были востребованы и Временным правительством. Так, посланником в Швеции стал бывший посланник в Норвегии Константин Николаевич Гулькевич, находившийся на этой должности в 1917 – 1922 гг.⁴

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде привело к свержению Временного правительства. В связи с этим перед российскими дипломатами встал вопрос о признании новой власти. Подавляющее большинство послов и посланников ответило на него отрицательно⁵. В ответ на это 26 ноября 1917 г. Советское правительство уволило в отставку 28 дипломатов⁶, среди них находился и К.Н. Гулькевич. Поскольку в это время у Советской власти отсутствовали реальные рычаги давления, то эта мера никаких последствий не имела. Российские представительства за границей сохранили свою организационную структуру, а в ряде стран и финансовые ресурсы. К тому же они по-прежнему признавались странами, на территории которых находились.

В сложившейся ситуации перед дипломатами встал вопрос о дальнейших действиях. Наиболее плодотворным в этой обстановке представлялось объединение российских дипломатических учреждений вокруг одного из посольств. Впервые, 27 октября 1917 г., эту идею озвучил прибывший во Францию в качестве посла Временного правительства В.А. Маклаков. Чуть позже, 6 ноября, с таким же предложением выступила и российская миссия в Дании⁷. Однако мотивы у авторов этой инициативы были различны. Если Маклаков на основе заграничного аппарата МИД стремился создать русский политический центр для борьбы с большевизмом⁸, то миссия в Дании не шла далее проведения русскими дипломатами согласованных действий на время анархии в Петрограде⁹.

С критикой предложения В.А. Маклакова 8 ноября 1917 г. выступил посланник в Швеции К.Н. Гулькевич. По его мнению, заграничным учреждениям МИД не следовало «обособляться в самостоятельную организацию». Он считал, что, став независимой и оторванной от событий, происходивших в России, она могла превратиться в выразительницу взглядов того или иного правительства, а не всей страны. В таком случае, по мнению Гулькевича, ее деятельность свелась бы к подаче декларативных заявлений. В то же время он

соглашался с предложением миссии в Дании. На роль координатора действий российских дипломатов он выдвигал кандидатуру посла в Италии М.Н. Гирса¹⁰.

Особую позицию К.Н. Гулькевич занял и по отношению к забастовке служащих МИД в Петрограде. 6 ноября 1917 г. посол в Англии К.Д. Набоков получил телеграмму от стачечного комитета Общества служащих МИД из Петрограда и выступил сторонником немедленных действий в отношении большевиков. Противниками поспешных решений выступили В.А. Маклаков и Гулькевич. И хотя посланник в Швеции относился к большевикам не менее отрицательно, чем его коллега в Англии, однако он считал, что призывать служащих к стойкости и к дальнейшей борьбе с большевиками безнравственно, поскольку сами дипломатам ничего не угрожает, а забастовщики могут пострадать. По своей сути позиция К.Д. Набокова имела провокационный характер, Гулькевич это сразу понял и отказался участвовать в этой акции. Вместе с тем он считал, что отдельные граждане России, проживавшие за границей, могли заниматься антибольшевистской агитацией¹¹.

Помимо вопросов, связанных с отношением к новой власти в России, К.Н. Гулькевичу пришлось непосредственно столкнуться с ее представителями. Отстранив от должности дипломатов, отказавшихся признать Советскую власть, Совет народных комиссаров, по возможности, начал назначать своих полномочных представителей за границей. Полномочным представителем в Швеции, Дании и Норвегии 10 ноября 1917 г. ВЦИК назначил В.В. Воровского, находившегося в это время в Стокгольме. Хотя Швеция официально и не признавала Советскую Россию, все же она разрешила Воровскому остаться полуофициальным представителем своей страны. При этом он имел право пользоваться шифром, отправлять и принимать курьеров¹². Вместе с тем правительство Швеции признавало и русское дипломатическое представительство во главе с К.Н. Гулькевичем. Попытка Воровского и сотрудника НКВД И.А. Залкинда получить архивы и средства Российского посольства натолкнулись на сопротивление Гулькевича, отказавшегося выполнить предъявленные ему требования¹³.

По мере разрастания Гражданской войны в России и образования на ее территории различных антибольшевистских правительств российским дипломатам, оказавшимся за границей, пришлось решать непростой вопрос о признании одного из них за всероссийское. 18 сентября 1918 г. К.Н. Гулькевич принял решение подчиниться Временному Сибирскому правительству (ВСП) П.В. Вологодского¹⁴. После длительных переговоров между самарским Комучем и омским (ВСП) было создано Уфимское государственное совещание, на котором 23 сентября 1918 г. было образовано Временное Всероссийское правительство (Уфимская

директория). В связи с этим 12 октября 1918 г. Гулькевич обратился к шведскому правительству с просьбой о признании Уфимской Директории, но оно не стало делать поспешных шагов¹⁵.

С окончанием Первой мировой войны перед российскими дипломатами встала задача по возвращении страны в состав союзных держав с тем, чтобы принять участие в предстоящей мирной конференции. В конце декабря 1918 г. в Париже образовалось Русское политическое совещание, которое претендовало на объединение антибольшевистского движения и представительство России на мирной конференции. В число его членов вошел и посланник в Швеции К.Н. Гулькевич. Однако сложность ситуации состояла в том, что ни одно из существовавших в России правительств не признавалось державами Антанты. В связи с этим у Гулькевича возникли опасения по поводу участия русской делегации на мирной конференции. В телеграмме к В.А. Маклакову от 3 декабря 1918 г. он вообще предлагал отказаться от участия в конференции. Гулькевич полагал, что «никого не представляя, не имея за собой реальной силы, такая делегация будет обречена вести защиту русских интересов при помощи только уговаривания <...> или безнадежно протестовать, подавая особое мнение»¹⁶. Однако страхи посланника оказались напрасными. Союзники отказались допустить Россию на мирную конференцию, а мнения членов РПС заслушивались ее участниками в частном порядке.

Одним из краеугольных камней внешней политики белогвардейских правительств стал вопрос об отношении к государственной независимости бывших окраин Российской империи. Лозунг великой, единой и неделимой России, провозглашенный лидерами белого движения пришел в противоречие с принципами создания суверенных государств на территории бывшей Российской империи.

Особенно болезненно российские политики реагировали на независимость Финляндии, геополитическое положение которой могло представлять военную и экономическую угрозу России. В январе 1917 г. российские дипломаты выступили с протестом против отделения Финляндии от России¹⁷.

Одним из активных сторонников сохранения status-quo на Северо-Западе России стало дипломатическое представительство в Швеции. К.Н. Гулькевич, как и ряд политиков и военных, считал, что большевизм – явление временное и проходящее, а интересы России – величина постоянная, а поэтому поступаться ими ради сиюминутной выгоды недопустимо¹⁸.

Вместе с тем ряд политиков и военных полагало возможным воспользоваться помощью Финляндии для захвата Петрограда, а в качестве компенсации отдать финнам

Восточную Карелию и Кольский полуостров. Одним из первых с этой идеей выступил бывший премьер-министр царского правительства А.Ф. Трепов, находившийся в 1918 г. в Финляндии. Однако его идея получила резкую отповедь со стороны К.Н. Гулькевича и дальнейшего продолжения не имела¹⁹.

Прибывший в конце ноября 1918 г. в Финляндию генерал Н.Н. Юденич также выступал за ее привлечение к походу на Петроград в обмен на территориальные компенсации. 8 и 20 мая 1919 г. по поручению Н.Н. Юденича конфиденциальные переговоры с К.Г. Маннергеймом вел генерал Е.К. Арсеньев. На них глава Финляндии потребовал предоставления территориальных уступок в обмен на помощь. Предъявленные условия обсуждались затем Арсеньевым в Стокгольме с К.Н. Гулькевичем, который их категорически отверг²⁰. Вслед за этим Юденич начал тайные переговоры с Маннергеймом. Узнав об этом, Гулькевич доложил об их начале адмиралу А.В. Колчаку. В Омске, еще не имея полного соглашения, а только получив пересказ его отдельных статей, касавшихся территориальных уступок, приняли решение не утверждать соглашение, даже если оно подписано²¹. Таким образом Гулькевич блокировал все попытки заключить соглашение с Финляндией на условиях передачи части российских территорий.

Возможность осуществлять контроль за деятельностью представителя адмирала А.В. Колчака на Северо-Западе генерала Н.Н. Юденича российскому посланнику в Швеции давало то, что между Финляндией и белым движением в России не было никаких официальных отношений. Единственным мостом, соединявшим Н.Н. Юденича с Омском, Архангельском и министром иностранных дел А.В. Колчака С.Д. Сазоновым, находившимся в Париже, являлось российское посольство в Швеции. Через него шли телеграммы Юденича и получались ответы на них, а также доводились разъяснения С.Д. Сазонова до Финляндского правительства²². В связи с этим резко возрастала роль представительства и самого Гулькевича, поскольку все телеграммы шифровались и расшифровывались в посольстве, а наиболее важные сопровождалась еще и комментариями посланника²³.

В борьбе с большевизмом руководители белого движения важное место отводили Финляндии. В связи с этим российское представительство в Швеции стало главным поставщиком информации о военно-политической и экономической ситуации в стране и состоянии русской эмиграции. Сведения, предоставляемые К.Н. Гулькевичем и военным агентом полковником Д.Л. Кандауровым в течение всего 1919 г. свидетельствовали о том, что К.Г. Маннергейм не в состоянии вовлечь Финляндию в войну с Советской Россией, поскольку большинство населения не желало воевать. За войну, по их мнению, выступал

шумящий кружок активистов, дельцы, скупившие предприятия в Петрограде да сам К.Г. Маннергейм, стремившийся поднять свой авторитет и отвлечь население страны от внутренних проблем²⁴. Крайне низко оценивал Д. Кандауров боеспособность финской армии и ее материальную часть, а также политическую надежность²⁵. Он считал, что победа над красными финнами произошла в результате вмешательства германских войск под командованием фон дер Гольца, а не в силу боеспособности белофиннской армии²⁶.

Анализ внутривластной обстановки в Финляндии привел К.Н. Гулькевича и Д. Кандаурова к выводу о бессмысленности территориальных уступок, так как они не станут гарантией похода финской армии на Петроград. Об этом они сообщали С.Д. Сазонову и А.В. Колчаку. По-видимому, их оценки сыграли не последнюю роль в том, что Омск не пошел на уступки за голословные обещания.

По свидетельствам современников работа в дореволюционном МИДе была строго централизована и служившие там люди привыкли к беспрекословному повиновению, что лишало их самостоятельности²⁷. Однако революция коснулась и этого ведомства. В изменившихся условиях и ряд дипломатов старой школы начали проявлять самостоятельность при решении тех или иных вопросов. Так, в мае 1919 г., видя, что страны Антанты не оказывают необходимой помощи белому движению на Северо-Западе России К.Н. Гулькевич вступил в переговоры со шведской фирмой «Юнсон и К°» на предмет закупки оружия в Германии. Надо сказать, что это был не ординарный поступок для дипломата царской выучки, тем более, что лидеры белого движения клялись в верности союзникам в то время, как те, в свою очередь, были близки к подписанию мира с Германией. Однако уже оформленная сделка не состоялась из-за резкого протеста Франции²⁸.

И еще в одном эпизоде К.Н. Гулькевич показал себя достаточно независимым дипломатом. После того, как 11 августа 1919 г. английскими генералами было образовано Северо-Западное правительство под председательством С.Г. Лианозова, российские дипломатические представители за рубежом высказались против его признания. Поняв, что Н.Н. Юденич пошел на создание правительства под давлением местной обстановки и ближайших военных задач, К.Н. Гулькевич обратился к управляющему делами МИД в Омске И.И. Сукину с телеграммой, в которой рекомендовал воздержаться от резких заявлений, чтобы не нарушать процесс русско-эстонского сближения. Это помогло избежать резких заявлений Омска по этому поводу. Сам посланник направил Северо-Западному правительству приветственную телеграмму²⁹.

Весьма сложным для российских дипломатов за рубежом оказался финансовый вопрос. Во многом он зависел от политики стран в отношении счетов царского и Временного правительств³⁰. К.Н. Гулькевичу удалось сосредоточить в своих руках некоторые финансовые средства. Все счета были заведены на имя финансового агента в Швеции К.Е. фон Замена³¹. Некоторое представление о имевшейся наличности можно получить, если рассмотрим расходы, которое делало российское представительство в Швеции. Так, на содержание РПС К.Н. Гулькевич предоставил 500 тысяч франков. А 1 июня 1919 г. представительство выплатило АРА за доставку продовольствия для Северного корпуса 1 млн. финских марок (далее ф.м.). В середине мая Гулькевич начал перевод валюты в счет обещанных ранее А.В. Колчаком генералу Н.Н. Юденичу 1 млн. рублей. С курьером в счет этой суммы он выслал 325 тысяч ф.м. и по телеграфу 250 тысяч ф.м. Затем 3 млн. 700 тыс. ф.м. были переданы политическому совещанию при генерале Юдениче. По данным Д. Кандаурова на 6 июня 1919 г. Н.Н. Юденич получил от Гулькевича 7 млн. ф.м. При заключении контракта со шведской фирмой «Юнсон и К^о» на поставку оружия 15 августа 1919 г. Гулькевич уплатил 1 736 700 крон наличными и такую же сумму векселями с условием погашения через 6 месяцев. Кроме выплат на военно-политическую деятельность белого движения российское представительство помогало русским эмигрантам в Швеции и Финляндии. Так, в декабре 1919 г. на помощь русским беженцам в Финляндии было отпущено 250 тыс. ф.м.³²

Подводя итоги деятельности российского представительства в Швеции, следует сказать, что она протекала в русле того политического курса, которое проводило Всероссийское правительство адмирала А.В. Колчака. Вместе с тем российские дипломаты в Швеции проявили завидную долю реализма и самостоятельности в оценке ситуации на Северо-Западе и в частности в Финляндии. Однако та великодержавная политика, которую проводила российская дипломатия, неподкрепленная экономической и военной мощью, привела и не могла не привести к ее краху.

Страны Северной Европы глазами русских послереволюционных эмигрантов

Исследования исторических связей и взаимодействия стран, народов, культур невозможны без изучения такого важного вопроса, как особенности этнокультурного взаимовосприятия. Изучение исторических аспектов образа «другого» в культуре, основанное на междисциплинарном подходе, становится актуальной проблемой для современной отечественной историографии. В данном контексте хотелось бы обратиться к тому периоду, когда массы россиян впервые в буквальном смысле столкнулись с иной культурой, оказавшись за пределами родины в результате социально-политических потрясений первой четверти XX века. В этой ситуации, как никогда прежде, переход через границу обозначал не просто пересечение неких пространственных или политических рубежей, но и столкновение с межкультурными барьерами, преодоление временной грани между историческими эпохами, которая необратимо разделила жизнь изгнанников.

Можно выделить несколько групп взаимозависимых факторов, которые повлияли на формирование образа «чужбины», и, в частности, стран Северной Европы, у российских пореволюционных эмигрантов:

- 1) исторические факторы, куда можно отнести как сами обстоятельства исхода, так и историческое развитие отношений между народами (особенно важны здесь т.н. «события-символы», выражающие обобщенное представление о характере исторического взаимодействия народов);
- 2) социально-политические факторы (сопоставление характера политического строя и политической традиции, тип государственной иммиграционной политики, скорость адаптационных процессов в эмигрантской среде);
- 3) культурные факторы (прежде существовавшие этнокультурные установки в отношении той или иной страны, представление о месте региона в социокультурном пространстве Русского Зарубежья, т.е. диаспоры в целом).

Обращаясь к первой группе факторов, необходимо сказать несколько слов об обстоятельствах формирования и численности сообществ русских пореволюционных эмигрантов в североевропейских странах.

Поток массовой российской эмиграции в страны Северной Европы берет свое начало еще в 1917 г. Ранее других стала складываться колония пореволюционных российских эмигрантов в Финляндии. Значительную часть ее составляли те, кто оказался в роли «невольных изгнанников», — служившие в войсках, в частных или правительственных учреждениях Великого княжества и оставшиеся после революции «без места и без родины», — а также петроградцы (многие из которых принадлежали к научной и творческой интеллигенции), имевшие дачи в приграничной полосе и решившие там переждать смутное время. В конце 1917 г. к ним стали прибавляться значительные группы офицеров и городских обывателей, бежавших из столицы от голода и репрессий.

Преобладание нелегальной эмиграции делает весьма сложным точное определение числа перешедших финскую границу. По некоторым сведениям, только за осень 1918 г. в Финляндию прибыло до 3000 русских, а к осени 1919 г. их количество достигло 5000 чел.³³. Впрочем, эти цифры на порядок ниже тех, что приводятся в материалах «Комитета городского управления Петрограда в Финляндии» — от 15 до 20 тысяч чел. на 1919 г.³⁴, а также данных американского Красного Креста. Наиболее распространенным способом эмиграции стал нелегальный переход границы³⁵. Резкий всплеск эмиграции, связанный с подавлением Кронштадтского восстания, привел к увеличению численности эмигрантов до 31 тыс. чел., из которых 19 тыс. составляли русские (согласно сообщению представителя финского правительства на Женевской конференции международного Красного Креста в августе 1921 г.)³⁶. После репатриации 3 тысяч участников Кронштадтского восстания, число русских эмигрантов существенно не менялось. Масштабы нелегальной эмиграции существенно снизились после принятия финскими властями в 1922 г. решения о высылке всех русских, нелегально перешедших границу. Согласно подсчетам частных организаций помощи беженцам, к концу двадцатых годов русских беженцев было около 10 тыс. чел.³⁷. По данным финского Центрального статистического бюро в 1936 г. в Финляндии проживало 6815 русских эмигрантов³⁸.

Следует отметить, что даже после провозглашения независимости Финляндии, многие выезжавшие туда продолжали расценивать свой переезд как движение внутри российского государства³⁹, на его окраины, что являлось естественной формой пассивного сопротивления новой власти. И в начале 1920-х гг. финские чиновники не без

раздражения отмечали, что многие эмигранты по-прежнему воспринимают Финляндию как часть Российской империи. В Финляндии все российские военнослужащие, которые пересекали границу, немедленно обезоруживались и интернировались. Но даже весьма прохладный прием беженцев не мог сломить представления о Финляндии как о спокойном и безопасном убежище.

В воспоминаниях петроградцев, нелегально бежавших в Финляндию в 1919 – начале 1920-х гг., наиболее часто встречаемыми характеристиками Финляндии являются: «чистота», «сытость», «доброжелательность», «спокойное довольство». Это очевидно, если сопоставить впечатления беженцев и воспоминания тех русских, которые жили в Финляндии и до революции и отмечали несомненное ухудшение и своего положения, и отношения к ним. Беженцы из Петрограда особенно остро ощущали пересечение не столько пространственных (политических) рубежей, сколько временных и культурных границ, разделяющих новую и прежнюю жизнь, революционную Россию и спокойную Европу:

«Сперва у меня было полное отталкивание от всего этого прекрасного общества; казалось, вблизи от Петрограда, живущего в темноте, грязи, холоде, в полном отчаянии, существует так близко этот громадный, чистый, отполированный дом, где уже «бывшие люди», уже только часть бесформенной эмигрантской массы — живут, вкусно едят, отлично одеты, танцуют новые, совсем в России еще неизвестные танцы под синкопированную музыку...»⁴⁰

В Швеции и Норвегии сообщества российских эмигрантов начали формироваться несколько позднее, чем в Финляндии. По подсчетам международных организаций, на январь 1920 г. в Швеции и Норвегии проживало около 1500 эмигрантов из России⁴¹. Что касается географического размещения русских эмигрантов в Норвегии, то большая их часть проживала в столице и близлежащих районах, а также на севере страны (в Финмарке). Большинство выходцев из России, обосновавшихся в Швеции, расселились на юге и в центральной части страны – городах Стокгольме (около 200 человек), Уппсале, Гетеборге, Мальмё и их окрестностях⁴².

Основной поток российских эмигрантов в Норвегию проходил через северную границу России. Наибольший рост численности эмигрантов в Норвегии обусловило прибытие беженцев Северной области в феврале 1920 г. Согласно данным американского Красного Креста, их число составило 1250 чел. (по сведениям норвежского статистического бюро — 1411 чел.)⁴³. Генерал Е.К. Миллер в телеграмме С.Д. Сазонову в

Париж 25 февраля 1920 г. указывал, что с ним отбыло из Архангельска примерно 800 пассажиров, а в письме Н.В. Чайковскому от 4 марта он сообщал, что с ним находится 200 сухопутных и около 100 морских офицеров, около 50 солдат, 40 матросов, 66 военных и гражданских чиновников, 7 врачей, 100 женщин и 60 детей (из них 29 в возрасте до 5 лет)⁴⁴.

По прибытию кораблей в Тромсе 27 февраля 1920 г. было объявлено, что беженцы приняты на попечение норвежского правительства. 40 раненых и больных были отправлены в госпиталь. С.Ц. Добровольский в воспоминаниях так рисует картину пребывания беженцев в Тромсе:

«Все высаженные на берег были расположены в отличных помещениях, кормили их великолепно, детей засыпали фруктами и сладостями, и всех снабдили двумя, тремя комплектами белья и одежды. /.../ На вечернем богослужении в местной церкви пастор произнес проповедь на тему: «Вера без дел мертва есть», призывая жертвовать для русских беженцев. Всюду в магазинах и лавках нас встречали особо приветливо, делая нам громадные скидки и иногда отказываясь от принятия денег»⁴⁵.

Показательно, что такой прием не совпадал с заочными представлениями беженцев Северной области о Норвегии. Будучи в большинстве своем выходцами из центральных и Северо-Западных губерний России, которые прибыли в Архангельск в основном для участия антибольшевистском движении, они, в отличие от коренных жителей Русского Севера, имели весьма обобщенное и приблизительное представление о Норвегии как о «суровом крае», известном своими левыми настроениями. Одна из беженек вспоминала:

«Когда, после семидневного мучительного путешествия в ужасных условиях, мы начали подходить к берегам Норвегии, мы совершенно не были уверены в приеме, ожидающем нас, т.к. говорили, что вся северная Норвегия большевистская, и вряд ли нас дружелюбно примут. Но уже подходя к Hammerfest'у, мы должны были убедиться, что если в Норвегии 90 процентов большевиков, как нам сказали власти в Tromsø, то они ничего общего не имеют с нашими. Сейчас же выехала депутация из представителей города, прося сделать им честь, принять гостеприимство... Привезли апельсинов, шоколаду, гору хлеба и селедок. /.../

Но что особенно рисует норвежцев как истинных христиан, это то, что местная рабочая партия, состоящая, конечно, в большинстве своем из большевиков, вынесла резолюцию — принять участие в приеме русских беженцев».⁴⁶

Несколько сложнее дело обстояло со Швецией. С начала 1918 г. растет выезд в Швецию бывших жителей Петрограда и губернии, среди них было немало представителей высшей аристократии. При этом в психологическом отношении Швеция оставалась для многих эмигрантов более далекой и чуждой страной, чем соседние Норвегия и Финляндия. В эмигрантских воспоминаниях Ирины Еленевской, посетившей Швецию в 1917 и 1939 г. и поселившейся в этой стране с 1944 г., мы можем найти в концентрированном виде все стереотипные представления о характере российско-шведского исторического взаимодействия:

«Вместо памятника Императору Александру II на главной площади финляндской столицы ..., в Стокгольме, не успеете вы сойти с парохода чтобы направиться к центру города, как вы увидите в начале парка Кунгстредсгорден памятник Карлу XII, показывающему протянутой рукой на восток: с востока исконный враг угрожает Швеции. И по сей день, независимо от политического режима, господствующего в России, врожденная глубокая антипатия ко всему русскому живет в душе шведского народа. И это не только потому, что никогда не зажила рана, нанесенная поражением под Полтавой, которое явилось закатом мирового могущества Швеции, но потому, что разница по существу между славянством и скандинавизмом представляет из себя пропасть, которую ничем нельзя заполнить. Во всех духовных областях русские и шведы думают и особенно чувствуют совершенно по-разному.

Не даром русские себя всегда нехорошо чувствовали в Швеции».⁴⁷

Подобные стереотипы, а также достаточная этнокультурная закрытость Швеции, ужесточение иммиграционной политики после печально знаменитого дела Хаджет-Лаше привели к тому, что численность русских эмигрантов в этой стране оказалась невелика.

Таким образом, к середине двадцатых годов численность, социальный состав и географическое размещение эмигрантов в основном стабилизировались. Примерно в этот период начались и процессы адаптации эмигрантов к новой среде проживания. Следует отметить, что в первые годы пребывания за рубежом большинство выходцев из России расценивали эмиграцию как явление сугубо временное («пережидание смутного времени») и, пребывая в надежде на скорое падение власти большевиков и возвращение на Родину, не думали всерьез о необходимости интеграции в общество, давшее им убежище. Выявившаяся в середине двадцатых годов иллюзорность подобных надежд поставила перед проблемой поиска своего места в структуре принимающего сообщества и заставила пересмотреть многие прежние этнокультурные установки.

На изменение образа страны в глазах эмигрантов существенное влияние оказало отношение правительств северных стран к проблеме русских беженцев, а также болезненность социальной адаптации, сопровождавшейся, как правило, заметным понижением социального статуса.

Так, правовое положение российских эмигрантов в Финляндии было крайне сложным. Подозрительность и негативное отношение ко всему русскому в полной мере распространялись и на послереволюционных эмигрантов. Под предлогом необходимости государственного контроля за эмигрантами, на них были наложены значительные ограничения. Так, ограничивались свобода передвижения и выбор места жительства, существовал запрет на приобретение недвижимости и т.д. Кроме того, на эмигрантов распространялись все правовые ограничения, касающиеся иностранных граждан. По замечанию британского журналиста С. Грэхема, посетившего Финляндию в середине двадцатых годов, «власти надеются, что когда условия жизни станут достаточно тяжелыми, русское население добровольно перейдет границу и вернется в большевистскую Россию»⁴⁸. Вместе с тем, Грэхем отмечал, что подобная политика, нацеленная на вытеснение русских из страны («политика отчаяния», как он ее охарактеризовал) не приносит желаемых результатов. Отсюда – многочисленные горькие сетования в письмах, воспоминаниях и художественных произведениях. Их примеры, в частности, приводит американская исследовательница Темира Пахмусс в своей книге «The Moving River of Tears»⁴⁹. Осознание этнокультурной дистанции и стремление к культурной обособленности привело к тому, что в тесный контакт эмигранты вступали скорее со шведским меньшинством, чем с финнами.

В Норвегии и Швеции проблема эмигрантов из России не стояла столь остро, как в других европейских странах, и отношение к ним правительств было лояльным. Поэтому в Швеции и в Норвегии социальная адаптация, хотя и сопровождалась также понижением в большинстве случаев социального статуса и сменой профессии, тем не менее, проходила достаточно успешно. Вот как характеризуется ситуация самими эмигрантами в Швеции: «Профессии (прежние – Т.Т.) разные, есть б. (бывшие – Т.Т.) офицеры, чиновники, меньше ремесленников и прислуг, но есть и такие. Материальное положение очень среднее, но абсолютно нищих и бродяг – нет; уровень слабый, но почти все безработные пользуются поддержкою государства, небольшою, но действительною; остальные имеют заработок. /../ По своей прежней профессии есть несколько работающих людей, но это почти исключение; берут все, что могут получить, но работают хорошо»⁵⁰.

В большинстве высказываний отмечалось спокойно-равнодушное отношение к беженцам, хотя встречаются и такие оценки: «Отношение шведов к русским со стороны правительства очень доброжелательное, а частные лица идут на помощь, когда это нужно и возможно»⁵¹.

Следует отметить, что в публичных высказываниях эмигранты чаще всего высоко отзывались о новых странах проживания. В этой связи можно упомянуть комплиментарную статью А.И. Куприна о Финляндии для парижской газеты «Возрождение» 1933 г.⁵², а также более раннюю статью В.В. Каррика о Норвегии для «Последних новостей»⁵³. В последней, в частности, утверждалось, что в этой скандинавской стране русские эмигранты, как правило, не чувствуют себя морально ущемленными, даже выполняя неквалифицированную работу. Каррик объяснял это сравнительно высоким культурным уровнем норвежского общества и демократическими тенденциями в нем, связанными с уважением к любому труду («отсутствием барской спеси»).

В частных письмах эмигранты, естественно, позволяли себе более откровенные оценки: повседневная жизнь, сопоставление бытовых привычек и образа жизни привносили житейскую конкретику в некогда крайне обобщенные и абстрактные образы северных стран: «Приходится писать с перерывами. Внизу хозяин — садовник — ложится рано спать, а дома здесь фанерочные»; «Сходил в лес, набрал грибов, зажарил их и съел. Грибов в этом году невероятное количество, а норвежцы боятся их есть, хотя предпринимаются целые «общественные движения» для пропаганды грибоядения. Зато русские и жарят, и сушат, и маринуют, и солят. С водкой очень вкусно...»⁵⁴.

Образ новой страны проживания немало корректировался и в результате воздействия культурных факторов. К середине 1920-х гг. сложилось единое социокультурное пространство пореволюционной диаспоры — «Зарубежная Россия», со своими символическими границами, центрами и провинцией, со своей системой ценностей, социокультурных установок и стереотипов. Одной из них была декларируемая абсолютность отрыва от инокультурного окружения: «как бы мы ни приспособлялись, как бы мы ни устраивались на чужой стороне, мы всегда будем висеть в воздухе, всегда будем чувствовать себя чужими и лишними... Это может измениться только в одном случае: если мы перестанем быть русскими»⁵⁵. Страх перед утратой «русскости» приводил к тому, что в общественном сознании эмигрантов значительное место занимали поиски врага, утверждался «рефлекс» унификации общественного сознания, складывались определенные трафареты и

шаблоны поведения и миропонимания⁵⁶. Это не могло не наложить отпечаток и на восприятие «чужбины». Сложился определенный поведенческий «идеал», на следование которому не без гордости указывает В.В. Набоков в своей автобиографической книге «Другие берега»: «...за пятнадцать лет в Германии я не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги и никогда не чувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка»⁵⁷.

Конечно, реализация этого идеала сепарации от окружающей среды и действительно насыщенной русской культурной жизни была возможна лишь в «столицах» — крупных центрах русского пореволюционного рассеяния, и прежде всего в Париже (образ «городка», в котором, по выражению Дон Аминадо «все есть, и все — русское»). В какой-то мере можно было реализовать в Финляндии, где значительную группу в этой стране составляли представители творческой интеллигенции, что создало благоприятные условия для установления постоянных контактов со «столицами» Зарубежной России. В результате в середине 1920-х гг. по уровню социальной активности и самоорганизации русских колоний Финляндия приблизилась к крупным эмигрантским сообществам Русского Зарубежья, а Хельсинки и Выборг обрели статус региональных центров пореволюционной эмиграции. Самостоятельная культурная жизнь русской эмиграции в Финляндии пережила наибольший подъем в 1935 – 1937 гг., но уже в этот период постепенно набирали скорость ассимиляционные процессы. В Швеции и Норвегии ассимиляция эмигрантов (особенно «детей эмиграции») началась еще раньше, в силу, говоря словами В.В. Набокова, «более разбавленной национальной среды» и тесных контактов с культурой принимающего сообщества. Это приводило к острому осознанию обреченности эмигрантского положения, к болезненному переживанию «вторичности», «провинциальности» своих сообществ и, как следствие, к безусловному тяготению эмигрантов к центрам Зарубежной России. Естественно, что начавшаяся ассимиляция воспринималась как крайне безрадостное, если не трагическое явление: в начале 1930-х гг. о. Александр (Рубец) рисует такую картину: «Дети не говорят по-русски, а родители еле ковыряют по-шведски, конечно, является полное непонимание... Молодежь ошведилась, многие говорят между собою даже только по-шведски... Русских книг молодежь почти не читает».⁵⁸

Идея о том, что настоящая культура, культура «высшей пробы» — русская, выросшая из представления об особой исторической миссии Русского Зарубежья как хранителя русской

культуры, влияла на восприятие эмигрантами-интеллектуалами культуры стран Северной Европы прежде всего как на частный случай «обмельчавшей культуры» Запада:

«Хороших людей здесь, в сущности, немало, но во всем уездная провинциальность и отсутствие духовности. Нужно сказать, что и среда норвежская чрезвычайно чужда духовным интересам, кроме редких единиц. Мы, русские, привыкли воображать, будто Норвегия населена докторами Штокманами и пасторами Брандтами⁵⁹. А они-то как раз полная противоположность среднему норвежцу, и продиктованы эти образы Ибсену именно его отвращением к норвежскому «обывателю». Такой интеллигенции, как была в России — идейной и жертвенной — здесь и не видано, и вся «просвещенность» норвежцев, которой они очень гордятся, ограничивается тем, что 90 проц[ентов] населения готовятся школою быть приказчиками в мелочных лавочках. Случалось, норвежцы говорили мне, что большевизм возможен в непросвещенной России и невозможен в просвещенной Норвегии. На это я возражал, что один русский неграмотный крестьянин просвещеннее их десяти грамотных норвежцев. По этому поводу некоторые вообразили, будто я не люблю норвежцев, и кажется у меня здесь создалась такая репутация».⁶⁰

Тем не менее, «глухая провинция эмиграции» оставалась зоной активного межкультурного взаимодействия, которое внесло немалый вклад в формирование представлений соседних народов друг о друге. Именно поэтому культурное наследие и опыт русских пореволюционных эмигрантов в странах Северной Европы имеют большое исследовательское значение.

Кадры финской советской печати Петрограда-Ленинграда

Петроград-Ленинград почти 20 лет, с 1918 по 1937 гг., был столицей финской советской периодической печати.

«Первая ласточка» финской советской прессы – коммунистическая газета «Vapaus» (с 1927 г. «Vapaus») - «Свобода» – оказалась и главным ее долгожителем: она издавалась без перерыва с 25 мая 1918 г. по 6 октября 1937 г., и за этот период вышло более 4 тыс. номеров газеты. Ответственными редакторами «Вапаус» в 1920-е гг. работали последовательно К.М. Эвя и Ю.А. Кому, а с 1930 г. газету возглавил К.К. Леппола.

В 1936-1937 гг. газету «Вапаус» выпускали 26 сотрудников редакции. Ответственным редактором газеты с 1930 г. работал Карл Карлович Леппола, один из основателей коммунистической партии Финляндии, активный участник рабочей революции в Финляндии и член революционного правительства (январь-май 1918 г.). В конце 20-х гг. он прибыл в СССР (по обмену политзаключенными), был занят на партийной работе, а затем возглавил финскую коммунистическую газету, чему способствовал большой партийный стаж и богатый политический опыт и не помешало отсутствие серьезного образования (К. Леппола имел только «низшее» общее образование).⁶¹

Заместителем ответственного редактора газеты «Вапаус» с апреля 1934 г. работал Эмиль Генрихович Лехтокиви, 1899 года рождения, уроженец Финляндии. В СССР прибыл в 1930 г., окончил Ленинградское отделение Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (ЛОКУНМЗ), получив таким образом высшее политическое образование, хотя общее образование было начальным.

Ответственным секретарем «Вапаус» был Вяйне Иванович Рекола, прибывший в СССР в 1931 г. Заведующим отделом писем и низовой печати в редакции газеты работал Иван Адольфович Лехтинен, 1883 года рождения, один из учредителей компартии Финляндии.

Разные должности в редакции «Вапаус» и в издательстве «Кирия» занимал Георгий Израилевич Саволайнен, 1899 года рождения, педагог, писатель, один из организаторов финского сектора Союза писателей.

Заведующим партийным отделом газеты был Арем Карлович Лехто, отделом сельского и рыболовного хозяйства – Иван Карлович Койву, промышленным и

транспортным отделом – Пентти Густавович Нотко. Все они – члены ВКП/б/, в 1930-1931 гг. прибыли из Финляндии. Среди руководства редакции был и совсем молодой человек, член ВЛКСМ Ульяс Карлович Викстрем, 1910 года рождения, уже с 1929 г. работавший в «Вапаус» редактором промышленного отдела, а в 1936-1937 гг. – заведующим отделом внутренней и внешней информации. Имея общее низшее образование, он закончил вечернее отделение ЛОКУНМЗ.

В редакции «Вапаус» работали также литературные сотрудники разных отделов Урпо Карлович Такала, выпускник ЛОКУНМЗа, бывший редактор партийного сектора газеты; члены американской компартии (перевод в ВКП/б/ оформлялся) Вальтер Матвеевич Росси и Вайне Францевич Кето, выпускник ЛОКУНМЗа, бывший редактор иностранного отдела; Лидия Ивановна Курронен, Эмилия Александровна Пастак, Хельми Генрихович Ройне, Вайне Нестерович Аалто, Адам Осипович Сюкияйнен. Техническим редактором газеты была Аня Ивановна Пало, член КПФ с 1919 г., в СССР с 1932 г., но перевод в ВКП/б/ у нее так и не был оформлен.

Почти все сотрудники редакции «Вапаус» практически не владели русским языком (за очень редким исключением). Но в штате редакции были два ответственных переводчика – Тойво Никодимович Танту и Ирья Августовна Линдрус. Машинисткой «Вапаус» работала Эве Леппола, жена К.К. Леппола, член ВКП/б/ с 1919 г.⁶²

В августе 1937 г. начались массовые репрессии среди финнов в Ленинграде и области, обвиненных в буржуазном национализме. В эту кампанию включилась и финская печать. 15 сентября 1937 г. в газете «Вапаус» появилась передовая статья «Заострить борьбу против буржуазных националистов» с резкой критикой и обвинениями по адресу работников редакции и издательства «Кирия» Г. Саволайнена, И. Лехтинена, Унха, Пелтола. На следующий день в «Ленинградской правде» была опубликована статья о газете «Вапаус» – «Гнездо буржуазных националистов». «Вапаус» откликнулась на эту статью покаянными передовицами «Жестокая, но справедливая критика» (16 сентября) и «Критика, призывающая к большевистской работе» (18 сентября). «Ленинградская правда» и «Вапаус» стали получать письма читателей-финнов с поддержкой развернувшейся «борьбы».

22 сентября 1937 г. обком ВКП/б/ получил заказанный обзор «О работе финской газеты «Вапаус» за март, май, август и сентябрь месяцы 1937 года». 25 сентября последовала докладная записка о газете «Вапаус» инструктора отдела печати и издательств обкома, адресованная секретарям ЛОК ВКП/б/ А.А. Жданову и А.Н. Петровскому. В записке сообщалось, что проведена проверка работы и личного состава редакции газеты «Вапаус» и

вскрыто «сильное засорение аппарата редакции националистическими элементами, шпионами и людьми, не вызывающими политического доверия». Все сотрудники редакции связаны с Финляндией «родственными и иными связями» и продолжают «жить интересами Финляндии, а не Советского Союза», все они «саботируют» изучение русского языка. Последнее обосновывалось не только незнанием русского языка, но и тем, что в редакции финской газеты «русского слова не услышишь, разговор ведется исключительно на финском языке». К моменту проверки газеты были «разоблачены как враги народа» и арестованы бывшие заведующие отделами редакции Г. Саволайнен и И. Лехтинен, а также «близкие к газете и друзья редактора» – Пелтола, Унха, Токкой, Пюльсю, Ярвимаки и др., исключен из партии редактор К. Леппола. Газета обвинялась также в неточности перевода руководящих статей и материалов из русскоязычной партийной печати и в «неудачно» построенных фразах, «принимавших зачастую контрреволюционное содержание». Автор записки задает вопрос: «Что делать с такой газетой?» В случае сохранения газеты необходимо полностью обновить состав редакции, что не представляется возможным. Тем более, что в обкоме нет людей, знающих финский язык, а в Облгорлите содержание газеты проверяют люди, «не вызывающие политического доверия». Таким образом, финская газета существовала без политического контроля, что не может продолжаться дальше. Следовательно, газету «Вапаус» «целесообразно» закрыть. Пробел в связи с ликвидацией центральной финской газеты предлагалось восполнить «укреплением» газеты финского национального Токсовского района и финских страничек в районных газетах Красногвардейского, Мгинского, Ораниенбаумского, Тосненского, Волосовского и Винницкого районов.⁶³

6 октября 1937 г. вышел очередной номер «Вапаус», оказавшийся последним.

9 октября 1937 г. секретариат ЛОК ВКП/б/ рассмотрел вопрос о газете «Вапаус» и принял решение ее закрыть, но уже 8 октября газета не вышла. Обоснование ликвидации газеты было стереотипным для этого времени – она была названа «гнездом троцкистско-шпионских и буржуазно-националистических элементов» – «врагов народа», которые «систематически вели контрреволюционную работу». Одновременно с закрытием «Вапаус» предписывалось до 1 ноября проверить и укрепить кадровый состав национальных (финских и эстонских) страниц районных газет области.⁶⁴

Для практической ликвидации газеты была создана специальная комиссия, срок работы которой определялся всего в три дня – 26-28 октября 1937 г. Первым решением комиссии стали два текста объявлений: один – для подписчиков «Вапаус» («Возвращаем подписную плату за газету «Вапаус», которая в дальнейшем выходить не будет»), другой –

для начальников отделений связи («Прием подписки на газету «Вапаус» прекращен»)⁶⁵. Акт о завершении работ по ликвидации дел редакции составлен 29 декабря 1937 г., к этому времени был уже закончен расчет служащих (11 декабря) и возвращены деньги подписчикам.⁶⁶

Газета «Вапаус» не была единственной финской газетой в Ленинграде. Кроме нее, издавались еще две – комсомольская газета «Nuori Kaarti» – «Нуори Каарти» («Молодая гвардия»), 1926-1937 гг., и пионерская газета «Kipinä» – «Кипиня» («Искра»), 1933-1937 гг.

Газету «Нуори Каарти» - орган Ленинградского и Карельского обкомов ВЛКСМ выпускали в 30-е гг. 8 сотрудников. Ответственный редактор газеты с 1933 г. Матвей Матвеевич Яккола родился в 1909 г. в Финляндии, через два года вместе с родителями приехал в Россию. Окончил совпартшколу. С 1930 и по октябрь 1937 г. (!) был кандидатом в члены ВКП/б/. Заместителем М. Яккола был комсомолец Ялмар Оттович Ховила, уроженец поселка Терийоки, 1908 года рождения, студент ЛОКУНМЗ, по основной профессии – слесарь. В «Нуори Каарти» работал с 1933 г., первоначально – техническим редактором, затем вел отдел учащейся молодежи.

Ответственным секретарем редакции был Вейкко Матвеевич Айрола, уроженец г. Лахти, 1914 года рождения, член ВЛКСМ. В «Нуори Каарти» работал с 1935 г., до этого был литсотрудником партотдела газеты «Вапаус». В комсомольской газете возглавлял отдел крестьянской молодежи.

Отделом писем «Нуори Каарти» с 1935 г. заведовала Айникки Матвеевна Ускали, уроженка г. Раумо (1913 г.), в СССР прибыла из Америки в 1931 г.

Семен Иванович Вилликайнен родился вблизи Петербурга в 1910 г. в крестьянской семье, окончил совпартшколу, учился заочно в ЛОКУНМЗ, член ВЛКСМ. Как местный уроженец-ингерманландец, хорошо знал крестьянский быт и работал в газете инструктором отдела крестьянской молодежи.

Редактором отдела рабочей молодежи был уроженец города Каяни (1905 г.) Вели Андреевич Лейно, в СССР он прибыл по партийной командировке для поступления в ЛОКУНМЗ.

Техническим редактором газеты работала карелка из Ухтинского района Анастасья Семеновна Антипина, 1912 года рождения, из бедняцкой крестьянской семьи, выпускница совпартшколы, кандидат в ВКП/б/ с 1932 г. Машинисткой в редакции была Зинаида Ивановна Салминен из поселка Дибунь, беспартийная, с «низшим» образованием.⁶⁷

1 октября 1936 г. единственная в СССР финская комсомольская газета «Нуори Каарти» торжественно отметила свой 10-летний юбилей, но уже 9 августа 1937 г., одновременно с начавшимися массовыми репрессиями среди советских работников – финнов, обком ВЛКСМ постановил ликвидировать газеты «Нуори Каарти» и «Кипиня». ⁶⁸ Последний номер «Нуори Каарти» – финской «Комсомольской правды» – вышел 14 августа 1937 г., это был № 97 по нумерации того года.

В 1927 г. в Ленинграде началось издание периодической печати на финском языке для детей. Первым опытом был журнал «Pioneer» – «Пионер», но вышло всего три номера, и издание было прекращено. На смену ему в том же 1927 г. пришел финский детский журнал «Кипиня» – «Искра». В формате журнала издание выходило пять лет, а 8 января 1933 г. «Кипиня» появилась в форме газеты с подзаголовком «Финская детская газета» и была органом Ленинградского и Карельского обкомов ВЛКСМ (в 1935 г. газета выходила как орган Карельской и Ленинградской областных пионерских организаций). Последний номер «Кипиня» вышел 11 августа 1937 г. Всего увидело свет 123 номера журнала и 434 номера газеты «Кипиня».

Газета «Кипиня» была многофункциональным изданием: кроме работы «по общественному воспитанию детей», отражению школьной жизни и координированию работы пионерских организаций, газета должна была «играть крупную роль в закреплении грамотности, поощрении зачатков литературного творчества, в повышении общественной активности школьников и должна компенсировать недостаток детской финской литературы». Для решения всех этих задач требовались хорошо подготовленные специалисты. Первым ответственным редактором газеты «Кипиня» в 1933-1934 гг. была Алли Карловна Иокела, а с марта 1934 г. ее сменила Элли Ивановна Ахде, посланная в редакцию «на укрепление». ⁶⁹ Э.И. Ахде родилась в 1904 г. в Финляндии, в 1927 г. была командирована КПФ на учебу в ЛОКУНМЗ, а после его окончания работала в «Кипиня».

Всего в 1936-1937 гг. редакция газеты насчитывала 7 сотрудников, все – женщины. Лидия Петровна Хуттунен, уроженка Финляндии, 1899 года рождения, приехала в СССР из Канады в 1929 г. для работы в финской коммуне «Ууртая» («Труд»), откуда была командирована в ЛОКУНМЗ, а с 1935 г. работала редактором отдела октябрят, позже – литературным сотрудником отделов дошкольной и пионерской работы в «Кипиня». Ответственным секретарем редакции и выпускающей газету была Матильда Густавовна Койхосало. Она родилась в Таммерфорсе в 1886 г., была членом Таммерфорского революционного комитета во время рабочей революции 1918 г., отбыла 4 года тюремного

заклучения в Финляндии. Прибыла в СССР с разрешения ЦК КПФ, но до середины 30-х гг. ее перевод в члены ВКП/б/ все еще не был оформлен. М.Г. Койхосало имела только «низшее» образование, но ее политические заслуги позволяли ей занимать руководящий пост в редакции «Кипиня», а также работать редактором сельскохозяйственной литературы в издательстве «Кирья».

Заместителем ответственного редактора и заведующей отделом школьной и пионерской работы была Соня Яковлевна Линден, 1910 года рождения, член ВКП/б/. Самыми молодыми сотрудницами редакции были комсомолки Вера Ивановна Птичникова, редактор школьного и пионерского отдела, и Нелла Павловна Дааль, 1915 года рождения, уроженка Гельсингфорса, прибывшая в СССР вместе с родителями в 1933 г. В том же году она стала техническим редактором «Кипиня», а затем работала литсотрудником дошкольного и художественного отделов. Машинисткой в редакции была Люли Олиевна Энрут. С 1934 г. в газете работала также педагог Тейдер.

Все финны-сотрудники редакции «Кипиня» совсем не владели русским языком и только учились ему.⁷⁰ Это обстоятельство наряду с их «заграничным» происхождением оказалось серьезным преступлением в 1937 г. 26 июля 1937 г. секретариат ЛОК ВЛКСМ заслушал вопрос о работе газеты «Кипиня» и подверг газету уничтожающей критике: политически неправильно ставятся вопросы национальной политики партии, газета в ряде случаев выступает проводником буржуазно-националистического влияния на детей, «пропагандируя очищение финского языка от таких русских слов, как «советы», «колхозы» и т.д.». Особенно недопустимым, по утверждению секретариата, было почти полное отсутствие разъяснения «Сталинской Конституции», вместо чего газета ограничилась помещением лишь нескольких «бессодержательных заметок». За эти упущения секретариат обкома комсомола снял с работы редактора газеты «Кипиня» Э. Ахде и заместителя редактора С. Линден. А всего через две недели, 9 августа, обе газеты обкома ВЛКСМ – «Кипиня» и «Нуори Каарти» были ликвидированы его решением.⁷¹

Периодическая печать на финском языке в Ленинграде включала не только три газеты, но и многочисленные – до 15 названий – журналы. Первенцем финского советского журнального издания был «Кумоус» («Революция»), орган ЦБ Коммунистической партии Финляндии. Журнал выходил с июля 1918 г. по начало 1920 г. Затем в течение 4-5 лет регулярного издания финских журналов не было, хотя «остро чувствуется недостаток популярного журнала»⁷², и эпизодически такие печатные органы появлялись. А с 1925 г. издание журналов на финском языке становится систематическим.

В январе 1925 г. финское издательство «Кирья» выпустило первый номер журнала «для актива» – «Kommunisti» («Коммунист») – «Коммунисти», политический журнал Ленинградского губкома РКП/б/, впоследствии – Ленинградского и Карельского обкомов ВКП/б/. Финский журнал «Коммунист» распространялся не только в СССР – небольшая часть тиража поступала в Финляндию, а также для финской диаспоры в США, поэтому редакция журнала имела тесные связи с финской секцией Коминтерна. Обратной стороной этой «международной» теоретической направленности журнала было недостаточное освещение вопросов советской экономики.⁷³

В первые годы издания журнал «Коммунисти» выпускался редколлегией без указания ответственного редактора. В 30-е гг. ответственный редактор появился – им стал Иван Адольфович Лехтинен, 1883 года рождения, революционер, один из создателей Коммунистической партии Финляндии в августе 1918 г. (с этого времени исчислялся и его стаж в ВКП/б/). Кроме редактирования журнала «Коммунисти», И.А. Лехтинен был руководителем финского сектора и доцентом ЛОКУНМЗ (преподавал историю ФКП), считался видным теоретиком финской секции Коминтерна.⁷⁴

Техническим редактором журнала «Коммунисти» был Пентти Густавович Нотко, 1900 года рождения, член ФКП с 23 лет, в 1930 г. эмигрировавший в СССР из Финляндии. П.Г. Нотко считался самым квалифицированным редактором издательства «Кирья», почему его основным местом работы было редактирование финской партийной литературы. В 1937 г. П.Г. Нотко был заведующим отделом информации «Кирья».⁷⁵

В 1936 г. издание журнала «Коммунисти» было передано в Петрозаводск,⁷⁶ и его судьбу в 1937 г. решал Карельский обком ВКП/б/ – после выхода трех номеров журнала этого года издание было прекращено.

Вторым долговременным ленинградским журналом на финском языке являлся специальный журнал для женщин, пробный номер которого тиражом 2 тыс. экз. был выпущен также в 1925 г. Журнал назывался «Työläis-ja talonpoikaisnainen» («Работница и крестьянка») – «Тюеляйс я Талонпойкайснайнен».⁷⁷ Это название сохранилось за ним и впоследствии, когда уже был налажен его регулярный выпуск – в 1928 г. Однако сотрудники журнала считали датой рождения своего детища март 1927 г., так как именно в марте 1937 г. отмечали свой 10-летний юбилей.⁷⁸ До начала 30-х гг. журнал был органом Ленинградского губкома (обкома) ВКП/б/, затем – органом Ленинградского и Карельского обкомов ВКП/б/. В 1932 г. журнал изменил название на «Neuvostonainen» («Советская женщина») – «Неувостонайнен».

Ответственным редактором финского женского журнала была Люли Томасовна (Лидия Фоминична) Латукка, 1886 года рождения, член ФКП (с переводом партстажа в ВКП/б/) с 1918 г. Редактором журнала Л.Т. Латукка была на общественных началах, а основным местом ее работы был ЛОКУНМЗ, профессором которого она являлась. Л. Латукка преподавала «ленинизм» и была заведующей финским национальным кабинетом ЛОКУНМЗ. В журнале Л. Латукка проверяла статьи, писала передовицы, представляла журнал в сношениях с партийными и советскими органами.⁷⁹

В 1932-1935 гг. в редакции «Неувостонайнен» работал всего один (!) штатный сотрудник – технический редактор Тюне Августовна Разимович, 1896 года рождения, член ВКП/б/ с 1928 г. Т.А. Разимович была одним из самых образованных работников редакций финской прессы – она имела общее среднее и высшее политическое (ЛОКУНМЗ) образование. Кроме практически всей работы по подготовке номеров журнала к печати, Т. Разимович еще и регулярно выезжала за пределы Ленинграда, прежде всего в районы области – в среднем два выезда в деревню в месяц – для сбора материала, организации и учебы рабселькоров, распространении подписки и т.п.⁸⁰

Крайне необходимый для нормального издания журнала штатный (платный) сотрудник по массовой работе появился только в 1935 г. – в редакции была введена должность инструктора, занятая Евой (Евдокией) Фоминичной Корхонен.⁸¹

Разумеется, всего 2-3 сотрудника не могли вести всю работу по изданию журнала – им помогали члены редколлегии, работавшие на общественных началах: Сайма Хельман из финского Домпросвета, Эйни Гран – из финского педтехникума, Ауне Дааль из финской средней школы, помощник редактора Гюллинг – представитель журнала в Карелии.⁸² Кроме того, журнал привлек к сотрудничеству большой отряд общественных корреспондентов: в 1934 г. их насчитывалось 136 чел., из них колхозниц – 19 чел., работниц – 25 чел., «других» – 94 чел., причем 65 корреспонденток жили в Карелии, 69 – в Ленинградской области, а две – на Урале.⁸³

Весной 1937 г. прошел юбилей женского журнала, а летом-осенью того же года журнал «Неувостонайнен», как и вся финская печать, подвергся гонениям.

Л. Латукка была снята с поста ответственного редактора. 2 октября в газете «Вапаус» появилась статья членов «проверочной бригады» - «Удивительная ”забывчивость” в редакции ”Неувостонайнен”», в которой журнал резко критиковался за «плохую борьбу» против национализма и отсутствие интернационального воспитания читателей. Среди «доказательств» приводится такой поразительный аргумент: журнал-де «упорно пытался

”забывать” использовать слова, ставшие международным, как ”совет”, ”колхоз”, ”совхоз” и т.д.» и стал их часто употреблять только в середине 1936 г., «и все еще выходит под названием ”Неувостонайнен”, несмотря на то, что в общем употреблении уже внедрилось слово ”советти” вместо ”неувосто”». ⁸⁴

Но и эта резко критическая оценка работы журнала показалась областному партийному руководству «по существу гнилой», как определил орган ЛОК ВКП/б/ «Ленинградская правда». ⁸⁵

Отстранение от работы Л. Латукка не спасло журнал – последний номер «Неувостонайнен» вышел в сентябре 1937 г. Официальное решение о ликвидации журнала было принято в декабре 1937 г.: в проекте постановления бюро ЛОК ВКП/б/ «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях» в п.4, где перечисляются все периодические издания на языках национальных меньшинств, существовавшие к тому времени и подлежащие ликвидации, назван и журнал «Советская женщина» на финском языке. ⁸⁶

В 1928 г. начал издаваться первый финский журнал специально для крестьян – «Kuntäyä» («Пахарь») – «Кюнтя», выходивший сначала дважды в месяц, затем еженедельно. ⁸⁷ В 1931 г. журнал изменил название – в духе времени он стал называться «Коллективисти» – «Коллективист», орган Ленинградского и Карельского Облколхозсоюзов. Ответственным редактором журнала в 30-е гг. работал П. Виллиперт (Вильберт). ⁸⁸ С 1935 г. журнал «Коллективисти» издавался в Карелии.

Ленинград был центром художественной жизни советских финнов, что отразилось и в издании здесь литературно-художественных журналов. Издававшийся с 1928 г. в Петрозаводске литературно-художественный журнал советских писателей Карелии и Ленинградской области «Puna-Kantele» («Красное кантеле») – «Пуна-кантеле» – в 1931 г. был переведен в Ленинград, а в 1932 г. сменил название на «Rintama» («Фронт») – «Ринтама». Журнал издавался в Ленинграде по 1934 г. включительно, а с 1935 по 1937 гг. снова выходил в Петрозаводске. Ответственным редактором журнала в ленинградский период был Урхо Руханен. ⁸⁹

Несколько лет – 1931-1934 гг. – в Ленинграде печатался военно-спортивный журнал. Его первоначальное название – «Spartak» – «Спартак», а с 1932 г. он назывался «Puna-vartio» («Красная стража») – «Пуна-вартио», или «Красная Армия», орган областного Осовиахима и Совета физкультуры. Ответственным редактором журнала был Вяйне Иванович Реккола,

иммигрировавший в СССР из Финляндии в 1931 г.⁹⁰ С 1934 г. журнал «Пуна-вартио» издавался в Петрозаводске.

Всего на 10 октября 1937 г. в редакциях финских изданий (уже закрытых к тому времени) издательства Леноблисполкома и Ленсовета числилось 49 человек, в том числе в газетах «Вапаус» - 26, «Нуори Каарти» - 8, «Кипипя» - 7, в журнале «Неувостонайнен» - 3 и в редакционно-издательском отделе – 4 сотрудника.⁹¹

В 1937 г. закончилась история государственной печати на финском языке в Ленинграде. Через 50 лет, в конце 1980-х гг., началась новейшая история петербургской финской печати – двуязычных периодических изданий общественных ингерманландских организаций.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Т. А.Базарова

Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Приневье (нач. XVIII в.)

Во все эпохи подготовка успешных военных операций начиналась со сбора и анализа данных о противнике и особенностях местности. В годы Северной войны основные сведения о силах и планах неприятельских армий получали из показаний шпионов, вражеских пленных и перебежчиков, а также местных жителей: горожан, купцов и крестьян. В «Гистории Свейской войны» при описании подготовки военных операций часто встречаются записи: «получили ведомость о неприятеле», «чрез шпионов уведомились», «добыли языка», «допросили пленных»⁹².

Готовясь к активным действиям в Ингерманландии, русское командование заранее собирало подробные сведения о шведских крепостях Нотебурге и Ниеншанце. За несколько месяцев до объявления войны Швеции, 2 марта 1700 г., Петр I указал генерал-адмиралу Ф.А. Головину отправить В.Д. Корчмина из Москвы в Нарву для покупки пушек. Обученному в Западной Европе инженерному искусству гвардии сержанту, который, по мнению царя, «не глуп и секрет может снести», поручалось еще и тщательно изучить военные укрепления Нарвы и Нотебурга, а «буде в нем нельзя, хоть возле него»⁹³.

За два года до штурма Ниеншанца, 23 мая 1701 г. семеро ладожских торговых людей составили «Сказку», содержащую подробное описание рельефа местности и укреплений этой шведской крепости. В том же году «Роспись пути от Ладоги до Канцев» написали новгородские дворяне Бестужев, Кушелев и князь Мышецкий⁹⁴.

В январе 1702 г. Петр I указал Б.П. Шереметеву тайно «проведать о короле, где и сколько с ним», узнать численность гарнизонов Ниеншанца и Нотебурга, когда вскрывается ото льда Нева, а также «послать для языка к Орешку или к Канцам, чтоб достать самого доброго языка из которого города»⁹⁵. Тем самым государь определил своеобразный план сбора разведывательных данных.

Выполняя волю царя, конные разъезды приводили в русский лагерь языков. Среди них оказался захваченный 26 августа 1702 г. шведский драгун Иоганн Густав Вегиль. Он был «пытан накрепко» и рассказал не только о численности войск шведского генерала А.

Кронъюрта, но и подробно описал укрепления Нотебурга и Ниеншанца, а также продовольственные запасы гарнизонов⁹⁶. Успешный штурм шведских крепостей в Приневье во многом стал результатом тщательной подготовки, включавшей и сбор сведений о неприятельских силах.

По распоряжению Петра I, чтобы закрепиться на отвоеванных землях, и создать базу для дальнейших наступлений, на берегах Невы создали систему крепостей. Оборону Петербурга организовывал первый комендант крепости полковник К.Э. Рёнке, затем сменивший его в 1704 г. Ингерманландский обер-комендант Р.В. Брюс. Защитой о. Котлина и Кроншлота ведал вице-адмирал К.И. Крюйс, а Шлиссельбурга — В.И. Порошин⁹⁷. Они координировали свои действия и отчитывались перед Ингерманландским губернатором А.Д. Меншиковым. Эта переписка содержит уникальную информацию о военных действиях на невских берегах в начале XVIII в.

Самыми тревожными стали 1704 и 1705 гг., поскольку именно тогда решалась судьба русского присутствия в Приневье. Вскоре после закладки Петербурга, главные русские силы покинули невские берега. Б.П. Шереметев направился к Копорью и Ямбургу. В мае 1704 г. в Нарву выступила дивизия генерал-майора А.И. Репнина и гвардия. В оставшихся в Петербурге полках было не более шести тысяч человек, а неприятельская Финляндская армия по разным источникам насчитывали от восьми до десяти тысяч, поэтому особенно важным стало не допустить внезапного нападения.

О подходе неприятельских судов к Котлину извещали корабельные караулы и расположенные по берегу Финского залива солдатские заставы, которые при приближении шведского флота сигналили выстрелами и зажигали огни. Для костров заранее заготавливалась сухая древесина, укладывавшаяся в виде пирамид⁹⁸.

Выборгскую дорогу и берег Невы до Шлиссельбурга патрулировали казачьи конные разъезды. В Петербурге лагерем на Выборгской стороне стояли два полка низовых конных стрельцов и казаков полковников Дмитрия Бахметева и Михаила Зажарского (820 человек конных, да бесконных 128 чел.), а также запорожские казаки полка Матвея Темника (113 человек)⁹⁹.

Одной из важнейших задач этих казачьих отрядов стало предупреждение гарнизона о подходе неприятеля. Так, 9 июля 1704 г., когда Р.В. Брюс получил известие с о. Котлина о подходе шведских судов, он «Бахметева и Зажарского и запорожского полковника со всею конницею да с ними из гварнизонских полков с маеором Болховским 200 человек пехоты на казацких лошадях к Выборху в поход отправил»¹⁰⁰. Не доезжая восьми верст до р. Сестры,

отряд встретил передовые силы командующего Финляндской армией генерал-лейтенанта И.Г. Майделя, но сумел оторваться и доставить вести в Петербург. Это позволило не только самим заранее подготовиться к нападению, но и предупредить Шлиссельбургский гарнизон¹⁰¹.

Целью рейдов нерегулярных конных отрядов являлся и захват вражеских языков. Чаще всего казаки приводили в Петербург шведских солдат или рейтар. 4 августа 1704 г. посланные в разъезд по Выборгской дороге астраханские стрельцы захватили шведского музыканта из армии И.Г. Майделя. Пленного доставили в гарнизон, где расспросили. Запись допроса Р.В. Брюс немедленно отправил А.Д. Меншикову¹⁰².

Важные сведения о неприятеле поступали от перебежчиков. В распоряжение русских войск со шведской стороны приходили солдаты и офицеры, которые совершили какой-либо грозивший серьезным наказанием проступок (воровство, убийство, дуэль). 13 сентября 1704 г., уже после июльского и августовского похода И.Г. Майделя на Петербург, к Р.В. Брюсу явилось два перебежчика. «Один рейтарской капрал, а другой слуга капитанской, и сказали для какой причины ушли. Капрал урядника порубил шпагою, а капитанской слуга имеет сродников в Ингермонландской земле. Про генерала Менделя сказали, обретається в Выборхе, а полки расставлены по заставам, за Сестрою рекою на заставе стоит подполковник. При нем 300 человек конницы. И я посылал Михайлу Захарского с конницею для промыслу, и на заставе за тою рекою никого не застали и были от Выборха за 25 верст и взяли в деревне чухон с 30 человек, также несколько скота, а про морской флот те выходцы сказали, стоит от Выборха не в дальном разстоянии. А к Шлиппимбаху на помощь ни кого не послали. И те выходцы бьют челом, чтоб им дать чем пропитатца»¹⁰³.

Особенно ценными для обороны Петербурга стали показания некоего капрала-бранденбуржца, перешедшего на сторону русских войск в Нарве в июне 1705 г. Прежде он служил в Саксонской армии, был взят шведами в плен под Ригой и в Выборге перешел к ним на службу, вступив в рейтарский полк. Причину побега капрал объяснил тем, что «не нарочно» застрелил офицера. Перебежчик доложил Р.В. Брюсу, что генерал-лейтенант И.Г. Майдель находится в Выборге, «а при нем войска; и на станциях, и в Кореле два полка, драгунских четыре, рейтарских пять, а в них людей сот по пяти и по шести, и в большом 7000 человек всего и с гарнизонскими полками». Петербургский обер-комендант получил сведения от капрала и о том, что по приказу шведского командования финские крестьяне заготавливают плоты и лестницы¹⁰⁴. «Переметчик» не знал, куда намеревался пойти походом И.Г. Майдель. Однако Р.В. Брюс обеспокоился этими тревожными известиями и велел

сделать на Березовом острове от крепости вдоль берега укрепленную редутами оборонительную линию, установить артиллерийские батареи, и сам срочно выехал из Нарвы в Петербург¹⁰⁵.

Сведения о передвижении неприятельских отрядов командование петербургского гарнизона стремилось получить и от ингерманландских крестьян. Однако отношения с местным населением, основную часть которого составляли финны-лютеране, были непростыми.

После присоединения Ижорской земли к Швеции число православных начало неуклонно сокращаться. Огромную роль в этом сыграла ассимиляторская политика шведского правительства, направленная, в частности, на поощрение перехода в лютеранство. Православные крестьяне покидали свои деревни, а на их место переселяли финнов-лютеран. В итоге к началу XVIII в. русскоязычное население в Ингерманландии составляло немногим более 20%¹⁰⁶.

Поскольку Петр I намеревался возратить земли «отчич и дедич» российскому государству, то велел своим военачальникам: «В Ижорской земле никакова разорения не чинить». Однако этот указ в полной мере не выполнялся, поскольку русские генералы, офицеры и солдаты воспринимали Ингерманландию как вражескую территорию. Особенно сильно местные жители страдали от действий татарских и казачьих отрядов. В свою очередь, население приневских деревень проявляло враждебность по отношению к русским войскам. Еще в мае 1703 г. Б.П. Шереметев написал Петру I: «Чухна не смирны, чинят некия пакости и отсталых стреляют, и малолюдством проезжать трудно, и русские мужики к нам неприятны»¹⁰⁷.

С приходом русской армии на берега Невы многие деревни запустели, а их жители покинули родные места. Уже в феврале 1704 г. полковник К.Э. Рёнке отметил, что по дороге с Котлина на железные заводы во всех ближних деревнях «жители вышли вон»¹⁰⁸. Те, кто не успел бежать, были убиты или захвачены казаками, которые считали продажу полона частью своего дохода.

Разорвавшие окрестные финские деревни русские нерегулярные отряды приводили захваченных крестьян в Петербург. Так, 3 января 1704 г. запорожские казаки ходили под Карелу (Кексгольм). За девять миль от нее двух деревнях они взяли «в полон» 40 крестьян, 11 пахотных лошадей и 14 коров. Доставленные в Петербургскую крепость двух чухонца рассказали, что «они жили в Корелском уезде в деревне Гухты а та деревня от Шлотбурха в 90, а от Корелы во 60 верстах а про швецких служилых людей ничего не ведают»¹⁰⁹.

Крестьянский «полон» и население приневских деревень регулярно расспрашивались. Показания застигнутых врасплох местных жителей обычно были мало информативны, но изредка крестьяне приносили и важную для обороны невских берегов информацию. Так, в феврале 1706 г. пришедший из Выборга мужик известил К.И. Крюйса о подготовке шведами больших прамов¹¹⁰. Точных сведений о численности и передвижении шведских войск крестьянские показания не содержали.

Местные жители сотрудничали с русскими отрядами крайне неохотно. Финских крестьян нередко подозревали в сотрудничестве со шведами и рассматривали как потенциальных вражеских лазутчиков, поэтому возможности использования местного населения в качестве шпионов были ограничены. Для того чтобы не возникало сомнений в их лояльности, русское командование брало семьи крестьян в заложники. Например, 21 мая 1710 г. Петр I приказал Ф.М. Апраксину взять двух-трех финских мужиков из-под Выборга или из Карелы с женами и, довольствовав их деньгами, отправить к Г. Любекеру «шпионами, а жен оставить у себя за караулом для того, чтоб они не солгали»¹¹¹.

Шведское командование также нуждалось в оперативной и достоверной информации о состоянии новых русских укреплении и численности гарнизонов. Важное место в планировании морских и сухопутных операций занимала подготовка разведывательных чертежей. Сохранилось несколько созданных во время военных походов в непосредственной близости от русских укреплений рукописных планов. Автором двух из них стал прапорщик Михаил Бютнер. Самый ранний — *«Чертеж Ниеншанца и Петербурга, снятый 19 июля 1704 г.»*¹¹² — был выполнен во время военной кампании лета 1704 г. Созданный в полевом лагере чертеж И.Г. Майдель вложил в донесение, отправленное через два дня Комиссии по обороне в Стокгольм.

Защитники города не позволили шведам переправиться на Березовый остров, и они наблюдали дельту Невы, русские укрепления и постройки издалека. Надо полагать, что по этой причине на плане сильно искажена перспектива, и крепость имеет неверное число бастионов. М. Бютнер зафиксировал расположение основных построек нового города. Это крепость Ниеншанц с пылающими за ее стенами домами, деревоземляная Петербургская крепость, двухэтажный дворец А.Д. Меншикова на Березовом острове и т.д.¹¹³

Второй рукописный чертеж был создан полгода спустя, в январе 1705 г.¹¹⁴ На плане без соблюдения масштаба изображены шестиугольная Петербургская крепость и Березовый остров. Внутри крепости обозначены три постройки: Петропавловский собор, «кордегардия» и «дом коменданта». Рядом отмечены два треугольных укрепления (равелина) и мосты между

ними, крепостью и Березовым островом. Возле обращенной к этому острову крепостной стены в протоке изображены рогатки. В Кронверкской протоке указано место стоянки русского флота. На Березовом острове изображено шестнадцать построек, в том числе дворец А.Д. Меншикова и Домик Петра I.

Обстоятельства создания этого чертежа проясняет письмо-пропуск, вложенное в одно из донесений И.Г. Майделя. Этот пропуск петербургский обер-комендант Р.В. Брюс выдал прибывшему 7 января 1705 г. в Петербург с письмами и деньгами шведскому прапорщику Михаилу Бютнеру. Р.В. Брюс подтвердил, что «писма и деньги в трех мешках запечатанными у него принеты, и кому надлежало ко отданию тех писем и денег послан нарочной офицер». М. Бютнер провел в крепости и городе четыре дня, воспользовавшись этим случаем для того, чтобы их обстоятельно исследовать¹¹⁵.

Кому предназначались доставленные прапорщиком письма и деньги, установить не удалось. Обычай обмена корреспонденцией и доставки военнопленным денег и вещей был широко распространен во время Северной войны. За полгода визита до М. Бютнера, 26 июля 1704 г., в Петербурге побывал шведский барабанщик с двумя провожатыми-«чухнами». Он принес три письма для пленного полковника Вахтмейстера, находившегося в обозе А.Д. Меншикова, а также письмо и деньги (9 рублей и 20 алтын) для капитана, содержавшегося в Петербургской крепости. «Да сказывал тот барабанщик, будто король Швецкой с королем Полским учинили мир, и о том у них было благодарное моление. И я тому барабанщику, дав против их подорожной к генералу Майделю ответственное письмо, от Санкт-Питербурха отпустил; да с ним же, барабанщиком, вышепомянутой капитан о присылке писма и денег к генералу Майделю послал письмо и в том письме написал и о взятии Дерпта»¹¹⁶.

17 сентября 1705 г. посланец шведского адмирала К. Д. Анкаршерны прибыл на Котлин, чтобы узнать о судьбе захваченных в июне-июле военнопленных. Однако, по мнению К.И. Крюйса, главной целью визита шведского поручика было «высмотреть» русский флот¹¹⁷.

Шведских офицеров допускали в Петербургскую крепость, однако свои укрепления для русских они держали закрытыми. Р.В. Брюс 29 июля 1705 г. доложил А.Д. Меншикову: «Посылал я нарочно в Выборг дву человек драгун с барабанщиком с письмами шведских невольников, а больше для того, хотя ведать о неприятельском состоянии. И сего числа возвратились, сказывают, что генерал Мейдель не допустил их до Выборгу версты с полторы, выехал сам и писма у них приняв, отправил»¹¹⁸.

Сведения о расположении русских войск и военных укреплениях шведы получали и от дезертиров и пленных. На основе их показаний тоже были составлены планы Петербурга и его окрестностей 1706–1708 гг.¹¹⁹ Однако эти чертежи большой точностью не отличались. Самые важные из добытых такими способами сведений командующие Финляндской армией И.Г. Майдель, а затем Г. Любеккер сообщали Комиссии по обороне в Стокгольм.

Засылали шведы в расположение русских войск и шпионов из местного населения. Еще 15 июня 1702 г. П.М. Апраксин доложил царю, что «на заставе в Ильинском погосте поймали перебежчика», русского человека Андрея Баженова. Он по торговым делам бывал в Ниеншанце и других городах, поэтому и был послан «из Канец шпионом для осмотра царских войск»¹²⁰. Уже после взятия Ниеншанца возвращавшиеся из разъездов нерегулярные отряды неоднократно доставляли к П.М. Апраксину лазутчиков из местных крестьян, отправленных шведами к русскому лагерю¹²¹.

Нередко к берегам Невы незаметно подходили небольшие шведские разведывательные отряды (зимой на лыжах). Они нападали на русские отряды, заставы и заготавливавших лес работных людей. Об одном из таких происшествий известно из доклада В.И. Порошина А.Д. Меншикову. 5 октября Герасим Яковлев и еще четырнадцать солдат сопровождали грузовые суда из Петербурга в Шлиссельбург. На Неве, не доходя шести верст до порогов, они увидели на Шведской стороне¹²² работных людей, посланных туда заготавливать лес. Рабочие прокричали военным, что на них напали шведы. Солдаты пристали к берегу и поспешили на выручку. Неприятеля они не застали, только обнаружили возле шалашей двадцать убитых и пять раненых работных людей. Однако в одном из шалашей солдаты нашли некоего шведа без ружья, но в строевом сером кафтане и в шляпе. «И того вышеписанного шведа привели к Шлисселбурху и спрашиван».

Допрошенный «приводной чухна» Федор Шиби показал, что возглавляемый шведским поручиком Петром отряд из тридцати «чухон», вооруженных мушкетами и шпагами, вышел две недели назад из Выборга. Вначале они направились под Шлиссельбург «по призыву чухны из разных деревень, которые около порогов живут, для добычи и бранья русских языков, а те-де чухны кто именем, того не знает, а в лице узнает». На порогах они взяли в плен одного человека и еще десять убили. Затем отряд оставил Ф. Шиби «за болезнию» в шалаше работных людей и ушел лесом к Петербургу¹²³.

Особенно много подобных набегов было в 1705 г., когда летом из-за действия шведских отрядов почти остановилась заготовка леса на реке Тосне. Руководивший

заготовкой леса Роман Мещерский советовал олонцекому коменданту И.Я. Яковлеву ехать из Шлиссельбурга сухим путем, подальше от берега Невы, потому что «непрестанно неприятельские люди берут в полон. Ивана Синявина, Ипата Муханова, Степана Городничаго в полон взяли, и иные обозы разбивали, едва Бог спас от взятия в полон брата князя Алексея»¹²⁴.

Рейдам шведских отрядов в Приневье активно содействовали знавшие окрестные леса и тропы местные жители, чему русское командование стремилось помешать. В мае 1708 г. Ф.М. Апраксин задержал, жившего на Неве у порогов мужика, знавшего «в которых места в нашу сторону с неприятельской стороны ходят»¹²⁵. В 1711 г. «чухны» из деревни Лахта сопровождали шведского офицера с солдатами «в шведский флот», а также переправляли в шведскую землю других беглецов из Петербурга. Получавшие за такие рейды хорошие деньги финны были выданы русским властям своим завистливым соседом¹²⁶.

В декабре 1711 г. только при поддержке местного населения шведы смогли увести русских солдат «в полон» из Петербурга. Ночью отряд в двадцать человек тайно вошел в город и захватил трех человек из крайних домов слободы Батальона городских дел на Выборгской стороне. Казакам удалось задержать двух шведских солдат, «которые сказали, что посланы они были от генерала графа Нирота для взятия языков. И около Выборха, набрав они в деревнях у мужиков лошадей, пронимались к Питербурху лесами, малыми тропками, а вели их чюхны разных деревень»¹²⁷.

Итак, после захвата Нотебурга и Ниеншанца при отсутствии развития дальнейшего наступления русские разведывательные действия на Невских берегах потеряли активность и систематический характер. Добытые сведения были отрывочны и спонтанны, поскольку основная информация поступала от перебежчиков и захваченных казаками вражеских солдат.

Особенно ярко этот недостаток проявился во время первого Выборгского похода. В ноябре 1706 г., рассуждая о причинах неудачного штурма Выборга, одной из них А.Д. Меншиков признал недостаточное владение информацией. Светлейший князь написал царю: «О незнании положения Выборхского правда... мочно бы признать и ис походу Мейделева, понеже оной не ради чего приходил к Санктпитербурху по несколько раз, точию для осмотра положения места и крепостей; а ежели бы у нас заранея так было учинено, то надеюсь, что бы ваша милость могли наилутчей способ ис того выбрать и ползу свою исполнить»¹²⁸.

Наступавшие шведы действовали более целенаправленно, поэтому в их распоряжении оказывалась подробная информация о русских укреплениях. Несмотря на то, что обе

неприятельские армии осуществляли сбор сведений одинаковыми методами, преимущество шведам давало хорошее знание местности и поддержка местного финского населения.

Скандинавия и Австрия в политике Екатерины I

Такое название, вероятно, может вызывать удивление. В самом деле, Екатерину I принято считать одной из самых слабых в политическом смысле правительниц России. К тому же она находилась у власти всего два с небольшим года. Кроме того, правление Екатерины I вроде бы не отмечено значительными политическими событиями и его обычно характеризуют как бессильное сползание с позиций, на которые Россию поднял великий Петр. Однако как первый, так и второй эти тезисы представляются не совсем верными, если более обстоятельно обратиться как к новым, еще не введенным в научный оборот источникам, так и попытаться переосмыслить истолкование старых, уже хорошо известных исследователям материалов.

Впрочем, первое утверждение отчасти верно – в том смысле, что Екатерина I не являлась, конечно, одаренным политиком. Но ее здравый рассудок позволил ей, сделать верный выбор среди петровских политиков. Одни из них получили свободу действий, тогда как их противники были отстранены от планирования и осуществления любых акций в сфере внешней политики империи. К таким отстраненным относился и могущественный князь А.Д. Меншиков. А карты в руки получил его политический антагонист, вице-канцлер А.И. Остерман. Именно этот выбор привел Россию к самому значимому в первой половине XVIII в. успеху, открывшему блестящие возможности для всех политических инициатив империи, осуществлявшихся на протяжении более столетия. Поэтому я и дал своему докладу именно это, а не иное название.

Итак, кем он был, этот политический избранник императрицы? Взлет карьеры А.И. Остермана начался при Петре. Царь, лично принимавший решения по важнейшим вопросам, был не в состоянии удерживать в голове все перипетии текущих дел. Поэтому он поневоле наделял чиновников и административные институты частью своей власти. Среди них А.И. Остерман занимал необычное положение, пользуясь особо доверительным отношением императора.

Петр, в результате Северной войны добившийся огромных территориальных приобретений, вовсе не собирался останавливаться на достигнутом. Он стремился к полному господству на Балтике. Однако П.П. Шафиров, стоявший во главе иностранного ведомства, настойчиво пытался противодействовать планам Петра. Трезвый политик, менее других одурманенный идеями господства России в Северной Европе, вице-канцлер отдавал себе

отчет о тяжелом экономическом положении и катастрофическом падении людских ресурсов России, наступивших в результате Северной войны. Но Петр не терпел инакомыслия, тем более среди своих приближенных, поэтому в 1723 г. П.П. Шафиров впал в немилость и был отстранен от политических дел.

Его обязанности надо было кому-то исполнять. Выбор неслучайно пал на А.И. Остермана. Тот уже успел проявить свои способности, но у него был минус. Он целиком поддерживал мирную линию П.П. Шафирова, считая, что военную политику должна сменить дипломатическая. Он понимал трудность своего положения. Петр как одержимый рвался к новой войне, способной перечеркнуть все добытые огромной кровью успехи, не слушая умнейших из своих советников. А первый из них, П.П. Шафиров, несмотря на его бесспорные заслуги, даже оказался в Сибири,

А.И. Остерман, не хуже Шафирова отдавал себе отчет в том, что страна не готова к новым военным авантюрам. Но он был достаточно умен, чтобы не только не перечить царю, но и «всячески подливать масло в огонь неуголенных политических желаний, вместо того, чтобы, как его предшественник, неуместно пытаться тушить его»¹²⁹. Он умел гасить военный пыл царя, находя для этого соответствующие резоны и доводя их до сведения монарха – часто окольными путями. Таким образом, А.И. Остерман смог занять один из ключевых постов в имперском аппарате, ничем при этом не рискуя и не подвергая опасности свою новую родину. Он не был записным пацифистом, но понимал, что одно дело – профессионально готовить экспансию, совсем другое – ввергнуть страну в заведомо проигрышную авантюру. То есть, он верно служил как России, так и ее царю (а это – разные вещи).

Екатерина I, став самодержицей, среди прочих незаконченный Петром дел, унаследовала голштинскую проблему, заключающуюся в следующем. За десяток лет до смерти Петра Дания отобрала у герцога Голштейн-готторпского Карла Фридриха лучшую часть герцогства, Шлезвиг. Гарантами этого передела земель стали Англия и Франция. Царь оказал обездоленному молодому герцогу покровительство, пригласив его в Россию, где тот через какое-то время стал женихом цесаревны Анны Петровны. Поэтому Петр, а затем и его вдова Екатерина I, считали возвращение будущему зятю готторпской части Шлезвига, не много не мало, делом престижа династии Романовых.

Между тем после смерти Петра выяснилось, что ни Екатерина, ни ее ближайшие помощники (в том числе и Меншиков) не способны разработать метод решения голштинской проблемы. Отчего эта задача и была возложена на А.И. Остермана. Тот справился с ней менее

чем за два месяца, подготовив меморандум «Генеральное состояние дел и интересов Всероссийских со всеми соседними и другими иностранными Государствами в 1726 году»¹³⁰. Здесь Остерман предлагал Екатерине и своим коллегам альтернативные решения этой главной (с точки зрения царицы), политической проблемы. Он не скрывал при этом, что считает необходимым использовать заключенный в 1724 г. союзный договор со Швецией.¹³¹ Он предлагал «Взятые с Швециею обязательства с твердостью в действо произвести<...> Ибо<...> ежели Россия учиненную с Швециею систему (подчеркнуто мной – В.В.) с надлежащею твердостью содержать не будет, Швеция не могла больше на Россию надежного упования иметь, к иным мыслям приступить принуждена будет».¹³²

Слово найдено! Впервые в истории российской дипломатии А.И. Остерман вводит понятие международной политической *системы*. С его легкой руки оно заработало в самых различных областях теоретической и практической сфер, органично войдя в лексический состав русского языка. Для российской политической науки введение понятия *система* стало заметным шагом вперед. Его можно назвать «прыжком» из царства политической нетерпимости, когда православная держава относилась к западным партнерам как к «недоверкам», заведомо недостойным постоянного, честного сотрудничества. Прежние союзы, в которые вступала Россия, заключались ради достижения целей текущей повестки дня. После этого они, как правило, рассыпались. Никто из старомосковских и даже петровских дипломатов не сумел (или не посмел) выдвинуть проект постоянной международной системы, прочно спаянной центростремительными силами. По А.И. Остерману же, лишь такая структура могла стать моделью совместного выживания и борьбы нескольких стран, желающих достижения стабильных политических результатов.

Мне могут возразить: две союзные страны – еще не система. Верно, поэтому в меморандуме *просматриваются* еще два кандидата в члены новой структуры: Австрия и союзная с ней Испания. Почему же Остерман не сказал об этом прямо? Для ответа на этот вопрос нужно знать характер Андрея Ивановича: он был человеком свехосторожным. А в том, что против союза с Австрией (и его инициатора) выступит могущественный А.Д. Меншиков, он не сомневался. Так и случилось.

30 марта 1725 г. А.И. Остерман ознакомил политическую элиту Петербурга со своим Меморандумом. И сразу же, под мощным давлением А.Д. Меншикова, царица сделала выбор, обратный задуманному бароном. Было решено войти в альянс не с Австрией, а с ее противниками – Францией и Англией для того, чтобы они не препятствовали решению голштинской проблемы насильственным путем – войной с Данией. И Россия приступила к

реализации своего решения. Начались переговоры с англичанами и французами. Началась и подготовка флота и армии к новому походу – на Данию. Но уже в мае голландскому резиденту в России стало известно, что король английский намерен прислать к берегам России свой флот, дабы воспрепятствовать возможному походу российской эскадры в Данию¹³³. Что вскоре и осуществилось: понятно, что в интересы великих держав вовсе не входило усиление России на Балтике.

В результате провала меншиковского плана Россия потеряла драгоценное время, и теперь ей приходилось все начинать сначала. Тогда-то и возшла политическая звезда А.И. Остермана, получившего право на разработку имперской политической концепции. Он раскрыл истинное содержание своего Меморандума, дополнив его конкретной разработкой под титулом «Проект Вицеканцлера Барона Остермана об окончании Шлезвигского дела»¹³⁴. Это был более изощренный выход из «голштинского тупика», чем прямое военное давление. А.И. Остерман предлагал «принять партию» второго из двух антагонистичных блоков Европы, австро-испанского, и лишь после этого, пользуясь международной поддержкой, решить голштинский вопрос.

В «Проекте» указывалось, что хорошо бы, конечно, заставить Англию и Францию оказать нажим на датского короля, чтобы тот добровольно расстался со Шлезвигом. Однако эти великие державы к уступкам не склонны, не желая усиления России. Значит, нужно сблизиться с Австрией, тем более что цесарь давно к этому стремится. Поэтому войти с ним в союзные отношения будет нетрудно. После чего цесарь прикроет российский тыл с юга, сдерживая Турцию. Тогда-то Россия, объединенная со Швецией, нападет на Данию и решит шлезвигскую проблему. Англию и Францию при этом можно нейтрализовать, устроив с помощью австро-испанских союзников военный конфликт где-нибудь в районе Средиземноморья, в который эти державы, ревниво блюдущие свои морские интересы, обязательно ввяжутся. Таким образом, А.И. Остерман целился «в двух зайцев»: сохранить союз со Швецией и добиться заключения союзного трактата с Австрией и Испанией. Это была основа его *системы*.

В своих суждениях вице-канцлер продемонстрировал верный расчет и политическую дальновидность. Тройственные (руско-шведско-австрийские) переговоры в Вене прошли на удивление гладко. Уже в июле 1726 г. были ратифицированы первые союзные документы. Цесарь признал статьи Стокгольмского трактата, включая пункт о шлезвигской реституции, а 6(17) августа 1726 г. в Вене был подписан наступательный договор между Россией и Австрией, в котором, со ссылкой на Стокгольмский оборонительный союз 22 февраля 1724 г.,

делался вывод о необходимости вторжения в Данию. Война готовилась на лето будущего 1727 года.

Позже (10/21 августа 1726 г.) в Венский союз вошла и Пруссия. Это количественное изменение состава Венского союза получило новое, качественное значение. Теперь вопрос о реституции Шлезвига мог стать поводом к началу не обычного, рядового в том воинственном веке войны. Надвигалось нечто пострашнее: участие в вооруженном конфликте всех великих держав континента поднимало его до масштаба памятной всем кровавой Тридцатилетней войны. Что в корне меняло ситуацию, особенно если учесть, что, как показало недавнее прошлое, Англия и Франция были не очень-то заинтересованы в войне даже с одной Россией. А уж о своем участии в, по сути, мировой войне они и мысли не могли допустить. И *они отошли в тень*; шлезвигский вопрос отныне решался без них. На такой поворот событий, яснее ясного, и рассчитывал А.И. Остерман. Это была первое, но далеко не последнее подтверждение политической плодотворности созданного А.И. Остерманом союза. Он стал подтверждением способности этой созданной российским дипломатом конструкции, влиять на политику не просто отдельных великих держав, но и их могущественных комплотов.

Так завершился «голштинский» сюжет недолгой поры екатерининского правления.

Подведем его итоги:

В 1726 г. Россия установила союзные отношения со Швецией, Австрией, Испанией и Пруссией. В этом состоял конечный результат первых лет новой политики А.И. Остермана, политики союзной системы. Именно союзу с Австрией суждено было стать одной из констант европейской межгосударственной системы, поскольку он фактически действовал до катастрофы Крымской войны, то есть, более века (правда, с перерывом в 1762-1772 гг.). Этот союз сыграл огромную роль не только в международных отношениях стран Европы, но и в «южной» сфере российской политики. Можно сказать, что детищем новой политики А. Остермана были и разделы Польши, и присоединение Крыма, и начало завоевания Кавказа. Союзные отношения с Австрией и Швецией обезопасили ее с запада на всем протяжении границы – от Молдавии до Финляндии. Поскольку же с севера и востока державе было некого опасаться, то она и смогла употребить все свои силы на южном направлении. История доказала верность политических замыслов А.И. Остермана. Надёжное прикрытие Австрией западного фланга русской армии исключало любые помехи для крымской акции, а в польских разделах цесари сами принимали живейшее участие. И даже альянс с далёкой Испанией был не напрасен – он показал всему миру, что интеграция России в систему европейских государств стала свершившимся фактом.

Этот союз настолько усилил Россию и Австрию, что отныне и на долгие годы они стали полноправными членами силовой элиты Европы, которую германский философ и политолог Христиан Вольф определил как *пятиполярную* конструкцию, включавшую в себя Англию, Францию, Австрию, Россию и Пруссию. Позже, на Венском конгрессе 1815 г., этот термин станет более кратким и емким: *пентархия* (греч. «правление пятерых»), но содержание и смысл его не изменятся. А для Австрии и России по-прежнему в силе останется и его основа, все тот же остермановский договор 1726 г.

Поэтому стоит пересмотреть давний вывод о том, что великой державой Россия стала в результате Ништадтского договора 1721 г. В Ништадте была закреплена победа над Швецией и доступ России к Балтике, не более: петровская Россия оставалась необычно крупной, но периферийной (географически и политически) державой. Конечно, Ништадт стал крепким фундаментом для ее *признанного* статуса великой европейской державы – но лишь фундамента. Вторым историческим шагом стало возведение на этом фундаменте указанного политического статуса. Его зодчим и стал российский дипломат, неслучайно получивший признание великого царя. Преодолевая препоны, создававшиеся его антагонистами, самым опасным из которых был А.Д. Меншиков, А.И. Остерман буквально собственными руками ввел Россию не просто в концерт, но и в число Пятерых. Лишь теперь, в 1726 г. Россия становится *великой державой*, и ее новое место в мировом политическом пространстве становится общепризнанным. Теперь уже на века.

Политику (внешнюю) как сферу человеческой активности, определяющую отношения между государствами, можно подразделить на силовую (военную) и дипломатическую, использующую для достижения своих целей мирные средства. Петр I вошел в историю как мастер силовой политики. В то же время, он был более чем посредственным дипломатом. Заключенные им союзы распадались, друзья превращались во врагов (Фредерик IV) или подводили в самый ответственный момент (Август II). С царем опасались вступать в союзные переговоры, так как он не всегда держал слово. Можно сказать, что петровские реформы если и коснулись дипломатической сферы старомосковской культуры, то изменили при этом лишь внешний ее облик, ее антураж. Между тем, в своей внутренней сути русская дипломатия по-прежнему хранила византийские традиции.

В ее эволюции, свершившейся в годы правления Екатерины I, большую роль сыграли личные качества А.И. Остермана. Человек, как известно, неподкупный, вице-канцлер считал верность слову одним из необходимейших качеств успешного политика. Он отнюдь не был идеалистом. И реноме государя, пользующегося доверием, он не считал каким-то этическим

достижением. Это был куда более важный, *политический* капитал, способный приносить немалые дивиденды.

О том, что сказанное – не домыслы историка, говорит хотя бы приведенный выше призыв А.И. Остермана к честному соблюдению договора со Швецией. Это был первый, но не последний шаг в его новаторских начинаниях. Создавая свою систему, он должен был коренным образом реформировать российскую политику, что было невозможно при жизни великого реформатора Петра. Я думаю, здесь уместно вспомнить слова забытого ныне М.Н. Покровского: «Банкротство петровской системы заключалось не в том, что «ценою разорения страны Россия была возведена в ранг европейской державы», а в том, что, несмотря на разорение страны, и эта цель не была достигнута».¹³⁵

Здесь имеет смысл развить старую метафору, давно ставшую хрестоматийной, где Россия уподобляется кораблю, сошедшему на воду «при громе пушек». В ней государственный корабль (точнее – флот, ведь Петр включил в состав России и новые, изначально нерусские провинции) *лишь спущен* на воду, не более. Он являл собой, если использовать язык старых английских адмиралов, *fleet in being*, то есть завершенные постройкой, но еще не оснащенные и оттого не годные к походу корабли. Такой была Россия в момент смерти Петра. Задачей А.И. Остермана стало оснастить этот величественный корабль парусами и такелажем, что он и исполнил. Теперь – но никак не ранее! – Россия могла поднять паруса и, как говорится в той же метафоре, своим ходом «войти в Европу».

Все сказанное о событиях 1725-1726 гг. – не новость. За исключением одной «мелочи». Исследователи в России, касаясь Венского союза, ставили (и ставят) его конструирование в заслугу Верховному Тайному совету, не конкретизируя вклад каждого из членов этого правительственного органа. При этом в Новой истории Европы занижается роль и лично А.И. Остермана, и его системы. Источник такого положения в науке столь же прост, сколь невероятен. Российские историки в течение почти двух веков доверяются неверной датировке (1726 вместо 1725 гг.), сделанной при опубликовании остермановского Меморандума¹³⁶. Эта ошибка присутствует и в фундаментальной истории внешней политики, чьи тома выходят в издательстве «Международные отношения»¹³⁷.

Эту порочную традицию трудно оправдать. Мало того, что она входит в кричащее противоречие с самим текстом Меморандума, но ведь имеется и точное указание на начало и конец подготовки документа¹³⁸. В результате этой ошибки очередность создания остермановского меморандума и Венского союза рассматривается *в обратном порядке*. Поэтому Меморандум и выглядит как какой-то банальный анализ ситуации, сделанный

постфактум, как пример «лестничного остроумия». Отсюда понятно, в общем-то, пренебрежительное отношение к этому выдающемуся памятнику российской политической мысли.

К стыду нашему заметим, что в этом смысле западная историография расставляет акценты куда более точно. Чтобы подтвердить сказанное, приведу сравнения:

В московском трехтомном «Дипломатическом словаре» вообще нет ни слова ни о Венском союзе 1726 г., ни, тем более, об авторе его проекта. В целом, выводы отечественной науки на сей счет суммирует Советская историческая энциклопедия: «После смерти Петра I Остерман, умело лавируя между различными политич. группировками, беззастенчиво интригуя против многочисленных соперников, добился высших постов в правлении...» и т.д.¹³⁹ О главном – молчание. Эта ситуация сохранилась донныне, разве что в оценках Венского союза кое-где проглядывает истина.

В то же время западные авторы, вряд ли работавшие с приведенными здесь источниками, но лучше знакомые с Новой историей России, называют вещи своими именами, давно уже оперируя термином *Система Остермана*, как означающим общепризнанную историческую реалию. Более того, им давно оперируют в специальных трудах¹⁴⁰, его легко найти и в самых общих биографических справочниках.¹⁴¹

Обратимся, наконец, к мнению на сей счет датского историка Ханса Баггера, поскольку он – один из крупнейших специалистов в российской дипломатии 1720-1730-х гг. и первый, кто попытался повлиять на упомянутый перекося в нашей науке (увы, тщетно). Говоря о А.И. Остермане и, в целом, о Венском союзе, он отмечает: «Так была заложена основа одного из самых продолжительных альянсов в истории Нового времени. Несмотря на то, что этот договор и история его подписания исследованы слабо, историки не скупятся в оценках его важности как для Европы, так и для России. Во всех, без исключения, общих исторических трудах союз, основанный на этом договоре, рассматривается как один из самых стабильных элементов международной политики XVIII в. (подч. мной – В.В.). И как краеугольный камень внешней политики России вплоть до Крымской войны, а может быть, и позднее<...>».¹⁴²

Впору поразиться: весь мир отдает должное российскому дипломату Андрею Ивановичу Остерману, кроме нас.

Причина нашего небрежения данным сюжетом коренится, конечно, не в хронологическом ляпсусе, упомянутом мною выше. Она – и в общем отношении отечественной науки ко всему периоду 1725-1741 гг. Не секрет, что характеризуемый,

согласно вечному клише, как «глухое время иностранного засилья»¹⁴³, этот период чуть ли не оскорбляет патриотические чувства российских исследователей. Что неудивительно: на протяжении многих десятилетий все коллизии «эпохи дворцовых переворотов» рассматривались у нас как противостояние в государственной политике великорусского и немецкого начал. Сейчас положение меняется, но традиция еще сильна. Поэтому, когда нашему историку приходится упоминать о послепетровских лидерах германского происхождения, то в его творческой палитре больше всего расходуется черной краски.

Как представляется, уже настало время пересмотреть наши предпочтения в этой сфере исследовательского внимания. Что же касается вопроса о роли выдающегося российского дипломата Андрея Ивановича Остермана в создании не только Венской системы, но и, в целом, нового уровня российской дипломатии (при его участии наконец-то поднявшейся до требований «пост-вестфальской» эпохи), надеюсь, что мой доклад был на него ответом.

**Финляндия и Северо-Запад России в планах эвакуации петербургских заведений
Мариинского ведомства в 1812 г.**

Среди личных бумаг императрицы Марии Фёдоровны обнаружены любопытные документы, посвященные разработке планов эвакуации петербургских учреждений Мариинского ведомства в случае, если бы городу угрожала армия Наполеона, а также материалы, которые свидетельствуют о подготовке к реализации этих планов и намерения эвакуации самой императрицы.

В августе 1812 г. Мария Федоровна из Петербурга руководила эвакуацией учреждений Московского опекунского совета. Из древней столицы в Казань вывезли Сохранную и Ссудную казну, не взятых родственниками воспитанниц Екатерининского и Александровского училищ, а также старших питомцев Воспитательного дома. Письмо о вывозе казны императрица направила в Москву 6 августа 1812 г., в день падения Смоленска, а последние назначенные к эвакуации дети – старшие питомцы Воспитательного дома – выехали из Москвы 31 августа, перед вступлением в город французских войск.¹⁴⁴

О проектах эвакуации из Петербурга пока обнаружены лишь упоминания в трудах, посвященных Марии Фёдоровне. Все три черновых варианта плана эвакуации петербургских учреждений, сохранившиеся в РГИА, представляют собой разные редакции одного и того же документа. Они не датированы. Можно предположить, что начало их разработки относится к августу 1812 г. Петербургский проект явно создавался параллельно с московским, а подготовка к его реализации продолжалась, по крайней мере, до конца сентября 1812 г. Об этом свидетельствуют счета на оплату приобретенных для выезда из столицы судов-тихвинок, имеющие даты от 19 августа до 20 сентября.¹⁴⁵ Образцом для петербургского плана послужил аналогичный московский документ. Некоторые его статьи просто копировали с московского плана, и при переписывании вкрались ошибки, позднее исправленные. Так, в одном из вариантов первоначально шла речь об эвакуации петербургской казны в Казань.

Проект был изложен в форме повеления Марии Фёдоровны, согласованного с сыном-императором. Последняя редакция объясняла необходимость его создания тем, что «течение военных действий» побуждает «к принятию заблаговременно мер предосторожности на всякой нещастной случай» и возлагает «долг охранить от всяких приключений вверенное Воспитательному дому частное имущество, равно как и сделать распоряжение в рассуждении самого Воспитательного дома и всех зависящих от него

заведений». ¹⁴⁶ После вступления повеления в силу Опекунскому совету полагалось опубликовать в газете объявление о прекращении работы Сохранной и Ссудной казны, а также о том, что она переводится «на первый случай» в Каргополь (сначала местом ее пребывания была указана Вологда). Велено было «опубликовать через полицию немедленно», чтобы петербуржцы, заложившие ценности в Ссудную казну (ломбард) выкупили свои залогов, особенно вещи, «тлению и повреждению подверженные». Сохранной казне было предписано выдать всем учреждениям ведомства Опекунского совета суммы на двухмесячное их содержание, а эвакуируемым заведениям дополнительно деньги на оплату путевых издержек. Оставшиеся в казне деньги, ценности и необходимые для работы Совета документы предполагалось упаковать в ящики и приготовить к вывозу из Петербурга. В Вологду ценное имущество думали отправить на «тихвинских судах» по Волго-Балтийской системе в сопровождении почётного опекуна князя Н.Г.Шаховского и чиновников. Позднее было принято решение ехать сухопутным путём в Каргополь, для чего следовало нанять лошадей с повозками. В последней редакции проекта сделана пометка, что «предварительное условие <...> выставки нужного числа лошадей и повозок уже заключено». ¹⁴⁷

Намечалось также «через полицию и ведомости» опубликовать объявления, чтобы родители и родственники, имевшие детей в учебно-воспитательных заведениях Опекунского совета, явились «для принятия их на своё попечение с назначением им к тому срока и с обещанием принять детей обратно <...> по восстановлении тишины». ¹⁴⁸ Дети, оставшиеся в стенах сословных учебных заведений, – смолянки, воспитанницы училища ордена св. Екатерины, Мещанского и Мариинского училищ, Девичьего военно-сиротского дома, ученики Коммерческого училища, а также ученицы Повивального института, - подлежали эвакуации в Финляндию, в г. Вильманstrand, наравне со старшими питомцами Воспитательного дома. Вывезти из столицы предполагалось и всех воспитанников Училища глухонемых «по малому числу питомцев <...> и по уважению того, что они нигде уже не смогут иметь такового как в сём училище учения и образования». ¹⁴⁹ Самой многочисленной группой эвакуируемых должны были стать питомцы Петербургского и Гатчинского воспитательных домов – мальчики старше 12, а девочки старше 11 лет. Предполагалось, что детей будет сопровождать почетный опекун Болотников, главная надзирательница, помощник главного надзирателя столичного дома, «потребное число приставников, приставниц, учителей и пр.». Для «экономического управления» почетный опекун должен был использовать эконома Коммерческого училища и смотрителя Училища глухонемых. ¹⁵⁰

В Петербурге прекращение деятельности Сохранной и Ссудной казны вынуждало закрыть приём «вновь младенцев, по невозможности снабжать Дом в то смутное время потребным числом кормилиц». Императрица приказала «опубликовать через полицию и объявить в приёмной комнате о сём <...> с увещанием матерей, чтобы в продолжение сих трудных обстоятельств выполняли долг природы. В прочем же экспедиции (о воспитанниках обоего пола – Т.Ф.) продолжать надзор и попечение своё как о питомцах, в Воспитательном доме живущих, так и в деревнях и у родителей оставшихся». ¹⁵¹

Из-за ограниченности средств Больница для бедных должна была продолжать приём лежащих больных «до вступления неприятельских войск, а тогда оный прекратить, довольствуясь пользованием тех, которые в то время в больнице находиться будут». Приём приходящих больных дозволялся до тех пор, пока «будет возможность доставать потребные лекарства». ¹⁵²«Призреваемых во Вдовьем доме» полагалось выпустить с «годовым пенсионом» по сто руб. Детей своих вдовы могли взять с собой. Оставшиеся дети разделяли судьбу питомцев Дома. Престарелые вдовы, не способные сами ухаживать за собой, присоединялись к пациентам Больницы для бедных.

Руководить оставшимися в столице заведениями должен был главный надзиратель Петербургского воспитательного дома. Его предполагалось снабдить «потребною на два месяца суммою». «Больше же сего капитала оставить неудобно, как по причине других при общей расстройке значущих расходов, так и для того, чтобы слишком большим капиталом не польстить корысть неприятеля», - объясняли авторы проекта. В случае если бы «несчастные обстоятельства» затянулись, главный надзиратель получал право открыть кредит «у какого-либо надёжного остающегося здесь банкира <...> или же снестись с Градскою думою, дабы она из своих доходов (которые ни в каком случае прекратиться не могут) снабжала его деньгами».

Как и его московский коллега, главный надзиратель был снабжён инструкцией, которая обязывала его «в случае, от чего Боже сохрани, вступления неприятельских войск, уведомить Начальствующего о сём богоугодном заведении, его цели и привилегиях и требовать сальвогвардии или караула, как для самого Воспитательного дома, так и для больницы бедных и Александровской мануфактуры <...> для предохранения их от всякой опасности, обид и насилия». Всех подопечных Совета в Петербурге следовало перевести в «старое строение Смольного монастыря, которое, будучи отдалено от частных зданий и окружено каменной стеною, представляет более безопасности в случае несчастных приключений, нежели дома, посреди города расположенные <...> и почти со всех сторон

открытые». В здании и вокруг него велено было заделать все лишние входы, двери и арки.

Находившаяся на Шлиссельбургской дороге Александровская мануфактура, основную массу рабочих которой составляли юные питомцы Воспитательного дома, должна была продолжать работу. В случае «нужды в деньгах» управляющему мануфактурой полагалось обращаться к главному надзирателю Дома. При необходимости управляющий получал право отправить «взрослых питомцев обоего пола» в Финляндию в г. Сердоболь и Нейшлот. Итак, к вступлению в Петербург французских войск учреждения, находившиеся в ведении императрицы Марии, готовились весьма тщательно, с учетом местных городских особенностей.

Эвакуация была продумана не менее обстоятельно. Канцелярия 1-го округа Деревенской экспедиции Воспитательного дома, расположенного на востоке Петербургской губернии, должна была сообщить в Совет о том, «могут ли суда пройти ныне от Санкт-Петербурга до Нижнего Новгорода без разгрузки». Выяснилось, что на Тихвинской системе ведутся работы по углублению каналов, и проход по ней закрыт. По Мариинской системе движение продолжалось, но «большие лодки» на пути из Рыбинска в Петербург перегружались в Вытегре, а без перегрузки могли пройти только небольшие суда «длиною в 33 аршина, шириною до 10 аршин» и осадкой до 4 ½ футов. Провоз людей и груза на одной лодке от столицы до Ярославля обходился в 600 руб. Лодку-тихвинку, купленную за 250 руб., в Ярославле можно было продать за 100 – 150 для использования на дрова, и расход уменьшался до 450 руб. Время в пути до Ярославля составляло 30 дней. Последним сроком выезда из Петербурга знающие люди называли 10 сентября.

С 19 августа 1812 г. по поручению вдовствующей императрицы началась закупка тихвинок для неё и младших членов императорской фамилии. В обнаруженных счетах и описях 1812 – 1813 гг. числятся, по меньшей мере, 7 таких лодок, в том числе, 3 – «для двора Её императорского величества» и по 2 – для младших великих князей и княжён. Сохранились сведения о том, что 2 из приобретённых тихвинских лодок были крытыми, то есть, имели помещения вроде кают, а ещё на 3 лодках «за постройку комнат» было уплачено 585 руб. 40 коп. Надо полагать, что именно их и собирались использовать для вывоза из столицы Марии Фёдоровны и её младших детей. Общее число закупленных тихвинок доходило до 15. 3 из оставшихся 8 судов планировалось использовать для эвакуации ломбарда. В 1812 г. лодки, естественно, остались без применения. В 1813 г. 4 из них проданы купцу 1-й гильдии Галашевскому, у которого год назад их купили, одну приобрели для ведомства путей

сообщения, одна была перевезена в Павловск, одну тихвинку императрица подарила генерал-майору О.О.Сабиру, а ещё 8 не нужных в ведомстве императрицы судов на сумму почти в 3000 руб. ожидали покупателя (всего на приобретение тихвинок в 1812 г. израсходовали почти 4300 руб.). Продавать их поручено было О.О.Сабиру, начальнику округа путей сообщения. В ноябре 1813 г. он извещал статс-секретаря императрицы Г.И.Вилламова о приобретении ещё одной лодки по покупной цене (400 руб.) для своего ведомства, и просил его известить императрицу, что в следующем году продать остальные лодки без понижения цены не удастся. Таким образом, императрица-мать со своим двором и младшими детьми планировала выехать из Петербурга по Мариинской системе в северные районы страны или Поволжье.

Вероятно, не только и даже не столько наступившая осень (приказ оплатить строительство кают на 3 лодках Мария Фёдоровна подписала 20 сентября 1812 г.), сколько пребывание Наполеона в Москве вынудило императрицу переместить акценты на северо-восточное и северо-западное направление предполагаемой эвакуации. В её бумагах сохранились недатированные документы, которые содержат расчет стоимости перемещения людей и грузов сухопутным путём на значительное расстояние, списки служащих Сохранной и Ссудной казны с членами их семей, записка со сведениями о воспитанниках, имуществе и служащих Коммерческого училища, и о числе необходимых для них повозок, данные о воспитанниках Девичьего военно-сиротского дома, списки старших питомцев Воспитательного дома и расчёты необходимого для их перевозки числа лошадей, а также проект размещения учебно-воспитательных заведений в финском г. Вильманстранде.

Информация, подготовленная для Марии Фёдоровны, сообщает, что для перевозки в Каргополь, расположенный в 669 верстах от Петербурга, Сохранной и Ссудной казны и 130 чиновников с членами их семей, потребовалось бы 180 лошадей. Под поклажу Сохранной казны нужно было 30 повозок. Затраты составили бы по ценам столичного купца Безрукова свыше 72 тыс. руб., а по ценам «удельного крестьянина Порохова и госпоцкого Буренкова» – более 66 тыс. руб. Некоторые личные ценности из Гатчинского дворца императрица предполагала отправить с Сохранной казной.

Готовность взять детей на своё попечение из Коммерческого училища в случае эвакуации высказали лишь 24 семьи. Остальные 117 воспитанников должны были остаться в училище. По подсчётам директора, «для подъёма училища» требовалось 105 повозок, 1 коляска и 214 лошадей, причём суммой на их приобретение училище не располагало.

Девичий военно-сиротский дом представил к отправлению 70 девочек, а Петербургский воспитательный дом – 313 служащих, учителей и питомцев.

Всех эвакуированных, за исключением подростков, трудившихся на Александровской мануфактуре, как уже говорилось, предполагалось разместить в Вильманстранде. Оттуда, видимо, после русско-шведской войны 1808 – 1809 гг., выехали русские воинские части. Освободившиеся помещения и планировалось занять под эвакуированные учебно-воспитательные заведения. В четырёх казармах следовало разместить питомцев обоих Воспитательных домов, их надзирателей, а также 30 студентов Медико-хирургической академии из бывших воспитанников. Там же должны были располагаться бельевая и лазарет воспитанниц. В помещениях планировалось поставить перегородки и сделать отдельные входы для мальчиков и девочек. Воинский лазарет из пятой казармы переводился в порт, а его помещение должны были занять ученики Коммерческого училища.

Переселенцы рассчитывали также использовать пустовавшие здания провинциальной канцелярии. В деревянный дом, бывший комендантский, поселялся Повивальный институт. «Каменный порожжий дом» занимал почетный опекун Болотников, два «задних покоя» оставались вакантными. «Офицерские светлицы» предназначались для помещения чиновников. Инженерная солдатская казарма назначалась «для печения хлебов» и размещения хлебников, кордегардия – для аптеки и аптекарей, гауптвахта – «для главной кухни, кухарки с рабочими и временной кладовой провизии», батальонная лаборатория – для прачечной. Ряд служащих предполагалось поселить в казённых домах, где проживали жёны русских офицеров. Учителя Коммерческого училища и обоих Домов могли рассчитывать на квартиры в бывшем морском лазарете в одной версте от города. Несколько помещений назначения не получили и оставались в резерве.

Таким образом, в канцелярии Марии Фёдоровны разрабатывались подробные планы эвакуации части императорской фамилии и заведений, находившихся в ведомстве императрицы-матери, в северо-западные районы России и Финляндию с оставлением части этих учреждений в оккупированной столице. Мария Фёдоровна всерьёз обдумывала и вполне допускала подобный поворот событий. На подготовку эвакуации были затрачены немалые средства, ставшие частью военных расходов. Интересно, что если деньги и ценности предполагалось вывезти вглубь России, то воспитанники должны направиться в Финляндию – в Вильманstrand, Сердоболь, Нейшлот. Очевидно, подобные планы были связаны с практическими обстоятельствами, - переводом воинских частей русской армии на новые границы или их участием в военных действиях Отечественной войны 1812 г.

**Пути решения финляндского вопроса
в правомонархических салонах Петербурга-Петрограда**

В начале XX века одним из важнейших вопросов, стоявших перед Российским правительством, был так называемый «финляндский». Требование частью финского общества широкой автономии вплоть до полного отделения от России противоречило официальной политике государственной власти Российской империи. Традиционно принято считать, что представители монархического движения выступали с жёсткой позицией по финляндскому вопросу. Ещё начиная с 1920-х гг. в историографии высказывалось мнение о том, что «чёрные силы» - объединённое дворянство и черносотенные организации – разрабатывали правительственную политику по угнетению «иностранцев», в том числе и финнов.¹⁵³

Известно, что многие деятели консервативного направления посещали так называемые правоконсервативные салоны. Под правомонархическими салонами (кружками) мы понимаем собрания людей со сходными, но не связанными какими-либо организационными обязательствами консервативными убеждениями, функционирующие помимо официально существующих государственных структур; при этом вся деятельность кружков направлена на формирование внутренней и внешней политики царствующего монарха. Среди правоконсервативных салонов, возникших в 60-70-е гг. XIX века и просуществовавших несколько десятилетий, наиболее крупными являлись кружки князя В.П. Мещерского и генерала Е.В. Богдановича. Существовали также и менее значимые салоны – С.С. Игнатьевой, С.Д. Шереметева, Н.Ф. Гейден.

Изучая деятельность политических салонов, необходимо учитывать, что это были сугубо неофициальные собрания. От участников не требовалось приходить к какому бы то ни было единому мнению, их позиции по отдельным вопросам (в том числе и по финляндскому) могли существенно различаться. Отсюда следует, что, говоря о тех или иных политических действиях салона, имеются в виду прежде всего те или иные меры, предпринимавшиеся лидерами-организаторами кружков, являвшимися своего рода душой каждого из этих объединений.

Здесь речь пойдет о том, какую позицию по финляндской проблеме на самом деле занимали участники этих кружков. Будет также сделана попытка ответить на следующие вопросы: что общего и в чём разница между их взглядами и общей правительственной

политикой по отношению к Финляндии; попытаемся выявить, способны ли были салоны оказывать влияние на властные структуры Российской империи по данной проблеме. МК тому же потребуются рассмотреть важнейшие события, связанные с управлением Финляндией, в хронологическом порядке и проанализировать реакцию на них виднейших представителей правых салонов.

По переписи 1897 года, население Великого княжества Финляндского составляло два с половиной миллиона жителей (4,5 процента от общего числа подданных Российской империи). Как известно, Финляндия находилась на особом положении. Там действовала конституция, дарованная ещё Александром I. Финский сейм, который состоял из представителей четырёх сословий (дворянства, духовенства, горожан и крестьян) созывался каждые пять лет. При Александре III он получил право законодательной инициативы. Местным правительством был Сенат, назначавшийся императором, а связь с общеимперским управлением обеспечивалась через министра статс-секретаря Финляндии. В 1900 г. статс-секретарём по финляндским делам являлся В.К.Плеве, который в то время был дружен с организатором крупнейшего правого салона В.П.Мещерским, бывал у него на даче в Царском Селе. Плеве проводил жёсткую политику по отношению к Финляндии, и она вызывала несомненное одобрение у Мещерского.

По мнению М.Балабанова, с которым отчасти можно согласиться, самодержавное правительство не могло примириться с существованием финляндской конституции и сейма. С первых лет правления Николая II началась многолетняя борьба с финляндскими вольностями «с целью превратить Финляндию в русскую окраину».¹⁵⁴ Так, сейм стал созываться нерегулярно, правительство действовало без него или против него; мало того, в Финляндию посылались русские чиновники, русские войска, устанавливалась военная диктатура генерал-губернатора.

Тем не менее, следует отметить, что, несмотря на всё выше сказанное, политика Николая II относительно Финляндии, по признанию современников, отличалась непоследовательностью. «Сколько раз изменялось отношение к нему /финляндскому вопросу – Д.С./ русского правительства – и как быстро происходили эти перемены! В начале 90-х годов прошлого столетия он разрешался не так, как в конце того же десятилетия, в 1904 году – не так, как в 1905-м, в 1906-м году – не так, как в 1909-м», -- писали в 1911 году журналисты «Вестника Европы».¹⁵⁵

Первой попыткой царского правительства видоизменить законы, действовавшие по отношению к Финляндии, были предприняты в начале 1899 года. Уже в январе-месяце

Финляндскому сейму был представлен законопроект, распространяющий на Финляндию, с некоторыми коррективами, русский воинский устав. Далее, 3 февраля того же года был издан Высочайший манифест, в котором говорилось: «Оставляя в силе существующие правила об издании местных узаконений, исключительно до нужд Финляндского края относящихся, мы почли необходимым предоставить нашему усмотрению ближайшее указание предметов общеимперского законодательства».¹⁵⁶

Одновременно с этим документом были изданы «Основные положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для Империи со включением Великого Княжества Финляндского». Эти законы должны были издаваться императорской властью, причём, в отличие от законов, к Финляндии не относящихся, требовались предварительные заключения высших административных органов Финляндии, а также и Финляндского сейма. Эти заключения носили, однако, совещательные характер. Смысл новых законов, по вполне справедливому мнению правого публициста С.Ф.Шарапова, заключался в том, что «в вопросах, касающихся не только одной Финляндии, как автономной области, но и всей империи, государь, прежде чем дать своё утверждение тому или иному законопроекту, исходящему с русской и финской стороны, желает *сличить* и *уяснить* /курсив С.Ф.Шарапова – Д.С./ как русские, так и финские воззрения на данный предмет».¹⁵⁷ Согласно § 5 «Основных положений», подлежащие вопросы передавались на предварительное рассмотрение земских чинов Финляндии, а в заседания Государственного совета приглашались финские делегаты. Разграничение сферы общеимперского законодательства и местных законов, требующих согласия сейма, предоставлялось также императорской власти. Ответной реакцией явилось широкое выступление финской общественности против попыток ограничения автономии Финляндии.

Новые законы бурно обсуждались в правых кругах, в том числе в крупнейших гостиных и салонах. Монархисты в целом одобряли их введение. Одним из активных участников салона Е.В. Богдановича являлся приват-доцент римского права Санкт-Петербургского университета Б.В. Никольский. В его дневнике имеются некоторые высказывания по данной проблеме. В марте 1899 г. Никольский подробно изучал различные материалы по финляндскому («чухонскому») вопросу и, называя финнов «глупым и злым народом»¹⁵⁸, не находил никаких доводов в пользу сепаратистского движения в Финляндии, хотя и отмечал, с другой стороны, «несносность» нахальства «чухноедов».¹⁵⁹ Таким образом, позиция Б.В. Никольского, несмотря на резкие высказывания в адрес финнов, не отличалась крайним радикализмом. Вместе с тем, он (впрочем, как и большинство участников салона

Е.В. Богдановича) не выработал какого бы то ни было своего проекта решения финляндского вопроса.

Следует отметить, что отношение русских правых к финнам не всегда было столь презрительным, как у Б.В.Никольского. К примеру, публицист С.Ф.Шарапов, также близкий к салону Е.В.Богдановича, в одной из своих заметок описал своё первое посещение этой страны и, в частности, сельской школы, в восторженных тонах: «Едва ли найдётся другая страна, где бы столько делалось для народного образования и где бы это образование приносило такие пышные плоды. /.../ Чистота во всех трёх комнатах /школы - Д.С./ была поразительная. /.../ Обстановка учителя была небогатая, но в высшей степени приличная и уютная. На столиках вязаные салфеточки, много книг, на окнах цветы. /.../ Мы с истинным наслаждением прослушали в исполнении стройного и свежего детского хора несколько мелодичных народных финских песен с неизбежной «Armas Suomenmaa» (дорогая Финляндия) во главе».¹⁶⁰

Тем не менее, С.Ф.Шарапов одобрил в целом Манифест 3 февраля. Документ, с его точки зрения, «ни малейшим образом не нарушает их /финляндских – Д.С./ основных законов, подтверждённых монархом при вступлении на престол. Он устанавливает лишь способ приготовления /здесь и далее курсив С.Ф.Шарапова – Д.С./ тех законов, какие верховная власть сочтёт общеимперскими»¹⁶¹. По мнению публициста, «*рассмотрение, сличение, уяснение – ещё не есть решение* вопроса. *Мнение* ещё не есть закон. Оно становится законом лишь после высочайшей надписи: «Быть по сему»».¹⁶² С.Ф.Шарапов считал, что действие манифеста не простиралось на свободную волю императора, который, исходя из своих убеждений и совести, мог принять какое ему было угодно решение.¹⁶³ Главное изменение в финляндском законодательстве, продиктованное Манифестом 3 февраля, С.Ф.Шарапов видел в том, что если ранее финские дела докладывались царю статс-секретарём министром Финляндии отдельно от дел общеимперских, то теперь «те дела, где речь идёт *и о русских интересах*, будут докладываться, пройдя через Государственный совет, то есть в связи с мнением русских государственных людей».¹⁶⁴ С.Ф.Шарапов считал такой порядок справедливым для обеих сторон, так как, по его мнению, он защищал русских от возможности тенденциозного доклада императору с финской стороны, в равной мере устраняя опасность для финнов от тенденциозного доклада царю, направленного против Финляндии. Таким образом, согласно С.Ф.Шарапову, новый закон дал возможность финнам совершенно равноправно отстаивать перед верховной властью свои интересы.¹⁶⁵

Тогда же С.Ф.Шарапов разработал свой план решения финляндского вопроса. Он выступал решительно против того, чтобы «целая народность осуждалась на обезличение и слияние с господствующей народностью».¹⁶⁶ По его мнению, «такая задача, кроме своей отрицательной нравственной расценки, совершенно неосуществима, а между тем заведомо вредна для государства, так как приводит к результатам прямо противоположным».¹⁶⁷ С.Ф.Шарапов опровергал обвинения в желании русифицировать финнов, которые возводил шведский учёный доктор Антон Нистрём по отношению практически ко всем русским консерваторам. По его словам, «никто даже из самых крайних наших объединителей не мечтает об обрусении финнов» и что «нелепость этого всеми сознаётся».¹⁶⁸ Консерваторы, согласно С.Ф.Шарапову, желали устранить то, что им казалось аномальным, например, «особые права финнов, которых не имеют коренные жители империи».¹⁶⁹ Публицист верил в то, что финляндский кризис разрешится «к обоюдному удовольствию». Он в связи с этим писал: «Финской автономии никто не тронет. У наших консерваторов, к счастью, нет ни достаточной силы, ни последовательности. Дело ограничится военной реформой и только».¹⁷⁰

Революция 1905 г. вынудила императора пойти на серьёзные уступки относительно управления Финляндией. Манифестом 22 октября было приостановлено действие всех законов, оспаривавшихся финляндцами, начиная с манифеста 3 февраля 1899 г. : «Рассмотрев окончательно петицию сейма от 31 декабря 1904 г., мы признали её заслуживающей внимания», -- отмечалось в новом манифесте.¹⁷¹ На 7 декабря созывался финский чрезвычайный сейм; финляндская конституция была восстановлена в прежнем виде. Мало того, 7 июля 1906 г. император утвердил новую финляндскую конституцию и избирательный закон, основанный на всеобщем избирательном праве и пропорциональном представительстве. Разработка документа осуществлялась в течение нескольких месяцев. Проекты законов, касающихся Финляндии, безусловно, проникали в крупнейшие салоны, в частности, в гостиную Е.В.Богдановича. Среди лиц, близких к генералу, возникла дискуссия по данной проблеме.

В своих письмах видный участник салона Е.В.Богданович барон Н.Д.Остен-Сакен высказывал супруге генерала А.В.Богданович свои соображения по финляндскому вопросу, к которым она относилась с пониманием и одобрением.¹⁷² К примеру, в апреле 1906 г. он писал: «В Страстную субботу Вам угодно было, с умиленным терпением, выслушивать мои сетования о глубоком заблуждении, в котором находятся наши сановники по всем вопросам, касающимся Финляндии. Мы грешим, попеременно, в двух

противоположных направлениях: то выделяем Великое княжество чуть ли не в особое государство, то ломаем бестолково всё хорошее, там существующее, и навязываем финляндцам ненужные русские порядки». ¹⁷³

В статье 2 проекта Основных государственных законов Российской империи было записано: «Великое Княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства». Н.Д.Остен-Сакен предлагал вторую статью уничтожить и считал, что имперские законы должны иметь преимущество перед местными (как в Германии). Тем более, по его мнению, это касается Финляндии. ¹⁷⁴ Барон при этом заметил: «Я не посягаю на финляндское законодательство вообще, но, по силе вещей, объединение некоторых законов (как, например, закон морского права, торгового мореплавания, уголовные) настоятельно напрашивается». ¹⁷⁵ Таким образом, в отличие от тогдашней правительственной политики, барон, по сути дела, предлагал сохранить основные положения законов 1899 г. относительно Финляндии.

Период думской монархии наложил свой отпечаток на решение финляндской проблемы. Попытки ограничить финляндскую автономию во многом были связаны с тем, что многие политически неблагонадёжные элементы находили себе поддержку в Финляндии. На её территории они скрывались от русских властей, здесь же размещались революционные террористические центры. Финские националисты считались злейшими врагами Русского государства. ¹⁷⁶ П.А.Столыпин, выступая в 1908 г. на заседании Государственной думы, особо отметил, что на территории Финляндии «готовились и организовывались /.../ многие из тех покушений, которые имели место в Петербурге». ¹⁷⁷ Кроме того, в Финляндии скрывались не только политические, но и уголовные преступники. С.Ф.Шарапов в одной из своих заметок рассказал случай о том, как некий граф Х. выехал в Выборг с похищенной им молодой англичанкой, захватившей себе на путевые расходы чужие деньги. ¹⁷⁸ По утверждению выборгского полицмейстера, подобные истории случались у них в начале 1900-х гг. «чуть ли не каждый день», ¹⁷⁹ что постепенно приводило к формированию в финской среде негативного образа русских.

Руководствуясь выше приведёнными доводами, председатель Совета министров П.А.Столыпин вернулся на путь, оставленный в 1905 г. и решил провести без согласия финского сейма законопроект о соотношении между Российской империей и Финляндией. Для разработки законов и мероприятий, касающихся Финляндии, при Совете министров было образовано Особое совещание по делам Великого княжества финляндского

под председательством П.А.Столыпина. В его состав входили также видные участники салона Е.В.Богдановича – член Государственного совета В.Ф.Дейтрих, министр юстиции И.Г.Щегловитов и Финляндский генерал-губернатор генерал Ф.А.Зейн.¹⁸⁰

Глава правительства исходил прежде всего из того факта, что Финляндия являлась составной частью империи, а империя, по его мысли, должна управляться «объединённым правительством, которое ответственно перед государем за всё происходящее в государстве».¹⁸¹ При этом особо отмечалось, что «Россия не может желать нарушения законных автономных прав Финляндии относительно внутреннего её законодательства и отдельного административного и судебного её устройства». Однако «в общих законодательных вопросах и в некоторых общих вопросах управления должно быть и общее решение совместно с Финляндией, с преобладанием, конечно, державных прав России».¹⁸² Председатель Совета министров считал, что общеимперские интересы ничем не были обеспечены, а «картина государственного бессилия» по отношению к Финляндии казалась ему полной.¹⁸³ Правительство П.А.Столыпина, желавшего «установления на пространстве всей России стройного правового порядка»,¹⁸⁴ вырабатывало законопроект, главная цель которого, по мысли его создателей, заключалась в ограждении «исторических державных прав России»¹⁸⁵.

Вообще, разрабатывая новый законопроект, его авторы видели два пути решения финляндского вопроса. Первый – предоставить Финляндии возможность «свободного поступательного движения вперёд в деле самоопределения своего положения в империи». Вторым, за который и ратовал Столыпин, выражался в «повороте к решительной охране русских имперских интересов при сохранении полного уважения к финляндской автономии, к финляндским привилегиям».¹⁸⁶ Следует особо отметить, что организатор крупнейшего правомонархического салона Е.В.Богданович полностью поддерживал политику П.А.Столыпина, в том числе и по финляндскому вопросу.¹⁸⁷ Посетители его кружка, как уже отмечалось нами, участвовали в разработке нового законопроекта, касающегося Финляндии.

Этот документ, внесённый в Думу 14 марта 1910 г., вызвал многочисленные протесты среди думской оппозиции, однако был принят большинством. Одобренный также и Государственным советом, документ стал законом 17 июня 1910 г.¹⁸⁸ Теперь финский сейм сохранял только совещательный голос во всех существенных вопросах, как общеимперского, так и внутреннего законодательства (государственный бюджет, воинская повинность, о печати, о собраниях и союзах, о народном образовании, о полиции и т. д.). Эти вопросы

непосредственному разрешению сейма теперь не подлежали и должны были разрешаться законодательными учреждениями России.¹⁸⁹ До издания новых законов, в силе, однако, оставались старые, и фактически особых перемен в Финляндии не произошло.

Финляндский законопроект породил бурные дискуссии среди участников крупнейших правых салонов. Некоторые из них действовали вразрез с намерениями правительства. К примеру, В.П.Мещерский выступил в 1910 г. за предоставление широкой автономии Финляндии. Это привело к ожесточённой критике его деятельности со стороны крайне правых.¹⁹⁰

Правый публицист М.О.Меньшиков, посещавший салон Богдановичей, опубликовал статью в «Новом времени» под названием «Мещерская перо-торговля», в которой критиковалась позиция князя по финляндскому вопросу.¹⁹¹ Взгляды издателя «Гражданина» провозглашались «совершенно еврейским принципом», «принципом «самоопределения» русских и инородцев». Он, по мнению Меньшикова, «годится для окончательной ликвидации Русской империи».¹⁹² М.О.Меньшиков писал о В.П.Мещерском: «Издатель «Гражданина» по психологии своей совершенно маленькая Финляндия, как Финляндия - совершенно князь В.П.Мещерский в большом виде. Пристроиться на плечи России, сосать её елико возможно, вести интриги, преимущественно на верхах, кричать о преданности и доказывать эту преданность союзом с революцией и евреями, - разве это не один и тот же метод?»¹⁹³.

С.К.Глинка-Янчевский, также близкий к Богдановичам, критиковал позицию В.П.Мещерского по финляндскому вопросу в своей «Земщине». В статье от 5 июня 1910 года журналист утверждал, что князь своими воззрениями «упразднил самодержавие» и «клеветал на правое крыло Думы, когда возбуждён вопрос об установлении менее унижительных, - но всё-таки унижительных, - отношений России к Финляндии».¹⁹⁴

Итак, мнение В.П.Мещерского существенно расходилось с позицией других правых. Организатор другого известного салона, А.В.Богданович, в июне 1910 г. в дневнике высказалась о финляндском законопроекте следующим образом: «Надо conte que conte провести теперь же этот законопроект, не внося поправок, как он принят Думой, а принять некоторые поправки Думы не приходится».¹⁹⁵ Таким образом, позиция А.В.Богданович находилась в русле правительственной политики по финляндскому вопросу и разделялась большинством правых. Мало того, сразу после назначения В.Н.Коковцова на пост председателя Совета министров, Александра Викторовна, критикуя его политику, называла

В.Н.Коковцова «сторонником финнов», назначение которого «повергнет в уныние всех преданных Царю людей».¹⁹⁶

Заметим, однако, что, хотя поначалу В.Н.Коковцов действительно смотрел на финляндский вопрос иначе, чем П.А.Столыпин, то впоследствии, с конца 1911 г., «преемник пошёл по стопам предшественника». Объяснение этому журналисты «Вестника Европы» искали «не в общих соображениях о политической «последовательности», а в чём-то другом – может быть в том положении финляндских законопроектов, какое застал В.Н.Коковцов при вступлении своём в новую должность. Обсуждение их в Думе было неизбежно – и за них стояло тесно сплочённое большинство, разрыв с которым мог казаться неудобным».¹⁹⁷

В период Первой мировой войны на смену прекратившим своё существование салонам В.П.Мещерского и Е.В.Богдановича пришли новые кружки, среди которых своей чётко выраженной позицией по финляндской проблеме выделялся салон Б.В.Штюрмера. Относительно «финляндского вопроса» он «находил необходимость не изменять курса правительственной политики в этой области и стоял за неуклонное требование выполнения населением Финляндии наравне с жителями России натуральной и денежной на нужды войны повинности».¹⁹⁸

Итак, в результате соответствующего анализа ряда мнений и высказываний по финляндскому вопросу, которые прозвучали из уст представителей крупнейших правомонархических салонов, можно утверждать, что вопреки расхожему представлению, что эти салоны всецело выступали за правительственную политику относительно Финляндии, очевидно, что их позиция могла подчас существенно расходиться или, как, например, в случае с В.П. Мещерским, даже противоречить намерениям императорской власти. При этом никаких случаев реального влияния салонов на правительственную политику Российской империи в годы царствования Николая II явно не выявляется.

INTERNATIONAL ASSISTANCE TO FINNISH AIR FORCE DURING THE WINTER WAR 1939-1940*

“In January 1940...approximately one thousand American pilots were sent to Helsinki....

England sent to Finland 214 cannons, 101 aircraft, 185 thousand projectiles, 17.700 air bombs, 10.000 anti-tank mines... The French government sent not only 179 aircraft, 472 heavy cannons, 500 machine guns, 795 thousand projectiles, 200 thousand grenades and some thousand sets of various ammunition, but was also the first European government to initiate massive recruitment of volunteers for the war against USSR. In addition to England, France and USA, also Sweden, Norway, Italy and Germany provided assistance to Finland.”¹⁹⁹

The Finnish Air Force was created on March 6, 1918, and is thus one of the oldest air forces in the world.²⁰⁰ In the 1920s and 1930s a number of partly conflicting doctrines for the Finnish Air Force were proposed. With the enormous Soviet industrial and military might (quickly developing during the five-year plans of the 1930s) next to Finland, the task to organize Finland's air defense was formidable. Funds available were very limited, and Finns did generally not seriously believe in military conflicts.

Up to mid-1930s naval aircraft were considered optimal for Finnish topography with long shorelines of the Baltic Sea and Finnish lakes. In winter naval aircraft could operate on skis. Performance differences between floatplanes and land-based aircraft were not considered critical. However, the fast development of military aviation, and its use in international conflicts, showed clearly that performance of land-based aircraft was far superior. Bombers were generally seen as instruments of air power.

In 1931 General Mannerheim was appointed chairman of the National Defense Council. He was very “air-minded”, and directed drafting of an Air Force development plan aiming at 17 squadrons (of which 3 fighter squadrons, 5 ground support squadrons, 3 maritime support squadrons and 6 long-range squadrons, totaling 221 combat aircraft) in 1932. At this time the Finnish Air Force consisted of seven only partially equipped squadrons, in total 81 aircraft. Because of difficult economic situation, not even reduced plans could be realized.

In Finland relatively more emphasis on fighter aviation was put than in many other countries. Fighter tactics was also very modern, with flexible fighter pair as basic tactical unit. Both pair leader

and wingman acted according to “see first – shoot first” principle, which encouraged personal initiative. All Finnish fighter pilots got extensive marksman training in air gunnery.

Aircraft and engine licences acquired in late 1930s turned out to be of utmost importance for the forthcoming development of the Finnish Air Force and the Finnish aviation industry.

Bristol Mercury radial engine (840 hp; UK). A Mercury engine licence was signed in 1935 by Tampella Ltd. in Tampere, and was to be decisive for the subsequent choice of aircraft licences.

Bristol Blenheim (BL, two-engine bomber, Mercury engine; UK). On October 6, 1936 18 Blenheim bombers were ordered. A production licence was signed April 12, 1938, but no licence-produced aircraft were delivered before the Winter War.

Fokker D.21 (FR, single engine monoplane fighter, Mercury engine; Netherlands). On November 18, 1936 7 aircraft were ordered, and a production licence for 14 aircraft was signed (later expanded to unlimited production). The first Finnish produced Fokker D.21 was ready on November 11, 1938. Two batches of total 35 FR produced by State Aircraft Factory (VL) in Tampere were delivered between November 1938 and July 1939. The Fokker fighters formed the only modern fighter squadron in autumn 1939, and were the most important aircraft throughout the Winter War. The Fokker was very robust and very stable gun platform. Winter War score: 130 victory claims, 13 FR lost (10 in air combat), 8 pilots killed in action.

Fokker C.X (FK, light dive bomber and reconnaissance biplane, Pegasus engine; Netherlands). First order for four aircraft, and production licence was signed on May 18, 1936. Two batches of total 30 Fokker C.X were produced by VL in 1938. Winter War score: 587 missions, 8 FK lost, 14 aviators killed in action.

Finland's geopolitical situation changed dramatically after signing of the Molotov-Ribbentrop pact on August 23, 1939. On October 5, 1939 Finland was invited to Moscow for “concrete political negotiations”, which however were interrupted on November 13, 1939. Meanwhile USSR had got air force and naval bases in the Baltic countries. Finland started to mobilize its army already on October 6 as so-called “Extraordinary Exercises”, fortunately winning some time for preparations.

In autumn 1939 delegations were sent abroad to purchase armament (in particular aircraft and artillery). However, most countries refused to sell arms after September 1, 1939. Prices were also much higher than expected – arms are very expensive when really needed! Traditional Finnish-German trade relations were seriously impaired by the Molotov-Ribbentrop pact, and Germany blocked all deliveries of goods from its enemy countries.

In autumn 1939 only Italy was ready to sell combat aircraft. Sweden reacted also positively to Finnish appeals (but had no aircraft to sell), although the Swedish government avoided carefully official commitment. Transit via Sweden was the only import route open.

Fiat G.50 (FA, single-engine monoplane fighter). 25 Italian Fiat fighters were purchased on 23 October 1939, with another 10 Fiats ordered 13 January 1940.

The first two Fiats were dispatched 14 November 1939 by train from Italy via Germany to Sweden, and assembled in Malmö. The two fighters were flown to Finland in December 1939, and allocated to the Test Flight of the VL-factory in Tampere. Two attacking SB-bombers were shot down by the test pilots.

In early December 1939 Germany stopped transit of war material to Finland because of Soviet protests. Six Fiats awaiting shipping to Sweden in northern Germany were returned to Switzerland, from where they were slowly transported to Sweden. The remaining Fiats were delivered by ship from Italy to Sweden, and flown to Finland by Finnish pilots, arriving from February 11, 1940. Two Fiats were lost during transit (one Hungarian volunteer ferry pilot disappeared over the Baltic Sea). The last Fiat arrived on 19 June 1940. The Fiats were used operationally from February 15, 1940.

Like the French Moranes the Fiats were mistaken for Spitfires by Soviet bomber crews. 13 air victories were claimed with Fiats, one Fiat was shot down in combat and two pilots were killed in action (of which one Italian volunteer).

On 30 November 1939 the Red Army crossed the over 1.000 km long land border with Finland. The Soviet navy blocked the Finnish ports and the Soviet Air Force bombed Finnish cities (including Helsinki and Viipuri).

During the Winter War (lasting 105 days until 13 March 1940) some 100.000 aviation bombs were dropped on 690 cities and villages. Some 1.000 persons were killed by bombs, 540 seriously wounded and 1.300 lightly wounded. 157 multi-store buildings and 1.800 wooden houses were destroyed, and another 700 stone buildings and 4.100 wooden houses were seriously damaged.

Sweden. Already on 3 December 1939 some Swedish officers proposed a Swedish volunteer Corps to be sent to Finland. On 8 December 1940 the Swedish government donated eight (obsolete) aircraft to Finland, which were immediately flown to Finland. These aircraft had no combat value and were allocated to rear training units.

On 14 December 1940 the Swedish government gave permission to organize a volunteer aviation regiment, called F 19. Next day twelve Hawker Hart light bombers and twelve Gloster Gladiator fighters were released (only four Harts were in fact allocated). The regiment was quickly

organised, mainly from the Hart-equipped light bomber wing in Iqstersund, and the Gladiator-equipped fighter wing near Stockholm. Personnel strength was some 250 men (of which 12 fighter pilots and 9 light bomber aviators). Operational area was Northern Finland, with main base at Veitsiluoto, Kemi. The tasks included support of Finnish ground forces and air defence of the main cities (Oulu, Kemi and Rovaniemi) in northern Finland. Before arrival of F 19 no fighters were available for air defence of the entire northern half of Finland!

F 19 arrived in Kemi 10 January 1940. Already two days later the Soviet AF base at Мдркдјдрви (east of Kemijдрви) was attacked. Unfortunately three of the four Harts did not return (two crashed in a mid-air collision, and one was shot down by a Soviet I-15bis). Three aviators were able to reach Finnish lines, two were taken prisoner and one was killed. After its first mission (which despite the losses clearly showed that the air superiority of the enemy was no longer unchallenged). F 19 fought bravely and skilfully, particularly against attacking bombers.

In February 1940 it was clear that F 19 needed more and better aircraft. Funds for new aircraft were donated by Finnish cities and industries, and also by Swedish organizations and individuals. Twelve Fiat CR 42 biplane fighters were ordered from Italy by the Royal Swedish Air Board for F 19 in the second half of February 1940. The Fiats were optimistically expected to be available within one month. However, the Fiat CR 42 fighters arrived in Sweden only after the end of the Winter War.

Meanwhile modern fighters had arrived in Finland, and Finnish AF was no longer interested in Italian biplanes. Corresponding funds were released for purchase of Brewsters from USA, and the Fiats were taken over by the Swedish AF.

In parallell with the purchase of Fiat fighters the Royal Swedish Air Board wanted to purchase up to 40 Italian bombers for F 19. On February 29 some 12 Savoia bombers were preliminary promised for immediate delivery. The Swedish AF planned also transfer of heavy B 3 (Ju 86) bombers to F 19 for attacks to strategic targets in the Murmansk area. On March 11 a bomber group was assembled in Vдsteres, and corresponding preparations were made in Veitsiluoto. After the peace treaty two days later the Swedish bomber group was dissolved, and all plans to acquire Italian bombers were scrapped. As all bombers considered for F 19 were rather obsolete, it is highly unlikely that the well-defended Murmansk airspace could have been penetrated without considerable losses.

F 19 claimed nine air victories on 464 missions. The regiment lost five aircraft, two Gladiators (of which one in combat) and three Harts. Three pilots were killed (of which two in air combat), and two were taken prisoner (both returned to Finland in May 1940). After the Winter War

the personnel and aircraft of F 19 returned to Sweden (except a Junkers F.13 transport which was transferred to Finnish Air Force).

F 19 was a unique effort among the international assistance in the Winter War. The self-contained unit fought on its own, incorporating own supply and maintenance, not needing support from scarce Finnish resources. Both personnel and equipment were adapted to arctic conditions. Full attention of Finnish AF could thus be directed to the main fronts in southern Finland.

Virtually all Swedish aircraft factories and workshops were also assembling Italian, British, French and American aircraft for Finland. Without this effort the Finnish Air Force would apparently not have received any imported aircraft during the short campaign, and practically all aircraft deliveries to the Swedish AF (also lacking modern aircraft!) were delayed for several months.

Several of the highest officers of the Swedish Air Force during the 1950s and 1960s were F 19 veterans, including four Generals and AF Wing Commanders and the AF Chief Medical Officer. F 19 combat experiences were also significant when drafting the Swedish AF cold-war doctrine.

England. On 3 December 1939 the Finnish Minister in London G.A.Gripenberg was instructed to purchase 30 aircraft immediately: "Only three days after the outbreak of the war, on Sunday, December 3, I received an order to purchase 30 aircraft immediately - Spitfires, Hurricanes or Gladiators.... After I had received permission to buy 20 Gladiators immediately and 10 later, I was instructed to acquire 25 to 30 Gauntlet planes, but they had already been sold to South Africa. When this order was approved, I was requested to ask for 24 Blenheim bombers. And so it went, day after day."²⁰¹

The Allied countries expected the Finnish defence to collapse rather quickly, and the interest to dispatch weapons, in particular aircraft to Finland was rather small. As Finland resisted the invaders surprisingly vigorously, with several Soviet divisions bogged down in the Finnish forests Allied opinions gradually changed.

Especially after the expulsion of USSR from the League of Nations on December 14, 1939, when member countries were instructed to give Finland all possible assistance, the Allied plans to assist Finland became more concrete. On 19 December 1939 England and France started to plan military intervention in Finland.

Gloster Gladiator (GL, biplane fighter). Already December 5, 1940 the British government promised 20 Gladiators to Finland. One week later (December 12) Gripenberg signed a contract with Gloster Aircraft Co.²⁰² 20 Gloster Gladiators were to be delivered immediately, price 80.000 J. Somewhat later ten more Gladiators were donated. All Gladiators were taken from RAF

maintenance units. Despite repeated Finnish appeals, only after one month the Gladiators were dispatched by ship to Bergen, and by train to Linköping where they were assembled by British and Swedish technicians. Finnish pilots flew the Gladiators to Finland, arriving between January 18 and February 18, 1940.

The first-line use of Gladiators in south-east Finland came to an end already on February 29, 1940 when Ruokolahti ice base was surprisingly attacked by Soviet fighters causing big losses. The remaining serviceable Gladiators were allocated to reconnaissance squadrons.

The Gladiator score in the Winter War counted about 700 missions and 37 victory claims. 14 Gladiators were lost (of which 11 in combat), and seven pilots were killed.

Hawker Hurricane (HC, single engine monoplane fighter). On January 9, 1940 the official request for “at least 30, if possibly 60 Spitfires or Hurricanes” was repeated. The English attitude to delivery of Spitfires was strongly negative, but negotiations concerning Hurricane fighters (with more moderate performance) continued. Although Hurricane deliveries were opposed by RAF, on 24 January 1940 the British Minister of Air Sir Kingsley Wood informed that Finland can buy “twelve, not sixty Hurricanes”.

The 12 Hurricanes were released on February 2, 1940 (the contract was signed February 17, 1940 by Minister Gripenberg with Gloster Aircraft Co.). The Hurricanes were not new, but taken from RAF stocks, and expensive (unit price 9.785 J, compared to ex-works price 6.000-7.000 J!). From 25 February 1940 the Hurricanes were flown to Finland via Norway and Sweden by rather inexperienced Finnish pilots. One fighter was damaged in Scotland and left behind, and another crashed in Norway during the ferry flight. Ten Hurricanes arrived in Finland between March 8 and 10, too late to participate in the Winter War.

Bristol Blenheim (BL). On Christmas Eve 1939 the British Air Ministry agreed to sell 12 Blenheim Mk.IV (“long-nose”) to Finland, total price 264.000 J. On January 17, 1940 the aircraft were handed over to Finnish crews which had arrived in England in early January 1940. As the bomb racks had not been modified for Finnish bombs, 1.500 British 120 pound bombs were also acquired. Because of unfavourable rack arrangement the aircraft could carry only five bombs, or half of the normal bomb load!

The Blenheims were ferried by Finnish pilots via Norway and Sweden to Finland. Ten Blenheims arrived on January 21, 1940. One bomber disappeared over the North Sea, and the last one was delayed by an accident in Sweden and arrived May 31, 1940.

In February 1940 the Air Ministry released another batch of twelve Blenheims, this time short-nose Mk.I (“short-nose”). Although this batch was taken from the inventory of RAF No. 2

Group, the deal was made with Bristol Aeroplane Co. (total price 240.000 J). This batch was flown to Finland via Norway and Sweden by English crews, which arrived 26 February in Juva.

The Blenheim score (all Blenheim batches included) in the Winter War was 423 missions, 12 Blenheims lost (of which seven in air combat), 21 aviators killed and one taken prisoner. Five Soviet fighters were claimed by Blenheim MG-gunners.

Gloster Gauntlet (GA, biplane fighter trainer). 29 (of 30 promised!) Gauntlet fighter trainers were donated by South Africa and released in late December 1939. The Gauntlets were taken from RAF stocks. 24 trainers arrived in crates by ship to Gothenburg. Nine aircraft were assembled in Linköping and flown to Finland between 10 March and 12 April 1940. Another 15 Gauntlets arrived by ship to Finland in May 1940.

Westland Lysander (LY, high-wing reconnaissance aircraft). According to Gripenberg delivery of 70 Lysanders was approved on January 19, 1940, after an order for 17 Lysanders was already signed on 8 January. Nine Lysanders were dispatched by ship to Gothenburg 24 February 1940. After assembly in Gothenburg they were flown to Finland between 21 March and 3 May 1940.

A second batch of eight Lysanders was to be flown by British pilots to Finland via Norway, but only two aircraft arrived in Finland on March 5 (one crashed in Norway). Thus only eleven Lysanders arrived in Finland. According to Gripenberg 30 Lysanders were sent on March 5, but none of this batch arrived.

Blackburn Roc (RO, single engine dive bomber). On 28 December 1939 50 single engine and 15 twin-engine dive bombers were requested from England. On 25 January 1940 33 Roc, or 20 Skua and 13 Roc aircraft were promised. In March 1940 several Roc aircraft (with Finnish AF codes already painted!) were to be flown by British pilots from Scotland to Sweden, and on 8 March Finnish pilots were ready to depart to Sweden to ferry the Rocs to Finland. After the peace treaty 13 March 1940 all plans to deliver aircraft from England were cancelled, and no Rocs arrived in Finland.

Polish exile-government. After Anglo-French plans to assist Finland were formulated on December 19, Gen. Sikorski (Prime Minister of the Polish exile-government) assumed that participation of Polish soldiers on the Finnish side could influence the Finns to recognize Polish exile-government.

The question of Polish aid was also convenient to the French. After a meeting between Gen. Denain (Chief of the French Military Mission at the Polish Government) and Gen. Zajac (Chief of Aviation Command, in March 1940 Commander Polish AF) on 22 January 1940 it was decided to send a volunteer Polish AF squadron (commanded by Maj. Kepinski) to Finland.

In early 1940 no less than 7.000 Polish air force personnel had arrived in France (including some 650 skilled pilots). The appeal for volunteers to the “Finnish squadron” (to include 30 pilots and 30 technicians) met big enthusiasm, with some 150 applications received. On 12 February 1940 the Polish military attach  in Stockholm was instructed to agree the details of the use of Polish Air Force units in Finland.

A total 80 Caudron C.714 monoplane fighters were promised (apparently intended both for the Polish volunteer squadron, and also directly to the Finnish Air Force).

During the training of the Polish squadron in Lyon news of the peace agreement 13 March 1940 was received, and all plans to assist Finland were cancelled. Six Caudron fighters were already in transit for Finland, another ten in the port of Le Havre, and three more in transit from Paris to Le Havre.

Only six Caudron fighters arrived in Finland in crates at the end of May 1940, and turned out to be entirely unsuitable (weak armament, long take-off and landing run) for Finnish conditions. Already in September 1940 all Caudrons were grounded. It is thus very questionable whether the Polish volunteer Caudron-squadron really would have been of any use.

FRANCE. MORANE-SAULNIER MS.406 (MS, SINGLE-ENGINE MONOPLANE FIGHTER). 50 MORANES WERE DONATED BY FRANCE IN LATE DECEMBER 1939, BUT ONLY 30 ARRIVED IN FINLAND. THE MORANE FIGHTERS WERE DISPATCHED IN CRATES TO MALM , SWEDEN. AFTER ASSEMBLY BY FRENCH AND SWEDISH TECHNICIANS IN MALM , THE MORANES WERE FERRIED TO FINLAND BY FINNISH PILOTS 4-29 FEBRUARY 1940. A NEW FIGHTER SQUADRON WAS SET UP AT S      IN SOUTH-WESTERN FINLAND TO RECEIVE THE MORANES. THE PORTS AND CITIES IN THIS REGION (ESPECIALLY TURKU, BUT ALSO PORI, UUSIKAUPUNKI, MARIEHAMN ETC.) HAD REPEATEDLY BEEN BOMBED BY SOVIET BOMBERS FROM BASES IN ESTONIA, AND WERE IN URGENT NEED OF INTERCEPTOR DEFENCE.

The appearance of Moranes was apparently entirely unexpected for the Soviet bombers, which suffered rather heavy losses to the opposing “Spitfires”. The French fighter was never correctly identified during the Winter War. Its outline, vaguely similar to Spitfire – combined with possible Soviet intelligence information of Gripenbergs attempts to buy Spitfires, may explain the misidentification.

On 7 March 1940 several Moranes were transferred to south-east Finland for ground-attack against the Red Army units at Bay of Viipuri.

The Morane fighters claimed 14 air victories on 288 missions in the Winter War. One Morane was shot down by anti-aircraft artillery at Bay of Viipuri, the pilot was wounded.

Potez 633 (two-engine dive bomber). On 12 March 1940 the volunteer Groupe aérien de volontaires français en Finlande (GAVFF) was formed in France. This unit was to consist of 12 Potez 633 bombers, three Bloch fighters and one Dewoitine 338 transport aircraft. Later also separate fighter units (equipped with Morane 406 and Koolhoven FK.58 fighters) were to be formed.

Already the day before 10 Potez 633 and the Dewoitine 338 transport had taken off to Tangmere, England bound for Finland via Stavanger, Norway and Västernorrland, Sweden. After the peace agreement the aircraft returned from England to France, and all further operations were cancelled.

Koolhoven FK.58 (fighter). 46 Dutch-made Koolhoven FK.58 fighters of French AF were also earmarked for Finland as possible expansion of GAVFF.

USA. BREWSTER B.239 (BW). IN OCTOBER 1939 THE FINNISH MILITARY ATTACHÉ IN USA COL. P.ZILLIACUS MADE ENQUIRIES ABOUT AMERICAN FIGHTER DELIVERIES. WHEN THE WINTER WAR BROKE OUT THE RATHER UNKNOWN BREWSTER-FACTORY REMAINED THE ONLY FEASIBLE ALTERNATIVE. AS THE AMERICAN LEGISLATION PROHIBITED ALL SALES OF MILITARY MATERIAL OWNED BY US GOVERNMENT, POSSIBLE AIRCRAFT DEALS HAD TO BE MADE WITH PRIVATE PARTNERS.

The Finnish Prime Minister R.Ryti and the Finnish Minister in Washington H.J.Procopius proposed to President Roosevelt that 100 fighters under construction for USAAF would be sold to Finland before actual delivery (when the aircraft were still formal property of the factories!), referring to a precedent in 1927 when aircraft engines were sold to USSR by Curtiss Co. (These engines were originally ordered by the US government, and replaced by more modern Curtiss-engines.)

Applying this formula, on December 16, 1939 Finland bought 44 Brewster F2A-1 fighters (under production for US Navy, which later receive the newer F2A-2), for a total price 3.4 million \$. The Brewsters were delivered in crates by ship to Bergen in Norway (the first batch was shipped from New York 13 January 1940), further by train to Sweden, and assembled in Trollhättan by American, Swedish, Norwegian, English and Finnish technicians. The Brewsters were flown from Trollhättan to Finland by Finnish pilots between 1 March (when eight Brewsters arrived) and 1 May 1940.

The Brewsters arrived too late to participate in the Winter War, but were to become the best combat aircraft of the Finnish AF during the first two years of the Continuation War 1941-1944.

Germany. After the signing of the Molotov-Ribbentrop pact Germany provided practically no assistance to Finland, which caused much bitter feelings in Finland as Germany was considered a traditional partner. In early December 1939 transit of Fiat G.50 fighters purchased from Italy was stopped by Germany, and fighters already awaiting shipping to Finland were returned.

PRIVATE DONATIONS. DOUGLAS DC-2 (DC, TWO-ENGINE TRANSPORT AIRCRAFT, MODIFIED TO BOMBER)

One DC-2 passenger aircraft was bought by Swedish airline pilot Count C.G. von Rosen from his former employer (Dutch airline company KLM) and donated to Finland. After modification to carry bombs the aircraft was allocated to Finnish AF on 19 February 1940. One night bombing mission was performed by von Rosen himself.

Koolhoven FK.52 (KO, single engine two-seater biplane reconnaissance aircraft). Two Dutch Koolhoven FK.52 aircraft were also bought by C.G. von Rosen and donated to Finland. The aircraft were used for maritime reconnaissance from 4 March 1940.

A number of civil aircraft were also donated by non-governmental organizations and private persons in England and Sweden. These aircraft included Fokker F.VIII, DH 86 and Junkers F.13 outdated passenger aircraft (mainly intended for ambulance use), and some light aircraft (Beech 17, Waco, Raab-Katzenstein RK-26) and were of no military value.

Warbooty (ex-Soviet) aircraft. 24 Soviet aircraft force-landed in Finland were also repaired and taken into use by Finnish Air Force. However only three ex-Soviet aircraft were allocated to AF squadrons before March 13, 1940: one DB-3 bomber which had landed at Hauho on 29 January 1940 was taken into use one month later, and two I-15bis fighters were allocated to a training squadron. Finnish AF had altogether 103 ex-Soviet aircraft in its inventory 1939-1944.

AIRCRAFT PRODUCTION AND MAINTENANCE. BEFORE WORLD WAR II FINNISH INDUSTRY LACKED PRACTICALLY ENTIRELY ALL HIGH-TECH CAPABILITIES. THE NEW AIRCRAFT AND ENGINE LICENCES IMPROVED THUS SIGNIFICANTLY THE TECHNICAL LEVEL OF THE INDUSTRY. SIGNIFICANTLY BRISTOL CO. HAD BEEN IN BIG DOUBTS WHETHER THE LICENSED ENGINES AND AIRCRAFT COULD BE PRODUCED IN FINLAND. HOWEVER, IN AUTUMN 1939 PRODUCTION OF MODERN FOKKER FIGHTERS, BLENHEIM BOMBERS AND MERCURY ENGINES WAS IN FULL SWING.

Finnish technical personnel proved capable of extensive maintenance and repair of battle-damaged aircraft, and foreign specialists assisted in handling of new aircraft. Non-compatibility of new aircraft provided however tremendous practical problems. Finland received 16 different aircraft types, with 12 different engines and 11 different radios during the short Winter War. Also superficially similar equipment turned out to be non-compatible: eg. although both Brewster and Fiat fighters were equipped with 12.7 mm calibre machine guns – the ammunition was however not interchangeable! Also very few of the new aircraft were adapted to operation in sub-zero arctic conditions, why extensive modifications were requested.

The VL Chief Designer, Dipl.Ing. Edward Wegelius got apparently the impulse to devote his future career to industrial standardization as result of the struggles with non-standard equipment during the Winter War. Wegelius became ultimately Chairman of the International Standardization Organisation (ISO) in the 1960s!

Personnel resources. When new aircraft started to arrive in Finland in January-February 1940 lack of skilled pilots was an acute problem. Ferrying of aircraft from England and/or Sweden was often made by pilots lacking appropriate qualifications. Miraculously only very few aircraft were lost on ferry flights. New and unknown aircraft were flown in combat immediately upon arrival – after only one or two acquaintance flights, without normal conversion training. A small Test Flight of skilled test pilots was attached to VL, and took part in the air defence of Tampere with any airworthy fighter available.

In order to set up new squadrons the existing squadrons were “thinned out”. It is very questionable how long scarce pilot resources would have lasted in the longer daylight periods in spring. The technicians faced also enormous difficulties with the big number of aircraft types, every fighter squadron operating different aircraft. Repeated squadron relocation to temporary bases on frozen lakes did not make the life easier, either.

In addition to the well-organised Swedish F 19, a big number of spontaneous volunteers turned up at Finnish missions in various countries and applied for service in the Finnish Air Force. The volunteers were in general unaccustomed to conditions in Finland, and did naturally not know the Finnish language. They lacked in most cases also appropriate flight training, and required excessive attention by Finnish supervisors and instructors. Only very few volunteers could be accepted in combat squadrons.

The rest were sent to various training units, having primarily “public relations” value only. Most volunteers with sufficient basic training were allocated to LLv 22, which received Hurricanes and Brewsters in March 1940. The short-lived squadron (which has been called “foreign legion” of Finnish AF) was formed near Lahti during the very last days of the Winter War, and counted four non-Finnish pilot officers and ten non-commissioned officers, representing ten different nations in its ranks. The technical personnel of LLv 22 were similarly “international”.

Many foreign pilots got unfortunately lost during their first (in some cases only!) acquaintance flights over snow-covered Finnish forests and frozen lakes. Take-off and landing accidents on snowy and slippery runways were also very common.

There were however also a few positive exceptions:

- Seven Danes served as fighter pilots with Fokker- and Gladiator-fighters, and claimed a total of seven Soviet aircraft shot down. Four Danes were killed in action.
- One Italian fighter pilot was killed in action with a Fiat G.50.
- Two Hungarian fighter pilots flew Fiat G.50-fighters. One Hungarian disappeared over the Baltic Sea on a ferry flight from Sweden.

- In addition to the Swedish F 19 some other Swedish pilots served also in squadrons of the Finnish AF, and made a few operational missions.
- In connection with delivery of various new aircraft, factory test pilots and mechanics were also sent to Sweden to supervise assembly, and to test-fly aircraft. Most of these skilled specialists went later to Finland to instruct their Finnish colleagues. They were naturally not “volunteers” in the literal sense of the word, and absolutely not comparable to the above mentioned group.

Most volunteers departed from Finland in spring-summer 1940. Some British citizens stayed in Finland even up to summer 1941, when they were interned (and departed later). A summary of all foreign volunteers in the Finnish Air Force in the Winter War is presented in appendix 4.

Basic training abroad. During the Winter War training of pilots for the Finnish AF was naturally speeded up. Basic (non-military) flight training was also arranged by the national civil aviation clubs of Sweden and Norway.

Ten Finnish pilot-students of the Finnish Air Force College were sent to Sweden in January 1940. Somewhat later another group was sent to Norway. The Swedish course was arranged in Eskilstuna 11.02.-09.04.1940. After the shocking news of the peace agreement 13 March the enthusiasm of both students and instructors decreased dramatically. The course was discontinued after the German invasion of Denmark and Norway 9 April, and the Finns returned home.

The other group of Finnish pilot-students arrived in Steinsfjorden in Norway only a few days before the peace agreement 13 March 1940. The Norwegian course was also discontinued after April 9. Some Finns considered joining the Norwegian armed forces to fight the Germans, but after second thoughts all Finns returned home.

In summer 1940 some Norwegian AF officers (including the legendary Ole Reistad) wanted even to set up a reciprocal Norwegian flight course in Finland. Reistad would ultimately set up his “Little Norway” in Canada, where Norwegian aviators were trained to fight Luftwaffe in RAF squadrons.

Offensive plans in March 1940. On 1 February 1940 the Finnish bomber regiment LeR 4 was ordered to perform Blenheim photo-recce missions to Soviet AF bases in Estonia. This order was repeated 10 February, when the Finnish Foreign Ministry also proposed bombing of the Soviet naval base at Liepaja in Latvia!

On 24 February 1940 detailed information about Finnish AF bases in south-west and northern Finland, and also detailed information of the Leningrad area was delivered to Anglo-French representatives in anticipation of Allied intervention.

In early March 1940 Allied intervention plans became very detailed. Gripenberg was in continuous contacts with British Foreign Secretary Lord Halifax in London, and asked for “one hundred bombers to be sent immediately to Finland”. On March 6 Gripenberg was finally informed that 36 Blenheims (three squadrons) would be sent to Finland. The number of aircraft was limited by the estimated Finnish capability to receive assistance, Finland was judged able to receive only 12-20 aircraft immediately, the rest would be shipped afterwards.

On 9 March 1940 Lord Halifax told Gripenberg that if Finland were to break up the peace negotiations with the Soviet Union, England would deliver 50 bombers to Finland. These bombers were to be flown to Finland by RAF pilots immediately after an official Finnish appeal for military assistance. Eight aircraft would take off in four days, and the rest (42 aircraft) in eight days. The British transfer crews would return to England, but later volunteer bomber crews would be sent to Finland. Halifax stressed that Finland had only three days to make its appeal, thereafter the bomber group would be dissolved as it was urgently needed elsewhere.

The Finnish appeal was never presented, and the peace treaty signed in Moscow 13 March 1940 changed the course of history. No British or French bombers were ever sent to Finland.

It is very unlikely that the promised Allied bomber force would have arrived in time to have a decisive impact on the outcome on the Winter War, as the Finnish Army was virtually on the brink of collapse when peace was signed. In parallel with Finnish intervention plans, the Allied forces also planned to bomb Soviet oil wells in Baku. The Soviet willingness to make peace with Finland was apparently influenced by knowledge of the Allied plans, including the intervention in Finland and the bombing of Baku.

The peace treaty was signed in Moscow at night 12/13 March 1940. All Allied intervention plans were immediately cancelled. The aircraft already in Sweden were ultimately delivered to Finland, but aircraft awaiting delivery in France and England did never arrive. A summary of all aircraft promised and actually delivered is presented in appendix 4. Only less than half of the over 400 aircraft promised to Finland arrived, and most arrived far too late to participate in combat. Except for the Swedish F 19 squadron the numerous (although far from the “thousand American pilots” mentioned by the History of the Great Patriotic War!) volunteers were of no real use to the Air Force, and were in fact only a nuisance!

The failed Allied intervention plans led to heated debates in both France and Britain. Already on 12 March the French Prime Minister Edouard Daladier declared in the Chamber of Deputies: “175 aircraft had been delivered to Finland”. Former Prime Minister, leftist L  on Blum replied that only “30 Morane fighters and a dozen Potez 63 bombers had actually left France for Finland”, and

in addition “a few Caudron and Koolhoven aircraft had received export licences”. Next day Daladier tried once more to defend his case: “the Potez bombers have certainly reached the Finnish front in time” (in fact not a single Potez bomber arrived in Finland!). The French public opinion blamed both the Finnish government for not having presented the appeal for assistance, and also the Swedish government for its negative attitude to transit of Allied troops. On March 20 the Daladier cabinet lost a vote of confidence and resigned.

In Britain the intervention plans were debated in Parliament on 19 March. Prime Minister Chamberlain presented his plans to assist Finland, and was heavily by criticised by the opposition (in particular by Conservative Harold Macmillan, future Prime Minister).

Minister Gripenberg summarized Chamberlain's arguments in his memoirs as follows²⁰³: “From the outbreak of war until March 1, I requested a total of 214 planes of all kinds. Chamberlain stated in his speech /19 March/ that the British government promised us 152 planes and sent 101. This figure is almost right. As a matter of fact, the British sent 102 planes, but one /Hurricane fighter/ was badly damaged when it was wheeled out of its hangar at an air base in Scotland, and another crashed on its way to Norway.²⁰⁴

But Chamberlain's report that the British government promised 152 planes does not agree with the figures I myself received from British authorities, because I noted and reported to my foreign ministry that we had been promised 187 planes (30 Gladiators, 30 Gauntlets, 12 Blenheims, 70 Lysanders, 33 Rocs and 12 Hurricanes). I do not know how Chamberlain arrived at the figure of 152, and since his speech was supposed to be a defense of the government, it seems likely that someone in some department forgot to include 35 planes that were promised.²⁰⁵

The Prime Minister also insisted that “everything was done” to send the planes with “a minimum of delay.” It appears, however, that only twenty-eight planes departed promptly enough to arrive in Finland before peace was concluded. Furthermore, it is not certain that they all landed in Finland, because some of them were disabled in Norway or Sweden and had to be repaired before they could continue.

To what extent the expression “with a minimum of delay” can be justified might best be checked against the following data:

On December 5, 1939 I was informed that the British government had agreed to let us have 20 Gladiators, and 10 more were approved a few days later. I signed the purchase agreement on December 12 and deposited eighty thousand pounds. Not all of the planes had been sent by January 21, and the spare parts were not sent until March 5.²⁰⁶

Thirty Gauntlets /fighter trainers/ were released to us about Christmas, 1939. By February 13 only 2 of these had left and 2 had been prepared for shipment. On March 5, 9 others were shipped along with 25 cases of spare parts.²⁰⁷

On January 19, 1940, we got approval for 70 Lysanders, of which 2 had been prepared for shipment by February 13. Thirty left on March 5.²⁰⁸

We were promised 33 Roc planes on February 4. Of these 10 were shipped on March 6.²⁰⁹

On December 24 we were granted 12 so-called long-nosed Blenheims, which were meanwhile exchanged for short-nosed ones on January 14. They were flown to Stavanger on February 24.²¹⁰

I signed a contract for 12 Hurricanes on January 24, 1940. Of these, 6 were flown to Sweden on February 25 and 6 on February 27.²¹¹

Both French and British newspapers published figures - especially just before the end of the war -about allied military assistance that were pure imagination. It is impossible now to determine the sources of this misinformation, but its publication was regrettable because it gave the general public an altogether too optimistic, hence erroneous, picture of what the Western powers had done to us. It was also not generally known that the military help was granted only against payment.

But when one thinks of how the British people's burning desire to help us actually worked out in practice, one must not forget that the Western powers were themselves inadequately armed, something those on the outside did not know at that time. The Western powers had to assume that the smoldering embers of war in France could at any time become a raging fire. This does not mean, however, that the criticism directed against Chamberlain's government in the British Parliament, which was summed up in the expression "too little and too late," was necessarily exaggerated. "

Finnish Air Force organization, training and tactical methods were reviewed after the war, with due attention paid to combat experiences. New squadrons, equipped with aircraft delivered in spring 1940, were combat-ready in summer-autumn 1940. Production and maintenance capacity was also expanded, and the Finnish Air Force was on the peak of its relative strength in summer 1941.

Mentally the Finnish Air Force learned the hard way not to believe in promises of foreign assistance. Own technical competence and independence of foreign sources were fully appreciated..

As a rule no foreign volunteers were accepted in the Finnish Air Force in the Continuation War (with exception of two Swedes).

Despite attempts to create normal relations with its former enemy, Finnish authorities witnessed continuous political pressure from Moscow in spring 1940 (refusal to accept closer Finnish-Swedish cooperation, new border-line problems, repatriation of war prisoners, war reparations, Petsamo nickel mine concession, transit traffic to Hanko naval base etc.). Most problems were hidden from the public and known only to rather few Finnish officials.

One single event of June 14, 1940 would however have dramatic impact on Finnish official and public opinion towards USSR. This day a passenger aircraft (Junkers Ju 52 Kaleva, registration code OH-ALL) of Finnish flag-carrier Aero Oy was shot down by Soviet aircraft over the Gulf of Finland. The civil airliner, bound for Helsinki on scheduled flight 1631, was attacked by two bombers of the Air Force of the Baltic Fleet (VVS KBF) a few moments after take-off from Tallinn airport. All nine persons on board (two Finnish crew-members and seven passengers) were killed. The passengers included five diplomats (two Germans, two French and one American), one Swedish businessman and one Estonian woman.

This unprovoked event, comparable only to the shooting down of the Korean jumbo-jet in the Far East on September 1, 1983, has never been officially admitted, nor have any regrets been presented by Soviet authorities.

The Kaleva-tragedy was evidently connected to the Soviet occupation of the Baltic countries in mid-June 1940. Was USSR ready to prevent the diplomatic information to get out of its "sphere of influence" by any means, or was the downing of a civil airliner a mistake of the blockade forces? What was in the first case the unwanted information? Some diplomatic mail bags were picked up by Soviet naval ships and brought to Kronstadt, but their contents have never been disclosed.

The Finnish army had received significant intelligence information (eg. radio intercepts which greatly facilitated the destruction of several Soviet divisions) from both the Estonian and the Latvian Armies during the Winter war. Were the diplomats possibly carrying sensitive intelligence information – was this the reason to shoot down the civil airliner?

Apparently not one of the native (mutually opposing!) countries of the killed diplomats did officially protest, nor are known to have made any contacts whatsoever to Soviet authorities. Only carefully worded requests for investigations were presented to Finnish authorities. Germany paid out pensions to the relatives of her killed citizens in silence.

Soon the Kaleva incident was forgotten outside Finland - the major world event of this day, June 14, 1940 was the German entrance into Paris! Although the exact reason of the Kaleva-tragedy

was hidden from the Finnish public, everyone was nervously able to read the official communiqués between the lines (“airliner Kaleva crashed due to external explosion not related to any identified technical problems, killing all on board...”).

Finland was once more left alone – for the second time in less than one year.

1. FINNISH AIR FORCE STRENGTH AND DISLOCATION 30 NOVEMBER 1939

UNIT	Task	Equipment	Dislocation
LeR 1 (Aviation Regiment 1)	Army support, close reconnaissance		Imatra
LLv 10 (Squadron 10)		12 FK	Lappeenranta
LLv 12 (Squadron 12)		13 FK	Suur-Merijoki (Viipuri)
LLv 14 (Squadron 14)		4 FK, 7 FO	Laikko and Kdkisalmi
LeR 2 (Aviation Regiment 2)	Fighter		Immola
LLv 24 (Squadron 24)		36 FR	Immola, Lappeenranta and Suur-Merijoki
LLv 26 (Squadron 26)		10 BU	Heinjoki and Raulampi
LeR 4 (Aviation Regiment 4)	Long-range bombing and reconnaissance		Joroinen
LLv 44 (Squadron 44)		8 BL	Joroinen
LLv 46 (Squadron 46)		6 BL	Luonetjdrvi
SEPARATE UNITS			
LLv 16 (Squadron 16)	Army support, close reconnaissance	9 RI	Vдрtsild
Lentue/LLv 16 (Flight/Sq. 16)		5 JU	In transfer
LLv 36	Naval reconnaissance	6 RI	Kallvik (Helsinki)
Total		116 aircraft	

2. Finnish Air Force strength and dislocation 1 March 1940

Unit	Aircraft (serviceable)	Aircraft (non-serviceable)	Dislocation
LeR 1			
LLv 10	4 FK	1 FK	Taipalsaari

LLv 12	3 FK, 6 GL	1 FK, 2 GL	Konnunsuo
LLv 14	3 FK, 6 GL		Ilmee
LLv 16	4 RI	1 FO, 2 FK	Vдrtsild
3/LLv 16	5 FO, 1 JU		Kuluntalahti
LeR 2			
LLv 22	4 BW		Hollola
LLv 24	10 FR	14 FR	Joutseno
LLv 26	10 FA	4 FA	Utti
LLv 28	21 MS	4 MS	Сдкылд
LeR 4			Joroinen
LLv 42	12 BL		Juva
LLv 44	4 BL	2 BL	Joroinen
LLv 46	6 BL	1 BL	Luonetjdrvi
SEPARATE UNITS			
LLv 36	3 RI, 2 KO, 1 VP		Malmi (Helsinki)
T-LLv 39	2 JU	1 JU	Mariehamn
F19	8 GL, 1 HH	3 GL	Kemi
Total	117 aircraft	36 aircraft	

3. AIRCRAFT DELIVERIES TO FINLAND DURING THE WINTER WAR

<i>Aircraft types</i>	Quantity promised	Quantity arrived	Arrival date
ITALY			
Fiat G.50 (FA, fighter)	35	33	2 before 2.1.40, 30 between 11.2-12.3.40, one 19.6.40.
SWEDEN			
Jaktfalk (JF, trainer)	3	3	15.12.39.
Bristol Bulldog II (BU, trainer)	2	2	15.12.39.
Fokker C.VE (FO, recce)	3	3	23.12.39.
Gloster Gladiator (GL, fighter)	12	12	F19, 10.1.40.
Hawker Hart (HH, light bomber)	4	5	F19, 10.1.40. One replacement Hart 15.2.40.
Fiat CR.42 (fighter)	12	-	Intended for F19.
Sweden total	36	25	
ENGLAND			
Gloster Gladiator (GL, fighter)	30 (60)	30	18.1-18.2.40.
Hawker Hurricane (HC, fighter)	12	10	8.-10.3.40.
Bristol Blenheim Mk.IV (BL, bomber)	12	11	10 on 21.1.40, one 31.5.40.
Bristol Blenheim Mk.I (BL, bomber)	12	12	26.2.40.
Gloster Gauntlet (GT, trainer)	30	24	10.3.-17.5.40.
Westland Lysander (LY, recce)	70	11	5.3.-3.5.40.

Blackburn Roc (light bomber)	33	-	
ENGLAND TOTAL	199 (229)	98	
FRANCE			
Caudron C.714 (CA, fighter)	70	6	24.-28.5.40.
Morane-Saulnier MS.406 (MS, fighter)	50	30	4.-29.2.40.
Potez 633 (bomber)	12	-	
Koolhoven FK.58 (fighter)	46	-	
FRANCE TOTAL	178	36	
USA			
Brewster B.239 (BW, fighter)	44	44	1.3.-1.5.40.
PRIVATE DONATIONS			
Douglas DC-2 (DC, transport)	1	1	Jan. 1940.
Koolhoven FK.52 (KO, recce)	2	2	18.1.40.
Fokker F.VIII (transport)	1	1	12.10.40.
DH 86 (transport)	1	1	5.2.40.
Junkers F.13 (transport)	1	1	F 19, 10.1.40.
Raab-Katzenstein RK 26 (liaison)	1	1	F 19, 9.2.40.
Beech 17 (liaison)	1	1	1.3.40.
Waco (liaison)	1	1	F 19, 2.2.40.
Total private donations	9	9	
Total fighters	301 (331)	165	
Total light bombers and recce ac	110	19	
Total bombers	36	23	
Total combat aircraft	447 (477)	207	
Total trainers	35	29	
Total transport and liaison aircraft	7	7	
Warbooty Soviet aircraft	24	3	3 ex-Soviet aircraft were allocated to Finnish AF units before 13.3.40, the remaining 21 in 1940-1941.

4. FOREIGN VOLUNTEERS IN THE FINNISH AIR FORCE DURING THE WINTER WAR (IN ADDITION TO SWEDISH F 19 PERSONNEL)

<i>Origin</i>	Pilots and air gunners, total	Pilots and air gunners in combat squadrons	Technicians, total	Technicians in combat squadrons
Australia	2			
Belgium	3	1		
Canada	9	5		

England	36	2	22	10
Denmark	16	13	8	2
France	2	2	4	4
Holland	1			
Hungary	2	2		
Ireland	1			
Italy	3	1	11	11
Norway	2	1	6	5
Portugal	1	1		
Poland	1	1	11	3
Spain	2	1		
Sweden (in addition to F19)	13	11	9	9
Switzerland	1	1		
USA - of which Finnish- Americans	18 1	6	7 5	1
Total	103	48	78	45

**Боевые действия Германии в Скандинавии и политика Швеции
(март-июнь 1940 гг.)**

Подписание в Москве 12 марта 1940 г. советско-финляндского мирного договора позволило избежать вторжения как западных союзников, так и Германии в Скандинавию, поскольку вместе с завершением «зимней войны» исчез и благовидный предлог для высадки войск в северный регион.

Тем не менее, ни Англия, ни Германия не оставили своих стратегических планов, касающихся Скандинавии, а, напротив, приступили к их тщательной разработке. В середине марта в Стокгольме стали появляться новые слухи о скорой высадке войск союзников на севере Европы и о минировании норвежских территориальных вод.²¹³

Во время аналогичной угрозы в начале 1940 г. правительства Норвегии и Швеции отреагировали очень резко и заявили Англии свой протест. Теперь же, спустя более двух месяцев, реакция была намного более спокойной. За последнее время правительства северных стран успели убедиться, что подобная акция англо-французских войск еще находилась в начальной стадии планирования и соответственно не могла быть осуществлена в ближайшее время.

К тому же, захват Нарвика (а именно этот порт рассматривался союзниками в качестве главной своей мишени) весной 1940 г. уже не приносил ощутимой пользы, так как в скором времени должен был растаять лед в Ботническом заливе, и тогда вся шведско-германская торговля могла уже осуществляться через шведский порт Лулео. Учитывая также и опасность ответного удара со стороны Германии, шведское руководство считало интервенцию союзников маловероятной, и поэтому реагировало на доходявшие до него слухи весьма сдержанно.

Вместе с тем, нельзя было недооценивать то внимание, которое Лондон и Париж проявляли к скандинавскому региону в целом и проблеме поставок шведской железной руды в Германию в частности. Это внимание постепенно возрастало по мере развития событий в ходе «зимней войны» и достигло своего пика после ее окончания.

Во время совещания 28 марта 1940 г. в Лондоне Военный совет союзников утвердил план минирования норвежских территориальных вод на 5 апреля.²¹⁴ Эта мера была направлена на то, чтобы заставить шведские корабли с железной рудой, направляющиеся в Германию, покидать нейтральные воды и выходить в международные, где их могли

контролировать англичане. На этом же совещании был одобрен предварительный план высадки англо-французских войск в районе Нарвика и еще в нескольких норвежских портах, однако, точная дата согласована не была.²¹⁵

Забегая вперед, необходимо признать, что большинству этих намерений так и не суждено было реализоваться, а те планы, которые все же осуществились, были явно запоздалыми и не принесли серьезных результатов. Так, например, из-за разногласий у англичан и французов минирование норвежских вод было произведено не 5 апреля, как было запланировано, а лишь 8 апреля.²¹⁶ Эту операцию была провели удачно, но ее эффект оказался незначительным, поскольку сведен к минимуму уже на следующий день, когда немецкие войска одновременно оккупировали Данию и крупнейшие города в Норвегии, включая и Нарвик - одну из главных целей Англии и Франции.

Таким образом, Германия опередила союзников и захватила инициативу в регионе. В отличие от англичан, Гитлер уже 26 марта принял окончательное решение о захвате Норвегии и Дании 8-10 апреля (операция «Учение на Везере»)²¹⁷ и с этого момента вел активнейшую подготовку данной операции. В итоге, действия Германии были спланированы несравненно лучше, о чем свидетельствует быстрота и размах операции 9 апреля.

Молниеносность захвата немцами Норвегии и Дании стала неожиданностью для западных союзников. Только спустя несколько дней Англия и Франция, до этого пребывавшие в состоянии замешательства, оказали первое серьезное сопротивление действиям вермахта в Норвегии, начав 14 апреля высадку своих войск в районе Нарвика. Таким образом, началась война в Норвегии, которая, хотя и не распространилась на территорию соседней Швеции, но все же сделала её положение крайне серьезным.

Перед тем, как рассмотреть шведскую внешнюю политику в последующий период необходимо ответить на вопрос: почему же операция «Учение на Везере» не коснулась Швеции?

Очевидно, ответ на данный вопрос складывается из нескольких составляющих.

Во-первых, захват Швеции одновременно с оккупацией Норвегии и Дании не давал немцам дополнительных экономических преимуществ перед Союзниками. Шведская промышленность (кроме, собственно, военной) уже работала в значительной мере на Германию. Опаснее для Гитлера было бы разрушение шведами своей промышленности и транспорта в случае нападения извне, о чем не раз предупреждали шведские политики в газетных интервью.²¹⁸

Во-вторых, немецкому командованию приходилось уже считаться с возросшей обороноспособностью Швеции. Все виды вооружения и численность мобилизованных значительно выросли с сентября 1939 года. К тому же действия по отпору захватчикам неоднократно продумывались и отрабатывались во время учений шведских войск, и, следовательно, оккупация Швеции обещала стать намного более затруднительной, чем оккупация её северных соседей.

Наконец, в первые апрельские дни ведущие шведские политики в один голос уверяли всех со страниц газет в своей полной решимости, если понадобится, с оружием в руках защищать нейтралитет своей страны.

Необходимо все же признать, что ни один из этих факторов, вероятно, не смог бы остановить Германию, в случае, если захват Швеции немцам действительно был бы выгоден и диктовался бы всем ходом событий. Фактически, оккупация Швеции в той ситуации была излишней. Так, с нападением на Норвегию и Данию Стокгольм попадал в стратегическое окружение со стороны Германии и был практически отрезан от Запада. Теперь Гитлер имел все необходимые возможности для того, чтобы увеличить свое политическое и экономическое влияние в Швеции. При этом было необязательно прибегать к военным мерам.

Утром 9 апреля немецкий посланник в Стокгольме Виктор Вид передал министру иностранных дел Швеции Кристиану Гюнтеру ноту, в которой содержались требования к шведскому правительству.²¹⁹ К их числу относилось строжайшее соблюдение нейтралитета, воздержание от любых мер, направленных против оккупации Дании и Норвегии (в частности, от мобилизации войск), а также продолжение поставок железной руды в прежних объемах. При этом Вид устно заверил Гюнтера, что шведские интересы ни коим образом не будут задеты в ходе операции Германии в соседних скандинавских странах.²²⁰

Через несколько часов шведское правительство подготовило письменный ответ на утреннюю ноту. В нем уже премьер-министр страны Ханссон официально заявил, что его кабинет принимает требования Германии, оставляя, однако, за собой свободу действий в таких вопросах, например, как защита своего нейтралитета и связанные с ней военные меры. Устно было добавлено, что в определенных обстоятельствах правительство могло пойти на увеличение военной готовности, но такие меры не будут направлены против действий Германии в регионе.²²¹

Так, в течение следующей недели в Швеции была проведена общая мобилизация, названная «увеличением готовности», чтобы лишний раз не раздражать немцев. За эти

апрельские дни численность армии увеличилась с 85 до 320 тысяч человек, то есть, примерно, в 4 раза. К тому же, 11 апреля были заминированы воды вдоль западного побережья страны. Наконец, были усилены строгости в отношении воюющих сторон: было объявлено о том, что все иностранные самолеты, нарушившие шведское воздушное пространство, будут сбиваться без предупреждения.²²² Необходимо признать, что это были не пустые слова. Так, уже 22 апреля центральные шведские газеты помещали на своих страницах сообщение о том, что из пяти немецких самолетов, летавших над территорией Швеции днем ранее один был сбит зенитной артиллерией около города Мельндаль, а четыре человека из его команды интернированы.²²³

Серьезность предпринятых правительством военных мер, по всей видимости, была направлена на то, чтобы развеять все сомнения немцев в способности Швеции защищать свой нейтралитет. О важности этого вопроса для Германии 11 апреля в очередной раз говорил глава немецкого МИДа И. Риббентроп во время встречи со шведским послом А. Рихертом.²²⁴ С одной стороны, он выразил уважение твердой позиции шведского правительства и заявил, что Берлин стремился к поддержанию самых дружественных отношений со Стокгольмом. С другой стороны, по словам Риббентропа, Германия была недовольна и озабочена тенденциозным и некорректным освещением событий в Дании и Норвегии в шведской прессе.²²⁵ Швеция, по мнению немцев, должна была соблюдать нейтралитет и в общественном мнении, а провокационные статьи в шведской печати наталкивали немцев на размышления о враждебной позиции шведского народа.

Вероятно, «провокационными статьями» Риббентроп называл дебаты в шведской прессе по вопросу о причинах нападения на Норвегию и Данию и о ходе самих военных действий. Эти дебаты шли на протяжении всего апреля, и между строк в шведских газетах можно было прочесть искреннее сочувствие северным соседям и осуждение Германии. Шведское правительство в ответ на заявление Риббентропа попыталось умирить прессу, объяснив, что в тот период стране более всего необходимы были дружеские отношения с Германией.²²⁶

Необходимо заметить, что сложившаяся после оккупации Дании и нападения на Норвегию ситуация значительно отличалась от ситуации во время «зимней войны». Соответственно, отличалось и отношение шведского правительства к этим событиям. Теперь Ханссон, в отличие от зимних месяцев, был в значительной мере связан немецкими требованиями соблюдения Швецией нейтралитета. Это делало шведскую помощь Норвегии затруднительной, если учитывать военное преобладание Германии в регионе. Шведы,

разумеется, горячо сочувствовали своим соседям. Однако, правительство вынуждено было пойти на строгое соблюдение нейтралитета, отказавшись при этом от благоприятствования интересам Норвегии.

С 13 апреля Ханссон в принципе запретил всякий экспорт или транзит военных материалов в Норвегию. Запрещена была вербовка добровольцев, выезд их в соседнюю страну и служба шведских военных в норвежских войсках. Также запрещены были выступления норвежских лидеров на шведском радио, а королевской семье Норвегии, в случае ее появления в Швеции, грозило интернирование.²²⁷

Очевидно, что в те дни шведское правительство сделало даже больше, чем требовали от него немцы, и заняло позицию неблагоприятного нейтралитета по отношению к своим соседям. 24 апреля норвежцы вручили Гюнтеру ноту протеста по этому поводу,²²⁸ но ситуацию изменить они так и не смогли. По всей видимости, неблагоприятность или излишняя принципиальность в соблюдении нейтралитета проводилась шведскими властями в целях самосохранения.

Несмотря на то, что Ханссон не видел в те дни сиюминутной опасности нападения со стороны Германии, все же такое развитие событий с каждым днем становилось более вероятным. Так, 14 апреля англо-французские войска высадились в Норвегии. В случае их успехов и ухудшения положения немецкой армии можно было вполне ожидать, что Гитлер захочет улучшить свое положение за счет Швеции. Дело в том, что наиболее безопасные пути сообщения между Германией и ключевыми позициями немцев в Норвегии проходили через шведскую территорию, и поэтому шведское правительство не имело права игнорировать возможность нападения вермахта, слухи о котором периодически доходили до Стокгольма.²²⁹

В этой связи особенно важно было убедить Берлин в том, что шведы с оружием в руках готовы защищать свой нейтралитет. С этой целью 15 апреля в немецкую столицу отправилась специальная шведская делегация, возглавляемая генералом Фабианом Таммом.²³⁰ Прием Гитлера был достаточно дружеским, но оставлял определенные сомнения в будущем шведско-германских отношений, так как фюрер весьма резко выразил свое недовольство антигерманской позицией шведской прессы. Во избежание осложнений, король Густав отправил Гитлеру 19 апреля личное послание, написанное в очень учтивом, но уверенном тоне. В нем, в частности, в очередной раз говорилось о решимости всего шведского народа всеми силами противостоять покушениям на свой нейтралитет, с чьей бы стороны они не исходили.²³¹

Пока шведское правительство ожидало ответа на это послание, тучи продолжали сгущаться над Стокгольмом. В шведскую столицу из различных источников продолжали поступать слухи о возможном нападении Германии и об ее планах относительно Аландских островов и острова Готланд.²³² Эти слухи косвенно подтверждались и участвовавшими в последние дни полетами немецких самолетов над территорией Швеции. Как заметил Гюнтер в своем разговоре 24 апреля с норвежскими коллегами, он со дня на день ожидал нападения.²³³

Однако, на этом кризис неопределенности в шведско-германских отношениях миновал. 26 апреля король Густав зачитал своему правительству ответ Гитлера. В нем фюрер с уверенностью заявлял, что Германия и впредь будет уважать шведский нейтралитет, и уважение это значительно окрепло после того, как немецкое руководство узнало из захваченных в Норвегии документов о твердости шведского правительства во время советско-финской войны в вопросе о пропуске союзных войск.²³⁴ В целом, послание Гитлера было составлено в выражениях, которые исключали военную опасность со стороны Берлина, по крайней мере, в ближайшее время.

Тем не менее, вскоре развитие событий в Норвегии в очередной раз поставило Швецию в крайне сложное положение. 2 мая союзники после неудавшейся попытки взятия Тронхейма эвакуировались из центральной части Норвегии.²³⁵ Теперь англо-французские войска были сосредоточены на севере страны и их главной целью стал город Нарвик, занимаемый немецкими войсками.

Суть данной ситуации для шведского правительства сводилась к следующему: пока немцы, находящиеся в Нарвике, они были в опасности, в такой же опасности оказалась и Швеция. Объяснялось это тем, что данный норвежский порт располагался в непосредственной близости со шведской границей и был соединен со шведской территорией железной дорогой, по которой в Нарвик доставлялась железная руда для поставок в Германию. С одной стороны, это делало Нарвик очень желанной целью для западных союзников. К тому же, нельзя было исключать, что в случае их победы на севере Норвегии они не решат развить этот успех и на территории шведской Лапландии, то есть, непосредственно заняв железорудный бассейн. С другой стороны, можно было ожидать, что немцы потребуют транзита через территорию Швеции военных материалов для укрепления своих позиций в регионе.

В целом, ситуация начала развиваться по второму сценарию. С конца апреля - начала мая транзитный вопрос стал главным в шведско-германских отношениях. В последние дни

апреля немецкая сторона запросила разрешение на пропуск военных материалов,²³⁶ но Ханссон ответил отказом, сославшись на общественное мнение, которое, мягко говоря, не одобрило бы этот враждебный акт по отношению к братскому норвежскому народу.²³⁷

6 мая Геринг во время встречи с очередной делегацией во главе со шведским генералом Таммом выразил раздражение, говоря от имени немецкого руководства, отказом Швеции и намекнул на очень негативные последствия в случае очередного отказа.²³⁸ Так, он заявил, что согласно приказу Гитлера Нарвик должен был, во что бы то ни стало, остаться под немецким контролем. Уже 11 мая при повторной встрече со шведскими представителями он выразил свою угрозу более четко, сказав, что последствия могли включать ограничение свободы действий на Балтике, а также сокращение поставок немецкого оружия в Швецию.²³⁹

Не менее важным аргументом в пользу принятия немецких требований могли послужить новые успехи немецких войск в Европе. Так, 10 мая началось успешное наступление вермахта на запад, приведшее вскоре к падению Нидерландов, Бельгии и Люксембурга. Шведское правительство прекрасно понимало, что недооценивать угрозу со стороны Германии было в те дни крайне опасно. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что в ночь на 14 мая шведские войска на норвежской границе были приведены в состояние полной боевой готовности.²⁴⁰

Вместе с тем, руководство Швеции придерживалось своей первоначальной позиции и 16 мая опять отклонило нажим Риббентропа и Геринга по поводу предоставления Германии права на ранзит.²⁴¹

Может показаться, что такая позиция была весьма странной и даже легкомысленной. Действительно, проявлять излишнюю твердость в этом вопросе на фоне победоносного шествия немецких армий по Европе было достаточно безрассудно со стороны шведского кабинета министров. Но в те дни Ханссон не рассматривал свой отказ, как окончательный. Он, в первую очередь, надеялся, что после доверительного письма Гитлера Густаву V немцы не нападут на Швецию без предварительного ультиматума, и тогда у шведского правительства будет время на пересмотр своей позиции. К тому же правительству было важно в этом вопросе продемонстрировать свое упорство, чтобы в случае конечного согласия шведов на транзит у немецкого руководства не сложилось впечатления о том, что Швеция готова пойти и на дальнейшие уступки.

На сей раз, действия правительства оправдали себя, и немцы приняли этот отказ. Однако, шведский посол в Германии А. Рихерт предупредил свое правительство, что Гитлер,

вероятно, вернется к этому вопросу уже в ближайшем будущем, и тогда очередной отказ приведет к катастрофическим последствиям для Швеции.²⁴²

Ситуация стала еще более мрачной, когда 28 мая союзные войска после продолжительных боев все-таки взяли Нарвик.²⁴³ Теперь немецкие части медленно, но верно, отступали вдоль железной дороги, ведущей к шведской границе. В тот момент, вероятно для того, чтобы иметь альтернативное предложение на случай немецкого ультиматума по транзитному вопросу, Гюнтер представил воюющим сторонам т.н. «нарвикский план» (или план нейтрализации Нарвика).²⁴⁴

Это не был детально разработанный план, а скорее общая концепция урегулирования ситуации вокруг Нарвика. Она предполагала, что обе воюющие стороны эвакуируют свои войска из города, который займет шведская армия до окончания войны. Было также заявлено, что вся торговля железной рудой через этот порт будет прекращена. Без сомнения, это была та спасительная соломинка, за которую хваталась шведская дипломатия, чтобы сохранить нейтралитет своей страны. Тем не менее, сначала и союзники, и норвежцы этот план отклонили.

Но происходившие тогда на континенте события, а именно приближение немецких войск к границам Франции, привели к тому, что англо-французское командование было вынуждено принять решение об эвакуации своих войск из Норвегии. Тогда «нарвикский план» перестал казаться им бесполезным, и 31 мая англичане, а 3 июня норвежцы одобрили его.²⁴⁵

Однако если интерес Англии и Норвегии к шведской инициативе увеличивался по мере развития событий, то интерес Германии пропорционально уменьшался. Успехи немецкого оружия в Европе позволяли Гитлеру с большой долей уверенности предположить, что в ближайшие дни англичане откажутся от своей помощи Норвегии, и война в этой стране закончится. Так и случилось, когда уже 8 июня шведы передали в посольство Германии в Стокгольме официальное сообщение норвежской стороны о том, что король Хаакон и его правительство покинули территорию своей страны и приказали прекратить сопротивление.²⁴⁶

Таким образом, война в Норвегии окончилась и вместе с ней исчезла, по крайней мере, на некоторое время проблема транзита военных материалов через территорию Швеции.

При этом нет сомнения, что длившаяся два месяца норвежская война стала для шведской дипломатии войной нервов. Не было такой минуты за это время, когда правительство было уверено в отсутствии опасности со стороны Германии. Даже получив 26 апреля послание Гитлера, с уважением отзывавшегося в нем о политике Швеции,

правительство не могло гарантировать безопасность шведскому нейтралитету. С одной стороны, можно было ожидать, что Германия не нападет теперь без предварительного ультиматума. С другой же, нельзя было забывать, что 9 апреля немецкие войска напали на Данию и Норвегию, а месяц спустя на Нидерланды, Бельгию и Люксембург. Таким образом, без ультиматума был нарушен нейтралитет пяти малых европейских государств.

Казалось бы, война в Норвегии поставила перед шведским внешнеполитическим ведомством менее сложные задачи, чем «зимняя война». Действительно, во время последних событий Швеция подвергалась давлению не трех сторон (как это было во время советско-финского конфликта), а двух; а по мере неудач Англии и Франции и вовсе с одной - со стороны Германии. В итоге внешняя политика правительства свелась к балансу между терпимыми шведско-германскими отношениями и нейтралитетом.

Но это, несомненно, лишь добавляло проблем Ханссону и его кабинету. Так, в отношениях с Германией главным стал вопрос о транзите военных материалов через территорию Швеции, имевший для немецкого руководства исключительное значение. Тот факт, что Швеция выдержала нажим немцев, можно, вероятно, занести шведскому правительству в актив. Вместе с тем, необходимо признать, что этот успех таил в себе и вполне определенную опасность. Так, у немецкого командования накопилось раздражение по поводу излишней, по его мнению, принципиальности шведов в таком вопросе. Это могло угрожать Стокгольму в новых условиях, когда Швеция неизбежно попадала в стратегическое окружение со стороны Германии.

Основные этапы и особенности Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Карелии

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала суровым испытанием для советского народа, всех республик и областей СССР, победившем мощных агрессоров во главе с фашистской Германией в самой жестокой и кровопролитной борьбе за всю историю человечества. Карелия (тогда она называлась Карело–Финская ССР), как и вся страна, самоотверженно участвовала в этой борьбе и на фронте, и в тылу. Причем здесь, на Севере, война имела свои особенности и своеобразие.

После бомбардировки советской авиацией финских аэродромов, использовавшихся германскими ВВС, президент Финляндии Р. Рюти в выступлении по радио 26 июня 1941 г. официально объявил о состоянии войны между Финляндией и СССР²⁴⁷. Действующая армия Финляндии к началу войны насчитывала около 470 тыс. человек. Непосредственно у советско-финляндской границы размещались 21 пехотная дивизия и 3 бригады немецких и финских войск, превосходившие советские войска в живой силе и боевой технике в полтора — два раза²⁴⁸. Противник намеревался захватить Карелию и Кольский полуостров. Ближайшей его целью был выход на Кировскую железную дорогу и захват Мурманска. Между Ладожским и Онежским озерами финские войска предполагали соединиться с немецкой группой армий «Север», чтобы окружить и захватить Ленинград. Таким образом, на севере страны советским войскам пришлось отражать агрессию финских и немецких армий²⁴⁹.

29 июня 1941 г. на Кольском полуострове перешла в наступление немецкая армия «Норвегия», части которой пытались овладеть Мурманском. Однако отчаянные атаки противника, обладавшего на этом участке четырехкратным превосходством в силах и средствах, не имели успеха²⁵⁰. В ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. государственную границу СССР перешли и финские войска²⁵¹.

10 июля 1941 г. главнокомандующий вооруженными силами Финляндии маршал К.Г. Маннергейм отдал приказ, призывавший финских солдат "освободить земли карелов"²⁵². На всех направлениях фронта развернулись кровопролитные бои. Первыми начали отражать вражеские силы советские пограничники, проявившие образцы стойкости и героизма в боях с врагом. Основные силы финской Карельской армии наступали на Онежско-Ладожском перешейке, через неделю финны вышли на побережье Ладожского озера и развернули

наступление на петрозаводском, олонецком и сортавальском направлениях. Советским войскам удалось на время остановить продвижение противника.

23 августа Ставка ВГК разделила Северный фронт, созданный 24 июня на базе Ленинградского военного округа, на два — Карельский и Ленинградский. Главной задачей Карельского фронта (КФ) стала оборона Карелии и Заполярья. В состав КФ (командующий до февраля 1944 г. генерал-лейтенант В.А. Фролов, затем генерал армии К.А. Мерецков) входили 7, 14, 19, 26, 32-я общевойсковые армии, 7-я воздушная армия и другие части советских войск. Ему оперативно подчинялись Северный военно-морской флот, Ладожская и Онежская военные флотилии. Войска фронта при поддержке Северного военно-морского флота получили задачу — оборонять государственную границу с Финляндией общей протяженностью около 1500 км и защищать Ленинград, Карелию и Мурманскую область²⁵³.

Из всех советских фронтов Великой Отечественной войны Карельский фронт действовал самое продолжительное время (3,5 года) от Ладожского озера до Баренцева моря и в особо сложных северных природно-климатических условиях. Труднопроходимая местность и неразвитая транспортная сеть позволяли вести боевые действия только по отдельным, изолированным между собой, направлениям (вдоль дорог в полосе 20–50 км), важнейшие из которых определились в 1941 г.: олонецкое, петрозаводское, медвежьегорское, ребольское, ухтинское, лоухское, кандалакшское, мурманское²⁵⁴.

Силы были неравны и в начале сентября Карельская армия финнов прорвала советскую оборону на петрозаводском и олонецком направлениях. 6-й армейский корпус финнов, используя превосходство в силах, 5 сентября захватил Олонец, а два дня спустя вышел к северному берегу Свири на участке Лодейное Поле—Свирьстрой и перерезал Кировскую железную дорогу²⁵⁵. Тогда же 7-й армейский корпус финнов двинулся на Петрозаводск, который прикрывала Петрозаводская оперативная группа и 71-я стрелковая дивизия. Красноармейцы и гражданское население стойко обороняли город, но 30 сентября финны прорвали нашу оборону. 1 октября советские войска вынуждены были оставить Петрозаводск²⁵⁶. В октябре–ноябре упорные бои продолжались на Медвежьегорском направлении. Воины 71-й и 313-й дивизий отбивали по 5—8 атак в день. Медвежьегорск переходил из рук в руки. Однако его пришлось оставить и занять оборону на новых позициях в районе Повенца²⁵⁷.

К середине декабря 1941 г. войска Карельского фронта окончательно остановили продвижение вражеских армий на всех направлениях. Линия фронта стабилизировалась на рубеже: южный участок Беломорско-Балтийского канала — станция Масельгская—Ругозеро

—Ухта—Кестеньга—Алакүртти. Планы противника по овладению Европейским Севером СССР провалились. С декабря 1941 г. по июнь 1944 г. вражеские войска на Карельском фронте не смогли продвинуться ни на шаг. В течение этого периода воины Карельского фронта неоднократно наносили удары по позициям противника, сковывая здесь его превосходящие силы.

Эвакуация населения и ценного имущества из пограничных районов Карелии началась с первых дней войны. В связи с продвижением противника, была поведена эвакуация и населения, и ценного имущества из всех районов, которым угрожала вражеская оккупация. Всего из республики было эвакуировано свыше 500 тыс. чел., которые нашли приют на период войны в десятках республик и областей Советского Союза. Своевременно было эвакуировано оборудование большинства промышленных предприятий КФССР. Вывезенные на восток они в короткий срок устанавливались на новых местах и начинали выпуск продукции для нужд фронта и обороны страны. В связи с нависшей вражеской угрозой государственные и партийные органы республики переехали из Петрозаводска в г. Медвежьегорск, а затем в г. Беломорск, ни на один день, не прекращая своей деятельности²⁵⁸.

В результате оккупации противником около 2/3 территории Карелии резко сократился выпуск промышленной продукции. В районах, не занятых врагом, насчитывалось лишь 20 небольших промышленных предприятий и около 75 тыс. жителей. На протяжении всех военных лет они действовали по принципу — «Все для фронта, все для победы!» На лесозаготовках, промышленных предприятиях и транспорте трудились в основном женщины, старики, подростки. Перестройка промышленности выразилась в том, что взамен продукции мирного времени она стала выпускать продукцию для фронта. Полностью удовлетворялась потребность фронта в лесоматериалах и дровах. Для нужд армии были переданы основные материально-технические ценности республики: запасы железа, стали, кровельных материалов, фанеры, гвоздей, бумаги, цемента и др.

Жители Карелии жертвовали личные сбережения в Фонд обороны СССР на строительство танков, самолетов и другой боевой техники. Было организовано шефство над военными госпиталями и инвалидами войны. Широкое распространение получил сбор подарков и теплых вещей для бойцов Карельского фронта²⁵⁹. Посильную помощь фронту оказывали и школьники. Они работали на лесопунктах и в рыболовецких артелях, на промышленных предприятиях и в мастерских, на колхозных и совхозных полях. Тимуровские команды помогали семьям фронтовиков и инвалидов, шефствовали над

госпиталями, высылали на фронт подарки с любовно вышитыми кисетами, носовыми платками, воротничками, рукавицами, письмами.

На оккупированной территории осталось около 85 тыс. местных жителей. С середины июля 1941 г. начало действовать финское Военное управление Восточной Карелии, которое сначала находилось в г. Йюэнсуу (Финляндия), а затем – в Петрозаводске. Территория, подчиненная ему, делилась на 3 округа (Олонецкий, Масельский и Беломорский), каждый из которых – на районы во главе с районными штабами, а они, в свою очередь, – на более мелкие административные участки, состоявшие из нескольких населенных пунктов во главе с комендантом. Военные комендатуры управляли всей административной, военной и хозяйственной жизнью на местах. В крупных деревнях назначались старосты.

Оккупационные власти провели перепись населения и лишили тем самым возможности легального проживания лиц, появляющихся на этой территории, что осложнило работу подпольщиков и партизан. За нарушение установленного режима (нахождение на улице после комендантского часа, пребывание в доме постороннего лица, выход за пределы постоянного места жительства без специального пропуска и т.п.) предусматривалось строгое наказание вплоть до расстрела. Оккупанты развернули сеть концентрационных, переселенческих, трудовых лагерей, куда заключили свыше 20 тыс. местных жителей. Невыносимые условия жизни (непосильные работы, голод, массовые эпидемические болезни), а также расстрелы в лагерях привели к гибели более 7 тыс. советских граждан²⁶⁰. Погибших лагерников хоронили в северной части города на кладбище «Пески» в групповых могилах. Сегодня здесь, находится Мемориал памяти жертв оккупационного плена, где каждый год собираются оставшиеся в живых бывшие малолетние узники концлагерей.

Оккупационный режим на занятой финнами территории представлял собой систему экономических, идеологических, просветительских и политических мер, направленных на финнизацию карелов и вепсов и выселение в восточные районы России (после захвата их немцами) всех русских, белорусов, украинцев и представителей других национальностей. Реализация этой политики на практике выразилась в разделении населения оккупированной зоны на две категории. Карелы и вепсы лучше обеспечивались зарплатой, продовольственными и промышленными товарами, медицинскими услугами. Для них организовывались специальные народные школы, проводились идеологические мероприятия. Вторая группа людей (русские, украинцы, белорусы) содержались в концентрационных лагерях с целью дальнейшего перемещения после предполагавшейся победы в войне Германии и ее союзников на Восток.

С первых дней войны в Карелии стали создаваться подпольные группы и партизанские отряды для борьбы с захватчиками. Подпольные группы опирались на активистов из числа местного населения. Начиная с марта 1942 г. регулярно, три раза в месяц, для временно оккупированных районов издавались специальные выпуски республиканских газет «Ленинское знамя» и «Правда» (на финском языке). Помимо газет в тылу противника распространялись сотни листовок. В ходе наступления войск Карельского фронта летом 1944 г. подпольные организации участвовали в боевых действиях.

Значительную роль в разгроме сил противника сыграли партизанские отряды, которые стали создаваться еще в начале Отечественной войны. К середине августа 1941 г. были сформированы 15 отрядов общей численностью свыше 1700 человек²⁶¹. Их состав, несмотря на имевшиеся в ходе боевых действий потери, оставался почти неизменным на протяжении всего военного времени благодаря постоянному притоку новых пополнений. Эти пополнения формировались из жителей Карелии, а также Архангельской, Вологодской, Иркутской, Ленинградской, Мурманской, Свердловской, Ярославской областей, Коми АССР, Красноярского края и других регионов страны. Всего в полосе Карельского фронта с учетом потерь и новых пополнений действовало свыше 5000 партизан.

Своеобразие местных условий предопределило некоторые особенности партизанского движения на Севере. В связи с тем, что на оккупированной территории отсутствовали базы с продовольствием и оружием, а основная часть населения эвакуировалась в тыловые районы страны, партизанские отряды базировались на неоккупированной прифронтовой полосе. Для выполнения боевых операций во вражеском тылу партизанам приходилось совершать сложные рейды: каждый раз дважды пересекать линию фронта, преодолевать расстояния от 300 до 500 км, нести на себе груз в несколько десятков килограммов (оружие, боеприпасы и продовольствие, необходимые на весь период похода), транспортировать раненых и больных из вражеского тыла. Наиболее эффективно в таких условиях действовали отряды численностью до 100 чел., которые и стали основной формой организации партизанских сил. Для обеспечения единого оперативного руководства ими был создан Республиканский штаб партизанского движения (начальник генерал-майор С.Я. Вершинин)²⁶².

В первой половине 1944 г. Советские Вооруженные Силы успешно завершили военные операции под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму. Шла подготовка к освобождению Белоруссии, Прибалтики и Карелии. 10 июня 1944 г. перешли в наступление войска Ленинградского фронта под командованием генерала армии Л.А. Говорова. В результате 10-дневных упорных боев на Карельском перешейке они

прорвали глубоко эшелонированную оборону противника и 20 июня овладели г. Выборгом. Противник, понеся большие потери в людях и технике, начал отступать. Это создало благоприятную обстановку для проведения наступательных действий частей Карельского фронта на перешейке между Ладожским и Онежским озерами.

21 июня 1944 г. войска Карельского фронта начали Свирско-Петрозаводскую операцию. Главный удар наносила 7-я армия (командующий генерал-лейтенант А.Н. Крутиков) из района Лодейного Поля в направлении Олонца—Питкяранты—Сортавалы с выходом на государственную границу, а также вдоль западного побережья Онежского озера – на Петрозаводск. Войска 32-й армии (командующий генерал-лейтенант Ф.Д. Гореленко) продвигались из района Медвежьегорска в направлении Суоярви, а частью сил — на Петрозаводск. Остальные войска Карельского фронта (14, 19, 26-я армии) находились в готовности к переходу в наступление в случае переброски вражеских сил из северной в южную Карелию²⁶³. В наступлении участвовали также Онежская и Ладожская военные флотилии, 7-я воздушная армия и 19 партизанских отрядов.

Рано утром 21 июня после мощной огневой подготовки, группа из 16 молодых бойцов-добровольцев стала преодолевать реку Свирь. Противник пытался помешать переправе наших бойцов, но был подавлен мощным артиллерийским огнем. Все 16 гвардейцев достигли противоположного берега и, закрепившись там, способствовали успешному форсированию реки главными силами. За этот самоотверженный подвиг все они были удостоены звания Героя Советского Союза. В итоге первого дня 7-я армия форсировала Свирь и захватила главную оборонительную полосу противника. 25 июня был освобожден г. Олонец²⁶⁴.

Одновременно части 32-й армии 21 июня освободили Повенец, а 23 июня, – сильно укрепленный рубеж противника под Медвежьегорском. После освобождения Медвежьегорска советские войска повели наступление на запад, в направлении Чебино—Мяндусельга—Поросозеро, а 1070-й стрелковый полк 313-й дивизии двигался на юг, в направлении Кондопога—Петрозаводск. 28 июня этот полк овладел Кондопогой²⁶⁵.

Успешное продвижение советских войск вынудило финнов начать отход из Петрозаводска. 26 июня в селе Шелтозеро с бронекатеров высадился отряд советских десантников. 28 июня они захватили район Уйской губы и освободили село Деревянное. В тот же день моряки Онежской военной флотилии при содействии частей 32-й армии, наступавших с севера, и частей 7-й армии, наступавших с юга, вошли в г. Петрозаводск. Утром 29 июня в город вошли передовые части 368-й и 313-й стрелковых дивизий,

наступавшие с юга и севера. В тот же день Москва салютовала советским воинам, освободившим Петрозаводск, 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. В честь одержанной победы наиболее отличившиеся соединения и части получили почетное право называться "Петрозаводскими". В боях за освобождение Карелии участвовали представители всех народов и республик СССР.

Мощные удары советских войск на Карельском перешейке и в южной Карелии обострили внутривойсковую и военно-экономическую обстановку в Финляндии. После произошедшей военной катастрофы президентом Финляндии становится маршал Маннергейм, который уже вынужден был обратиться к СССР с предложением начать переговоры о перемирии или заключении мира. Советское правительство выразило согласие вступить в переговоры при условии, что Финляндия публично заявит о разрыве отношений с Германией и обеспечит вывод немецко-фашистских войск со своей территории.

В ночь на 4 сентября правительство Финляндии сделало заявление по радио о том, что принимает предварительные условия правительства СССР. Советские войска Карельского и Ленинградского фронтов получили приказ Верховного Главнокомандования прекратить военные действия против Финляндии с 8 часов 5 сентября²⁶⁶. 19 сентября в Москве между СССР и Великобританией с одной стороны, и Финляндией с другой, состоялось подписание оглашения о Перемирии. Финляндия обязывалась отвести свои войска за линию советско-финской границы 1940 г.; разоружить германские войска, остававшиеся на ее территории, и передать их советской стороне в качестве военнопленных; перевести свою армию на мирное положение; немедленно передать СССР всех находившихся в ее власти советских и союзных военнопленных и насильственно уведенных граждан; возместить СССР убытки, причиненные военными действиями и оккупацией советской территории в размере 300 млн. долларов; возвратить СССР в полной сохранности вывезенные с советской территории во время войны все ценности и материалы. На основе Соглашения о перемирии 10 февраля 1947 г. между СССР и союзными государствами, с одной стороны, и Финляндией – с другой был подписан мирный договор.

После заключения перемирия военные действия продолжались лишь на северном участке Карельского фронта против находившейся здесь 20-й немецкой горной армии. В сентябре 1944 г. в результате обходного маневра, части 19-й и 26-й армий, вынудили немецкое командование вывести свои войска из северо-западной части Карелии и Мурманской области. Территория Карелии была полностью освобождена. В октябре 1944 г. соединения Карельского фронта при поддержке кораблей Северного флота успешно

завершили боевые действия на Крайнем Севере: в результате проведенной Петсамо-Киркенесской операции они освободили оккупированные районы Советского Заполярья. Государственная граница на Северо-Западе СССР была восстановлена полностью.

15 ноября 1944 г. Карельский фронт, выполнивший свои стратегические задачи, был расформирован. В боевых действиях КФ выделяются три основных этапа.

На первом этапе (июнь—декабрь 1941 г.) советские войска вели тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами финских и немецких армий, которым удалось продвинуться в Карелии на 50–220 км и в Заполярье на 10–85 км, а также захватить часть Оштинского района Вологодской области. Тем не менее Карельский фронт смог выполнить основные задачи — остановить наступление противника и удержать за собой ключевые позиции: Кольский полуостров и незамерзающий порт Мурманск, главную базу Северного ВМФ — Полярный, северный участок Кировской железной дороги, по которой перевозились поступающие от союзников морем грузы через Мурманск в глубинные районы страны, а также осуществлялось снабжение войск КФ; на юге Карелии финским и немецким войскам не удалось соединиться и создать второе кольцо блокады вокруг Ленинграда.

Второй этап (декабрь 1941 г. — июнь 1944 г.) — период стабильной обороны удержанных позиций и подготовки решающего контрнаступления.

На третьем этапе (июнь-ноябрь 1944 г.) войска провели ряд крупных успешных наступательных операций (Свирско-Петрозаводскую, Петсамо-Киркинесскую, на Кестеньгском, Ухтинском, Кандалакшском направлениях и др.), в результате чего на Северо-Западе СССР была полностью освобождена временно оккупированная противником территория, и на всем протяжении восстановлена государственная граница с Финляндией и Норвегией.

Тысячи солдат, офицеров и генералов Карельского фронта, проявившие мужество и героизм и достойно выполнившие свой воинский долг, были удостоены орденов и медалей СССР, 145 чел. получили звание Героя Советского Союза, 12 чел. удостоились ордена Славы трех степеней²⁶⁷.

Жители Карелии с честью сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны: на Украине и в Белоруссии, в Молдавии и Прибалтике, в Заполярье и Крыму. Сформированная в республике накануне войны, 71-я стрелковая дивизия, начав боевой путь в Карелии, участвовала в битве под Курском, освобождении Украины и Польши, разгроме вражеских сил на территории Германии. Многие из жителей Карелии, до конца выполняя свой долг, пали в боях за свободу и независимость Родины. В "Книге Памяти", изданной к 50-

летию Победы, содержатся имена более 40 тыс. воинов, партизан, подпольщиков Карелии, погибших в 1941—1945 гг.²⁶⁸ Всего за 1941—1945 гг. Вооруженные Силы страны получили из Карелии около 100 тыс. воинов, которые сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны. За доблесть и мужество, проявленные в боях с немецко-финскими войсками, тысячи воинов из Карелии были награждены орденами и медалями СССР.

В ходе освобождения от оккупации территории Карело-Финской ССР восстанавливались местные органы государственной советской власти. В июле 1944 г. Совнарком и ЦК компартии КФССР прибыли из Беломорска в Петрозаводск. С осени 1944 г. началась массовая реэвакуация населения. В городах и селах широким фронтом развернулись восстановительные работы. Постепенно люди обустраивали свое жилье, разыскивали родных и близких, надеясь на скорое завершение Отечественной войны и переход к мирной жизни.

Кякисалми (Кексгольм) в 1941-1944 гг.

До самого последнего времени наименее известными страницами Второй мировой войны на территории Карельского перешейка оставались события, связанные с периодом 1941-1944 гг. Это относится и к г. Приозерску, именовавшемуся до октября 1948 г. Кякисалми (Кексгольм),²⁶⁹ а в древнерусских летописях г. Корела. Ещё с дореволюционного периода его называли «городом яблоневых садов». Этот перифраз рекламного характера получил распространение с 1897 г., когда в Кексгольме открылся фешенебельный курорт с водогрязелечебницей.

Город отличался удивительной красотой и чистотой. Его архитектурный облик складывался прежде всего из деревянной застройки: от колоритных домишек XVIII в. с глухими заборами до шикарных «дворцов» в стиле модерн рубежа XIX—XX вв., утопавших по весне в бело-розовой кипени яблоневых садов (по традиции в Кексгольме у каждого дома был обширный приусадебный участок).

Как известно, после советско-финляндской войны, согласно Московскому мирному договору 1940 г., город Кякисалми был передан Финляндией Советскому Союзу²⁷⁰ и в течение 460 дней он развивался как обычный районный центр. С началом же Великой Отечественной войны, в конце июня 1941 г., он оказался в прифронтовой полосе, поскольку Финляндия выступила против СССР на стороне фашистской Германии.

29 июня власти приступили к организованной эвакуации гражданского населения и имущества из города, а также с территории всего Кякисалмского района. А уже в первых числах июля 1941 г. в городе начал формироваться истребительный батальон. Записывали в него не всех желающих, а отбирали самых надёжных коммунистов и комсомольцев, в основном рабочих целлюлозного завода. Бойцы батальона несли службу по поддержанию порядка в городе в свободное от основной работы время. Им удалось обезвредить немало вражеских лазутчиков, проникавших в Кякисалми и сеявших панику среди населения, а также диверсантов, пытавшихся подложить мины под важные объекты (чаще всего, чтобы не вызвать подозрений, они переодевались в красноармейскую форму).²⁷¹

В августе тяжёлые бои с превосходящими силами противника разгорелись на северных подступах к городу — на 13-м километре Сортавальского шоссе. Здесь мужественно держали оборону бойцы 142-й стрелковой дивизии, отступавшие в южном направлении из района Куркийоки — Хиитола. Им на помощь и был брошен Кякисалмский

истребительный батальон. Бойцы дрались до последнего. Причем почти все погибли, в том числе и их командир И. В. Николаев. От батальона остался только находившийся в городе взвод из 30 человек. Он должен был выполнить приказ: при отступлении уничтожить то, что не смогли эвакуировать.

Вскоре взлетел на воздух мост через Вуоксу, была взорвана нефтебаза, запылали деревянные строения города, перед тем, как войска противника вошли в город вечером 21 августа.

Сохранились свидетельства очевидцев этих событий. К примеру, двое кексгольмских партизан — В. Л. Володкевич и С. И. Зыков — прикрывали отход своего отряда («За Родину») из города и должны были взорвать мост через Вуоксу. Сестра первого из них, Р. Л. Руденко, позже выяснила подробности того события: «Мост они взорвали. И тут разорвалась мина. Брат был убит <попаданием осколка> в грудь, его товарищ — в голову. Похоронили их здесь же, на берегу Вуоксы».²⁷²

Прежде факт уничтожения огнём городской застройки было принято замалчивать. Обычно лишь указывалось, что город загорелся в ходе наступления финских войск. Подобная фальсификация событий тех дней содержится, к примеру, в мемуарном очерке начальника горотдела НКВД (1941 г.) В. Н. Райманикова, который утверждал: «Учитывая, что г. Кексгольм от бомбёжки противника стал гореть, начались сильные пожары, и чтобы не погубить защитников города, было принято решение <...> снять с обороны отряды и батальоны и отойти на занимаемый нашими войсками рубеж обороны».²⁷³

В то же время, по сообщениям разведотдела штаба Северного (Ленинградского) фронта, город пострадал вовсе не от финской авиации, поскольку она наносила удары, не по самому городу, а по тем местам на Ладожском побережье, откуда осуществлялась эвакуация людей и имущества. Разведчики доносили: «При отходе наших частей все объекты, имеющие военное значение, были уничтожены или повреждены».²⁷⁴

И ещё одно важное свидетельство о событиях того августовского дня, когда Какисалми оказался объятым огнём. Сын последнего бургомистра Какисалми, Симо Кярвяя, одним из первых вошёл в город. Он вспоминал: «До полудня 21.8 было замечено, что противник поджёг здания и вскоре весь город был в океане огня. Для нас это был сигнал, что противник отступает. <...> Отступающий неприятель оставил отряд в 40 человек, чтобы поджечь город. Они ездили по улицам, бросали горючие и взрывные снаряды в дома. После взрывов и пожаров от 550 домов в городе осталось только 45 — несколько в центре, а больше

всего на северных окраинах: в Уусикаупунки и Хиеккала. Хотя и там в домах тоже были следы попыток поджигания».²⁷⁵

Шестьдесят два дня из жизни прифронтового города накануне вступления в него финских войск нашли отражение в мемуарной повести киевского писателя Ю. И. Свитченко,²⁷⁶ основанной на кропотливо собранных автором многочисленных воспоминаниях жителей города 1940-1941 гг.²⁷⁷

Автор в самом начале войны 16-летним подростком работал на Кякисалмской автобазе, в конце августа 1941 г. эвакуировался в Ленинград. В декабре 1942 г. добровольно вступил в ряды Красной Армии. В блокадном городе воевал в войсках ПВО, позже — уже на других фронтах — в противотанковой артиллерии, дослужился до звания сержанта. Закончил войну на реке Эльба в Германии.²⁷⁸

Повесть Ю. И. Свитченко замечательна прежде всего тем, что в ней топографически точно описан город Кякисалми и скрупулёзно воссоздана атмосфера того далёкого времени. Повествование ведётся от первого лица. Именно в этой книге, впервые в отечественной печати, было достоверно, причём в хронологическом порядке, отображено, как горел 4 августа кинотеатр и как 20 августа в десять часов вечера на целлюлозном заводе прозвучало несколько взрывов, «и сразу затих хлебозавод». Как отмечается в этой работе: город тогда горел «от края до края».²⁷⁹

К вечеру 21 августа 1941 г. финские войска заняли Кякисалми, войдя в него с юга — через станционные деревни Мюллюпельто (Коммунары) и Няпинлахти (Синёво). От города осталось не более 60 строений, т.е. около 7% довоенных построек.

Боевыми действиями по овладению Кякисалми руководил Р. Райнио (1899—1975). Он сам в юности жил в этом городе, учился в школе, а после окончания академического курса работал судьёй окружной выездной сессии суда присяжных и окружным чиновником-регистратором.

Райнио вспоминал в 1971 г., как «отступая из города, противник оставил в нем группу из восьми человек и они ездили по улицам, забрасывая бутылки с бензином в сухие деревянные дома, и таким образом подожгли практически весь город».²⁸⁰

С. Кярвя в своём мемуарном очерке «Кякисалми в тисках войны» писал: «Когда мы добрались до дороги, ведущей к южной окраине Кякисалми, моя группа разделилась надвое. Здесь мы наткнулись на неприятельский отряд поджигателей. Из-за его действий весь город был объят пламенем». Как он затем вспоминает: «Город весь выгорел и был разрушен.

Каждый дом был в кольце высокого пламени. Только казармы в Новой крепости и строения Старой крепости не горели».²⁸¹

Один из бойцов истребительного отряда, Б.Н. Ковосаров, до войны работавший водолазом на Кякисалмской спасательной станции, также оставил краткие воспоминания об отступлении из горевшего города. По его данным, отрядом из Кексгольма уходил одним из последних²⁸² и, возможно, как раз этих людей и принял С. Кярвя за красноармейцев. Вообще же, согласно документам из фонда штаба истребительных батальонов НКВД Карело-Финской ССР, Кексгольмский батальон 7 июля 1941 г. насчитывал 160 человек, а из окружения «вышел в составе 64 человек во второй половине августа 1941 г.».²⁸³

После же взятия Кякисалми финскими войсками, туда в начале сентября, совершил поездку президент Финляндии Р. Рюти и маршал К. Г. Маннергейм. Известно, что в городе они были 16 сентября и посетили Старую крепость. Р. Райнио писал об этом визите: «Когда мы пересекли старое небольшое ответвление Вуоксы, автомобиль наш повернул сначала направо, затем налево. Вышли и, пройдя совсем немного, очутились у самых валов старинной крепости Кякисалми. Ещё несколько десятков шагов, и мы уже у воротной башни. Я провёл через эти ворота высоких гостей, и вот мы на просторном крепостном дворе. С большим интересом и уважением посетители осматривали те стены, которые когда-то в конце XVI века наш знаменитый полководец Понтус де ла Гарди воздвиг со своими воинами на этом месте. Мы также осмотрели во дворе развалины арсенала, разрушенного во время бомбёжки ещё в Зимнюю войну...».²⁸⁴

Уже в сентябре было разрешено возвращаться в свои дома финскому населению. Тогда же сюда приехал и бывший директор Кякисалмского музея, известный финский скульптор Албин Каасинен (1892—1970). Целью его десятидневной командировки было составление ревизорского отчёта о городе для Музейного ведомства в Хельсинки, где он тогда служил.

В результате прогулок по сплошному пепелищу с торчавшими то тут, то там печными трубами был создан, пожалуй, самый своеобразный «путеводитель» в мировой практике. Автор назвал его «Десять дней в отвоёванном Кякисалми» и завершил его написание уже в Хельсинки (рукопись датирована 14 ноября 1941 г.).²⁸⁵

По мнению Каасинена, Кякисалми 1940-1941 гг. был перенаселён, люди жили тесно, причём даже на летних дачах на островах.²⁸⁶ В целом картина была неутешительная. Город предстал перед его финскими жителями почти полностью разрушенным. Как он отмечает,

уходя из города, его советские жители неукоснительно выполняли приказ «ничего не оставлять противнику».

Обследование после занятия города показали однако, что целлюлозный завод, в частности, удастся пустить не ранее, чем через два года. Железная дорога также нуждалась в серьёзном ремонте. Она была исправна только до станции Каарлахти (Кузнечное). Поэтому в город попадали водным путём — на теплоходе «Вуокси», который курсировал до начала ноября. Раннее наступление зимы позволило затем наладить движение по льду.

В декабре 1941 г. приступили к восстановлению железнодорожного полотна между Каарлахти и Кякисалми, а 27 января 1942 г. на этом промежутке уже стал ходить поезд. К декабрю отремонтировали пути до станции Пюхярви (Отрадное). Рейсовые автобусы ходили в Виипури (Выборг) через Раясяля (Мельниково) и по многим другим местным маршрутам.²⁸⁷

Через некоторое время первую продукцию дали частично восстановленные Кякисалмский и Ладожский лесопильные заводы. Из-за острого жилищного кризиса люди не спешили возвращаться в Кякисалми: в июне 1943 г. здесь насчитывалось 755 человек гражданского населения, а в декабре — 885.²⁸⁸

Налаживалась городская жизнь. 11 октября 1941 г. начал свою деятельность Скандинавский банк, а через два дня — расположенный по соседству кооперативный магазин (ныне здесь хлебозавод). Первый частный магазин известного торговца Э. Киуру открылся 1 декабря, а гостиница «Новый отель» (ныне «Корела») — 3 декабря. Почтовое отделение приняло первых клиентов 3 ноября 1941 г., баня — 1 мая, а аптека — 25 июня 1942 г. На приём к врачу поначалу приходилось ездить в деревню Пюхярви (Плодовое), но впоследствии в городе появился свой доктор.²⁸⁹

Подобно тому как это было в советский период (в 1940-1941 гг.), в финском Кякисалми сложилось своеобразное двоевластие: действовало и военное, и гражданское управление. Прежний бургомистр А. Кярвяя просил освободить его от этой должности, так как был занят восстановлением народных школ Кякисалмского округа. Временно, до июля 1943 г., на посту председателя правления находился директор банка Ю. Мартикайнен, а потом был избран новый бургомистр — инженер А. Тенканен.²⁹⁰

Между двумя ветвями власти возникали трения. Так, гражданское управление, безуспешно, требовало у военных вернуть городу уцелевшие здания в самом центре, переместившись в казармы Новой крепости. Много говорилось о том, что солдаты, производившие вырубку деревьев на Каллиосаари, якобы уничтожают зелёную красоту этого

острова, а офицеры портят городской стадион, гоня по нему на мотоциклах и гарцуя верхом на лошадях.

Любопытно, что жизнь прифронтового Кякисалми находилась под пристальным вниманием советской разведки. По агентурным данным, «на 20 мая 1942 г. в Кексгольме все кварталы и ближайшие посёлки в районе железнодорожного узла разрушены полностью, завод Вальдхоф не работает, железнодорожные мосты от станции Кексгольм, идущие на юго-восток и юг, разрушены и не восстановлены. По данным прессы, к началу августа 1942 г. в Кексгольме насчитывалось до 900 человек, размещённых в летних помещениях. Из предприятий местной промышленности работают две лесопилки».²⁹¹

Если в город вернулось около 22% прежнего населения, то в Кякисалмскую сельскую округу (Ларионовская волость) к декабрю 1943 г. прибыло 77% довоенных жителей (4272 человека).²⁹² Работоспособные мужчины находились в действующей армии, и потому необходимость сдавать государству немалое количество продовольствия ставила крестьян (в основном женщин, стариков и детей) в трудное положение.

Жилой фонд некоторых деревень сильно пострадал. В частности, в Тенкалаhti (юго-западная часть Приозерска) уцелело только 159 домов из 368.²⁹³ Деревни отстраивали заново, некоторые дома перевозили из отдалённых хуторов.

Сельское управление возглавил А. Вуохелайнен. В сентябре 1942 г. открылись начальные школы во всех деревнях, кроме Пярня (Бригадное), в Тенкалаhti на средства, пожертвованные жителями шведского города Карлстада, был построен Дом здравоохранения. В апреле 1943 г. в сельской округе появилось 5 отделений Кякисалмского кооперативного магазина и 3 частных магазина. Хозяин лесопилки из Норсйоки (Ларионово) А. Федерлей усовершенствовал своё производство и построил добротную мельницу (ныне здесь поселковая баня).²⁹⁴

Советская авиация мало бомбила Кякисалми. Интенсивные налёты производились только летом и осенью 1942 г. Разведкой было установлено, что в городе «имеется действующий аэродром, на котором базируются одномоторные истребители» и который с юго-востока прикрывают две четырёхорудийные батареи зенитной артиллерии.²⁹⁵

Но ещё больше интересовала советское командование немецко-итальянская военноморская база, располагавшаяся на берегу Ладоги, неподалёку от кякисалменского волнореза. Перед её личным составом стояла задача не допустить связь блокированного Ленинграда с «большой землёй» по Ладоге.

Однако немецкий склад боеприпасов на территории базы удалось взорвать в результате авианалета советской авиации. 8 ноября 1942 г. здесь из-за неосторожного обращения с огнём также взлетело на воздух большое хранилище горючего и снарядов (пламя перекинулось со сторожевого барака, стоявшего по соседству). Тогда во многих кякисалмских домах выбило стекла.²⁹⁶

За свою многовековую историю город не раз бывал уничтожен при захвате его армией того или иного государства или в мирный период — от опустошительных пожаров. Как и в те времена, решено было по-новому распланировать послевоенный Кякисалми. Уже 4 сентября 1941 г. на заседании правления проголосовали за составление новой карты города. Работу доверили архитектору В. Туукканену. Сразу стало ясно, что восстановить здания северного предместья (Хиеккала и Уусикаупунки) в обозримом будущем не удастся, так как сооружение водопровода и канализации требовало значительных капиталовложений.²⁹⁷

Важно, что именно тогда был разработан проект протяжённого бульвара, который должен был начинаться от центрального сквера (ныне Петровский) и, заняв весь промежуток между улицами Питкякату (Ленина) и Исокату (Калинина), доходить до улицы Пелтокату (Чапаева). Дело в том, что участки в центре города были дороги, потому и решили отдать их под бульвар. Любопытно, при этом, что сходный план был все же воплощён в жизнь, но уже в советский период к 1967 г. и независимо от этого финского проекта.

Из-за нехватки рабочей силы и строительных материалов возрождение города шло медленно: удалось восстановить только здания народной школы, лицея, бани. В апреле 1944 г. магистрат пригласил на службу известного архитектора Ю. Виисте. Тот приспособил под жильё так называемые «колхозные» дома на улице Питкякату.

Успешно занималось в этот период ремонтом старых и строительством новых жилых домов Акционерное общество «Вальдгоф»: только в 1943 г. оно возвело 23 здания. На расчистке завалов и пожарищ широко использовался труд советских военнопленных.²⁹⁸ 20 апреля 1944 г. был создан особый комитет во главе с бургомистром города, задачей которого было переименование улиц Кякисалми. Составили и карту, но правление одобрило её уже в новой эвакуации, 20 января 1945 г., — это было проявление ностальгии.²⁹⁹

В город возвращались семьи с детьми. Уже в конце сентября 1942 г. открылись народная школа, средняя и два старших класса частной школы. Всего поначалу насчитывалось около ста учеников, уроки вели 4 учителя. Впоследствии только для обучения в средней школе съехались дети со всей восточной части Карельского перешейка, и в 1943 г. их количество достигало 300 человек.³⁰⁰

Первое лютеранское богослужение в Кякисалми состоялось в конце августа 1941 г. Так как Старая кирха была сожжена, а Новая требовала значительного ремонта, то службы проводили в актовом зале народной школы Тенкалаhti (ныне здесь Православная гимназия). Новую кирху так и не успели восстановить, рядом с ней основали кладбище героев — уроженцев Кякисалми, павших на фронте.

Так как большинство населения составляли женщины, то общество «Мартта» стало самым массовым и в городе, и в волостях. Организовывались и различные кружки по интересам, действовал смешанный хор. В одной из казарм для всего населения демонстрировались кинофильмы.

Регулярно устраивались спортивные состязания среди военнослужащих. 24-25 июля 1943 г. на стадионе в Тенкалаhti (ныне «Сосновый») состоялись соревнования среди воинских частей восточной части Карельского перешейка. Музыкальные и песенные праздники организовывались в День независимости, День Калевалы; торжества устраивались и в день «освобождения Кякисалми» (21 августа). В конце июня 1944 г. планировалось проведение большого праздника в честь 650-летия первых летописных упоминаний Корелы-Кякисалми, однако в начале лета началось наступление Красной Армии на Карельском перешейке. Вместо юбилейных торжеств люди стали готовиться к новой эвакуации.

Ещё до начала активных боевых действий на Карельском перешейке, в феврале 1944 г., финским правительством был составлен генеральный план эвакуации, который поначалу держался в секрете, чтобы не вызывать напрасной паники среди населения. Позже каждая община избрала своего начальника эвакуации. Они составили эвакуационные планы для своих общин.³⁰¹

Некоторые семьи уже в мае паковали вещи и уезжали в более безопасные места, подальше от границы. В июне же, когда Красная Армия перешла в наступление на Карельском перешейке, дорога на ближайший финский город Савонлинна была запружена скотом и повозками со скарбом. В первую очередь уходили в глубь Финляндии женщины и дети.

21 июня, после того как советские войска подошли к водной преграде река Вуокса-озеро Сувантоярви (Суходольское)-река Тайпале (Бурная), в Кякисалми началась всеобщая мобилизация. К тому времени город был разбит на несколько районов с бомбоубежищами в каждом и «оповещательными столбами», на которых вывешивалась необходимая информация. Тем не менее многие мужчины оставались в городе, поскольку поначалу предполагалось, что его придётся оборонять.

Имущество горожан и сельских жителей временно скапливалось в железнодорожных складах и в пакгаузах на пристани. В первую очередь вывозили станки и механизмы с Вальдгофского завода и из мастерской братьев Лильеквист.³⁰² Впоследствии всё это оборудование было возвращено согласно условиям соглашения о перемирии с СССР.

После того, как Финляндия 19 сентября 1944 г. вышла из войны на стороне фашистской Германии, войска Красной Армии — части 10-й Краснознамённой дивизии — начали безприпятственно продвигаться к городу. Уже 23 сентября они заняли южный берег Вуоксы в границах нынешнего города (бывшую финскую деревню Тенкалаhti). Причем здесь их ожидала весьма неприятная картина, везде наблюдались серьёзные разрушения. Тоже самое советские подразделения могли увидеть и на следующий день, когда прошли по пустынным улицам уже Кексгольма³⁰³ - на месте жилых домов в городе почти сплошь оставались руины, только на сохранившемся вале древней крепости Корела был замечен одиноко стоящий пулемёт, символически направленный в сторону Ленинграда.

Сотрудничество СССР и Финляндии в сфере безопасности в 1948 – 1991 гг.

Большое значение СССР и Финляндия придавали укреплению мира и стабильности в Северной Европе, где в непосредственной близости от границ двух стран проходит северный фланг Североатлантического военного блока. Уже У.К. Кекконен в 1952 г., серьезно задумываясь над этой проблемой, высказал мысль о превращении Северной Европы в нейтральную зону, но эта идея президента Финляндии не нашла поддержки со стороны правительств других северных стран. В последующие годы У.Кекконен неоднократно возвращался к своему предложению, предупреждая, что странам Северной Европы не удастся остаться в стороне, если ядерное оружие будет применено в Европе. Так, в 1963 г. он призвал северные государства взять на себя обязательства путем региональных соглашений не производить и не размещать на своей территории ядерное оружие, отметив, что «северные страны фактически образуют зону, свободную от ядерного оружия».³⁰⁴

Ещё одной важной инициативой Финляндии по укреплению безопасности было сделанное ею в 1965 г. предложение заключить между Финляндией и Норвегией договор об обеспечении мира и на их границе и в случае международного конфликта.³⁰⁵ В 1978 г. финляндский президент развил идею создания безъядерной зоны в районе Северной Европы: «Закрепление фактически безъядерного статуса Северной Европы - центральный вопрос политики безопасности Финляндии», - заявил он.³⁰⁶ В мае 1978 г. президент Финляндии У.К.Кекконен выступил с новой инициативой, направленной на обеспечение мира в районе европейского Севера. Произнося речь в Стокгольмском внешнеполитическом институте, он отметил, что «в условиях, когда переговоры по вопросам разоружения затягиваются, а развитие военной техники увеличивают опасность ядерного конфликта в Северной Европе, странам Севера следовало бы ради собственных интересов начать между собой, а также всем вместе с соответствующими великими державами переговоры о контроле над вооружениями».³⁰⁷ Целью таких переговоров должно быть создание отдельной договорной системы, касающейся Севера Европы, которая изолировала бы в максимальной степени северные страны в целом от влияния ядерной стратегии вообще и в особенности новой атомной военной техники.

Отправным пунктом для подготовки такого соглашения, по мнению президента Финляндии, могла служить идея о создании безъядерной зоны на Севере Европы,

высказанная им в 1963 г. Советский Союз не только поддерживал идею безъядерного Севера, но постоянно выражал желание способствовать созданию условий для её осуществления, готовность внести свой конкретный вклад в упрочение безопасности и стабильности на Севере Европы, в сохранении этого района вне сферы напряжённости и военных конфликтов.³⁰⁸ Но при этом подчёркивалось, что территория СССР не может быть включена в безъядерную зону или в так называемый «пояс безопасности». «Было бы неверным поднимать вопрос об ограничении военной активности какой-либо одной ядерной державы, - писал заместитель министра иностранных дел СССР Ю.Дерябин, - просто потому, что она граничит с безъядерной зоной».³⁰⁹ В одном из интервью, данным редакторам финских газет, ГенСек ЦК КПСС Л.И.Брежнев между тем подчеркнул, что «СССР не исключает возможности рассмотрения вопроса и о некоторых других мерах применительно к нашей собственной территории в районе, примыкающем к безъядерной зоне на Севере Европы» и готов «обсудить этот вопрос с заинтересованными странами».³¹⁰ Через несколько месяцев министр иностранных дел СССР А.Громыко заявил своему шведскому коллеге У.Ульстену, что северные страны не должны ждать более точного ответа от Советского Союза, пока они сами ещё не начали консультации по созданию безъядерной зоны.³¹¹ Тем самым советская сторона не желала создавать дополнительных трудностей в ходе возможных переговоров между представительствами северных стран.

Такая позиция СССР придала новые импульсы дискуссии в государствах Северной Европы о путях реализации идеи безъядерного Севера. На совещании министров иностранных дел северных стран в Копенгагене в сентябре 1981 г., где вопрос о безъядерной зоне впервые обсуждался официально, была достигнута договорённость о поддержании в этой связи постоянных контактов между ними.³¹² Однако инцидент с советской подводной лодкой в шведских территориальных водах в ноябре 1981 г. вынудил Швецию сильнее настаивать на включении в безъядерную зону всей акватории Балтийского моря.³¹³ Это требование, в свою очередь, не соответствовало советской стратегии безопасности в Северной Европе, ключевую роль в котором играли Кольский полуостров и Балтийское море. В результате, инициатива Финляндии вновь не получила завершения, но идея создания безъядерной зоны как СССР, так и Финляндией по-прежнему считалась крайне необходимой.³¹⁴

Новый импульс этой идее был дан во время официального визита в СССР президента Финляндской Республики М.Койвисто в 1983 г. В ходе обмена мнениями советский руководитель Ю.Андропов отметил, что «Советский Союз мог бы также обсудить с

заинтересованными сторонами вопрос о придании безъядерного статуса акватории Балтийского моря».³¹⁵ Официально вопрос о безъядерной зоне был обсужден в 1981 г. на совещании министров иностранных дел северных стран.³¹⁶

Фундамент построения общеевропейского дома, основанного на принципах мирного сосуществования и сотрудничества, был заложен на совещании в Хельсинки в 1975 г. Курс на обеспечение безопасности государств Северной Европы продолжил и преемник У.Кекконена на посту президента Суоми М.Койвисто. В 1985 г. он ставил вопрос о необходимости запрещения крылатых ракет большой дальности, которые, по его мнению «создают особые проблемы северным странам».³¹⁷ Позитивное отношение СССР к созданию на Севере Европы безъядерной зоны подтвердил Н.И. Рыжков в период своего визита в Финляндию 9 января 1987 г.³¹⁸

В 1986 г. М.Койвисто вносит новое предложение о необходимости укрепления стабильности на европейском Севере, в частности в военно-морской области. В развитие этой мысли Финляндия внесла в Комиссию ООН по разоружению предложение по мерам доверия и ограничения военно-морской деятельности. Но остальные государства Скандинавии под нажимом США отвергли это предложение.³¹⁹ Не оставалась в стороне и наша страна. СССР активно поддерживал Консультационный Совет Социалистического Интернационала по разоружению, в состав которого входило большое количество видных финских политических деятелей. Так, в его состав в 1980-е гг. входили такие представители как К.Сорса (председатель этого органа), П.Вяянйнен, Л.Кангас, А.Росас, Р.Корхонен и другие.³²⁰ Эти деятели не раз встречались с советскими лидерами и обсуждали вопросы прекращения гонки ядерных вооружений, обеспечение безопасности на планете в целом, и на Севере Европы в частности, внося соответственно свою лепту в дело поддержания мира и стабильности.

1 октября 1987 г. в Мурманске выступил М.С. Горбачев программой превращения Севера планеты в зону мира.³²¹ Одновременно им предлагалось развивать широкое мирное сотрудничество (в военной, экономической, экологической и других сферах) на Севере, в его приполярных и полярных районах, установить прямые контакты между людьми.³²² Финляндская сторона приветствовала эти предложения. М.Койвисто считал, что «налаживание подобного сотрудничества способствует укреплению стабильности и доверия на Севере» и является «долгосрочной целью политики безопасности Финляндии».³²³

12 февраля 1988 г. было опубликовано и передано обращение советского правительства к парламентам северных стран (в том числе Финляндии) об устранении ядерной опасности, стремлении перевести обсуждение этого вопроса из сферы дискуссий в

практическую плоскость.³²⁴ С советской стороны подчеркивалось, что СССР выработал и придерживается оборонной доктрины.³²⁵

Из приведённых примеров может показаться, что финляндские руководители действовали исключительно в интересах Советского Союза и против западной ядерной стратегии. Советские авторы утверждали, что поддержка Финляндией многих предложений и инициатив СССР показывает убеждённость финского народа в «благородстве и конструктивности внешнеполитической линии Советского Союза в современном мире».³²⁶ На наш взгляд, активность Финляндии в различных международных организациях давала возможность выражать именно своё видение проблем безопасности, которое во многом разделялось и другими нейтральными и неприсоединившимися странами. Так, например, точка зрения Финляндии в отношении обязательств СССР не применять первым ядерного оружия была позицией, уже ранее одобренной Швецией. Верная избранной линии содействия разрядке международной напряжённости, Финляндия поддержала все инициативы, имевшие целью ограничение распространения ядерного оружия и его запрещение.

Необходимо отметить, что в вопросах поддержания мира и стабильности между Финляндией и СССР в 1950-1980-е гг. не было разногласий, поскольку Финляндия традиционно придерживалась политики нейтралитета и неприсоединения, а Советский Союз старался поддерживать в международном сообществе репутацию миротворца, тем более, что в годы Перестройки отношения нашей страны со многими государствами улучшились.³²⁷

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

П. А Кротов

Гангутское сражение 27 июля 1714 г. в новейших исследованиях: новые сведения и перспективы изучения

Морская победа, одержанная россиянами у полуострова Гангут (по-фински Ханко) 26–27 июля 1714 г., способствовала закреплению за Санкт-Петербургом статуса новой столицы России. Военная угроза Санкт-Петербургу на протяжении предшествующих лет войны со Швецией постепенно все более ослабевала. Исход же противостояния между главными силами шведского корабельного флота и русской галерной флотилией в июле 1714 г. близ Гангута привел к тому, что, напротив, реальностью стала русская военная угроза Стокгольму. Полученная победа открыла российским галерам путь в шхеры Аландского архипелага и Ботнического залива. В августе того же 1714 г. Аландские острова действительно были заняты десантами с российских галер, в сентябре русский галерный отряд впервые временно занял город на «шведской стороне» Ботнического залива (Умео) и осенью того же года шведские войска были вытеснены из северной части Финляндии.

К концу XX столетия среди историков было широко распространено мнение, что изучение боевой эпопеи 1714 г. у полуострова Гангут завершилось. К такому выводу подталкивал очевидный застой в исследовании тех памятных событий: на протяжении прошлого столетия не было сделано заметного продвижения в их изучении. В исторических трудах воспроизводилась одна и та же, ставшая хрестоматийной с рубежа XIX–XX веков версия знаменитой баталии. После выхода из печати в России в 1914–1918 гг. четырех выпусков масштабной публикации исторических источников, озаглавленной «Материалы для истории Гангутской операции»³²⁸, по сути дела, не расширялась и документальная первооснова для дальнейших исследований.

Достигнутые исторической наукой к исходу XX в. рубежи в изучении сражения 27 июля 1714 г. ярко видны на примере вышедшего в 1987 г. на шведском языке сборника статей «Гангут в XVIII столетии: шведский передовой пост в тени царя»³²⁹. В центральной по значению статье сборника «Сражение у Гангута 1714 г.», написанной финским историком В.А. Хювёненом, в одинаковой степени используются шведские и русские литература и первоисточники³³⁰. По содержанию, выводам эта статья близка российским историческим трудам тех лет. Традиционную российскую версию хода Гангутской баталии воспроизводит и статья Р. Маттссона «Петр Великий и сражение у Гангута по русским источникам», опубликованная в 1985 г. в Турку в издании «Skärgård»³³¹.

Новая версия событий знаменитого морского сражения представлена автором настоящей публикации в статье, вышедшей в 1990 г.³³², и монографии «Гангутская баталия 1714 года» (СПб., 1996). Выйти на освещение сражения по-новому удалось, во-первых, благодаря всемерному расширению документальной основы исследования в первую очередь за счет ввода в научный оборот хранящихся в российских архивах материалов делопроизводства; во-вторых, благодаря тщательному сравнению описания баталии в русских и шведских источниках; в-третьих, на основе использования не столь традиционных видов исторических материалов: моделей и чертежей кораблей, гравюр, рисунков, записей рассказов о своем служебном пути офицеров и унтер-офицеров и других.

Итак, какие удалось сделать новые выводы о баталии в Рилакс-фиорде?

Отставлен традиционный взгляд, что на каждой из 23 русских галер (по типу они разделялись на полугалеры и скампавеи), штурмовавших приготовившийся к обороне отряд Н. Эреншельда, находилось только по одной пушке малого калибра, в то время как шведы имели в 5 раз больше артиллерийских стволов – 116 орудий. В действительности, как показали находки многочисленных архивных документов, скампавеи вооружались, как

правило, 5 пушками и имели еще по 2 пушки-мортиры конструкции русского артиллериста-изобретателя В.Д. Корчмина. На полугалерах (их участвовало в сражении, исходя из численности экипажей, не менее 10, может быть, даже 11) имелось обычно 7–9 пушек и еще по 2 пушки-мортиры конструкции В.Д. Корчмина. По выявленным данным, на 23 полугалерах и скампавеях, атаковавших шведов в лоб, находилось около 150 пушек и до 46 пушек-мортир конструкции В.Д. Корчмина.

Однако число реально стрелявших в ходе баталии орудий было меньшим. На первой фазе сражения – артиллерийской перестрелке – орудийный огонь по шведскому отряду, как показало исследование рисунка с видом сражения, найденного среди бумаг личной канцелярии Петра I, вели только 8 полугалер флангов и все 11 галер центра (по всей очевидности, скампавей по типу). Исходя из имеющихся сведений о вооружении полугалер и скампавей в кампанию 1714 г., можно с некоторой долей приближенности считать, что россияне стреляли по шведам из 8 орудий главного 18-фунтового калибра полугалер, 27 орудий 12-, 8- и 6-фунтового калибров и из 76–92 пушек 3-фунтового калибра. Следовательно, всего было от 111 до 127 действовавших артиллерийских орудий. Более того, на 19 полугалерах и скампавеях, которые вели огонь на фазе артиллерийского боя, предшествовавшей абордажным схваткам, также могло использоваться до 38 пушек-мортир конструкции В.Д. Корчмина, которые могли стрелять как пушки 3-фунтового калибра либо же бросать гранаты как-mortиры 6-фунтового калибра. Судя по выявленным документам, пушки-мортиры, возможно, были установлены не на всех полугалерах и скампавеях. Итого на нынешнем этапе исследований количество действительно участвовавших в перестрелке российских орудий можно определить в пределах от 149 до 165.

Не считая бездействовавших в сражении малокалиберных пушек двух шхерботов³³³, шведы располагали 102 орудиями. 18-пушечный прам «Элефант» был обращен к фронту российских галер боком, что позволяло использовать только семь его бортовых орудий 12-фунтового калибра и одно 3-фунтовое. Шведские галеры были обращены носовыми частями в сторону неприятеля и, следовательно, могли использовать в сражении всю артиллерию: две мощных, но малополезных для боя на небольшой дистанции 36-фунтовых гаубицы (предназначавшихся для навесной стрельбы по большим площадям), четыре пушки 18-фунтового, шесть 6-, семьдесят две 3- и 2-фунтового калибров, всего 84 галерных пушки. Таким образом, шведская артиллерия (прам и галеры), реально задействованная в сражении, – 92 пушки.

Таким образом, россияне обладали во время баталии преимуществом в числе орудийных стволов более чем в полтора раза, в том числе и по числу пушек крупных калибров.

Первая фаза сражения – это именно ожесточенный артиллерийский бой, который создал лучшие условия для абордажа шведских судов на заключительной стадии сражения. Орудийная перестрелка эскадр была достаточно продолжительной.

При приближении русских галер к шведам, как показали извлеченные из архивов полков, участвовавших в сражении, сведения, перед самым началом абордажной схватки россияне, используя многократный перевес в числе ружейных стволов, вели сильнейший обстрел противника из ручного оружия.

Петр I, как выявлено в итоге совокупного анализа архивной документации, сумел обеспечить 4-кратный перевес в численности личного состава на атаковавших шведов с фронта 23 полугалерах и скампавеях. Документально подтверждено участие в сражении 3925 сухопутных и морских чинов. Можно предположить, что еще некоторое небольшое число участников баталии (несколько десятков?) по разным причинам оказались не учтенными в документах. Созданное российской стороной столь значительное преимущество в людях сыграло решающую роль на заключительном этапе баталии, когда неприятельские суда брались на абордаж.

Левый и правый фланги боевого построения Петр I усилил артиллерией и личным составом за счет введения в их состав полугалер. На шести галерах левого крыла русского боевого порядка находилось 1273 сухопутных чина. Общую команду над ними имел бригадир М.Я. Волков. Имелось еще несколько десятков морских чинов. Исходя из штатной численности экипажей скампавей того времени в 150, а полугалер в 250 сухопутных и морских чинов, следует полагать, что на левом фланге из шести судов четыре или пять являлись полугалерами, одна или две – скампавеями. На шести галерах правого крыла под командой генерал-майора И.И. Бутурлина находился 1461 чел. лишь сухопутных чинов. Учитывая присутствие на этих галерах еще некоторого количества моряков, следует весьма уверенно предполагать, что правый фланг россиян образовывали шесть полугалер, штатная численность экипажей которых равнялась именно 1500 чел. На 11 скампавеях среднего отряда, вытянутых в линию между двумя выдвинутыми вперед фланговыми отрядами, находился неполный комплект личного состава. Такое сознательное «ослабление» команд этого отряда объясняется той ролью, которую отводил ему в предстоявшем сражении Петр I

– артиллерийский обстрел прижатого к горе Рилакс отряда Н. Эреншельда и в дальнейшем абордаж силами всех 11 скампавей одного прама «Элефант».

Документы опровергают мнимый факт трех атак со стороны россиян, две из которых якобы были отбиты шведами, перекочевавший из шведской историографии в русскую. К победному завершению баталии привела единственная атака русских галер.

Сражение в Рилакс-фиорде продолжалось не менее двух часов. В его ходе, как удалось установить, в тыл отряду Н. Эреншельда в обход острова, к которому примыкал фланг шведской позиции, по приказу Петра I были посланы четыре скампавей под командой подполковника Д.Л. Порецкого. Одна из них вышла шведам в тыл и вступила в бой; остальные три не успели этого сделать.

Таким образом, блестящая победа россиян была во многом предопределена флотоводческим гением Петра I: устройство переволоки, искусные прорывы галер 26 и 27 июля 1714 г. и глубоко продуманный тактический рисунок сражения в Рилакс-фиорде, являлись в первую очередь итогом именно его руководства боевыми действиями галерного флота. Петр I использовал в сложившейся обстановке преимущества галер (ход на гребле в безветрие, малая осадка для маневров на мелководье, быстроходность, большая численность абордажных партий – солдат-гребцов) и не дал шведам возможности воспользоваться сильными сторонами их корабельного флота во время прорыва русских галер мимо мыса Гангут (мощная артиллерия, высокие борта).

Тактическое искусство царя в сражении в Рилакс-фиорде проявилось во многом. Это усиление обоих флангов (артиллерия и абордажные партии) за счет использования полугалер, создание более чем полуторного превосходства в артиллерии, четырехкратного перевеса в личном составе, длительность стадии артиллерийского боя, подготовившего в немалой степени успех абордажа шведских судов, решительный характер атаки и обходной маневр четырех скампавей в тыл шхерному отряду Н. Эреншельда. Именно флотоводческое искусство Петра I позволило победить в упорном сражении хорошо подготовившегося к бою неприятеля малой кровью.

Недавно А.А. Никитиным выдвинута версия, что сражение 27 июля 1714 г. произошло в схожем по конфигурации берегов проливе между островами Кадермо и Бюен на обычном корабельном фарватере от мыса Гангут к месту строившейся переволоки³³⁴. Как представляется, этому новаторскому предположению в корне противоречат однозначные утверждения Петра I, что баталия состоялась «у Ангута, близ урочища Рилакс-фиель»³³⁵. Урочище Гора Рилакс (по-шведски: Рилакс-фиель) ощущается особо примечательным

местом (именно урочищем) только в непосредственной близости от этой поросшей лесом гранитной скалы, а именно: водное пространство в несколько сотен метров к востоку. Окрестные берега, острова с высоким лесом скрывают гору Рилакс из виду на более удаленных расстояниях и с других направлений обзора. С водной поверхности пролива, где по предположению А.А. Никитина состоялось сражение, гора Рилакс вообще не видна. Кроме того, еще в 1869 г. было выявлено устное предание, что по-иному скала Рилакс именовалась местным населением в память бывшего здесь давным-давно между русскими и шведами сражения Гора (или Скала) мертвых с бухтами рядом с показательными названиями: Залив убитых и Залив мертвых.

Какими представляются, перспективы дальнейшего исследования сражения?

Если называть конкретные задачи, причем реально выполнимые, то можно сформулировать следующие.

Во-первых, это проведение подводных археологических изысканий с использованием специальной аппаратуры для размыва донного ила в заливе, воды которого омывают гору Рилакс. Можно уверенно полагать, что проведение подобного исследования позволит найти материальные остатки сражения: пушечные ядра, гранаты, металлические части фузей, шпаги, штыки и другие предметы. Обнаружение множества подобного рода вещей одновременно станет завершающей точкой в споре о месте, где же состоялась баталия.

Во-вторых, это тщательный промер глубин в проливах между береговой линией и островами Сведьехольм и Гавельсхольм. Сопоставление данных промера вод и величины осадки российских скампавей, имевших по 16 весел с одного борта, – наиболее распространенного типа боевых кораблей россиян в Гангутском сражении – с полной загрузкой (1,22 м), вероятно, даст возможность определить, обогнув какой из названных островов, атаковала с тыла шведский отряд скампавей под командованием галерного капитана А.Ф. Миющика и капитана Лефортовского полка С.С. Мозалевского. Способны ли были русские скампавей в 1714 г. пройти узким проливом между Сведьехольмом и берегом? Ныне это заросшее камышами водное пространство с видимыми вблизи береговой линии выступающими из воды валунами не используется для прохода судов. Собственные зрительные наблюдения автора говорят в пользу исключительной сложности для преодоления его даже такими мелкосидящими судами, как скампавей с 16 веслами вдоль борта. Несмотря на малую осадку, этот тип гребно-парусных судов имел значительные размеры корпуса: длину 30,5 м, ширину 5,3 м. Может быть, именно в силу мелководности и узости пролива три скампавей из четырех, посланных волею Петра I «вкруг острова в тыл

шведских судов», не успели вступить в сражение? Если глубины там совсем малы, много крупных валунов и нет места для прохода судов величиною со скампавею, то, напротив, следует уверенно утверждать, что обходной маневр в тыл шведской позиции состоялся вокруг острова Гавельсхольм. Пролив, ведущий в тыл шведской позиции вокруг последнего острова, используется для судоходства и поныне. Малые яхты и катера следуют по нему, но осторожно, очень малым ходом, иногда делая остановки.

В-третьих, целесообразно попытаться найти памятный знак, лично выбитый Петром I на камне на месте предполагавшейся в июле 1714 г. переволоки русских скампавей через полуостров Гангут. Свидетельство очевидца о его существовании отличается надежностью. Оно обнаружено сравнительно недавно – в 1994 г. В записках М.А. Муравьева говорится, что барон Иван фон Люберас, служивший в 1714 г. в чине инженер-майора, в 1743 г. рассказал ему, тогда поручику инженерной службы, о действиях Петра I 23 июля 1714 г. по осмотру места для устройства переволоки. И. фон Люберас, непосредственный свидетель, описал происходившее в следующих словах: «Как выступили на берег, тот же час изволил итти поперег това мыса; я мерил. И как дошли до тово залива, не сходя с онова места, изволил (Петр I. – *П.К.*) послать, чтоб немедленно зделать из бревен катки, по чему б можно тащить, а сам изволил лечь на берегу и на одном камне выбил крест»³³⁶. М.А. Муравьев вспоминал, что получил в 1743 г. задание найти этот знак, и без затруднений сумел это осуществить, пройдя по пути царя в 1714 г.: «...из берега до берега прошел и нашол, где был высечен государем крест и под крестом „покой“»³³⁷, то есть русская буква, начальная в имени царя. Таким образом, памятный крест Петра I следует искать у западного конца переволоки. Трудности для поиска знака, высеченного царем на камне, ныне усугубляются тем, что значительная часть каменных выходов на поверхность в местах, где мог заканчиваться в 1714 г. волок, обросла мхом и скрыта от глаз. А.А. Никитин, проанализировав итоги исследований финских историков Р. Аалтонена и В. Хювёнена, полагает, что русская переволока 1714 г. выходила к заливу с показательным названием Драгсвикен³³⁸, что по-русски можно перевести как Волоковый залив. В российской литературе конца XIX–XX вв. было принято считать, что она выходила к заливу Крогарсвикен, отстоящему от вышеназванного к юго-западу приблизительно на три километра, но теперь этот взгляд поставлен под серьезное сомнение. Обнаружение памятного знака русского царя на граните поставило бы убедительную точку в остающемся спорным вопросе о месте, где пролегла переволока 1714 г.

На северной стороне навигационного тура в проливе Ледсунд у острова Лемланд в Аландском архипелаге и поныне имеется такого же рода мемориальный знак. Он представляет собой царскую корону, под которой выбиты литеры «С Р А», то есть начальные латинские буквы слов «Царь Петр Алексеевич». Еще ниже – крестом Андреевский крест, с одной стороны которого высечено «17», с другой – «19», то есть обозначен год пребывания в этом месте с российским флотом Петра I. Под крестом надпись «Jul» – месяц прибытия российского корабельного флота к Лемланду. Размеры памятного знака невелики: высота 92 см, ширина 46 см³³⁹.

Можно надеяться, что новые исследования позволят ответить на обозначенные выше вопросы из истории знаменитой морской баталии, которые остаются поныне до конца не проясненными.

Расшифровка условных обозначений схемы «Гангутское сражение 27 июля 1714 г.» (к статье П.А. Кротова)

1. Прам «Элефант».
2. Галеры шведов.
3. Шхерботы шведов.
4. Русские галеры.
5. Скампавея Петра I.
6. Полугалера генерал-адмирала Ф.М. Апраксина.
7. Скампавеи-участники обходного маневра.
8. Памятник павшим в Гангутском сражении (1870).

Некоторые аспекты взаимоотношений России и Швеции и взаимодействие военно-морских сил этих стран во время Семилетней войны

В истории Швеции и России практически забыто одно немаловажное обстоятельство, наверное, впервые, да к тому же и единственный раз после Смуты, эти страны были союзниками во время Семилетней войны.

Логика событий этой начавшейся войны ряда европейских государств с Пруссией потребовала вступления в нее Швеции. Для этого имелись и побудительные мотивы, главным из которых был захват Пруссией шведских владений в Померании. В силу сложной внутривнутриполитической ситуации Швеция не хотела делать столь ответственный шаг, но под воздействием стран-союзниц, особенно Франции, шведы в августе 1757 г. вступили в войну³⁴⁰. Практически сразу между Россией и Швецией началось взаимодействие и в военной области, а именно совместное использование сил обоих флотов³⁴¹.

Но если военно-морские силы постоянно в каждой кампании взаимодействовали между собой, то на сухопутном фронте ситуация складывалась иначе. Кампания лета 1758 г. оказалась безрезультатной для русской армии и неудачной для шведской. И в конце года, проанализировав причины произошедшего, российское руководство сделало соответствующие выводы, на основе которых Конференция при высочайшем дворе приняло новый план войны. Согласно этого плана главным направлением наступления («вдоль берега Балтийского моря») была выбрана Померания. В рескрипте Конференции от 20 декабря 1758 г. первоначальной задачей являлось взятие Кольберга, прусской крепости-порта, после чего, опираясь на эту крепость, предполагалось совместно со шведами осуществить осаду и взятие важнейшего порта и узла обороны в устье Одера - Штеттина³⁴². В случае такого развития событий, кроме обоюдных усилий сухопутных войск, наиболее полно можно было использовать всю мощь объединенных флотов.

Но в силу различных обстоятельств этот план войны был отменен³⁴³, о чем шведам было сообщено рескриптом от 21 мая 1759 г. Согласно этого документа главным направлением наступления русской армии была выбрана Силезия, где предполагалось вести совместные боевые действия с австрийской армией. Шведам предлагалось привести собственную армию в надлежащее состояние и самостоятельно вести осаду Штеттина. А пока, говорилось в рескрипте, «...для союзников довольно было б, когда б шведскою армиею

во ожидание случая соединиться с нашею старание приложено было, взятые прошлой осенью прусским войском места назад отобрать...»³⁴⁴.

Фактический отказ русской стороны от непосредственного участия вместе со шведами во взятии Померании являлся нарушением совместного оборонительного союза, возобновленного 24 июня 1758 г.³⁴⁵. Шведская сторона могла расценить это как нежелание России выполнять свои обязательства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В связи с этим возрос политический аспект деятельности Балтийского флота как инструмента взаимодействия, на который возлагалась особая задача – наглядного примера выполнения союзнических обязательств. Но при таком положении дел на сухопутном театре военных действий использование обоюдной мощи двух стран в полную силу не представлялось возможным. Поэтому и в последующие годы войны объединенный флот выполнял в основном различные второстепенные задачи в Балтийском море³⁴⁶ - нес охрану балтийских проливов, блокировал приморские прусские города, охранял торговое мореплавание³⁴⁷. И лишь дважды – в 1760 и 1761 гг. участвовал в штурме Кольберга, причем лишь в последний раз удачном. В целом же, чтобы охарактеризовать итоги этого взаимодействия, можно воспользоваться мнением Конференции, выраженном в рескрипте от 2 октября 1760 г.: "...хотя ныне от соединения флотов ожидаемой пользы неполучено, но она уже много утешает толь доброе обоих дворов согласие"³⁴⁸. Хотя речь здесь идет о кампании 1760 г., но эта оценка вполне применима ко всему периоду войны.

Последующий ход войны показал полную бесперспективность плана боевых действий на 1759 г., которого русская сторона безуспешно придерживалась до осени 1761 г. И, наоборот, с каждым годом становились очевиднее преимущества отвергнутого плана Конференции 1758 г., фактическое возвращение к которому состоялось после взятия Кольберга. Но последовавшая смерть Елизаветы Петровны, как известно, повлекла ряд кардинальных изменений во внешней политике. Петр III заключил в 1762 г. мир с Пруссией, после чего в скором времени из войны вышли и остальные участники. Швеция, как и Россия, лишилась всех завоеваний в Пруссии и понесла за время войны значительные людские и материальные потери. Но поскольку ее фактически принудили к участию в войне (сыграла в этом свою роль и Россия), то легко можно представить, что и все неудачи связывались шведами с российской стороной. В связи с этим можно с уверенностью сказать, что к участию в последующих войнах с Россией шведов подвигла не только жажда реванша и желание вернуть утраченные территории, но и этот неудачный опыт взаимодействия, завершившийся, в итоге, полной потерей для них Померании.

А.В. Ковалевский

Эхо Крымской войны в финских шхерах

В 1850 г. в Палестине разгорелся спор между православным и католическим духовенством о храмах в Иерусалиме и Вифлееме. Под давлением Франции турецкий султан решил вопрос в пользу католиков. Спор из-за святых мест сыграл роль детонатора в давно назревавшем европейском конфликте.

Спасая Турцию от неминуемого поражения, в январе 1854 г. в Черное море вошла англо-французская эскадра. Высочайшим манифестом от 9 февраля (ст. ст.) 1854 г. до всеобщего сведения было доведено о несогласии России с Англией и Францией. В марте русские войска перешли через Дунай. 15 марта английская королева Виктория объявила войну России. Днем позже это сделал Луи Бонапарт.

Так происходили достаточно хорошо известные события, связанные с началом т.н. Крымской войны. Но то, что происходило далее на Черном море, неожиданно также стало затрагивать еще и Северную Европу и, в частности, Финляндию. Противники России начали одновременно пытаться угрожать Петербургу, используя для этого акваторию Финского залива.

Данные события еще до конца не исследовались современными отечественными историками, хотя много достаточно полезных сведений можно было бы почерпнуть об этом в российской периодической печати и, в частности, в газете «Северная пчела» за 1854-1856 гг. Кроме того, безусловный интерес также заслуживают публицистические, а также во многом научные работы, посвященные этим событиям, которые вышли в XIX-нач.XX вв.³⁴⁹ Из этого материала создается достаточно ясная картина всего драматизма для России происходивших тогда на Балтике событий.

Так в предчувствии угрозы, уже 22 февраля русский военный министр сообщил, что главное начальство над всеми войсками и крепостями Великого княжества Финляндского возложено императором на генерал-лейтенанта Рокасовского. Это решение было вызвано военной угрозой для этой части Российской империи.

Однако лишь 24 мая П. Рокасовский представил императору свои соображения: «Общее опасение жителей Финляндии при виде, что обширные пространства не будут заняты войсками, открыты нападению неприятеля, внушают мне мысль составить и повергнуть на высочайшее Вашего Императорского Величества благоизволение, предложение о формировании для защиты сих земель военной силы из среды обитателей страны. Нет сомнения, что неприятель употребит все меры обольщения к поколебанию чувства долга и верности в прибрежных жителях Финляндии, но в народном войске он встретит преграду сильную, не столько может быть физическую, сколько моральную. Отразить врага естественное желание. Население, имея в этом войске своих сыновей и братьев, будет искренне сочувствовать его успехам». Рокасовский просил о формировании первоначально двух батальонов (по 600 человек) из людей Улеаборгской, Вазанской и Абоской губерний. Император «с истинным удовольствием прочитал рапорт и совершенно одобрил предложение и.д. генерал – губернатора». Результатом рапорта стало начало созыва так называемых поселенных войск Финляндии.

Действия Рокасовского во многом были вызваны уже военной активностью Англии и Франции на Балтийском море. Дело в том, что 11 марта 1854 г. из британского порта Портсмут вышел английский флот. Вскоре к англичанам присоединились французы. Войдя в Финский залив в начале мая, союзники затем двинулись дальше на восток в направлении Санкт-Петербурга.

Однако их продвижение в начале было недостаточно стремительным, поскольку явно мешали туманы и то, что в их распоряжении не было опытных лоцманов. Кроме того, из Лондона и Парижа командованию флотилии поступали разноречивые распоряжения, что также не способствовало решительным действиям.

Тем временем в Финляндии также достаточно своеобразно относились ко всему тому, что тогда происходило. 16 апреля, в частности, в Гельсингфорсе был устроен прощальный праздник военным морякам Первого и Второго финских флотских экипажей, которые готовились вместе со своими «русскими собратьями» отразить морские силы англо-французского флота. В заливе стоял линейный корабль «Андрей» и пароход «Олаф» (экипажи которых состояли из финнов), далее к югу расположились корабли эскадры. Сама цель праздника

убеждала, что «гром войны вот-вот грянет и у финских берегов». Как свидетельствуют российские источники, праздник начался угощением унтер-офицеров и матросов на просторном казарменном дворе, угощение было от города. С напутственной речью выступил профессор Ильмони: «Уверены, что под предводительством своих храбрых офицеров, состязаясь в доблести с храбрыми русскими соратниками, вы исполните свой долг – докажете верность Государю и любовь к Отечеству – в честь и славу Императорского флага и имени финского воина».

На следующий день состоялся обед для офицеров. После многочисленных тостов во славу и здравие императора, слово взял профессор Цигиус: «Забывая каждый свою заботу, мы собрались здесь не для веселых проводов, а для прощания с нашими дорогими гостями, с иными из них, быть может, навеки. Уже буря войны приближается к нашим берегам. Для благородной души не трудно следовать голосу долга, когда этот голос призывает к благородному делу. Никто из наших моряков, как говорит молва, не прельстился английским золотом, а Второй Финский экипаж сформировался так легко, как будто его ожидали не опасности, а удовольствия. Мы можем только благословить мужество, с которым вы защищаете свое Отечество, и вечно чтить вашу память, если предстоящий бой будет для вас последним». Затем были пропеты стихи к военным финским морякам, сочиненные профессором Топелиусом и положенные на музыку университетским профессором музыки любимым композитором Финляндии Пациусом. В них были, в частности такие строки:

Весь знает край и знаем мы:

Падете ль, победите ль вы,

А ваши честь и флаг

В надежных здесь руках.

С ответом на русском языке выступил начальник Первого финского флотского экипажа капитан 1 ранга Нордман: «Печален час, но высока цель, давшая повод этому празднику. Я со вверенными мне моряками имею счастье составлять небольшую часть нашего флота. Никто из нас, финских моряков, еще не опытных в военном деле, не изведal ужасов морского боя, но мы радостно будем сражаться до последней капли крови».

С криками «ура» слились звуки финляндской народной песни: «Наш край, наш край, родимый край!».

По приближении к берегам Финляндии англо – французов, гражданское население стало вооружаться. Финляндцы сформировали 6-ть стрелковых батальонов, а граждане Або, Бьернберга, Гамле-Карлебю и других городов сформировали на собственный счет вольных стрелков. В Бьернборге отставной капитан Стремберг и купец Борго вооружили 70 стрелков двухствольными ружьями и вместе с войском отправили на форпостную службу.

Финляндское дворянство и поземельные владельцы строили за свой счет магазины для хранения хлеба и лазареты для больных, а финляндки готовили для них корпию и бинты, и составляли общества сестер милосердия для ухода за ранеными.

Финские поселения северной Финляндии установили между собой умеренную цену на припасы, необходимые для наших войск и быстро перевозили войска на своих подводах с одного пункта на другой, без чего не успели бы они вовремя прибыть к делу в Гамле – Карлебю, Або, Гельсингфорс. Все прибрежные города Финляндии, от Выборга до Торнео, загрузили, с большими для себя издержками, свои фарватеры и оградили себя пушками с купеческих судов, снабдив их за свой счет порохом, ядрами и устроили печи для каления ядер.

Абосский купец Берстнер и поручик Юлик отдали под батареи на Руисало свои прекрасные мызы, а дома предоставили для русских войск. Бьернбергский купец Ольденбург устроил и содержал за свой счет телеграфную линию, 35 верст от острова Ревсе до г. Бьернборга. Купцы Кирстерна и Селина с компанией безвозмездно отдали свой пароход «Совинто», а Кирстрем еще две своих шхуны для гребной флотилии.

Камер-юнкер Эдуард Сиверс нанял на свой счет пароход «Выборг» и команду из финляндцев. По его просьбе великий князь генерал-адмирал предписал «причислить пароход «Выборг» к шхерной флотилии и назначить Сиверса в распоряжение Вице – адмирала Епанчина». Финляндия приготовилась к отпору неприятеля.

7 мая 1854 г. пролита была «первая капля крови» на Финляндском берегу. В этот день неприятель на двух судах направился к городу Экенесу. Заведовавший обороной этой части финского побережья генерал-лейтенант Э.А. Рамсай, принял нужные меры для наблюдения за вражескими судами и распорядился распределиться отрядам для защиты. В его ведении находилось всего только одна рота финских стрелков, две роты гренадер и дивизион береговой батареи. В 4 часа пополудни, когда неприятель приблизился на 300 метров, подпоручик Гюллинг приказал своим стрелкам открыть огонь. Первый выстрел был произведен стрелком Финского стрелкового батальона «Кулою» (по шведски - пуля) с такой меткостью, что упали в воду два весла и два гребца были ранены. Солдаты стреляли настолько метко, что баркасу скоро пришлось вернуться на двух веслах. Потом ружья были направлены на суда. Кашевар, у которого англичане опрокинули котел, воскликнул: «Вот я научу вас, проклятые черти, портить вкусное гороховое блюдо!», схватил ружье, бросил свою походную кухню и поспешил под градом пуль в ряды других.

Генерал Рамсай, командовавший наскоро собранными здесь воинскими частями, с большой похвалой отозвался об их стойкости и меткости их стрельбы. Финские стрелки снимали меткими выстрелами храбрецов с рей и с палубы. Отряды, первыми побывавшие в огне, не остались, конечно, без царской милости. Подпоручик Гюллинг получил следующий чин, один хорунжий и артиллерийские офицеры - ордена, нижним чинам были выданы деньги и 15 солдатских «Георгиев».

Укрепления маленького Гангеудда или Гангута, как называл их Петр I, состояли из нескольких слабых старинных фортов. Главные из них находились на островах, а один форт, казармы, дом коменданта и церковь помещались на берегу. В апреле комендантом Гангеудда был назначен подполковник Моллер. Ему шел 66-ой год, еще при Бородино он был ранен в правую руку и в грудь. Вступив в должность, он донес, что нашел инженерные работы в самом жалком состоянии. В гарнизоне состояло 25 офицеров, 1187 строевых нижних чинов, 82 нестроевых чина и 52 лошади.

10 мая объединенный флот союзников произвел нападение 6 пароходами на передовые Гангеуддские укрепления Густав-Сверн, Густав-Адольф и Сканде-Гольм. Первое укрепление могло ответить на огонь англичан только двумя

орудиями, а форт Густав – Адольф только одним. И, тем не менее, гарнизон прекрасно выдержал 5-ти часовой бой и даже причинил нескольким судам неприятеля существенные повреждения. Начальником форта Густав-Сверн состоял 70-летний капитан артиллерии Семенов. Борьба с неприятельскими орудиями новейшей системы казалась бесполезной и кто-то из офицеров предложил Семенову выкинуть белый флаг. Но престарелый и больной воин ответил: «Пока я жив и со мною есть хоть один человек, я не сдамся, в крепости взорву собственноручно пороховой погреб и погибну вместе с другими». После окончания сражения капитану Семенову, которого застали в безнадежном состоянии, предложили переехать на берег. «Теперь не такое время, я умру здесь» - ответил капитан. Однако на другой день его переправили в госпиталь и через несколько дней он скончался, произведенный накануне смерти в следующий чин, и награжденный орденом.

Губернатор Рокасовский довел до сведения российского императора, что «комендант Гангеудда подполковник Моллер, мужеством и распорядительностью выше всякой похвалы, возбуждал в своих подчиненных истинное геройство. Император 13 мая собственноручно начертил: «Коменданта в генерал-майоры, а нижним чинам выдать по 3 знака отличия «Военного ордена» на каждую батарею и всем по три рубля серебром». Он так же повелел выслать Моллеру генеральские эполеты.

Сами англичане признали, что форт Густав-Адольф «жестоко отбивался» и что эскадре оставалось только продолжить свой путь на восток.

После ухода неприятельской эскадры Гангеуддские укрепления были разрушены. Дав мужественный отпор неприятелю, превосходившему их силой, с достоинством отстояв в честном бою укрепления, решено было упразднить их, так как экинесский отряд генерала Рамзая находился далеко и форты легко могли быть взяты с северной сухопутной стороны. 15 августа взлетел на воздух форт Мейнрфельд, за ним последовали остальные.

Начиная войну, иностранные державы провозглашали самые возвышенные принципы, много говорили о гуманных началах, о цивилизации, о справедливости, горячо восставали против «варварских обычаев». Их декларации объявляли о желании ослабить бедствия войны, ограничивая ее

регулярными силами. Но едва эскадра вошла в Балтийское море, как во имя торговой свободы и неприкосновенности начались захваты купеческих судов и лодок ни в чем не повинных прибрежных жителей. У встречных рыбаков отбирали рыбу, тюлений жир, хлеб, дрова, не думая конечно об уплате. Рыбакам приходилось пускаться на хитрости. Хозяин захваченного на пути в Швецию судна, груженого маслом, сыром, мясом, стал причитать, что у него только что умерли от заразы все родные. Англичане, испугавшись болезни, все вернули и отпустили хозяина.

18 мая англичане на трех фрегатах подошли к городу Брагестаду. Приблизившись к судам, стоявшим на рейде и прогнав всех рабочих с верфи, они предали все огню. Брагестад не погиб в пламени только благодаря тому, что ветер дул от города к верфи. Огонь погас только через сутки. Город опустел. На донесении губернатора Рокасовского 23 мая об истреблении огнем Брагестада Император собственноручно написал: «Разбойники».

20 мая жители города Улеаборга с берега наблюдали за попытками неприятельских судов проникнуть на рейд. И вдруг 4 корабля быстро и смело пошли вперед по надлежащему фарватеру. Впоследствии выяснилось, что суда повел лучший лоцман города Ананий Михельсон, отставленный от службы за пьянство и захваченный англичанами по пути в Торнео. Депутация от города встретила англичан на пристани, объявив, что в городе нет войск. Было зачитано воззвание адмирала Гинвея Пломриджа: «Английский адмирал не намерен тревожить или обижать частных лиц и их имущество. Он намерен истреблять только крепости, военные снаряды, корабельные припасы и собственность императора России. Английский адмирал желает, чтобы женщины и дети были удалены от города». Объявив стратегическим материалом деготь, корабельный лес, пеньку, солдаты противника уничтожили склады, корабли верфи, оборонительные средства. По потребительской торговле Улеаборгу принадлежало второе место в Финляндии. Грабительский набег англичан убил торговлю, превратил склады в пепел. Михельсон не только указал путь к городу, но и открыл неприятелю места, в которых жители укрыли свое имущество. 23 мая эскадра подняла якорь и покинула Улеаборг.

26 мая в три часа пополудни два английских парохода - фрегата показались ввиду города Гамле-Карлебю. Бургомистр, вышедший на баркасе

навстречу неприятелю, заявил, что не может допустить англичан к берегу, и те пригрозили взять город силой. В 11 часов вечера началось наступление. Два орудия подвижной гарнизонной артиллерии, две роты финляндского линейного № 12 батальона и до 100 человек жителей отразили атаку. Руководивший делом генерал Вендт, был известен как прекрасный строевой офицер, умевший внушить подчиненным уважение к себе и поддерживать порядок во вверенной части. Особо отличившиеся при обороне жители города коммерции советник Доннер и крестьянин Канконнен были отмечены в императорском указе.

Императорским указом орденами и медалями были награждены многие участники сражения. Особым рескриптом от 9 июня 1854 г. Высочайшая благодарность была объявлена всем жителям города, принимавшим участие в отражении неприятеля. Вазанский губернатор Веллен торжественно вручил горожанам царскую грамоту. «26 мая никогда не изгладится из нашей памяти, и полученную грамоту мы с гордостью передадим потомкам», – сказал представитель города, получая награду.

После сражения при Гамле-Карлебю английские суда из флотилии адмирала Пломриджа стали опасаться подходить к берегу. Они теперь везде ожидали подобной встречи. Лишь после прибытия из Франции группы войск, готовой к ведению боевых действий на суше, началась осада Аландских островов. «Вот где – на Аландских островах, довелось возобновиться борьбе Франции с Россией, прерванной в Париже» (Ф.И. Тютчев)

При той степени незаконченности, какую представляла система Аландских укреплений, Бомарзунд не мог даже называться укреплением ни в научном, ни в практическом смысле. Его вооружение по калибру орудий и по количеству пороха являлось скорее мнимым, чем действительным.

Гарнизон крепости Бомарзунд, в котором не насчитывалось и двух тысяч человек, командовал полковник артиллерии Яков Андреевич Бодиско, происходивший из дворян Орловской губернии. Поступив на службу в 1811 г., 17-летним юношей, он участвовал в сражениях при Тарутине, Вязьме, Дрездене и в других мелких схватках, находясь в войсках, преследовавших французов до Парижа. По оценке его современников и начальства, он не обладал ни особой

энергией, ни особыми умственными способностями, но всегда отличался усердием по службе и благородством чувств.

9 июля к крепости Бомарзунд подошли неприятельские суда. На крепость было выпущено колоссальное число снарядов. Но и крепость ответила не менее губительным огнем. Суда неприятеля сильно пострадали. После 3-х часовой перестрелки неприятельские суда вынуждены были удалиться.

На рапорте командующего войсками с изложением дела 9 июля Император собственноручно написал: «Публиковать. Хорошее дело. Всему гарнизону по 1 руб. серебром». Комендант Бодиско был произведен в генерал-майоры.

Шведский король Оскар I узнав о бомбардировке Бомарзунда, сказал: «Слава богу, это война, но жечь и разорять, как это делали в Брагезунде и Улеаборге – варварство, недостойное нашего времени».

С 10 июля англо-французский флот, блокируя острова, стоял перед фортом, ожидая прибытия десанта. 26 июля, сосредоточив вокруг островов около 30 тысяч войск, союзники начали высадку 11-тысячного отряда. 28 июля с адмиральского судна «Бульдог» был сделан первый выстрел и разгорелся бой. Соппротивление было доведено до пределов, за которыми начинается бесполезная потеря войск. После пятидневной осады Бомарзунд сдался. В форт приехал генерал Барагэ д-Эллие. Он обращаясь к Бодиско сказал: «Генерал, вы вели себя, как храбрый воин, при Вас и ваших офицерах останутся шпаги». Но после столь высокой похвалы Барагэ д-Эллие получил достаточно выразительный ответ: «Я вынужден был решиться на сдачу, ибо оружия наши были неравны и все ожидали случая помериться на штыках».

Гарнизоны из главного форта и трех башен, по взятии в плен, были перевезены на англо-французские корабли, и часть пленных, назначенных в Англию, отправлена туда 5 августа, а другая часть, в том числе и генерал Бодиско с женой, 6 августа во Францию. Жены некоторых офицеров последовали, с согласия неприятельских начальников, со своими мужьями за границу. При сдаче Бомарзунда финские солдаты не отдавали свое оружие, а стремились их уничтожить.

В первое время после взятия крепости союзники принялись ее разорять. Так, в частности, была взорвана, а церковное имущество разграблено. Причем, ружья и колокола в качестве трофеев были доставлены в лондонский Тауэр. «Да это не русские колокола! - воскликнул Герцен, осматривая их в 1857 г. – На них шведская надпись». Были увезены медные пушки и ядра, а также ружья, которыми были завалены крепостные колодцы. Однако знамя 10-го финляндского линейного батальона все же обороняющиеся успели сжечь.

Взятию англо-французами крепости Бомарзунд Адам Мицкевич посвятил поэму «*Auqustum ode in Bomersund captum*».

18 августа Ф.И. Тютчев записал в своем дневнике: «На днях из иностранных, т.е. враждебных источников, узнали новость об окончательном занятии Аландских островов».

По взятии Аланда адмирал Непир прислал в крепость Свеаборг пароход под парламентским флагом с предложением выдать семейства защитников острова, жившие по деревням без достаточной защиты от неприятельского войска.

Генерал-лейтенант Рамсай отправил на встречу английским судам лейтенанта Костенкова на пароходе «Летучий». Бесстрашный лейтенант, проникнув в центр французской эскадры, встретился с вице-адмиралом Персеваль-Дюшеном, который с «французским благородством» взял «Летучий» под свою опеку. Лавируя между судами английской эскадры, Костенков пробрался в самый ее центр и встретился на флагманском корабле «Эдинбург» с главнокомандующим английской эскадрой. Пораженный отвагой молодого русского офицера, Непир несколько раз переспрашивал, каким образом решился он так смело и неожиданно явиться посреди его флота. Лейтенант дипломатично ответил, что рассчитывал на парламентарскую неприкосновенность.

На другой день с утра начали перевозить с захваченного острова на «Летучий» семейства пленных. Они жаловались на причиненные на берегу обиды и на расхищение имущества. Утром 27 августа в Або были доставлены 77 женщин, детей и крестьян и священник 10-го линейного батальона.

В продолжение своего пребывания в английской эскадре, лейтенант пользовался вниманием английских моряков, они соболезновали, что не могли предложить дружеских тостов, и желали скорее перемены обстоятельств.

Тотчас после капитуляции Бомарзунда отправлен был адмиралом Непиром пароход в Стокгольм, с предложением шведскому правительству принять Аланд и крепость в свое владение. По истечении пяти дней пароход возвратился из Швеции с отказом.

В ночь на 10 августа командующий Абосским отрядом генерал-лейтенант Рамзай, получив известие о приближении неприятеля, приказал отряду канонерских лодок 2-го батальона расположиться непосредственно за бонами. Начальник штаба шхерной гребной флотилии контр-адмирал Глазенап в своем донесении 18 августа писал: «В этом деле участвовали исключительно морские силы, ибо на действовавших береговых батареях командиры, прислуга орудий, резервы и сами орудия были морские». Канонерскими лодками командовал капитан 1 ранга Акулов. Император, узнав, что все участники боя заслужили поощрения, собственноручно написал на донесении 16 августа: «Дать на канонерские лодки, бывшие в деле, 12 знаков «Военного ордена» и участникам дела благоволение».

«Была рекогносцировка к Або, перестрелка с батареями и канонерскими лодками и тем кончилось. Что далее?» - написал 16 августа император губернатору Финляндии князю Меншикову, командовавшему в то время войсками на Кавказе.

Захват Бомарзунда - был единственным успешным делом союзного флота. Попытки десантов в финских портах Экенесе, Ганге, Гамле-Карлебю и Або закончились неудачей.

Взяв Бомарзунд, неприятель торжествовал. В английских газетных известиях говорилось: «В восемь дней мы уничтожили глыбы гранитных валов, которых камни нигде не могли устоять против нас». Упоение славой на Западе было всеобщим. В воображении обывателей Бомарзунд превратился в величественную крепость, от которой не осталось камня на камне.

Когда прошел пыл первого восторга, и когда французы и англичане ближе рассмотрели действительность, то она оказалась для них

непривлекательной. Шум радости сменился раздражением, насмешками, укорами. Действия флота в Балтийском море стали называть вообще жалкими и смешными. Газета «Таймс» писала: «Английские пушки не говорили в Балтийском море. Они правда пошептали перед Бомарзундом, но вся Европа ждала того, чтобы голоса их раздались перед Кронштадтом и Свеаборгом. Трудно было нанести военной чести Англии на море более тяжелый удар, чем тот, который нанесен от событий в Балтийском море».

16 октября лондонская «Таймс» подвела итоги летней кампании 1854 г. на Балтике: «Флот выступил под парусами при восторженных кликах народа, который уже думал увидеть весь Петербург или по крайней мере уцелевшие остатки этого города. Европа ждала подвигов неустрашимого Непира, который, как она знала, не будет довольствоваться скромным завтраком в Кронштадте, а разом пойдет обедать в Петербург. Нужно было дожидаться союзников, чтобы поделиться славой. Но пришлось вместе с ними присутствовать при печальном происшествии у Гангеудда. Карлуша был слишком счастлив, что при содействии будущего французского маршала мог овладеть Бомарзундом».

Мир искусства откликнулся на события войны. Художник В. Сверчков делал зарисовки непосредственно на месте событий. Уже в то время достаточно известный среди художников, и не только (в 1850 г. получил малую золотую медаль за картину «Внутренний караул в Зимнем дворце от лейб-гвардии Преображенского полка», выполненную по заказу самого Императора), он жил на острове Котка. Уже в апреле 1855 г. он издал в Петербурге альбом «Эскизы из войны в Финляндии 1854 года».

Художник И. Айвазовский, только что вернувшийся с Черного моря, где шли в то время кровопролитные бои, желая содействовать благотворительной цели «Санкт-Петербургского женского комитета для вспомоществования недостаточным семействам воинов, назначенных для защиты столицы и прибалтийских берегов», предоставил этому комитету написанные им 4 картины, изображающие Синопское дело, «с тем чтобы сборы за вход (по 25 копеек) обращены были в пользу лиц, вспомоществуемых комитетом». Выставка была устроена в Петергофе, откуда можно было видеть дымы неприятельской эскадры.

Абосский архитектор Хиевиц подарил великому князю Константину Николаевичу картину, изображающую дело при Рунсалме (дело канонерских лодок с английскими пароходами 10 августа), за что был поощрен бриллиантовым перстнем.

Появились польки и вальсы, и романсы на современные мотивы: «Смех чухонца», муз. К. Лядова (Майнист плакал, горевал). И. Гунгль и А. Абрамович так же изошряли свои фантазии, составив «Чухонскую польку» на мотив «Плач чухонца». Заглавные листы нот были украшены рисунками финнов (финн в шляпе, финн приплясывающий) и т.д.

Наиболее пристойно из народного поэтического творчества выглядело стихотворение И. Татаринова «Непир у Кронштадта»:

Собралися англичане
 Для повадки – французжане,
 С Русью воевать
 И пришедши в наше море
 На свободе на просторе,
 Ну лавировать.
 Мы давно вас дождем
 Уж гостинцы припасаем-
 Здесь не Брагестада.
 Нет, не взять, Непир, столицу,
 На Крыловскую «Синицу»
 Сходен богатырь.

Во второй половине августа домой, во Францию, отправился десантный отряд. В октябре из Балтийского моря ушли последние суда англо-французской эскадры. Кампания 1854 г. закончилась.

Развитие планов морской обороны Санкт-Петербурга накануне Первой мировой войны

Защита Санкт-Петербурга с моря являлась важнейшей задачей Балтийского флота с первых дней его существования. Основные принципы построения морской обороны столицы были сформулированы еще Петром I и сводились к следующему: комплексное использование всех имеемых в составе флота боевых сил и средств, эшелонированность, активный характер.

Основу позиционной обороны на протяжении длительного времени составляла система крепостных фортификационных сооружений Кронштадта, включая отдельные береговые батареи, установленные на острове Котлин, и подводноряжевые преграды, защищавшие Южный и Северный фарватеры. Появление подводных мин заграждения позволило значительно усилить позиционную оборону Кронштадта. Начиная с 1854 г. идея использования минно-артиллерийской позиции лежала в основе планов морской обороны восточной части Финского залива. В 1854 г. на пяти минных заграждениях было выставлено 609 мин. Минная позиция (три заграждения) в районе Южного фарватера находилась под прикрытием более 500 орудий фортов Павел I, Александр I и батареи Меньшикова. Два заграждения, выставленных около Северного фарватера, прикрывались небольшими отрядами блокшивов. В 1855 г. на подступах к Кронштадту было выставлено еще восемь минных заграждений (1256 гальванических мин).

Высокая эффективность минно-заградительных действий была выявлена очень скоро. В июне 1855 г. на северном заграждении подорвались 4 вражеских пароходо-фрегата, проводивших разведку. Опасаясь больших потерь, противник отказался не только от атаки Кронштадта, но и от продолжения разведки.

Мощные позиционные укрепления Кронштадта позволяли освободить маневренные силы флота для активных действий. При этом корабельный флот должен был действовать, опираясь на разветвленную систему базирования, включавшую укрепленные базы на северном и южном берегу Финского залива. Такая система была создана еще в ходе Северной войны и в последующие годы постоянно совершенствовалась.

В зависимости от соотношения своих сил и сил противника, в разные периоды перед корабельными соединениями Балтийского флота ставились различные по степени активности задачи. Так во время русско-шведских войн 1741-1743 гг. и 1788-1790 гг. именно

корабельный флот должен был обеспечить активную оборону Финского залива и собственно столицы от возможного прорыва шведского флота, и эта задача была успешно решена. Во время русско-шведской войны 1808-1809 гг. и русско-английской войны 1807-1812 гг. корабельный флот в основном защищал непосредственные подступы к Кронштадту, поскольку преимущество в силах было на стороне английского флота. Так же действовал Балтийский флот и в ходе Крымской войны 1853-1856 гг.

Основной идеей, которая довлела над планами обороны Балтийского моря во второй половине XIX в. было опасение неприятельского десанта на побережье Финского залива. Сначала, до середины 90-х годов, считались с возможностью английского или коалиционного десанта, потом стал угрожать десант германский.

В последнем перед русско-японской войной совещании по вопросам обороны берегов с участием представителей военного ведомства (2 июня 1903 г.) задача флота была сформулирована так: «противодействовать противнику произвести высадку вблизи столицы на срок, необходимый для окончания мобилизации и развертывания нашей армии, назначенной для обороны побережья». Мобилизация приморских крепостей заканчивалась к исходу 2-й недели, полевых войск - к концу 3-й. «Этот период надо признать критическим, - отмечал начальник главного штаба ген.-ад. Сахаров, - в течение его наиболее желательна и необходима помощь со стороны флота. Главнейшей целью его содействия является затруднение выполнению каких бы то ни было десантных операций, так как таковые в этот период могут быть произведены почти без помехи со стороны наших сухопутных войск»³⁵⁰.

Так как обстановка после русско-японской войны лишь усложнилась, но по существу не изменила общих условий, имеемых на театре, то сходные директивы флоту ставились и в последующий период.

Разработанные Морским генеральным штабом стратегические основания к плану войны и вытекавшие из них задачи Балтийскому флоту легли в основу оперативного плана войны на Балтийском море 1907-1908 гг.³⁵¹

Оценивая вероятные намерения противника и соотношение сил на морском театре, Морской генеральный штаб пришел к выводу, что «имеющиеся на театре силы и средства не дают оснований рассчитывать на успешную борьбу с превосходящими силами противника в западной части Финского залива»³⁵².

В соответствии с общими задачами вооруженных сил на Балтийском театре перед флотом была поставлена задача всеми силами и средствами стремиться к тому, чтобы задержать продвижение противника вглубь Финского залива на срок 12-14 дней и тем самым

обеспечить мобилизацию и развертывание сухопутных войск, предназначенных для обороны столицы. В качестве рубежей для развертывания сухопутных войск были установлены: на северном берегу Финского залива - река Кюмень, на южном берегу - река Нарова.

Объективно оценивая состояние корабельных сил флота МГШ пришел к выводу, что линейные корабли и крейсера Балтийского флота настолько слабы по сравнению с противником, что могут быть использованы только как вспомогательная сила. Основным средством для решения поставленной задачи штаб считал минно-торпедные силы флота, что и было закреплено в плане войны 1907-1908 гг.³⁵³

В нем идея оборонительного боя на минной позиции получила дальнейшее развитие. В плане впервые четко были сформулированы задачи линейных кораблей, крейсеров и эскадренных миноносцев в бою на специально оборудованной позиции и впервые в истории военно-морского искусства предусмотрено использование подводных лодок для нанесения предварительных ударов по наступающему противнику с целью его ослабления.

Однако отсутствие заблаговременного оборудования театра приморскими батареями, недостаток мин заграждения и целый ряд не устраненных дефектов в области боевой подготовки и снабжении флота не давали никакой уверенности в успешном решении задач Балтийским флотом.

Составление плана операции Балтийского флота, в основу которого должны были лечь разработки Морского генерального штаба, было поручено командующему 1-м отрядом минных судов контр-адмиралу Н.О. Эссену, назначенному в декабре 1908 г. начальником соединенных отрядов Балтийского Флота. Однако представленный Эссенем план операции Балтийского флота принципиально отличался от тех положений, которые являлись основой плана, составленного в МГШ³⁵⁴. Вместо пассивного ожидания противника контр-адмирал Эссен предлагал, не дожидаясь подхода противника к Финскому заливу, первыми перейти в наступление и, путем постановки активных минных заграждений на вероятных путях движения германского флота из Киля и Данцига, задержать его развертывание, а угрозой бомбардировки Карлскроны заставить Швецию отказаться от участия в войне на стороне Германии. Либаву, в которой по плану Эссена должны были находиться главные силы флота, предполагалось оставить лишь под давлением противника, с тем чтобы отходить с боями к Кронштадту.

По плану Эссена первую заградительную операцию на Балтийском море предполагалось выполнить следующим образом. С получением приказа о начале боевых

действий отряд кораблей, состоящий из двух линейных кораблей и трех крейсеров, должен был с наступлением темноты покинуть Либаву и следовать к месту встречи с миноносцами, расположенному в районе о.Борнхольм. Миноносцы в составе 2, 3 и 4-го дивизионов, придя к месту встречи, должны были в сопровождении двух крейсеров следовать к местам назначенных минных постановок в районе Кильской бухты. В это же время 1-й дивизион миноносцев, выйдя из Либавы, должен был произвести постановку минных заграждений в Данцигской бухте. В плане операции действия миноносцев были разработаны во всех деталях и с особой тщательностью. Указывалось время выхода миноносцев из Либавы, курсы, скорости хода, ордера и т.д. Давались исчерпывающие указания, относящиеся к постановке мин заграждения и действия в случае обнаружения противника. Кроме того, к плану операции прилагалась специальная инструкция по постановке мин заграждения с миноносцев.

Столь детальная проработка операции позволяла заранее отработать четкое взаимодействие всех участвующих в операции сил, в процессе боевой подготовки соединений и всего флота личный состав мог подготовиться к выполнению задач, доведя свои действия до автоматизма. Это служило бы залогом успешного решения предусмотренных планом задач и выполнения всей операции в целом.

Морской генеральный штаб, изучив представленный контр-адмиралом Н.О.Эссенем план операций морских сил Балтийского моря, 22 апреля 1909 г. сообщил ему, что «предложенная им зимняя дислокация флота в Либаве... не только не соответствует плану стратегического развертывания, но, в случае возникновения войны ранней весной, является даже опасной»³⁵⁵ и в связи с этим предложил Эссену перевести корабли из Либавы в Кронштадт.

По требованию начальника МГШ контр-адмирал Эссен 29 декабря 1909 г. представил в штаб новый план операций морских сил на Балтике, который, хотя и отличался от первоначального, но также не отвечал требованиям, предъявляемым Морским генеральным штабом к плану развертывания Балтийского флота.

Исходя из поставленной задачи, Н.О. Эссен в своем новом плане предложил создать две минных оборонительных позиции: главную на линии Нарген-Порккала-Удд и тыловую на меридиане остров Гогланд³⁵⁶. Идея заключалась в том, чтобы боем сначала на Нарген-Порккала-Уддской, а затем на Гогландской позициях максимально задержать продвижение противника к столице. В соответствии с этой идеей операции Н.О. Эссен предлагал основное ядро флота (Балтийский отряд) развернуть в районе Ревеля, а минные дивизии в шхерах. При

возникновении военных действий в зимнее время Эссен продолжал настаивать на предложенном им ранее плане активных минных постановок у берегов противника.

В начале 1910 г. Морской генеральный штаб разработал новый «план стратегического развертывания Балтийского флота на 1910 г.». Этот план, утвержденный царем 18 апреля 1910 г., отличался от предыдущего тем, что в нем по настоянию Н.О. Эссена предусматривалось создание двух минных позиций. Под давлением начальника Морского генерального штаба Эссен, хотя и согласился на то, чтобы дать решительный бой противнику на Гогландской позиции, тем не менее, оставил за собой право «оказать противнику первое сопротивление как при помощи минного заграждения, так линейного, подводного и минного флота на линии Нарген-Порккала-Удд, согласившись отнять от этого столкновения характер решительного боя»³⁵⁷.

Компромиссный план развертывания Балтийского флота на 1910 г. не мог полностью удовлетворить ни командующего флотом, ни тем более Морской генеральный штаб. Последний, учитывая обстановку на театре, придавал особо важное значение безопасности развертывания морских сил Балтийского моря на случай европейской войны. Считая это требование неременным условием успешного решения поставленной задачи, начальник МГШ и после этого продолжал настаивать перед морским министром на сосредоточении всего боеспособного флота в Кронштадте. Штаб, безусловно, понимал все неудобства, с которыми было связано базирование флота на Кронштадт в зимнее время. Однако, имея в виду важность сохранения флота для решения главной задачи - обеспечения безопасности столицы с моря, Морской генеральный штаб считал, что базирование флота на Кронштадт в зимнее время будет меньшим злом, чем базирование его на слабо защищенный порт, каковым являлась Ливава, к тому же расположенная недалеко от германской границы. Таким образом, в очередной раз идея сохранения флота для выполнения главной задачи возобладала над стремлением навязать свою волю противнику путем проведения активных действий, хотя средства для этого были.

Следующим вариантом оперативного плана развертывания Балтийского флота на случай европейской войны явился план 1912 г. На основании полученных указаний от Морского генерального штаба, штаб морских сил Балтийского моря в конце 1911 г. приступил к разработке плана развертывания флота на 1912 г. 25 июня 1912 г. этот план, получивший наименование «Плана операции морских сил Балтийского моря на случай европейской войны 1912 г.», был утвержден царем³⁵⁸. Несмотря на то, что соотношение сил на театре к 1912 г. несколько изменилось, русский флот по-прежнему оставался значительно

слабее флота вероятного противника - Германии. Поэтому при разработке нового плана войны главная задача Балтийского флота и способ её решения в основном остались без изменения. Расширялась лишь обороняемая зона Финского залива.

Идея этого плана сводилась к тому, чтобы боем на заранее оборудованной минно-артиллерийской позиции оказать максимальное сопротивление германскому флоту в случае попытки его прорваться в восточную часть Финского залива. Поэтому одним из важнейших вопросов нового плана был выбор и оборудование позиции предназначенной для боя. Из предложенных штабом морских сил Балтийского моря нескольких позиций в Финском заливе Морской генеральный штаб остановился на Нарген-Порккала-Уддской, которая получила название Центральной позиции. Эта позиция располагалась в наиболее узком месте центральной части Финского залива и уже поэтому являлась наиболее выгодной. Оборудование Нарген-Порккала-Уддской позиции требовало гораздо меньших затрат, чем любая другая позиция, поэтому при тех ограниченных силах и средствах, которыми располагал Балтийский флот, она могла быть оборудована лучше, чем другие.

План оборудования Центральной позиции предусматривал заблаговременную установку на флангах многочисленных береговых батарей калибром до 14", а с объявлением войны постановку по линии Нарген-Порккала-Удд обширного минного заграждения. В связи с устройством Центральной позиции было принято решение оборудовать в шхерном районе между Порккала-Уддом и Гангэ флангово-шхерную позицию. Она примыкала с севера к центральной и в сочетании с последней образовывала мощный укрепленный плацдарм, на котором командование Балтийским флотом рассчитывало преградить доступ противнику в восточную часть Финского залива.

Отказ от Гогландской позиции и перенесение оперативного развертывания флота на линию Нарген-Порккала-Удд потребовало изменения базирования флота с целью приближения его к району новой позиции. В качестве главной базы предусматривался Ревель, а до окончания его оборудования предполагалось использовать так же Свеаборг и Гельсингфорс.

План развертывания Балтийского флота 1912 г. являлся дальнейшим развитием существовавших ранее планов, сводившим до минимума разногласия между МГШ и штабом командующего морскими силами на Балтике. Эссен пошел навстречу пожеланиям и директивным указаниям Морского генерального штаба, заложив в основание этого плана известный запас прочности в виде перестраховки на подготовку флота к ведению боевых действий со всем германским флотом. Однако контр-адмирал Н.О. Эссен не отказался

полностью от возможности ведения активных действий, а полагал перейти к ним при первой же благоприятной возможности. «Если по выяснении действительной обстановки окажется, что со стороны противника на нас наступают силы второй линии или, если попытка противника овладеть позицией окажется неудачной, то явится возможность выйти с нашими оперативно-способными силами и искать боя с противником при благоприятных для нас условиях»³⁵⁹.

Серьезный недостаток плана состоял в том, что, если оборонительные действия флота в плане операций были разработаны достаточно подробно, то активная часть плана совершенно не была разработана. Определенные наработки штаба Балтийского флота в подготовке активных операций не были использованы по причине твердой уверенности Морского генерального штаба в невозможности вести борьбу за обладание Балтийским морем. В материалах МГШ, относящихся к разработке плана операций морских сил Балтийского моря на 1914 г. указывается, что «...настоящее состояние нашего флота на Балтике совершенно исключает возможность стремиться к этой цели. Силы нашего Балтийского флота по отношению к германскому несоизмеримы. Более того, как бы благоприятна не была стратегическая обстановка на морском театре, все равно наш Балтийский флот не может вести борьбу за обладание морем, ибо он по своему составу слаб»³⁶⁰.

Несмотря на эту резолюцию в штабе командующего БФ велась работа над совершенствованием плана.

Вопросы подготовки утвержденных планов войны в отечественной историографии достаточно освещены. Первым исследовал их М.А. Петров³⁶¹, в послевоенные годы вышли капитальные работы «Флот в первой мировой войне»³⁶², Морской атлас, «История флота государства Российского»³⁶³, ряд диссертационных исследований³⁶⁴, монографий³⁶⁵ и статей³⁶⁶. Однако работа над совершенствованием этих планов после их утверждения и предложенные альтернативные планы остались за рамками внимания исследователей.

В связи с этим представляет интерес записка контр-адмирал А.С. Максимова³⁶⁷, командира бригады крейсеров Балтийского флота, поданная им в декабре 1913 г. В ней рассмотрены недостатки плана 1912 г. и предложен свой план действий, который является дальнейшим развитием идеи использования минно-артиллерийской позиции, но уже не в оборонительных, а наступательных целях.³⁶⁸

В предложенном варианте действий Балтийского флота мы видим тот наступательный порыв, который за годы своего командования флотом сумел привить своим подчиненным Н.О. Эссен. С точки зрения дальнейшего развития теории морской стратегии, этот план,

бесспорно, является новым словом, поскольку в нем предусматривается активное использование минно-артиллерийской позиции для достижения наступательной стратегической цели, а именно для завоевания господства в Балтийском море.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что оборона Финского залива, оставаясь главной задачей флота на протяжении двухсотлетней истории, постоянно совершенствовалась. Основные принципы морской обороны столицы, заложенные Петром Великим, наряду с развитием боевых сил и средств флота, определяли ее направленность. И именно накануне первой мировой войны флот как никогда был способен успешно решить поставленные перед ним задачи.

Радиостанция особого назначения на мысе Шпитгамн (1915-1917) и ее место в истории радиоразведки Балтийского флота

Успехи радиоразведки Балтийского флота в Первую мировую войну в значительной мере связаны с деятельностью радиостанции особого назначения (РОН) на мысе Шпитгамн. Детали ее боевой работы, носившей исключительно секретный характер, были известны на флоте весьма узкому кругу лиц, что предопределило крайне скудную библиографию по данной теме. Едва ли не единственной работой, написанной непосредственным участником событий, может считаться статья А.А. Саковича, опубликованная в журнале «Морской сборник» в 1931 г.³⁶⁹ Современные исследователи, при обращении к данной теме, чаще используют работы Е. Петрова,³⁷⁰ В.Н. Янковича³⁷¹ и Б.П. Дудорова.³⁷² Две последние работы, содержащие ряд интересных свидетельств и подробностей, требуют, однако, весьма критического к себе отношения, поскольку их авторы, занимая важные должности в штабе командующего флотом и в Службе связи, не были, тем не менее, посвящены во все секреты радиоразведки и работы РОН.

Следует отметить, что созданию РОН предшествовал другой, не получивший широкой известности исторический эпизод из летописи Балтийского флота. Документы свидетельствуют, что еще в предвоенные годы в штабе флота прорабатывался вопрос организации на мысе Шпитгамн специальной приемной радиостанции для контроля за своей радиосвязью.³⁷³ Необходимость такого контроля обозначилась летом 1912 г., когда на фоне активизации революционных выступлений на флоте были отмечены случаи несанкционированного выхода в эфир и передачи нижними чинами – радиотелеграфистами неучтенных радиограмм. В штабе флота прорабатывались различные варианты решения данной задачи: открытие специальной приемной вахты на радиостанции «Ревель», несение сменных (по особому расписанию) дежурств всеми радиостанциями флота, привлечение к контролю прикомандированных чиновников почтово-телеграфного ведомства и др.

К концу 1913 г. эта задача, несколько потеряв свою «полицейскую» актуальность, трансформировалась в задачу общего контроля за соблюдением флотскими радиостанциями установленных правил радиотелеграфирования с целью поддержания радиодисциплины в эфире. По результатам обсуждения и проработки вопроса флагманским радиотелеграфным офицером штаба командующего морскими силами Балтийского моря старшими лейтенантом

И.И. Ренгартеном и начальником службы связи капитаном 1 ранга А.Непениным решено было «...хлопотать об устройстве приемной радиостанции, на углу Моонзунда для регистрации всех радиопереговоров». К середине мая 1914 г. план размещения на мысе Шпитгамн новой радиостанции, получившей неофициальное название «радиостанция - жандарм»,³⁷⁴ был практически готов. Но, окончательной реализации этого, безусловно, интересного и полезного проекта помешала начавшаяся мировая война. Вместе с тем, время и усилия, потраченные на изыскательские работы в районе мыса Шпитгамн, не пропали зря: результаты этих работ оказались востребованными весьма скоро, при выборе места для РОН.

Идея создания особой разведывательной береговой радиостанции сформировалась на Балтийском флоте в зиму 1914-1915 гг. Этому способствовали первые успехи флотских радиоразведчиков во главе с И.И. Ренгартеном по вскрытию германских шифров и чтению материалов шифрперехвата германского флота. Наиболее ранним из выявленных на данный момент в фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) документом, касающимся РОН, является доклад временно исполняющего должность флагманского радиотелеграфного офицера лейтенанта С.М. Кавелина начальнику штаба вице-адмиралу Л.Б. Керберу, датированный 5 февраля 1915 г.³⁷⁵ Основанием для подготовки этого доклада послужило приказание адмирала Н.О. Эссена, на что прямо указано в тексте документа: «Командующий флотом приказал организовать прием и разбор иностранных радиотелеграмм». Проект такой организации, предложенный С.М. Кавелиным, предусматривал использование в качестве РОН радиостанции «Престэ», как достаточно вынесенной на запад, хорошо оборудованной и «...свободной от работы». Во главе РОН предложено было поставить специального офицера и выделить ему не менее двух помощников, знающих иностранные языки. Начальник штаба, одобрив организацию в целом, поставил возможность ее выполнения в зависимость от решения кадрового вопроса. (Действующий флот испытывал острую нехватку офицерского состава). Но, уже 9 февраля приказом командующего флотом в распоряжение начальника Службы связи был специально назначен мичман В.И. Марков с броненосного крейсера «Рюрик», который сразу включился в работу по линии радиоразведки и стал фактически первым офицером создаваемой радиостанции.³⁷⁶

Несомненно, ключевой фигурой в организации РОН является флагманский радиотелеграфный офицер и будущий начальник разведывательного отделения штаба флота И.И. Ренгартен. Во время описываемых событий он находился на лечении в санатории, куда был отправлен по настоянию флагманского врача и личному распоряжению адмирала Н.О.

Эссена. Есть, однако, все основания полагать, что до этого имела место его встреча с адмиралом по вопросу организации РОН, следствием которой и стало упомянутое в докладе С.М. Кавелина приказание командующего. Вернувшись 14 февраля из санатория в Гельсингфорс, в штаб флота, И.И. Ренгартен сразу приступил к энергичному продвижению идеи РОН, имея, судя по всему, уже четкий план действий. 15 февраля он сделал доклад начальнику штаба «...о необходимости скорейшей организации в крупном масштабе «бюро» для приема, разбора и учета неприят[ельского] радиот[елеграфирования]». ³⁷⁷ Учитывая важность и сложность вопроса, было принято решение временно сохранить status quo: И.И. Ренгартену, числясь формально в отпуске по болезни, полностью сосредоточиться на делах РОН, а С.М. Кавелину еще некоторое время оставаться в штабе, продолжая исполнять его обязанности.

С 16 по 18 февраля И.И. Ренгартен находился в Ревеле, в Службе связи, где согласовал основные моменты с ее начальником, контр-адмиралом А.И. Непениным. Совместно с руководством Южного района было выбрано место для РОН, у мыса Шпитгамн (пригодились наработки по «радиостанции – жандарм»), определен объем предстоящего строительства, оснащение будущей радиостанции, согласованы все сметы, штат радиостанции, решен ряд других важных вопросов. Здесь же И.И. Ренгартен составил инструкцию для создаваемого «бюро». Совместными усилиями удалось подобрать кандидатуру второго офицера для работы на РОН: им стал лейтенант Д.П. Измалков, начальник отделения Южного района Службы связи на о. Даго. Однако предложенная И.И. Ренгартеном и предварительно согласованная с начальником штаба кандидатура капитана 2 ранга Г.К. Щульца в качестве начальника РОН неожиданно встретила серьезные возражения А.И. Непенина. Поэтому данный вопрос остался открытым. ³⁷⁸

Вечером 18 февраля И.И. Ренгартен выехал в Петроград и утром 19-го был в Морском генеральном штабе (МГШ). Проект организации РОН, доложенный начальнику МГШ вице-адмиралу А.И. Русину, получил самую горячую поддержку со стороны последнего, и уже в 14 часов при его участии был подготовлен доклад Морскому министру. В 15 часов А.И. Русин вернулся от Морского министра, имея на докладе резолюцию И.К. Григоровича: «Согласен». ³⁷⁹

Утром следующего дня И.И. Ренгартен снова был в Гельсингфорсе, где доложил вице-адмиралу Л.Б. Керберу результаты командировки. Тут же, в штабе удалось решить вопрос о будущем начальнике РОН: кандидатурой, устроившей всех, оказался старший лейтенант П.А. Колокольников, заведующий мобилизационной частью Свеаборгского порта. «Таким образом,

все сделано» - с удовлетворением записал в этот день И.И. Ренгартен в своем служебном дневнике.³⁸⁰ Действительно, все принципиальные моменты были решены; далее оставались чисто формальные процедуры. Внесенные на рассмотрение Адмиралтейств-Совета штаты РОН получили одобрение (решение Адмиралтейств-Совета по журналу от 4 марта 1915 г. за № 4976, ст. 43151) и 15 марта приказом командующего флотом Балтийского моря за № 291 было объявлено об учреждении радиостанции в составе Южного района Службы связи с 20 февраля текущего года. По штату на РОН полагалось иметь трех офицеров (начальник радиостанции и два помощника), одного телеграфного кондуктора (старшина радиостанции) и 49 нижних чинов, включая 15 человек радиотелеграфной специальности. 19 марта начальником РОН был назначен старший лейтенант П.А. Колокольцов (приказ командующего флотом № 308). 10 и 25 апреля приказами командующего флотом № 376 и № 432, соответственно, на РОН были назначены мичман О.О. Проффен и прапорщик по механической части И.М. Ямченко. 13 мая начальник Службы связи контр-адмирал А.И. Непенин своим приказом за № 304 объявил состав РОН и порядок ее управления и подчинения. Особые задачи и особый статус РОН предопределили и ее особое положение в структуре Службы связи. Являясь самостоятельной частью, РОН подчинялась в строевом и хозяйственном отношении непосредственно начальнику Южного района Службы связи. При этом начальнику РОН по отношению к подчиненным ему чинам были предоставлены дисциплинарные права начальника района Службы связи.

Одним из вопросов, представляющих существенный интерес для историков радиоразведки, является определение даты вступления РОН в строй и начала ее боевой работы. Здесь следует подчеркнуть, что РОН не являлась обычной радиостанцией в привычном для Службы связи понимании. Согласно «Инструкции радиостанции особого назначения», объявленной приказом начальника Службы связи № 488 от 14.06.15 г., ее назначение состояло в расшифровке неприятельских депеш и немедленной передаче их на центральную станцию Южного района Службы связи (для чего РОН была соединена с последней прямым телеграфным проводом). Материал для дешифровки должен был поступать от собственных постов шифрперехвата, а также от приемных постов радиостанций «Кильконда» и «Гапсаль», и от других, специально назначенных станций. В особых случаях начальнику РОН разрешалось передавать информацию о местонахождении или намерениях противника непосредственно флагману в море по радио, используя для этого особый шифр.³⁸¹

Таким образом, РОН фактически включала в себя три составных элемента: собственно 2-киловаттную радиостанцию, предназначенную для экстренной передачи особо важной

информации, приемные посты для добывания шифрматериалов и дешифровальное бюро, на которое возлагалась задача их обработки. В полном объеме РОН начала функционировать летом 1915 г., когда были завершены все строительные и монтажные работы. 30 июня специально назначенная комиссия провела освидетельствование всех построек, мачт и оборудования РОН. А 10 июля И.И. Ренгартен записал в своем дневнике: «Шпитгамн открыл действие, сегодня я дал им личный шифр». Упоминание о шифре указывает в данном случае на начало работы собственно радиостанции «Шпитгамн».

Вместе с тем безусловного внимания заслуживает точка зрения начальника Службы связи, изложенная в его приказе № 420 от 21 июня 1915 г., где, в частности, говорилось: «... радиостанция особого назначения, несмотря на неготовность ее оборудования в техническом отношении, в чем она заменялась и заменяется радиостанцией «Гапсаль», в оперативных функциях своих действует с 20 февраля сего года».³⁸² Такое разделение на оперативную и техническую стороны вопроса представляется в отношении РОН вполне обоснованным и позволяет, на наш взгляд, более корректно подойти к определению даты начала ее боевой работы, как радиоразведывательного центра Балтийского флота.

В середине июля произошла смена руководства РОН. Первый ее начальник капитан 2 ранга П.А. Колокольцева, проявив себя неплохим администратором, оказался совершенно не склонен к оперативной работе, что и предопределило в итоге решение по его замене. Приказом командующего флотом № 717 от 8 июля 1915 г. новым начальником РОН был назначен старший лейтенант В.П. Пржиленцкий. Этим же приказом на РОН были назначены сотрудники МИД надворный советник Ю. Павлович и коллежский регистратор Б. Орлов.³⁸³ Последние назначения, существенно усилив дешифровальное бюро, оказались весьма своевременными, ибо уже несколько дней спустя, в ходе начавшейся операции германского флота в Рижском заливе, РОН пришлось выдержать настоящий боевой экзамен.

Благодаря работе дешифровального бюро разведке Балтийского флота удалось заблаговременно вскрыть подготовку к этой операции, определить ее сроки, а затем, по сути, контролировать весь ее ход, обеспечивая командование ценнейшей информацией о действиях противника. Специалисты РОН практически в реальном времени производили разбор шифрованного радиообмена германских кораблей. Содержание отдельных германских радиogramм оказывалось известно русскому командованию даже раньше, чем их получали фактические адресаты. По оценкам современников, РОН успешно выдержала эту «проверку боем» и в полной мере оправдала возлагавшиеся на нее надежды.

Не менее успешно действовала РОН и все последующие месяцы войны. Весьма интересную страницу в истории радиостанции составляет, например, участие ее специалистов в боевых походах кораблей Балтийского флота. На данный момент известно о двух таких эпизодах, имевших место в 1916 г.: в мае месяце, на борту крейсера «Рюрик», и в июне, на крейсере «Громобой». В обоих случаях старшим группы радиоразведчиков РОН являлся лейтенант Б. Елачич. В июньском походе на борту «Громобоя» находился также И.И. Ренгартен, выполнявший функции начальника разведки походного штаба и осуществлявший общее руководство группой радиоразведки.

Важным условием успешной деятельности РОН в течение всей войны являлось своевременное вскрытие новых шифров, вводимых в действие противником. Успешному решению этой задачи способствовали тесные контакты специалистов РОН с «черным кабинетом» МГШ и с криптологической службой МИД, а также со своими коллегами из английской радиоразведки. Особенно существенную помощь дешифровальному бюро РОН оказал один из ведущих криптологов МИД статский советник Э.К. Феттерлейн, заслуги которого перед радиоразведкой Балтийского флота были отмечены двумя орденами.

В целом деятельность РОН весьма высоко оценивалась руководством Службы связи и командованием флота. Свидетельством тому неоднократные представления личного состава РОН к боевым наградам. Только за 1915 г. состоялось несколько награждений. Так, уже 29 апреля мичман В.И. Маркова был награжден орденом Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом «за отличие, выразившееся в разборе неприятельского шифра».³⁸⁴ 13 октября он же, вернувшись уже на крейсер «Рюрик», был удостоен ордена Св. Анны 3 степени с мечами и бантом «за известные штабу командующего успешные и самостоятельные изыскания в бытность на радиостанции особого назначения».³⁸⁵ 18 ноября мечами и бантом к имеющему ордену Св. Станислава 3 степени был награжден И.М. Ямченко. А 6 декабря орденами различного достоинства были награждены сразу несколько представителей РОН: В.П. Пржиленцкий, Д.П. Измалков, О.О. Проффен, Ю. Павлович и Б. Орлов.

Документы свидетельствуют, что РОН практически без серьезных реорганизаций и «потрясений» просуществовала до 1917 г., благополучно «пережив» Февральскую революцию и другие «катаклизмы».³⁸⁶ Однако 7 сентября 1917 г. приказом Главнокомандующего армиями Северного фронта за № 150 РОН была упразднена. Этим же приказом было учреждено при начальнике Службы связи Особое отделение, с присвоением ему штатов упраздненной РОН. Одновременно, была введена должность начальника радиостанции «Шпитгамн». Таким образом, произошло организационное разделение

радиостанции и радиоразведывательного центра с дешифровальным бюро. Возможно предположить, что данный шаг был связан с желанием, сохранить и обезопасить в изменившихся условиях радиоразведывательную составляющую РОН, продолжающую успешно работать и поставлять в штаб флота важную информацию об обстановке на море.

В заключение необходимо отметить, что боевой опыт РОН был использован при организации аналогичного радиоразведывательного центра на Черном море, в создании которого самое непосредственное участие принимал И.М. Ямченко, переведенный с Балтики на Юг и ставший в короткий срок одним из ведущих специалистов по радиоразведке на Черноморском флоте.

Моряки Балтийского флота о Петрограде 1917 г.

В годы Первой мировой войны моряки-балтийцы оказались в числе российских военных, которые служили на северо-западной границе империи в автономном Великом княжестве Финляндском, а в 1918 г. оставались на территории нового независимого государства. Социокультурный взгляд на проблему российской революции 1917 г. позволяет оценивать происходившее, в том числе и на Балтийском флоте, не только как борьбу политических партий. Определяя политическое пространство глазами очевидцев и участников событий того времени, можно исследовать такие важные проблемы из области военной антропологии, как воссоздание деталей быта моряков, различных аспектов флотской повседневности, выявить социально-нравственные нормы, которыми руководствовались рядовые и офицеры.

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) и Национальном архиве Финляндии удалось обнаружить неопубликованные письма читателей (около четырехсот) в адрес выходившей с марта 1917 по март 1918 г. в финляндской столице Гельсингфорсе (Хельсинки) газеты «Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих»³⁸⁷. Большинство из них уже в силу самого факта обращения не к частному лицу, а в редакцию крупнейшей из газет, издававшихся в Финляндии советами и комитетами военнотружущих в период революции, посвящено вопросам политического характера. Среди них встречаются предназначавшиеся для публикации заметки, призывы, обращения и резолюции комитетов, солдатских и матросских собраний, различных комиссий, а также просьбы разъяснить на страницах газеты непонятные ее читателям явления стремительно менявшейся жизни в российской столице, в провинции, в гарнизонных городах Финляндии, на балтийских военно-морских базах.

Наряду с изучением вопроса о том, какое воздействие оказывал Петроград на развитие революции, каков отпечаток Петрограда на характере революции и чем отличалось течение революционного процесса в российской столице и в других городах и регионах страны, обращает на себя внимание проблема восприятия моряками-балтийцами главного города воюющей России как в первые годы мировой войны, так и на заключительном ее этапе³⁸⁸.

С началом Первой мировой войны изменилось военно-стратегическое значение территории автономного Великого княжества как по отношению к Петрограду, так и ко всей

империи. В годы войны Финляндия стала местом, где первоначально ожидали высадки германского десанта и не была исключена вероятность сепаратистских выступлений внутри самого княжества³⁸⁹.

С точки зрения обороны империи Финляндия играла роль ближайшего прикрытия российской столицы со стороны Финского залива Балтийского моря и с северо-запада. По оценке русских военных специалистов, Балтийский флот и береговая охрана не обеспечивали надлежащей безопасности столицы в восточной части Финского залива. Сразу после объявления войны устье Финского залива за несколько часов было перекрыто минными заграждениями Центральной минно-артиллерийской позиции. Тщательное минирование акватории Финского залива и подступов к портам на целых три года спасало Петроград от угрозы вторжения германских войск с моря. Финляндская столица Гельсингфорс являлась крупнейшей среди российских военно-морских баз на Балтике. Однако удаленность Гельсингфорса от театра военных действий создавала здесь совсем иную атмосферу, чем в Ревеле (Таллинн), Турку, других приморских городах и в самой российской столице.

О таком своем разном восприятии Петрограда и Гельсингфорса вспоминала А.В. Тимирева, приехавшая в Финляндию в 1915 г. после перевода ее мужа С.Н. Тимирева на должность флаг-капитана штаба командующего флотом по распорядительной части. «Я приехала из Петрограда 1914–1915 гг., где не было ни одного знакомого дома не в трауре: в первые же месяцы уложили гвардию. Почти все мальчики, с которыми мы встречались в ранней юности, погибли. В каждой семье кто-нибудь был на фронте, от кого-нибудь не было вестей, кто-нибудь ранен. И все это камнем лежало на сердце... После Петрограда все мне там нравилось: красивый, очень удобный, легкий какой-то город. И близость моря, и белые ночи – просто дух захватывало. Иногда, идя по улице, я ловила себя на том, что начинаю бежать бегом»³⁹⁰.

Новейшие исследования российских историков позволяют увидеть две эти столицы глазами «человека с ружьем», служившего на северо-западной границе бывшей Российской империи во время революционных потрясений 1917–1918 гг.³⁹¹

Е.С. Сениянская, рассмотрев проблему возникновения и утверждения символов и мифов войны, отмечает, что формирование героических символов как феномена массового и во многом мифологизированного сознания стало одним из ключевых идеологических инструментов воздействия на психологию личного состава вооруженных сил и общества в целом³⁹².

Сам Петроград воспринимался военнослужащими как один из героических символов. Об этом свидетельствует, в частности, воззвание к мастеровым, обслуживавшим нужды флота, которое в середине марта 1917 г. было составлено судовым комитетом базировавшегося на Гельсингфорс линейного корабля «Андрей Первозванный». Моряки призывали мастеровых не прекращать, несмотря на перемены первых революционных дней, работ, направленных на обеспечение обороны страны: «Враг воспользовался нашим временным перерывом работ. Он собирает все свои силы для нанесения удара и для последней попытки сломить, прорвать фронт на нашем Прибалтийском побережье. Наступает час для нашего Балтийского флота отразить и отогнать врага от нашествия на столицу как на центр производительности».

Судовой комитет линейного корабля аргументировал свой призыв использованием образа российской столицы, которая должна быть надежно защищена. «Свободные граждане мастеровые, к вашему сознательному чувству взываем мы, – писали моряки-балтийцы, ссылаясь на хорошо знакомые героические символы военного времени (память о павших воинах) и новую революционную символику. «Мы достигли желанных идеалов и единогласно признали, доверились и слились с Временным Народным Правительством. Вся мыслящая Россия признала, что для осуществления идеалов свободы необходимо сломить нынешнего сильного, упорного врага – Германию. К этому нас призывают наши павшие герои во славу России. Товарищи мастеровые, вспомните, как давалась нам свобода, сколько крови мы пролили; неужели мы теперь отдадимся варвару-врагу – не для этого лилась кровь за свободу, страдали борцы, сосланные в Сибирь... Дайте возможность флоту встать на стражу столицы. Вы устали, но ведь вся Россия несет сейчас на алтарь Отечества все, что может. Наше будущее поколение не забудет трудов ваших, вечная память и слава покроет первых свободных граждан Великой России»³⁹³.

На сознание флотских меньшевиков и эсеров не меньшее, чем на большевиков, влияние оказала, если пользоваться языком источников, «борьба с рецидивами царизма». Они также искали «врагов революции», «врагов пролетариата, «provokаторов», «контрреволюционеров из стана желтой прессы», элементов, «занимавшихся клеветой и инсинуациями»³⁹⁴. Автор одного из писем в редакцию гельсингфорсских «Известий» призывал читателей газеты «всячески бороться с теми ядовитыми семенами, которые бросаются в толпу провокаторами». В качестве предостережения от негативного опыта недоверия специалистам – «образованным, технически подготовленным людям» он отмечал инциденты такого рода, происходившие на некоторых петроградских заводах»³⁹⁵.

По мере того как эйфория весны 1917 г. сменялась разочарованием многих военнослужащих и усталостью от реального хода событий, образ Петрограда все больше лишался выражения прежнего пафоса, превращаясь в свою противоположность. Город виделся рядовым матросам и особенно офицерам как пространство, откуда исходит опасность и беспокойство. В «Известия Гельсингфорского совета» все чаще приходили письма, осуждавшие проведение манифестаций, митингов под лозунгами различных политических партий, в то время как «фронт наш прорван, на фронте льется кровь, на улицах Петрограда – кровь и по всей России – кровь...»³⁹⁶.

К осени 1917 г. авторы писем обсуждали вопрос о намечавшейся разгрузке Петрограда, предпринятой «с ведома и согласия демократии»: «тут дело не в опасности от немцев, а в опасности от нежелательного для революции элемента. Ни для кого не секрет, что столица наша переполнена провокаторами, контрреволюционерами и просто преступниками, которые мешают революционной обороне. Если прибавить к этому добровольных путешественников, в страхе покидающих столицу (счастливого им пути!), то предполагается разгрузить Петроград как минимум наполовину. Очевидно, при такой структуре города легче будет не только оставшимся, но и всей России». В письмах чувствуется осознание неразрывной связи судьбы Петрограда с судьбой всей страны, однако очевидным было и будоражащее влияние города даже на периферийные районы, не говоря уже о расположенной в нескольких часах железнодорожного сообщения финляндской столице. «Постоянно тревожно настроенный Петроград нервирует провинцию, порождает для нее массу тревожных слухов, а это опять-таки дает работу провокаторам, – читаем в одном из писем. – В разгруженной столице легче будет ориентироваться революционной власти, у которой отпадет забота быть все время настороже в смысле разных беспорядков и волнений»³⁹⁷. В обстановке шпиономании военного времени у людей формировалось подозрительное отношение к окружающим, готовность к тому, что врагом мог оказаться каждый.

Автор заметки, присланной в гельсингфорские «Известия», был обеспокоен «отсутствием необходимой сплоченности» среди петроградских рабочих. Отсутствие опыта публицистических выступлений сказывалось в употреблении им взаимоисключающих понятий, при помощи которых дана характеристика столичного пролетариата: «Часть его, более сознательная, *эволюционируется* в смысле *революционных* (курсив мой. – Е.Д.) настроений, как, несомненно, и то, что другая часть проявляет порою безволие, граничащее с анархией. Но это уже лежит в основе нашей славянской натуры».

Наряду с крайне политизированными образами петроградских рабочих авторы матросских писем упоминали и привычные реалии хорошо знакомой им столичной повседневной жизни. Н. Матвеев, в ноябре 1917 г. поделившийся с редакцией газеты своими впечатлениями от посещения Матросского клуба в Гельсингфорсе, с негодованием писал о грубом обращении сторожей-гардеробщиков с моряками: «...от обоих сторожей полился целый фонтан слов, достойных только питерских «ванек»-извозчиков, да и то с Обводного канала»³⁹⁸.

Картина, рисующая петроградскую повседневность летних месяцев 1917 г., представлена в сатирическом стихотворении, присланном в газету Иваном Соломатиным, работавшим в снарядной мастерской крепости Свеаборг. Стихотворная зарисовка-карикатура озаглавлена «Сон петроградского обывателя». Подчас наивные рифмованные строки, возможно, заимствованные из другой газеты, высмеивают грубость и хамство дворников и извозчиков, недобросовестность хозяина продуктовой лавки, содержит сетования на дефицит предметов первой необходимости, неурядицы с общественным транспортом и т. д.

Вчера, мечтая о былом,
Заснул случайно крепким сном.
И вижу: жизнь идет уж вновь,
В помине нет былых хвостов,
Все люди добрые такие,
А булки стали... во какие!
Ну, словом, масленица, рай!
Идет совсем пустой трамвай!
Вхожу в магазин – ей-же-ей –
Я не видал милей людей.
Хозяин мне поклон отвесил
И вот, представьте, не обвесил!
Извозчик, – вот ведь чудеса! –
Который был лютее пса,
Везет по таксе и так мил,
Должно, на шею крест купил.
Иду, а дворник – еще чудо! –
Со мной не сделалось чуть худо,
Стоит не пьян и не грубит
И «денатуркой» не разит.
Везде порядок, чистота,
Все люди честны, простота...
Все души прямы, нет кривых,
В помине нет городских...
Но чу, вдруг слышу крик «Долой!»
И я вскочил как чумовой...³⁹⁹

Матрос Сальников, служивший в Гельсингфорсе, осенью 1917 г. сообщал в редакцию «Известий» о злоупотреблениях со стороны судового комитета своего корабля, характеризуя

«обратную сторону» демократизации – усиливавшееся разложение флота, который утратил единоначалие: «Вот уже девять месяцев, как совершилось великое и славное дело – переворот, а у нас на «Победителе» выбранные пять революционеров много знают и говорят, а дело общее не делают для команд, а все для себя, чтобы больше в карман положить и в Петроград съездить несколько раз. Председатель «Победителя» то и дело ездит в Петроград – своего рода чистый доход в карман»⁴⁰⁰. В этом контексте революционная столица предстает уже как центр притяжения для любителей праздного времяпровождения и стяжательства из состава выборного матросского руководства.

В письмах военнотружущих из финляндских приморских городов встречаются и сведения о преимуществах организации петроградскими военными властями повседневной жизни горожан по сравнению с жизнью населения городов Финляндии. Речь шла, в частности, о том, чтобы местные начальники последовали петроградскому опыту в случае объявления воздушной тревоги из-за налетов германских «цепелинов». В конце сентября 1917 г. столичные газеты опубликовали инструкции для населения с разъяснением мер, необходимых в таких случаях, в том числе об условном сигнале гудками с целью предупреждения об опасности.

Происходившее в Гельсингфорсе в ночь с 3 на 4 октября 1917 г. автор одного из писем в редакцию «Известий» назвал «чисто любительской организацией воздушной тревоги». Оказывается, в ту ночь «было дано бесконечное множество гудков, это создавало паническое настроение у горожан, терзая обывательские нервы пронзительным бесконечным воем сирены». Как заявлял автор письма, сославшись на более разумную организацию проведения тревоги в Петрограде, практика военных властей в Финляндии в этом вопросе «не может быть ни в чьих интересах, кроме неприятеля»⁴⁰¹.

Дальнейшее исследование особенностей восприятия моряками-балтийцами Петрограда 1917 г. как революционной столицы России и вместе с тем как особого города с его пестрым этническим составом, крупнейшим гарнизоном, многочисленным, но вовсе не однородным рабочим классом открывает перспективы изучения традиций городской политической культуры, значения политических символов революционной эпохи, проблем флотской и армейской повседневности в экстремальных обстоятельствах военного времени⁴⁰².

Советский Балтийский флот и события в Прибалтике в июне 1940 г.

Как известно, в конце сентября–начале октября 1939 г. Советский Союз заключил пакты о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой. В соответствии с ними СССР получил право на размещение своих военных гарнизонов и создание военно-морских и военно-воздушных баз в вышеуказанных странах. В итоге, в государства Прибалтики были введены воинские контингенты РККА, почти равные армиям этих стран, а в наиболее важных эстонских и латвийских портах обосновались соединения надводных, подводных и военно-воздушных сил КБФ. До определенного момента, Советский Союз вполне устраивало имевшееся положение дел, тем более что оно позволяло держать под контролем политику прибалтийских государств. Но события в Западной Европе в мае 1940 г. заставили советское руководство перейти к более решительным действиям.

Дело в том, что внезапный разгром Франции войсками фашистской Германии в мае–июне 1940 г., поставил руководство СССР перед крайне неприятным фактом. До этого момента командованию РККА казалось, что события развиваются в наиболее желательном для Советского Союза направлении. Два противостоявших военных блока, по мысли советских стратегов, должны были в упорной борьбе взаимно истощать друг друга, а находившийся вне войны Советский Союз оставался бы, тем самым в положении «третьего радующегося». Такая ситуация сулила СССР большие преимущества в дальнейшем, давая возможность сохранять силы, а в нужный момент оказать давление своей военной мощью на ослабленного в борьбе победителя. И вдруг вся эта прекрасно работающая схема рухнула. В итоге, СССР оказался один на один с Германией, вооруженные силы которой были незначительно затронуты прошедшей кампанией. В новых условиях, пока Германия не осуществила переброску войск на Восток, требовалось обеспечить себе наиболее благоприятные условия для последующего стратегического развертывания Вооруженных сил СССР.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что 9 июня 1940 г. нарком обороны СССР маршал С. К. Тимошенко направил наркому ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову, командующему КБФ вице-адмиралу В. Ф. Трибуцу и командующему войсками ЛВО генералу армии К. А. Мерецкову директиву № 02622сс/ов. В ней Тимошенко приказал Краснознаменному Балтийскому флоту «с 05 минут 10 июня перейти в оперативное

подчинение командующему войсками Ленинградского военного округа и к 12 июня быть в готовности к выполнению боевых задач по указанию последнего»⁴⁰³. Далее нарком обороны изложил те задачи, которые требовалось решить КБФ. От флота требовалось: «...а) обеспечить постоянную готовность военно-морских баз и судов военно-морского флота, находящихся в портах Таллин, Палдиски и Либава; б) по указанию командующего войсками ЛВО захватить суда эстонского и латвийского военных флотов, находящихся в базах и в плавании; захватить морской флот Литвы (Поланген); в) захватить торговый флот и плавучие средства Эстонии, Латвии, прервав связь морем этих стран между собой; г) подготовить и организовать высадку десанта в Палдиски и Таллине; по заданию комвойсками ЛВО захватить гавань Таллина и батареи на островах Нарген и Вульф и быть готовым к захвату Сурупской батареи с суши; д) закрыть Рижский залив и блокировать берега Эстонии и Латвии по Финскому заливу и Балтийскому морю, чтобы не дать эвакуироваться правительствам этих стран и не допустить вывоза войск и имущества из них; е) организовать несение постоянной и надежной дозорной службы в Финском заливе со стороны Финляндии и в Балтийском море со стороны Швеции и с юга; ж) в тесном взаимодействии с сухопутными войсками содействовать наступлению частей ЛВО на Везенберг; з) действиями истребительной авиации не допустить перелетов эстонской и латвийской авиации в Финляндию и в Швецию»⁴⁰⁴.

Точное время начала боевых действий, как указывал нарком обороны СССР, будет указано затем командующим войсками ЛВО. Но самое главное, в соответствии с требованиями директивы, Военному совету КБФ следовало разработать план боевых действий Балтфлота и представить его на утверждение к 11 июня⁴⁰⁵.

Военный совет КБФ очень оперативно отреагировал на директиву наркома обороны и в этот же день, 9 июня, начальник 1-го отдела штаба КБФ капитан 2 ранга Н. Г. Пилиповский составил в рукописном виде директиву № 1оп/296сс/ов – «План действий Краснознаменного Балтийского флота»⁴⁰⁶. В начале плана он воспроизвел все задачи, выданные наркомом обороны, затем указал состав сил КБФ, предназначенных для операции против Прибалтики, и перешел к изложению своего решения. По мнению Пилиповского, решить поставленные задачи можно было следующим образом: «...1) подводными лодками и легкими силами нести дозор в Балтийском море и Финском заливе с задачей недопущения ухода флотов Эстонии, Латвии и Литвы, и наблюдение за флотами Швеции и Финляндии; 2) 4-мя батальонами ОСБ одновременной высадкой десанта на быстроходных тральщиках, катерах типа «МО» и ТК захватить батареи о-ва Нарген, Вульф. Силами мосто-

восстановительного батальона при поддержке 12 ж.д. батареи захватить Суропскую батарею; 3) для содействия флангу армии в Нарвском заливе высадить ДЕС в составе 1 СБ (стрелкового батальона – *П.П.*) из гарнизона Гогланд. Средства высадки – 3 и 5 ДТЩ (дивизионы тральщиков – *П.П.*). Артподдержка – КЛ «Красное знамя»; 4) перевозку ДЕС (1 сп (стрелковый полк – *П.П.*) в Палдиски произвести на турбо-электроходе «Молотов», и п/х (пароходе – *П.П.*) «Папанин»; 5) Эскадру иметь в готовности в западной части Финского залива для оказания поддержки нашим частям по захвату батарей»⁴⁰⁷. Далее задачи были уже распределены между всеми основными соединениями и базами КБФ. Черновой вариант плана был рассмотрен и утвержден Военным советом флота. Наконец, 11 июня план боевых действий КБФ был напечатан, ему был присвоен № 1оп/302сс/ов, после чего он был представлен на утверждение Военному совету ЛВО⁴⁰⁸.

11 июня, поздно вечером, Военный совет ЛВО рассмотрел «План действий КБФ» и в основном утвердил его. По требованию командования Ленинградского округа, в план следовало внести поправки: «...а) исходное положение соединениям и частям флота занять к 22.00 14.06.40 г. в готовности начать боевые действия; б) все действия по овладению Нарген, Вульф, Таллин должны начаться одновременно; в) срок открытия боевых действий будет указан особо»⁴⁰⁹. Подготовку флота к операции требовалось проводить скрытно, замаскировать сосредоточение в исходное положение и нахождение частей на исходном рубеже. К 18 часам 14 июня командованию КБФ предписывалось доложить ВС ЛВО о положении своих частей по состоянию на 15 часов⁴¹⁰.

Однако, помимо сугубо морских задач, перед КБФ была поставлена также очень важная задача поддержки приморского фланга Красной Армии, прежде всего, при ее наступлении по побережью Эстонии. Поэтому, 10 июня командующий Балтийским флотом отдал приказ № 0096, где поставил флоту следующие общие задачи: «Для обеспечения действий частей Красной Армии на территории Эстонии, Латвии и Литвы – КБФ поставлена задача: Установив наблюдение за шведскими базами и входом в Балтийское море – не допустить ухода из Эстонии, Латвии и Литвы каких-либо кораблей этих государств, как военного, так и торгового флота, захватив их в базах или в море. Содействовать частям Красной Армии, действующим по берегу Нарвского залива и Финского залива»⁴¹¹. Решающую роль по оказанию поддержки наступлению сухопутных войск должны были оказать соединения и части флота, сосредоточенные в р-не Таллин–Палдиски (Балтийская военно-морская база). Соответственно, командиру БВМБ С. Г. Кучерову было приказано: «...а) главной своей задачей считать захват батареи Суроп и острова Нарген с последующим

переходом к захвату острова и батареи Вульф, для чего – командиру мостовосстановительного батальона с приданной 12 ж.д. батареей, следуя за сд 65 ск (стрелкового корпуса – П.П.), внезапно захватить батарею Суроп, имея дальнейшей задачей действия в Таллине по захвату арсенала и штаба эстонского флота; б) командиру Бригады торпедных катеров капитану 2 ранга Черокову и командиру ОССБ полковнику Костикову, сосредоточив к исходу дня 12.06 два стрелковых батальона гавань Таллин, 11 ТК (торпедных катеров – П.П.) и 11 катеров «МО» при непосредственной поддержке артиллерии с М «Карл Маркс» и арт. поддержке по заявке, с 3 ДММ (дивизиона миноносцев – П.П.), находящемся к западу от Наргена, захватить остров Нарген и расположенные на нем батареи. Последующую задачу захвата острова Вульф возложить на капитана 2 ранга Черокова, имея для решения этой задачи 2 стрелковых батальона в Палдиски к исходу дня 12.06.40; в) для подготовки плацдарма высадки, двум АЭ «СБ» 57 СБАП (скоростного бомбардировочного авиаполка – П.П.) произвести бомбометание по батареям и гавани Наргена. Высадку начать в ___ часов после бомбардировки самолетами; г) командиру Учебного отряда капитану 2 ранга Лежава, сосредоточив батальон краснофлотцев к исходу дня 12.06 гавани Таллин, с началом боевых действий захватить транспорта, корабли и территорию порта, удерживая ее до прихода частей Красной Армии; д) НШ (начальник штаба – П.П.) 2 БПЛ капитану 3 ранга Орел, сосредоточив роту ОМСБ к исходу дня 12.06 в минной гавани Таллин, оборонять территорию гавани, содействовать операции по захвату Наргена, удерживать ее до прихода частей Красной Армии. Ответственность за все действия в Таллине возложить на командира БТК Черокова, КП которого на М «К. Маркс»...»⁴¹².

12 июня Военный совет КБФ направил командующему Военно-воздушными силами флота генерал-майору В. В. Ермаченкову директиву № 1оп/305сс/ов, где поставили морской авиации задачи по поддержке десантной операции флота, по овладению эстонскими береговыми батареями. В частности, от ВВС КБФ требовалось произвести 30-минутную бомбардировку о-вов Нарген (Найссаар) и Вульф (Аэгна) с целью нейтрализации на них тяжелых артиллерийских батарей Береговой обороны Эстонии, причем главным объектом бомбоударов следовало считать «южную батарею на о-ве Нарген и 6” (дюймовую – П.П.) батарею в сев.-западной части о-ва Вульф»⁴¹³. Перед авиацией была также поставлена задача организовать разведку объектов и Балтийского моря, с целью обнаружения военных флотов прибалтийских государств⁴¹⁴. Действуя в соответствии с директивой Военного совета, командующий ВВС Балтийского флота В. В. Ермаченков в этот же день утвердил приказ № 01, в котором произвел распределение задач между всеми авиационными соединениями⁴¹⁵.

Тем временем, Краснознаменный Балтийский флот в 11 ч. 35 мин. 11 июня 1940 г. был переведен в оперативную готовность № 2, а в 19 ч. 30 мин. 16 июня по флоту была объявлена оперативная готовность № 1. Начало развертывания соединений и частей флота произошло в 10 ч. 40 мин. 13 июня, а конец – в 22 ч. 14 июня. К концу дня 14 июня 1940 г. все действующие в операции корабли и части заняли исходные положения для выполнения поставленных приказом задач. А именно, подводные лодки 1-й, 2-й, 3-й и 4-й бригад подлодок и Отряд легких сил КБФ заняли свои места в Балтийском море, Рижском и Финском заливах с задачей – прервать связь морем и не допустить ухода судов, эвакуации и вывоза войск и имущества. Эскадра КБФ в составе линкора «Октябрьская революция», 3-й дивизиона эсминцев и дивизиона сторожевых кораблей – заняла исходное положение к востoku от о-ва Нарген для поддержки артиллерийским огнем действий десанта. 21-й мостовосстановительный батальон, находящийся в Палдиски, занял исходную позицию к северу от Клоога для движения на батареи Сурупа при поддержке развернутой на позиции 12-й железнодорожной батареи и частей 65-го стрелкового корпуса. 1-я особая бригада морской пехоты в составе 1-го, 3-го, 5-го и 6-го батальонов, переброшенная на транспортах «Сибирь», «2-я Пятилетка» и «Эльтон» из Койвисто в Палдиски, сосредоточилась в готовности для высадки десанта на о-ва Нарген (Найссаар) и Вульф (Аэгна). Сводный батальон Учебного отряда КБФ, сводная стрелковая рота Отдельного морского стрелкового полка и пулеметная рота Северного укрепрайона, переброшенные на транспорте «Днестр», эсминцах «Сторожевой» и «Сильный» из Кронштадта в Палдиски, сосредоточились в готовности для высадки десанта в Таллине с задачей захвата гаваней, торговых и военных судов и оборонных объектов. В бухте Сууркюля на о-ве Гогланд находились 50-й стрелковый батальон на тральщиках 3-го дивизиона ТЩ и сторожевые катера типа «Рыбинский», а также канонерская лодка «Красное знамя», в полной готовности для высадки десанта в губе Кунда. Военно-воздушные силы КБФ тем временем проводили разведку, дежурство в воздухе и находились в готовности на своих аэродромах для нанесения возможного удара⁴¹⁶.

Тем временем, осуществлялась блокада побережья Эстонии и Латвии и дозорная служба по особому плану. Начало блокады было введено командованием флота в 20 ч. 15 мин. 15 июня, начало свертывания – в 02 ч. 30 мин. 17 июня, окончание блокады наступило в 12 ч. 20 июня, а окончание свертывания – 21 июня. Для решения поставленных задач по блокаде весь театр и действующие на нем силы КБФ были разбиты по районам во главе с выделенными командирами районов, полностью отвечающими за данный участок: 1)

Северное побережье Финского залива (от Бенгшера до Тикс-кери) – контр-адмирал С. Ф. Белоусов (командир ВМБ Ханко); 2) Южное побережье Финского залива (Нарвский залив до Кери) – командир 4-й БПЛ капитан 2-го ранга А. И. Матвеев; 3) Район от Кери до Созлозунда включительно – командир Балтийской ВМБ контр-адмирал С. Г. Кучеров; 4) Район средней части Балтийского моря (от параллели 58° до параллели Полангена) – командир ОЛС контр-адмирал Ф. И. Челпанов; 5) ВМБ Либава – контр-адмирал П. А. Трайнин; 6) Район восточного побережья Швеции – командир 2-й БПЛ капитан 2-го ранга В. Г. Якушкин; 7) Западная часть Финского залива – командир Эскадры контр-адмирал Н. Н. Несвицкий⁴¹⁷.

В проведении блокады участвовало 120 единиц флота, т.е. почти все корабли, не находившиеся в ремонте. Среди них были: 1 линкор, 1 крейсер, 2 лидера, 7 эсминцев, 1 канонерская лодка, 5 сторожевых кораблей, 7 быстроходных тральщиков, 18 тихоходных тральщиков, 18 сторожевых катеров типа «МО-4», 20 сторожевых катеров типа «Рыбинский», 10 торпедных катеров и 17 подводных лодок. Из состава ВВС КБФ было применено 84 самолета «СБ» и «ДБ-3» из 8-й авиабригады, 62 самолета из 10-й авиабригады, 64 самолета 15-го авиаполка и 9 самолетов 73-го авиаполка. Всего, по данным штаба КБФ, за период блокады надводными кораблями и подлодками было задержано 52 судна (Латвии, Эстонии, Финляндии и Швеции)⁴¹⁸.

Итак, КБФ был полностью подготовлен к тому, чтобы начать военные действия непосредственно против вооруженных сил Эстонии, Латвии и Литвы. Однако, как и осенью 1939 г., ситуация была разрешена мирным, правда весьма решительным путем. 14 июня 1940 г. нарком по иностранным делам СССР В. М. Молотов через советских полномочных представителей в Эстонии, Латвии и Литве сделал представления правительствам вышеуказанных стран по поводу нарушения ими пактов о взаимопомощи. А в период с 14 по 16 июня правительство СССР направило официальные заявления всем правительствам прибалтийских стран, где, вновь ссылаясь на факты нарушения руководством этих стран пактов о взаимопомощи с СССР, потребовало срочно сформировать новые правительства и ввести на территорию Эстонии, Латвии и Литвы дополнительные советские воинские контингенты. С утра 17 июня правительства этих стран подали в отставку, и одновременно был произведен массированный ввод советских войск, по договоренности с командованием эстонской, латвийской и литовской армий, на территорию Эстонии, Латвии и Литвы⁴¹⁹.

После соглашения правительства СССР с правительствами Эстонии, Латвии и Литвы, корабли и части Краснознаменного Балтийского флота по сигналу приступили к

выполнению поставленных задач. В 6 ч. утра 17 июня 21 мосто-восстановительный батальон занял территорию Сууропской береговой батареи, в 6 ч. 30 мин. был высажен десант со сторожевых и торпедных катеров и занят остров Вульф (Аэгна), в 7 ч. 05 мин. был высажен десант и занят остров Нарген (Найссаар), а в 7 ч. 40 мин. сводным батальоном Учебного отряда КБФ были заняты минная гавань и флотские казармы в Таллине⁴²⁰. Корабли флота также не замедлили занять новые стоянки. В частности, линкор «Октябрьская революция», 3-й дивизион эсминцев и дивизион сторожевых кораблей стали на якорь на Таллинском рейде, а в 8 ч. 17 июня эсминец «Гордый», подлодки «С-1» и «С-3» стали на якорь на Усть-Двинском рейде⁴²¹.

Командование ВМФ не замедлило воспользоваться полученными базами и уже 22 июня 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов отдал приказ № 00159, где, ссылаясь на постановления Комитета обороны № 267сс/ов от 20 июня, потребовал от Военного совета КБФ «перейти на базирование из Кронштадта в Палдиски вместе с частью штаба флота и Политуправления, в течение ближайших 3-х месяцев»⁴²². Полный перевод всех органов управления флотом в Таллин–Палдиски планировалось осуществить в течение 1940 г.⁴²³.

Таким образом, в течение всего лишь нескольких дней Советский Союз фактически оккупировал территории всех трех республик Прибалтики, а Краснознаменный Балтийский флот расширил свой оперативный плацдарм почти в 10 раз. В то же время, важно подчеркнуть, что проблема с Прибалтикой была решена Советским Союзом практически бескровным путем, причем с обеих сторон. Сопротивления со стороны Вооруженных сил Эстонии, Латвии и Литвы оказано не было.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

С.А. Бельский

Новые находки средневековой древности на Карельском перешейке

Об археологических памятниках эпохи Средневековья на Карельском перешейке уже существует достаточно обильная научно-исследовательская литература, опирающаяся на весьма добротный экспедиционный материал.⁴²⁴ Однако до сих пор еще есть очевидные условия для соответствующего пополнения сведений об истории восточной части Карельского перешейка из новых археологических изысканий.

Знакомство, в частности, с коллекциями Приозерского краеведческого музея является тому достаточно убедительным доказательством. Совсем недавно этому музею удалось получить серию артефактов эпохи раннего средневековья, явно происходящих из археологических комплексов. Эти вещи были переданы в музей группой краеведов-любителей из поселка Сосново (Рауту). Учитывая, что данная коллекция представляет несомненную научную ценность, а также, принимая во внимание насущную необходимость выявления и контроля «над любыми несанкционированными действиями, могущими повлечь за собой ущерб для археологических памятников», встала необходимость установить контакт с этими археологами-любителями и выяснить подробности их деятельности, а также местоположение объектов, на которых были обнаружены артефакты.

При посещении поселка Сосново, выяснилось, что живущие здесь краеведы-любители состоят в «Санкт-Петербургском историко-изыскательском обществе». Они с готовностью показали все пункты, где были обнаружены археологические предметы и передали еще ряд артефактов. После же посещения пунктов находок выяснилось, что этой группой краеведов были вообще открыты ранее не известные памятники. В результате, уже благодаря деятельности соответствующих специалистов, стало возможным произвести археологическую фиксацию выявленных объектов.

Первым объектом стало место предполагаемого могильника в районе поселка Луговое (Васкела), где весной 2004 г. были собраны следующие артефакты: овальная фибула (тип 51 по Я. Петерсену);⁴²⁵ овальная «карельская» фибула (тип. Н по Ю. Аилио)⁴²⁶; равноплечная фибула (группа 7 по Э.Кивикоски)⁴²⁷ и два обломка бронзового гребня.

Данный комплекс находок характерен для погребальных комплексов Карелии и Карельского перешейка эпохи викингов и Крестовых походов (по принятой периодизации

для этого регионального круга древностей). Исключение составляет лишь скорлупообразная фибула типа Я.П. 51. Находки фибул такого типа не были известны до настоящего времени на Карельском перешейке. В виду относительно ранней датировки отдельных находок (скорлупообразной и равноплечной фибул) можно предполагать наличие здесь могильника с погребениями по обряду трупосожжения под или внутри каменных кладок, характерного для населения Карельского перешейка эпохи викингов. В целом, могильник может быть датирован X – XIII веками. В качестве ближайшей аналогии можно отметить группу находок из могильников у бывшей деревни Кирвесмяки на восточном берегу Суходольского озера, у истока реки Бурной⁴²⁸.

Вторым выявленным объектом стало селище, расположенное у озера Купова. Здесь той же группой краеведов-любителей была собрана коллекция из 1-й серебряной и 12-и медных шведских монет XVII века (Карл XI, 1 эрэ, 1674 г., 4-ре монеты королевы Кристины ¼ эре 1635 г. и 7-мь монет Карла XI 1/6 эре 1666 и 1675 гг.)⁴²⁹, и одной серебряной полушки Ивана IV⁴³⁰.

При посещении места находки выяснилось, что здесь располагается селище, выявленное по распространению культурного слоя в виде мешанного темного гумусированного суглинка, в котором встречаются небольшие фрагменты глиняных сосудов, черепицы, обожженные камни и шлаки. Культурный слой был выявлен в противопожарной канаве, идущей по кромке леса вдоль поля, в осыпи старой грунтовой дороги и в многочисленных кротовинах. Там же были обнаружены семь показательных фрагментов типичной позднесредневековой гончарной керамики, имеющей общую датировку для Северо-Запада XV-XVII века. Общая площадь селища, вероятно, не превышает 0,5 га. Культурный слой значительно разрушен и перемешан распашкой, производившейся здесь вплоть до недавнего времени. По всей видимости, данный археологический памятник представляет собой остатки небольшой отдельной усадьбы или малодворной деревни, характерной для Карелии в это время. Несмотря на его значительные разрушения, фиксация памятника важна в контексте изучения поселенческих древностей Карельского перешейка Средневековья – Нового времени, которых на настоящее время выявлено относительно немного, а исследовано еще меньше.

Третьим объектом стало место предполагаемого могильника, также расположенного в районе озера Купова. Здесь были найдены бронзовая круглая привеска с прорезями⁴³¹ и бронзовая дужка от котла. Подобные вещи характерны для погребального инвентаря

карельских могильников эпохи Крестовых походов. Также подобный рельеф (южный склон холма или гряды, близость водоема) весьма типичен для их местоположения.

Интересный объект был зафиксирован в районе деревни Кривко (Вехмайнен). Здесь был отмечен ритуальный камень с чашечными углублениями. Большой гранитный валун размерами приблизительно 3,5 на 1,5 м. расположен в типичном для подобных объектов ландшафте – на хорошо просматриваемой небольшой возвышенности на поле, в центре древнего аграрного района. На покатой вершине валуна были отмечены более двадцати углублений круглой или овальной формы диаметром до 6 см. глубиной до 5 см. Согласно общепринятому мнению, подобные ритуальные объекты связаны с карельскими поселенческими центрами и скоплениями могильников. Примером таких археологических комплексов может служить группа памятников у деревни Ольховка (Лапинлахти), расположенная в нескольких километрах к северу от рассматриваемого объекта.

Таким образом, летом 2004 г. были зафиксированы новые памятники эпохи Средневековья на Карельском перешейке при помощи людей, интересующихся историей края. Следует заметить, что традиция сотрудничества профессиональных археологов и краеведов-любителей имеет в данном регионе длинную историю, начиная с работ Т. Швиндта, С. Пяльси, А. Европеуса и многих других финляндских исследователей. Большинство изученных ими памятников всех эпох были найдены при случайных обстоятельствах местными жителями. Такая деятельность краеведов позитивна и ей не следует пренебрегать. С другой стороны, однако, серьезнейшей проблемой являются грабительские раскопки с целью наживы за счет продажи древних артефактов. Данное явление интенсивно распространяется сейчас по всей территории России и не является чем-то неизвестным и в других странах. На наш взгляд, помимо фискально-карательных методов борьбы с такими преступлениями, не менее действенными являются просветительские. В том числе, сотрудничество профессиональных археологов и местных любителей имеет позитивное значение в деле выявления и охраны культурного наследия.

**Публикации императорской Академии наук как источник о русско-шведских войнах
середины и второй половины XVIII в.**

В XVIII веке после окончания Северной войны внешняя политика Швеции была направлена на возврат утраченных земель в Прибалтике и Ингерманландии. К концу 30-х гг. не без помощи Франции был создан враждебный фронт России в составе Швеции и Турции. В 1740-1741 гг. шведский риксдаг выделил денежные средства на подготовку и ведение войны с Россией, а в июле 1741 г. была объявлена война России. Шведам, казалось, что они выбрали удачный момент для военных действий - смену императриц на российском троне - после смерти Анны Иоановны во власть вступила дочь Петра I Елизавета Петровна. Шведские политики полагали, что при военном вмешательстве это был удобный случай для возврата Прибалтики. Но шведские войска не были подготовлены, приграничные крепости Вильманstrand и Фридрихсгам не имели необходимых военно-инженерных сооружений.

Русской армией командовал П.П. Ласси и уже в августе 1741 г. военный отряд генерала К. Врангеля был разгромлен и крепость Вильманstrand была взята русскими.

Летом 1742 г. военные действия возобновились. В июне без боя была взята русскими войском крепость Фридрихсгам, а в августе армия фельдмаршала Ш.Э Левенгаупта оказалась окруженной и капитулировала в Гельсингфорсе. Шведская армия, таким образом, потерпела крупное поражение. В Швеции среди крестьянского населения, а также среди солдат начались антивоенные выступления, получившие название «Большая даларнская пляска».⁴³² Шведское правительство, возглавляемое партией «шляп» вынуждено было продолжить в городе Або начавшиеся в конце 1741 г. мирные переговоры с Россией. Но, поскольку шведская сторона не шла на предлагаемые Россией уступки, к берегам Швеции двинулся русский флот, и после этого 7 августа 1743 г. был подписан Абоский мирный трактат, установивший между странами «вечный мир и дружбы». К России отошла юго-восточная часть Финляндии с Фридрихсгамом, Вильмандстандом и Нейшлотом. Граница устанавливалась по реке Кюммене. Для правящей коалиции "шляпы" территориальные потери были незначительными, но Швеция обязалась избрать на престол после бездетного Фредерика I родственника Елизаветы Петровны Адольфа Фредерика Гольштейн-Готторпского (Адольфа Фредрика).⁴³³

Вторая русско-шведская война (1788-1790 гг.) состоялась в период царствования Екатерины II и Густава III. Не вдаваясь в подробности внутренней и внешней политики Густава III, отметим, что шведский король стремился к реваншу - к возврату территорий,

утерянных по Ништадскому (1721 г.) и Абоскому (1743 г.) договорам. Шведский король, выбрав, как ему казалось, благоприятный момент, а именно нахождение России в состоянии войны с Турцией (1787-1791 гг.) начал новую войну. Однако уже первое морское сражение у острова Гогланда в Финском заливе в июле 1788 г. не принесло удачи ни шведам, ни русским. Осады шведами Нейшлота, Вильмандстанда и Фридрихсгама в 1788 г. для шведов были безрезультатными. Шведские офицеры тогда были склонны к скорейшему примирению с Россией. Морские сражения под Выборгом и в Свенсксунде не принесли очевидного успеха обеим сторонам и в августе 1790 г. был заключён Верельский мир, по которому был восстановлен статус-кво в отношении российско-шведской границы.⁴³⁴ Таким образом, несмотря на все попытки шведов вернуть утраченные в результате Северной войны земли, они этого так и не смогли сделать.

Ни до, ни после XVIII столетия между Россией и Швецией не было ни столь кровопролитных войн. В результате этих войн значительное число шведов оказалось на территории России, попав туда в качестве пленных. Определённая их часть обосновалась затем в различных областях Российской империи. Кроме того шел процесс развития научных и культурных связей между обоими государствами (особенно между Академиями наук). Безусловно, интерес вызывают публикации в Швеции, относящиеся к периоду указанных двух военных столкновений. Их можно разделить на русофобские и русофильские. Публицистика русофобская поддерживалась партией «шляп», а затем уже и королем Густавом III (особенно после конца 1770-х гг.). Русофильские печатные издания в 1720-е гг. были близки «голштинцам», партии «колпаков», а в годы войн 1741-1743 гг. и 1788-1790 гг. - русскому командованию.⁴³⁵

Тема России, её внешняя политика и русско-шведские отношения широко обсуждались шведскими публицистами уже в период Северной войны. К этим же вопросам привлекалось внимание в канун и во время войны 1741-1743 гг. Тогда, в частности, появились «Саги о лошади» шведского поэта и публициста У. Далина (1740 г.) и «Песня о Синклере» Андреса Одуля (1739 г.) В тот момент большой интерес вызывал переворот 1741 г. в России и восшествие на престол дочери Петра I Елизаветы Петровны.⁴³⁶

В последующие десятилетия в стокгольмских журналах «Swenska Mercurius», «Stats-Journal» освещалась внутренняя и внешняя политика России, новости науки и культуры. Наиболее русофильские настроения в шведской печати (в журнале «Stockholms lärde tidningar») отмечаются в период посещения Густавом III в 1777 г. столицы России и избрание его в Петербургскую академию наук.⁴³⁷

Но уже с середины 1789-х гг. направленность публикаций меняется. Она становится наиболее официозными в годы шведско-русской войны 1788-1790 гг. В это время «войну перьев» возглавляли монархи - Екатерина II и Густав III. Под руководством шведского короля публикуются памфлеты, баллады, басни, оды и прочее, в которых оправдывается агрессия Швеции против России, обвиняется в упадке Швеции во времена «эры свобод» также Россию и, наконец, выдвигается идея создания антирусской коалиции.⁴³⁸ Но после подписания мирного договора в августе 1790 г. в шведских журналах «*Almänna Tidningar*» и «*Stockholm Posten*» образ противника исчезает и при стимулировании со стороны Густава III появились публикации о великодушном отношении русских к шведам, а для обмена ратификационными грамотами король повелел соорудить Алтарь дружбы, украшенный щитами и инициалами шведского короля и российской императрицы.⁴³⁹

Как же в России отражались в печати ход и последствия войн 1741-1743-х и 1788-1790-х гг.?

В 1702 г. по указу Петра I в России была создана газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Затем в 1724 г., когда в Российском Сенате состоялось подписание «определение об Академии», то через 3 года, в 1727 г., основывалась при ней типография. И с этого года по 1884 г. издание газеты «Санкт-Петербургские ведомости» находится в ведении этого научного учреждения. Газета в те годы выходила на русском и иностранных языках.⁴⁴⁰

Эта крупнейшая, и первоначально единственная в России газета отражала важнейшие события того времени. И, конечно, мимо её внимания не могли пройти события войны 1741-1743 гг., о которых шла речь в примечаниях «Санкт-Петербургских ведомостей».

Абстрагируясь от полного воспроизведения публикаций, остановимся на кратком содержании и отдельных положениях, опубликованных в период военных действий.

Итак, в 1741 г. содержались в газете следующие новости:

«Обстоятельная реляция Генерала фельдмаршала графа фон Лессия тому, что после его отъезду из Санкт-Петербурга, и во время отсутствия его при действующем на шведских границах корпусе происходило». В «Реляции» было указано, что 5 часу 16 августа граф фон Лесси выехал в Выборг, куда прибыл на следующий день. Затем же, 19 августа, вместе с генералом Кейтаром начался осмотр артиллерии и фортификационных укреплений. При этом тогда они уже получили конкретные сведения о противнике. От взятого в плен шведского солдата они узнали, что у пограничной крепости Вильманstrand находится 11000 человек. При чем кроме находившегося в крепости гарнизона, состоявшего из пехотного полка, шести драгунских рот и одной роты артиллерийского полка никаких других войск там не было.

Далее в публикации даётся подробное описание взятия крепости, которое продолжалось «от 2 до 7 часов пополудни». Убитых шведов было 4000, в плен были взяты генерал Врангель, полковник Билтеин, Виллебранд, Грипенгельм, подполковники граф Вассебург, Брандебург, Амминов. Российским солдатам, штурмовавшим город «равномерно» раздали золотые и серебряные монеты, серебряную посуду, провиант и одежду. Заканчивалась «Реляция» словами «По которому малому числу с нашей стороны урону противу неприятелей, дарованную от бога праведному Его императорскому величества оружию победу, толь наиважнейшею и знатнейшею признать надлежит».

Публикация этого номера завершалась следующей заметкой: «Для известия. План крепости Вильманстранд и ордер баталии российского императорского войска на меди вырезанные, в книжной палате по 10 копеек продаются».

В следующем номере примечаний опубликован «Журнал о происхождениях и действиях победоносного Ея Императорского Величества оружия, против вероломного неприятеля Шведа, году благополучнейшаго 1742 г.

По высочайшему Ея Императорского величества всемилостивейшему именному указу февраля 21 дня состоявшемуся, повелено к генералу фельдмаршалу к кавалеру рейсхграфу фон Лессий, призвав всех благ дателя бога в помощь, воинские действия противу неприятеля начать, и паки производить того февраля 28, дабы оной неприятель к прямому желаемого мира склонению принуждён быть мог, дав о том прежде письменно чрез несколько дней пред начатием знать шведскому генералу Левенгаупту».

Далее даётся распоряжение о направлении из Выборга, Кексгольма и Олонца рапортов о военных действиях. 25 февраля от генерала Кейта поступает следующее сообщение: «К шведскому генералу Левенгаупту с объявлением об окончании armisticii, и пред начинанием воинских действий, того же числа в Фридрихсгам с пименным сообщением обер-квартимейстер Шнейдер отправлен»

В другом сообщении от 4 марта говорится еще о том, что получено «от Левенгаупта письмо с просьбой направить полковника Лагер-Кранца и французского капитана Шевелье де Крепп в Москву ко двору».

После этого сообщения следуют рапорты от полковника Выборгского гарнизона (200 пехотинцев) Исакова, майора Стоянова с гусарами (200 человек) о прохождении по тракту по направлению к Фридрихгаму, с сообщениями о военных действиях, количестве взятых в плен, своих потерях и сожжённых деревнях.

В феврале и в марте опубликованы поступившие рапорты от генерал-майора Фермара, полковника Себрякова, капитана Воронина, от майора Киндермана, в которых также указаны пути следования по финской территории, количестве сожжённых деревень, числе взятых в плен и убитых шведах.

Генерал-майор Фермар докладывал: «Донская казацкая команда, обращалась в неприятельской земле без всякого от неприятеля препятствия, до 140 дворов выжгли, и в добыч получили немалое число скота. А взяты там в плен шведские солдаты, к нему генерал майору приведены, точию де почти все малолетние дублирунги, и как казаки объявляют, что при взятии их и ружьём действовать не могли».⁴⁴¹

Итак, в Примечаниях ведомостей события войны публиковались на русском языке практически как сводки с фронта и давали российскому читателю довольно подробные данные о военных действиях.

В 1854 г. в публикации «Учёные Записки Императорской академии наук» вновь уделяется внимание событиям войны 1741-1743-х гг. В этом издании выделен раздел под названием «Об описании русской шведской войны 1741-1743 гг.», в котором приводится следующая информация: «а) первое описание этой войны издано в Утрехте в 1742 г.; б) в 1817 г. в Швеции издана книга "История финляндской войны в 1741-42 г.», которая представляет собой дневник шведского пастора Королевского лейб-гвардейского полка Тибурциуса, который описывает события при Вильманстранде. Кроме того, в этом разделе опубликован «Летучий листок», выпущенный русским правительством 25 августа 1741 г. сразу после известия о победе при Вильманстранде, а так же представлено первое официальное объявление о победе при Вильманстранде – «Радостное известие, полученное из финляндской армии Её Императорского Величества 25 августа 1741 г.» и другие материалы. Здесь же частично опубликованы материалы Примечаний Ведомостей 1741-1742 гг.»⁴⁴²

Несколько иного плана материалы, опубликованные относительно войны 1788-1790 гг. Они печатаются уже не в Ведомостях а в сборниках «Новейшие ежемесячные сочинения, опубликованных "Иждивением Императорской академии науки» и в сборниках драматических произведений того времени «Театр». Практически все издания на эту тему представляют собой величественные оды, песни, восхваляющие Императрицу, её мудрость победу над шведами.

Так в одном из собраний новых сочинений читаем «Песнь на победу одержанную Российским оружием над шведским галерным флотом августа 13 дня 1789», которая заканчивается следующими словами:

«в ожесточении сердец
не веря повсеместной славе
Уведать дерзости конец
Ещё ль влечётесь вы к Полтаве?»⁴⁴³

В другом издании опубликована патриотическая песня следующего содержания:

«Прочь вы шведы удалитесь
нам ружьё не показав
Знайτε вы и все страшитесь
Против вас сам Пушкин граф
Мы идём с ним на сражение
 Словно как идём на пир
 Исполняем Той веленье,
 Кой дивится целый мир
Полетим мы против шведа
То покажем свою мочь
Мы накажем зла соседа
Утром в полден и в полночь
 Он осмелился встревожить
 Нашей матери покой
 Как нам злобы умножить!
 Как ек жертвовать собой»⁴⁴⁴

В издаваемой также Академией наук книге «Театр» опубликовано драматическое произведение «Пролог на случай победы приобретённой над шведами 1790 года июня 22 дня» Никлая Эмина, в котором представлен Олимп, все боги которого прославляют богиню Фелицу, олицетворяющую Екатерину II, при этом ведётся рассказ о победоносных сражениях над готами-шведами.⁴⁴⁵

И, наконец, нельзя не упомянуть «Оду на Высочайшее в Санкт-Петербурге прибытие к торжеству о мире с Королём Шведским Императрицы Екатерины II, 1790 августа 15 дня», сочинённой великим Г. Державиным в честь заключения мира.⁴⁴⁶ В этом произведении Екатерина II воспевается во всех ипостасях, и как в указанных шведских сочинениях Густава III при подписании мира, в «Оде» Державина чувствуется дух примирения с бывшим врагом:

«Народ колеблется как волны
Течёт везде веселья полный
Врагов целует и друзей
По стогам гласы раздаются
В домах нежнейше слёзы льются
Объмлют жен, отцов, детей

О.вы, носяще душу львину
 Герои любящие бой
 Смотрите на сию картину
 Сравните вы её с войной;
 Там всюду ужас, стон и крики,
 здесь всюду радость, плеск и лики,
 там смерть, болезнь - здесь жизнь, любовь.

Я вижу убиенных тени,
 и слышу вам их грозны пение:
 Вы пролили невинну кровь»⁴⁴⁷

Здесь практически все материалы изданий Академии наук, посвященные рассматриваемой теме. Как было указано ниже, некоторые материалы о войне 1741-1743 гг. были освещены и в издании 1854 г., а комическая опера Екатерины II «Горе-богатырь», в которой императрица направила острие своего слова против шведов, было напечатано в Журнале Министерства народного просвещения в 1870 г.⁴⁴⁸ В XVIII веке издания Академии наук были важнейшим источником информации о русско-шведских отношениях того периода, а события были представлены в различных формах- 1740-е гг. публиковались рапорты участников военных событий, в 1788-1790-е гг. описание военных действий принимает поэтические и аллегорические формы, воспитывающие патриотические чувства читателя.

К вопросу об особенностях исследования партизанского движения в Финляндии в период русско-шведской войны 1808—1809 годов на примере российской историографии XIX—XX вв.

Проблема партизанского движения в период русско-шведской войны 1808—1809 гг. мало разрабатывалась историками и нет специально посвященных ей трудов. Но историки, освещавшие эту войну, так или иначе касаются в ходе нее партизанского движения. Полезно под этим углом зрения проанализировать прежде всего работы тех историков и военных деятелей, которые непосредственно затрагивали сюжеты русско-шведской войны 1808—1809 гг.⁴⁴⁹ При этом следует коснуться ряда трудностей в разработке данного вопроса.

В первую очередь, важно обратиться к самому термину «партизан». В толковом словаре русского языка можно найти следующее определение: «Партизан—член **народного** вооруженного отряда, самостоятельно действующий в тылу врага».⁴⁵⁰ Сразу же необходимо отметить то, что под понятием «партизаны» имеются в виду многими также **регулярные** отряды армии, которые действует во вражеском тылу.

Таким образом, можно выделить: партизан, являвшихся солдатами регулярных войск, действовавших в тылу противника под руководством армейского командования, и партизан из местного населения, примкнувшего к регулярным войскам. Кроме того необходимо учитывать и другую категорию партизан – людей сугубо гражданских, которые в условиях войны действуют против войск противника, но обособленно от своих регулярных войск и которых могли возглавлять как лица, обученные военному делу, так и просто активисты «из народа».

При этом естественно, что «народные партизаны» и партизаны из регулярных войск имели свои отличия. Это выражалось прежде всего в том, что при взятии в плен неприятелем к солдатам регулярных войск относились как к военнопленным, а не как к лазутчикам, и их могли отпустить. К партизанам же из гражданского населения отношение было гораздо более жестокое—их рассматривали как изменников и предателей. Различие было и в отношении к неприятелю: партизаны из местных жителей отличались особой жестокостью, а партизаны из регулярных войск вели себя гораздо более гуманно.

Характер источников, из которых можно почерпнуть сведения о стычках с неприятелем, тоже различен. О действиях партизан из регулярных войск можно узнать по донесениям своих командиров или по сведениям противника, а также из донесений о своих действиях самих же партизан. Но обычно, однако, эти данные не всегда бывали объективны.

Сообщения о достигнутых успехах могли быть нередко преувеличены, а результаты достижений противника, наоборот - занижены⁴⁵¹.

С другой стороны, о действиях народных партизан сведений вообще значительно меньше. При этом они зачастую носят крайне отрывочный характер⁴⁵², поскольку при победе регулярных войск над отрядом, состоящим из нескольких партизанами, могли даже не упомянуть, не придав этому большого значения. При поражении же от партизан командиру армейского подразделения гораздо выгоднее было представить его своему начальству как неудачу, постигшую его войска в результате боя с регулярным отрядом неприятеля, нежели чем сообщить, что он потерпел неудачу от столкновения с небольшим отрядом плохо вооруженных и необученных людей. В свою очередь, при победе партизанского отряда над неприятелем, следовала жестокая расправа со своими врагами. Случалось, что потерпевшие поражения войска поголовно вырезались, после чего уже никто не мог сообщить о подробностях произошедшего.

При изучении источника к тому же крайне важно иметь в виду его происхождение, а также когда он появился. При это скажем, шведским и финляндским авторам гораздо ближе та идея, что финны, как население Шведского королевства, воевали против русских, а не встречали их как освободителей, следовательно, сведения о партизанском движении могут быть преувеличены⁴⁵³. Русские же историки предпочитают, на сколько это возможно, умалчивать о народном движении против войск России, и сведения могут оказаться преуменьшенными⁴⁵⁴.

При рассмотрении событий войны 1808—1809 гг. в первую очередь следует отметить, что в основном боевые действия происходили на территории Финляндии. При рассмотрении ландшафтов Финляндии (густых лесов, озерных) систем становится ясно, что главное для успеха в боевых действиях—не численное превосходство, а умение действовать небольшими отрядами, причем командиры этих отрядов должны быть готовы к тому, что связь с главнокомандующим не всегда будет доступна, а отряд может оказаться оторванным от остальных войск, и, следовательно, придется действовать сугубо автономно.⁴⁵⁵ В этом случае нужна их особая подготовка. Командованию в то время следовало учитывать и то, что придется организовывать подвоз в тыл продовольствия и фуража, так как местных ресурсов могло не доставать, и, к тому же, это могло вызвать недовольства местного населения. И всё это указывало на то, насколько важную роль здесь играло местное население.⁴⁵⁶

Авторы зачастую не проводили грани между партизанами регулярных войск и народными партизанами, делая акцент на так называемую «народную войну»—действия местного населения против русских солдат.

Кроме того, все отмечали и то, что местное население зачастую примыкало к регулярным войскам, и отряды становились «полународными». В частности, А.И. Михайловский-Данилевский в своем труде приводит следующие данные. «При каждом отделении войск находились толпы вооруженных крестьян, получавших с половины июля [1808 г.] продовольствие от казны, то есть от тех генералов, под начальством которых они состояли. Число этих крестьян из-за постоянного изменения осталось неизвестным. Из имевшихся сведений видно, что у графа Клингспора их было 6.000, у Г.К. фон-Дёбельна—1.500, у И.А. Сандельса—2.000, в том числе много карельских стрелков, но за верность итога ручаться нельзя. Сличая его с показаниями шведских и финских писателей, он оказывается преувеличенным, хотя впрочем, ни один из сих писателей не означает, сколько именно и при каком отряде состояло вооруженных обывателей».⁴⁵⁷

Его сведения—наиболее полные, а сам материал написан в 1840-е гг., достаточно скоро после окончания войны. Последующие же историки, скорее всего, опирались в освещении этого вопроса именно на А.И. Михайловского-Данилевского. Кроме того, у исследователей есть ссылки на донесения русских командиров. Но все они очень расплывчаты, что не дает ясной картины происходившего.

Нужно также заметить, что многие авторы вместо того, чтобы уточнять, что действовал партизанский отряд (регулярный или народный), просто пишут: «Бригада командира... действовала...». Например, «бригада полковника фон Фиандта с сильной партией в районе Куопио»⁴⁵⁸, или «бригада Сандельса в районе Куопио»⁴⁵⁹. То есть, не имея специальных сведений о том, что те лица командовали отрядами партизан, не возникнет сомнения в том, что это—регулярные войска. В основном, эту особенность имеет труд П.К. Сухтелена.

Часто в трудах отдельных авторов один и тот же партизанский отряд может выступать то в качестве регулярного, то в качестве народного. Это относится, например, к Саволакской бригаде под командованием К.О. Кронстедта. В разных работах ее квалифицируют и как частью регулярных войск, и как партизанский отряд. В частности, П.А. Ниве отмечает, что это был партизанский отряд, состоящий из 4.000 человек⁴⁶⁰, а П.К. Сухтелен упоминает Саволакскую бригаду только как бригаду Кронстедта⁴⁶¹, без уточнений. Или, например, тот же П.К. Сухтелен отмечает, что после Саволакского сражения отряд русских, следовавший за

Булатовым, 20 апреля (2 мая) был окружен в Пулкиле «полковником Сандельсом».⁴⁶² И снова никаких четких доказательств, что же представлял собой за отряд, которым командовал Сандельс.

Однако, в труде о русско-шведской войне 1808—1809 гг., подготовленном военно-историческим отделом шведского генерального штаба, приводятся конкретные данные о численности шведских войск на 20 июля 1808 г.: главные силы Клингспора у Салми—5.000 человек; боковой авангард Дёбельна у Кухайоки—2.300 человек; боковой авангард Гюленбюгеля—1.300 человек; боковой авангард Фиандта у Линтулакса—1.700 человек; Сандельс на Тайвольской позиции—1.700 человек; у Мальме—300 человек; на Аландах под личным начальством короля—4000 человек. Всего 16300 человек. Такова численность войск без подразделений шхерного флота и тыловых частей Улеборга. И это лишь регулярные кадры. К ним присоединяется народное финское ополчение и многочисленные партизанские группировки, и, следовательно, общая численность вооруженных отрядов могла увеличиться примерно в 2 раза.⁴⁶³ Эти данные ценны тем, что по ним можно более-менее разграничить регулярные партизанские силы, к которым присоединялись повстанцы (такие, как отряды И.А. Сандельса, а также другие) и чисто народные партизанские подразделения, которые не вошли в перечень регулярных—отряды Тиайнена и других финских народных лидеров.

Следует отметить, что мнения авторов расходятся и в том, насколько массовый характер носило народное движение вообще и партизанская война в частности. При этом регулярные партизанские войска надо оставить в стороне, так как из вышесказанного ясно, что они были, и действовали по всей территории Финляндии. Отряды были как русские, так и шведские. Главным представляется дать характеристику именно движению финского гражданского населения.

Большинство исследователей и мемуаристов сходятся в том, что выступления среди гражданского населения носило чисто стихийный характер, но имело значительный размах.⁴⁶⁴ Однако этому утверждению противостоит мнение историка из Петрозаводска И.И. Кяйвярайнена, который активно доказывает, что «никакого общенационального антирусского подъема не было, а вспышки партизанской войны имели место, главным образом, среди прибогнических и Аландских шведов».⁴⁶⁵ Он говорит так: «Известно, что общая численность партизан, включая добровольцев, действующих в составе шведских регулярных частей, была незначительной и составляла, даже по раздутым сведениям русского командования, менее 1% общего количества населения Финляндии».⁴⁶⁶

Ссылаясь на сведения штаба Ф.Ф. Буксгевдена относящиеся к лету 1808 г., А.И. Кяйвяряйнен отмечает, что отряды Клингспора, Дёбельна и Сандельса имели в совокупности до 9.000 добровольцев из местных жителей. Обращаясь также и к работе Михайловского-Данилевского, не отрицавшего партизанского движения, Кяйвяряйнен интерпретирует его сведения по-своему: «Михайловский-Данилевский, ссылаясь на финских писателей, считает эту цифру в высшей степени преувеличенной». Но, руководствуясь лишь работой Кяйвяряйнена, не прибегая к изучению монографии Михайловского-Данилевского, можно подумать, что и тот отрицает партизанское движение, тогда как это не так. Кяйвяряйнен отмечает и то, что до сих пор не выяснено, сколько из партизан являлось добровольцами, и сколько представляло собой отоброулизованных шведскими вербовщиками. Известно лишь то, что и те, и другие назывались в армии Клингспора «вооруженными крестьянами»⁴⁶⁷.

Кроме того, Кяйвяряйнен отмечает, что восстания вообще не было. «За все время так называемой «народной войны», - отмечает он, - не было зафиксировано со стороны партизан ни одной сколько-нибудь значительной операции против русских войск, за исключением капитуляции Вуича на Аланде. В большинстве случаев сопротивление носило пассивный характер, когда крестьяне прятали свой скот и имущество в леса, или приобретало форму мелких нападений на неохранные обозы или продовольственные склады. Если бы так называемая «народная война» носила такой всеобщий характер, как о ней говорят проповедники исконности русско-финляндской вражды, то что могло бы помешать почти миллионному населению Финляндии уничтожить 20.000-е русское войско, распыленное малочисленными группами по огромной стране? Наоборот, финны сотрудничали с русскими: сдавали города, крепости»⁴⁶⁸ и т.д.

Вообще же, позиция Кяйвяряйнена выглядит вполне обоснованной. Более того, с ней во многом сходится и мнение историка Г. Захарова, который отмечает, что восстанием были охвачены лишь отдельные районы, где влияние шведов было наиболее сильным. Также Захаров обращает внимание на то, что имелись случаи, когда вооруженные крестьяне выступали против шведских помещиков, и правительству Швеции приходилось подавлять такие выступления силой оружия.⁴⁶⁹

Во многом эти существующие взгляды еще опирались на те представления, которые сложились в российской историографии до 1917 г. Так, в частности, М. Спренгпортен отмечает, что разгоравшееся партизанское движение не имело поводов, так как насилие и грабеж со стороны русских были наказуемы.⁴⁷⁰ М.М. Бородкин также отмечает, что у финнов

изначально, еще со времен Петра I, было предубеждение против русских, и слово «gysse» для них было равнозначно слову «варвар». Но тут же Бородкин указывает и на то, что и в России, и в Финляндии, отмечали добродушие русских солдат, из которых больше всего вольностей позволяли себе казаки. Для того, чтобы не вызывать недовольств местного населения, из России в Финляндию направляли провизию, а русским солдатам строжайше запрещалось изымать продукты у финнов. Изначально крестьяне не смели сопротивляться русским, считая их непобедимыми.⁴⁷¹ Но постепенно победоносное движение сменилось первыми неудачами, и озлобление росло. И росло партизанское движение. Хотя во время редких перемирий русские сближались и братались со шведами и финнами из числа мирных жителей.⁴⁷²

По описаниям Бородкина и Михайловского-Данилевского, «крестьянскими шайками» руководили случайные люди: отставные унтер-офицеры и солдаты, школьные учителя, пасторы, но чаще всего—лица, выдвинувшиеся из той же крестьянской среды. Иногда во главе сопротивления становились офицеры (например, Мальт, Якобсон и др.), но в основном, командовала «чернь» - «торпари», «бобыли», особенно из приморских деревень, где они ничем не рисковали. Крестьяне не хотели повиноваться приказам временного или случайного начальства и по своему усмотрению ходили по окрестностям, вылавливая русских и их «друзей»—финнов, присягнувших Александру I. Немало доставалось от них даже привилегированным слоям—пасторам, земской полиции и другим. Их либо убивали, либо представляли на суд своих военачальников. Поэтому блюстители порядка нередко спасались бегством. Вследствие этого общественные связи обрывались, и воцарялся хаос.

Последствия действий «банд» стала причиной их ослабления и скорого исчезновения. Натиск регулярных войск обычно вызывал нарушение обычного порядка и обращал крестьян в бегство. Из-за хаотичных проявлений со стороны крестьянской толпы шведским офицерам приходилось так трудно, что они пытались отмежеваться от партизан. Но даже уйти было нелегко: крестьяне не отпускали офицеров и солдат даже под страхом смерти. В одиночку и в засаде крестьяне представляли серьезную опасность, так как часто являлись хорошими стрелками и выносливыми работниками.

Вооружались восставшие, чем могли: охотничьими ружьями, дубинами, копьями, топорами, косами и даже простыми заостренными кольями, к палкам они привязывали свои ножи ruukko. Шведы не могли обеспечить крестьян оружием. Они разъезжали на лошадях по всем дорогам и «устраивали бесчинства».⁴⁷³

Естественно, возникает вопрос: Можно ли рассматривать народные проявления партизанское движение?

При тщательном изучении литературы можно все же заключить, что партизанское движение в рассматриваемый отрезок времени существовало. Причем, действовали как партизаны регулярных войск, так и добровольцы из народа. Менее ясно, однако, какие масштабы это движение имело. Скорее всего, надо согласиться с большинством авторов, которые указывают на то, что народная война приняла всеобщий характер, ведь заключения современников этой войны—Михайловского-Данилевского и Сухтелена могут быть восприняты как наиболее достоверные.

Во многом движение связано с тем, что больше всего в русско-шведской войне 1808—1809 гг. пострадало именно финское население. Почти все боевые действия велись на территории Финляндии. Шведское же руководство на всем протяжении боевых действий вело явно шовинистическую пропаганду и натравливало финнов против русских. Жертвы среди простого населения зачастую являлись следствием амбиционной политики руководства Швеции.

При этом следует заметить, что партизанская война была гораздо более жестокой, чем действия регулярных войск. С одной стороны, боевые действия велись ожесточившимся в ходе войны местным населением, с другой—русскими солдатами, которыми руководило чувство мести за погибших от рук финнов своих сослуживцев. Иногда лишь вмешательства высшего начальства могли предотвратить кровавые последствия. По выражению М.М. Бородкина, финское население как будто не понимало, что и русские воины—тоже люди.⁴⁷⁴

Почему же русское командование медлило с принятием мер противодействия при наведении порядка на Финской территории? Тому было целый ряд причин. Главными из них являлись следующие: недостаток для этого войска и существующая угроза для финского побережья со стороны шведских боевых кораблей.⁴⁷⁵ К тому же, главнокомандующий Ф.Ф. Буксгевден, находясь в Южной Финляндии, между Гельсингфорсом и Або, не видел настоящих нужд войска и не имел понятия о реальном положении дел. Донесения о народном сопротивлении он считал преувеличенными и рассматривал успехи партизан как следствие неосторожности русских солдат. «Народным волнениям» он пытался противодействовать путем прокламаций и приведением к присяге, но должного эффекта это не давало.⁴⁷⁶

Последствия партизанской войны были чувствительными не только для России, но и для самого финского народа. Это большое количество погибших, разоренные деревни и т.д.

причем показательно, что в финляндском фольклоре и финской национальной литературе навсегда останутся образы таких партизан, как Тийайнен, Дункер, Мальт и других⁴⁷⁷.

В.В. Цоффка

Финляндские страницы путевого очерка «По Швеции» Е.Л. Маркова (1835-1903)

**Созыв международной социалистической конференции в Стокгольме и
«Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (март- май 1917 г.)**

Прекращение империалистической войны было одним из основных требований революционного народа России, свергнувшего самодержавие. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов обнародовал свою внешнеполитическую программу 14 марта 1917 г. в «Манифесте...», призывавшем правительства воюющих государств к заключению мира на демократических условиях. В ближайшие дни выяснилось, что мирные инициативы русской революции не нашли отклика у правительств союзников, надеявшихся на победоносное окончание войны, захват части территории побежденных и получение контрибуции.

Не получив поддержки со стороны правительств воюющих государств лидеры Петроградского Совета обратились к идее возрождения Интернационала развалившегося с началом Первой мировой войны, для осуществления своей программы. В этих целях широко использовался орган Петроградского Совета газета «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». До 12 мая 1917 г. в редакции газеты работали левые социалисты под руководством Ю.М. Стеклова, впоследствии перешедшего к большевикам. После создания коалиционного Временного правительства газету редактировали сторонники правого большинства, и характер издания значительно изменился.

В середине апреля «Известия» опубликовали письмо датского социал-демократа Фр. Боргбьерга, сообщившего о принципах всеобщего мира выработанных конференцией скандинаво-голландских социалистов, предусматривающих в качестве одной из мер созыв социалистической конференции для обсуждения вопросов войны и мира¹. В 25 апреля 1917 г. газета сообщила, что получено согласие от фракции Ф. Шейдемана, одного из воинствующих шовинистов германского рейхстага, принять участие в международной социалистической конференции для переговоров о мире с социалистами других стран на основе отказа от аннексий и контрибуций. Такой внезапный поворот в политическом курсе наиболее шовинистического крыла германской социал-демократии газета приписала революционизирующему влиянию «Манифеста» Петроградского Совета.

30 апреля в «Известиях» было опубликовано сообщение Международной социалистической комиссии в Берне о созыве в мае конференции в Стокгольме. Ее особенностью было приглашение исключительно интернационалистских организаций,

стоящих на позиции мир без аннексий и контрибуций на основе права народов на самоопределение.

Петроградским Советом было принято обращение «К социалистам всех стран» с предложением провести социалистическую конференцию для заключения справедливого мира на известной платформе. Главной особенностью инициативы Петроградского Совета было предложение пригласить на конференцию социалистов всех оттенков от интернационалистов до оборонцев без исключения. Отчеты о заседании Совета показывают, что эта идея нашла противников в лице эсеров-максималистов и анархистов, которые голосовали против обращения и воздержавшихся при голосовании большевиков. Оппозиционные фракции считали бессмысленной попытку договариваться с заведомыми оборонцами и выступили против приглашения на конференцию главы германских социал-шовинистов Ф. Шейдемманна. Руководство Совета, располагавшее устойчивым большинством, сумело провести свою резолюцию и принять обращение.²

Важным событием в деле подготовки конференции было получение согласия делегаций Англии и Франции, представлявших оборонческое большинство социалистических партий этих стран выступить в ее поддержку. В статье «Новая победа интернационализма» опубликованной 4 мая 1917 г. «Известия» констатировали серьезные изменения, прошедшие за последнее время в международном социалистическом движении. Важнейшими среди них газета считала: усиление борьбы за мир в воюющих странах, активизацию интернационалистского меньшинства в социалистических партиях, принявших решение участвовать в конференции созываемой Бернцами, а затем и Петроградским Советом. В этих условиях делегации социалистических партий союзных государств посетивших Петроград обещали уговорить свои фракции в конференции и оказать давление на собственные правительства в деле заключения демократического мира. «Известия» отмечали, что только авторитет русской революции сделал возможным встречу социалистов воюющих государств за столом переговоров.

После обещания социалистических делегаций оказать давление на собственные правительства в деле достижения справедливого мира редакция газеты впала в эйфорию и писала о заключении мира как о деле практически решенном. В напыщенных статьях эти обещания преподносились как двойная победа революционной демократии. «Известия» были использованы для получения максимальных дивидендов от этого события.³

Первый удар был нанесен по левой оппозиции в Совете, которую обвинили в том, что, призывая опубликовать тайные договоры России в одностороннем порядке, они ведут страну

к сепаратному миру вместо всеобщего, который будет достигнут в результате политики большинства. Обещанием скорого мира в своих статьях «Известия» пытались удержать от братания с немцами уставшую армию. И, наконец, обещание английских и французских социалистов было использовано для поднятия авторитета Петроградского Совета и его международной политики, позволившей революционной демократии России остаться на позициях интернационализма. Верность выбранного пути должна были подтвердить опубликованные 7 мая выдержки из письма П.Б. Аксельрода написанного в конце марта в Цюрихе, в котором один из старейших русских социал-демократов предлагал сходные меры для достижения мира.

Можно представить себе разочарование организаторов этой кампании в «Известиях», когда они прочли, опубликованный в кадетской газете протест Тома, Гендерсона и Вандервельде против приписывания им обещания участвовать в мирной конференции⁴.

Протоколы Государственного совета Финляндии 1939-1940 гг., как источник по изучению вопросов окончания «зимней войны»

Проблема окончания советско-финляндской войны 1939-1940 гг. в политическом плане пока еще недостаточно изучена в отечественной историографии. Единственное более или менее систематическое изложение взглядов финского руководства о вопросе об окончании войны представлена в совместной работе историков России и Финляндии «Зимняя война 1939-1940. Политическая история».⁴⁷⁸ Кроме этого есть соответствующий материал, касающийся этого в мемуарах министра иностранных дел Финляндии того периода В. Таннера, переведенных на русский язык в 2003 г.⁴⁷⁹

Однако, несмотря на наличие в этих работах уже достаточно объемного изложения существа происходивших тогда внешнеполитических событий, очевидно требуется еще продолжение дальнейшего изучения указанной проблемы. Это связано с явной противоречивостью в изложении политики как Советского Союза, так и Финляндии по данному вопросу. Безусловно, до сих пор не все еще документы высших правительственных органов полностью введены в научный оборот. Так, в частности, очевидно, исследователи пока еще не смогли познакомиться в полном объеме с материалами заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) периода советско-финляндской войны, хотя из их содержания многое могло бы стать более понятным в политике советского руководства при его оценке перспектив возможного окончания «зимней войны».

В данном отношении, безусловно, однако заслуживают внимания протоколы заседаний государственного совета Финляндии 1939-1940 гг., в которых можно последовательно проследить определенную эволюцию во взглядах, представителей финского руководства на протяжении всей войны. Копии этих протоколов, выполненных в машинописном варианте и охватывающие период времени с 5 декабря 1939 г. и до конца войны, сохранилась, в частности, в Национальном архиве Финляндии (Kansallisarkisto) в документах секретаря премьер-министра страны А.Е. Тудеера.⁴⁸⁰ Кроме того, в Архиве министерства иностранных дел (Ulkoasianministeriön arkisto) они отложились также в фонде документов В. Таннера и в материалах, связанных с судом над виновниками войны. Но здесь они уже имеют фрагментарный характер и относятся лишь сугубо к завершающему периоду окончания войны, начиная с 23 февраля 1940 г.⁴⁸¹ Благодаря этому можно уже достаточно четко восстановить всю динамику процесса рассмотрения вопроса о выходе Финляндии из

войны в одном из высших руководящих органов страны. Более ясно они позволяют разобраться также в представлениях отдельных ведущих деятелей правительства Финляндии того времени и в результате составить весьма четкую картину самого хода рассмотрения вопроса о завершении войны в финском руководстве.

Сами же заседания государственного совета в декабре 1939 г., когда разгоралась война, проходили фактически ежедневно за исключением лишь воскресных дней. Однако затем его члены стали уже собираться менее регулярно. Из протоколов, которые тогда вел А. Е. Тудеер, становится ясно, что всего до окончания войны по его фиксации прошло 47 заседаний, т.е. в среднем финское руководство собиралось приблизительно через день. При этом из календарного перечня машинописной рукописи заседаний государственного совета, видно, что дважды существуют номерные пропуски (в декабре 1939 г. и в январе 1940 г.), но одновременно в марте (2.03, 12.03) заседания госсвета проходили в один день дважды.⁴⁸² Таким образом финское руководство интенсивно обсуждало возникавшие вопросы, связанные с войной. Это наблюдалось прежде всего в наиболее критические для Финляндии периоды – в декабре 1939 и в марте 1940 гг. Во многом именно тогда и обсуждались основные вопросы связанные с проблемами мирного урегулирования.

Из протоколов становится ясно, что проблема возможного окончания возникшей войны обсуждалась на заседаниях государственного совета уже в самом начале декабря. Тогда 5 декабря, уже после того, как СССР отверг посредническую инициативу Швеции, предложившей обсудить с советским руководством вопрос относительно окончания войны, у финского правительства появилась идея открыто опубликовать свое обращение с призывом к Советскому Союзу об окончании войны и более того направить его еще и в Лигу наций.

К тому же тогда начали также обсуждать возможную перспективу использовать Германию в качестве посредника для мирного урегулирования возникшей войны с СССР. В частности, выдвигалась мысль о том, чтобы вступить в прямые переговоры по этому вопросу с нацистским руководством. Конкретно речь шла о возможности встречи финских дипломатов с благосклонно относившимся к Финляндии Г. Герингу или даже установления непосредственных контактов с А. Гитлером.⁴⁸³ Это затем стало обсуждаться еще и на последующих заседаниях госсвета,⁴⁸⁴ что указывало, по крайней мере, на два обстоятельства. Во-первых, в Хельсинки явно учитывали благожелательные отношения, которые сложились между Москвой и Берлином, но, с другой стороны, слабо представляли сущность пакта Молотова-Риббентропа и поэтому стремились опираться в отношениях с Германией на свои традиционно-дружественные связи.

Однако, из протоколов заседаний видно, что по мере того, как война стала затягиваться, а финская армия явно начала добиваться определенных позитивных для себя результатов в противостоянии советским войскам, обсуждения у руководства Финляндии мирных проблем заметно уже уступило место другим вопросам. Теперь, по мнению Ю. К. Паасикиви, «положение стало развиваться так, что Сталину надо напрягаться во всем, чтобы русская армия не понесла поражение в боях против маленькой Финляндии, в противном случае авторитет большевизма падет в глазах всего мира».⁴⁸⁵ Учитывая это, а также достаточно благоприятную для себя международную обстановку, финское руководство все больше начало обращать внимание уже не на способы налаживания контактов, которые позволили бы дипломатическим путем добиться мирного урегулирования возникшей войны, как это было раньше, а на поиски путей получения военной поддержки со стороны стран Запада. Заметным стало также стремление более решительно противостоять советскому руководству в политическом плане. В частности, даже наметилась тенденция создать на своей территории некое «Российское альтернативное правительство».⁴⁸⁶

Безусловно, эта перемена во многом была следствием ставшей очевидной невозможности договориться с Советским Союзом о прекращении войны. Но, с другой стороны, это свидетельствовало и о том, что взгляды финского руководства были весьма динамичны. В Хельсинки очевидно готовы были не только к переговорам о мире, но и к весьма решительным политическим действиям направленным против СССР.

Особенно ясно это можно было почувствовать на заседании, которое состоялось 2 января 1940 г. Тогда уже началось активное обсуждение вопроса о возможности привлечения к участию в войне экспедиционных сил англичан, которые тогда выражали готовность провести десантную операцию прямо против Советского Союза, высадив войска в Мурманске. Это позволило бы финнам, заметил тогда военный министр Ю. Ниукканен, «держат здесь фронт, южнее». Кроме того он подчеркнул следующее: «Если Россия убедится в том, что продолжение войны против Финляндии может привести ее к мировой войне, то ее наступление ослабнет».⁴⁸⁷

Но, одновременно в Хельсинки также понимали, что подобные действия могут привести Финляндию к обострению отношений с Берлином, поскольку «тогда можно реально оказаться в войне с Германией». Если «Англия создаст угрозу для Мурманска, то Германии надо будет пытаться этому воспрепятствовать», - отмечалось на заседании госсвета.⁴⁸⁸ Таким образом для финского руководства германская проблема стала одной из тех, которые несколько пугали членов госсвета и поэтому там посчитали, что «вопрос о мурманской

экспедиции является интересным и хорошим, если он только не приведет к конфликту с Германией».⁴⁸⁹

Более того, именно политику Третьего рейха в Хельсинки стремились максимально использовать с целью достижения окончания войны. Так, в частности, 8 января прямо ставился вопрос о необходимости направить в Берлин специального представителя, который бы сделал «все возможное, чтобы Германия поддержала» Финляндию в Москве, поскольку именно Германия «является единственной страной, способной... сделать то, что не сможет сделать ни одно другое государство». К такому выводу тогда пришел, конкретно, Ю. К. Паасикиви. Мнения выступавших при этом сводились к тому, что «для Германии было бы важно, чтобы наша война закончилась», а Финляндии же при этом лишь «следовало сыграть на интересах Германии, чтобы большевики не овладели большей частью акватории Балтики».⁴⁹⁰

Все эти обсуждения, однако, свидетельствовали о том, что в Хельсинки были еще далеки от реального представления, каким образом далее будет развиваться уже процесс начала мирных переговоров. Как вынужден был затем признать в своих мемуарах В. Таннер, «партнер Советского Союза (т.е. Германия – *В.Б.*) оказался не способен открыть дверь в Москву».⁴⁹¹

Действительно, скрытые мирные переговоры удалось наладить не через посреднические услуги Третьего рейха, а с помощью негласно установленных отношений с советским представительством в Стокгольме. Эти контакты осуществлялись в глубокой тайне по линии министерства иностранных дел Финляндии. Как известно, даже руководитель этого ведомства лично выезжал в начале февраля в Швецию для соответствующих встреч с советским посланником А.М. Коллонтай. По поводу их В. Таннер сообщал: «...Переговоры в Стокгольме велись в обстановке строгой секретности. Я не осмеливался ни словом перемолвиться о них с членами кабинета министров».⁴⁹²

Однако, поскольку процесс тайных переговоров с Москвой начал уже давать явно положительные результаты, «становилось невозможно» держать их в секрете.⁴⁹³ К тому же обстановка на фронте резко обострилась в связи с начавшимся решительным наступлением советских войск на Карельском перешейке. В этой ситуации 12 февраля 1940 г. вопрос о негласных советско-финляндских переговорах в Стокгольме был уже обсужден в узком кругу наиболее влиятельных лиц в руководстве страны, которые тогда находились в Хельсинки. Это были пять министров, включая военного министра и министра иностранных дел, а также премьер-министра и президента. Фактически, это был обычный состав государственного

совета и на нем договорились продолжить переговоры, но при этом «добиться реальной помощи» в достижении мира от Швеции.⁴⁹⁴

По этому пути и пошел дальнейший процесс решения проблемы окончания войны с Советским Союзом. Причем, как видно из дальнейших протоколов заседания госсвета, там непрерывно продолжалась борьба сторонников скорейшего выхода Финляндии из войны и тех, кто считал все же правильным продолжение борьбы, используя при этом иностранную военную помощь. В воспоминаниях весьма влиятельного сотрудника финского МИДа А. Пакаслаhti так отмечалось в данной связи: «Тактика премьер-министра была ясной: с одной стороны надо было держать открытой линию переговоров с Москвой. С другой стороны следовало придерживаться той опасной игры, которая была связана с предлагавшейся помощью западными державами».⁴⁹⁵

Из возникавших тогда дебатов было очевидно, что для Финляндии сама проблема обеспечения этой действенной военной помощи заключалась в том, что прибытие войска западных государств непосредственно на финскую территорию оказывалось достаточно трудным делом, поскольку Англия и Франция планировали их транспортировку через Норвегию и Швецию. К тому же, заметил в этой связи генерал Р. Вальден, «мы получим потом некоторые отдельные дивизии, но с их помощью мы еще не сможем достигнуть победы».⁴⁹⁶

В целом многие участники этих заседаний к началу весны 1940 г. уже приходили к выводу, что «такая помощь может оказаться слишком слабой или очень опоздает». Некоторые даже называли ее «блефом», ссылаясь на то, что западные страны раньше «не помогали Польше, хотя обещали», а «Чехословакию они побудили к капитуляции».⁴⁹⁷ 2 марта 1940 г. Ю. К. Паасикиви заявил, что западные державы вообще «не хотят здесь мира, а хотят продолжения войны и этим создают мнение, что помогают нам». Затем он добавил, что «не верит в эффективность помощи западных держав».⁴⁹⁸

К тому же Хельсинки не могли не продолжать задумываться относительно дальнейших последствий принятия такой этой помощи. Для Финляндии ее получение вообще меняло сам характер начавшейся войны с Советским Союзом. Из локальной, но происходившей уже в период начавшейся мировой войны, она сразу же превращалась в составную часть общего мирового конфликта. Такого хода развития событий финское руководство, очевидно, никак не хотело. 25 февраля 1940 г. министр иностранных дел В. Таннер, обратил на это особое внимание членов госсвета. Говоря о перспективе получения западной помощи, он отметил: «В такой линии есть неприятная сторона, мы тем самым

попадаем в мировую войну».⁴⁹⁹ А она, по мнению участников заседаний, непременно должна была привести к эскалации боевых действий на всей финской территории. При этом первое, что являлось вполне очевидным, война в случае расширения масштабов не могла не затянуться, приобретая все больший размах. Как по этому поводу заметил на одном из заседаний М. Пеккала, в таком случае «большая часть страны как на фронте, так и в тылу окажется разрушенной», а окончательный результат может вообще «стать трагическим, если Россия овладеет всей страной».⁵⁰⁰

Другой важной стороной негативных последствий появления английских и французских войск в выступлениях на ряде заседаний прямо указывалось, «если западные державы направят регулярные войска», то Германия «будет все делать для того, чтобы воспрепятствовать их действиям здесь, а также их доставке сюда». Подчеркивалось, что рейх может вообще «приступить к военным действиям» в Северной Европе и «парализует помощь западных держав». Виделась опасность и в том, что в Берлине решит «вмешаться в дело» и Германия станет бомбить Финляндию.⁵⁰¹ Для многих членов госсвета становилось совершенно очевидным, что после появления западных войск на финской территории положение страны в целом могло оказаться прямо таки катастрофичным. Все могло принять совершенно иной оборот, поскольку дальнейшее финско-германское сближение, устойчивое развитие которого наблюдалось на протяжении всех 1930-х гг.,⁵⁰² оказалась бы тогда невозможным.

Между тем в государственном совете многие все же продолжали рассматривать Германию, как наиболее перспективного в будущем союзника. Так, в частности, считал Ю.К. Паасикиви, который отметил в своих воспоминаниях, что «Германия являлась той крупной державой, которая была способна организовать противодействие Советскому Союзу».⁵⁰³ В материалах заседаний именно эта мысль накануне окончания войны и являлась одной из тех, которые тогда активно обсуждались.

Особенно показательным в этом отношении стало заседание, которое проходило 3 марта. Тогда в ответ на замечание Ю. К. Паасикиви о том, что «в силу недостаточности помощи войсками и неясности позиции Швеции, а также существования опасности, что страна окажется в конфликте с Германией, Финляндии надо стремиться к мирным переговорам», последовали достаточно примечательные заявления. Прозвучала мысль о том, чтобы вообще «официально повернуть на сторону Германии».⁵⁰⁴ Причем министр иностранных дел В. Таннер, отвечая уже на это соображение, откровенно заметил: «Я не понимаю предложение, чтобы мы повернули на сторону Германии. Ведь мы это делаем...».

Далее раскрывая суть этой позиции он назвал проводившуюся финскую политику «двойной игрой», сославшись на проводившуюся параллельно с германскими контактами «переговоры о помощи западных держав».⁵⁰⁵

И вот тогда на заседании начался конкретный обмен мнениями по данному вопросу. Большинство принимавших в нем участие откровенно высказывались за то, чтобы Финляндия «осуществила поворот к Германии». Выступавшие с жаром подчеркивали, что «в интересах Германии, чтобы война закончилась», что у рейха существуют «общие интересы» с Финляндией и что Германия «единственная, кто может предоставить помощь». Военный министр Ю. Ниукканен, в частности, даже предложил зафиксировать каким-то образом такой перспективный поворот реальными внешнеполитическими акциями. Он посчитал возможным, чтобы еще более заинтересовать Берлин в сотрудничестве с Финляндией, предложить произвести в пользу рейха определенные территориальные уступки. «Может быть предложить Германии, - заявил Ниукканен, - в качестве платы Аландские острова... Это будет мстостью западным державам и Швеции за их слабую позицию».⁵⁰⁶

Идея передачи Аландских островов Германии не получила затем поддержки. Премьер-министр Р. Рюти особо подчеркнул свое отношение к этому так: «Это нам не выгодно». Но сама дискуссия все же являлась весьма показательной. Она дает возможность понять скрытые мотивы тех перемен в политике Финляндии, которые произошли уже после окончания «зимней войны». Подводя итог возникшей откровенной дискуссии, президент К. Каллио смог выделить в ней лишь два мнения. Одно из них, как он указал, заключалось в том, чтобы уже теперь в Финляндии «повернули на сторону Германии», а другое – «что сейчас не надо... а нужно позднее». В любом случае, по словам Ю. Ниукканена, окончание войны и достигнутый с СССР «мир означает переход на линию Германии».⁵⁰⁷ Как уже показали последующие события, именно так и стала складываться внешняя политика Финляндии после заключения Московского мирного договора.

О том, что Германия может остаться главным партнером Финляндии после окончания войны свидетельствовали сами мирные переговоры, которые велись финским руководством с явным учетом политики Третьего рейха. На заседаниях госсвета тогда постоянно повторялась мысль о том, что Берлин крайне заинтересован в скорейшем окончании советско-финляндской войны. Это косвенно подтверждают и те сведения, которые получил в Германии Т. Кивимяки, специально направленный туда для выяснения немецких взглядов. Он в своих мемуарах отметил весьма существенный факт, что когда ему удалось встретиться 22 февраля с Г. Герингом, то тот «дружественно принял» финского посланца, но на

изложение сути его дела «реагировал не иначе как побуждая финнов быстрее заключить мир». При этом, по словам Т. Кивимяки, «Геринг заметил, что когда Германия победит, то мы получим с лихвой обратно то, что утратили».⁵⁰⁸

Безусловно, все это не мог не быть доложено финляндскому руководству, но должны были оставаться в тайне даже для членов государственного совета. И действительно, тогда о весьма значимых откровениях Геринга узнал в Хельсинки весьма узкий круг лиц. Из воспоминаний Т. Кивимяки можно понять, что об этом он сразу рассказал лишь Р. Рюти и В. Таннеру.⁵⁰⁹ А в своем выступлении перед членами государственного совета, которое состоялось 28 февраля, он не стал раскрывать всех подробностей его переговоров с Герингом. Кивимяки лишь подчеркнул тот факт, что «германскому правительству война неудобна».⁵¹⁰

Тем не менее на этом заседании в выступлениях премьер-министра и министра иностранных дел заявление Т. Кивимяки явно уже получило соответствующую поддержку. В частности, Р. Рюти тогда сказал: «Поскольку нет возможности рассчитывать на получение помощи и по причине того, что мы в политическом смысле не можем опираться на общие мировые события, поддержка которых могла бы нас спасти (имеется виду начавшаяся мировая война – В.Б.)... мы вынуждены стремиться к миру, хотя бы даже на тяжелых условиях». Но в конце Рюти намекнул, что в случае принятия финским руководством советских условий окончания войны наступивший мир все же будет недолгим и Финляндия вернет все то, что потеряла, и даже «с лихвой». По словам премьера было «лучше сохранить боеспособной армию, а страну от разгрома, в противном случае мы не будем в состоянии сражаться даже при благоприятных условиях и потеряем свое значение как государство». Эту фразу Р. Рюти закончил впечатляюще: «Лучше начать освобождение страны от Выборга, чем от Торнио», т.е. от границы со Швецией.⁵¹¹ Вторя тогда ему, министр иностранных дел Вайне Таннер также совершенно определенно заявил, что когда наступит подходящий момент, необходимо будет вернуть обратно утраченную территорию.⁵¹²

Действительно, в это время все чаще на проходивших заседаниях звучала мысль о необходимости заключения мирного договора с СССР, но сам этот мир подразумевался, однако, не иначе как лишь подписание временного перемирия.⁵¹³ В этой связи финский исследователь Х. Юликангас утверждает, что такая позиция финского руководства во многом была вызвана именно той информацией, которую в Хельсинки была доставлена из Берлина. Он пишет, что уже тогда стали надеяться, что между СССР и Германией «в ближайшем будущем» вспыхнет война и в результате нее Финляндия сможет получить «все утраченное с лихвой». «Уверовав в таком представлении, - указывает историк, - Финляндия

пошла, естественно, на перемирие, чтобы затем можно было быстро и с полной определенностью присоединить вновь Карелию к Финляндии».⁵¹⁴

Принимая во внимание такое утверждение все же, видимо, следует заметить, что вряд ли тогда в Хельсинки могли абсолютно полагаться на единственную фразу, которую бросил Г. Геринг финскому посланцу 22 февраля 1940 г. Также и то, что в Германии могли уже готовиться «в ближайшем будущем» к нападению на СССР. Даже в начале лета 1940 г. гитлеровское руководство еще не имело по этому вопросу соответствующего решения.

Очевидно, что в Хельсинки скорее полагались не на отдельные высказывания о готовящейся Германией войне против СССР, которые слышали иногда финские представителями еще даже задолго до начала «зимней войны», а на собственном видении и анализе той политики, которую Трений рейх тогда проводил. В этом отношении, весьма примечательным стало заявление, сделанное Р. Рюти еще до доклада на заседании госсовета Т. Кивимяки. 25 февраля премьер-министр, рассматривая советские условия подписания мирного договора, приковал особо внимание на предложении СССР заключить с Финляндией договор о взаимопомощи. Рюти тогда высказался следующим образом: «Договор о взаимопомощи является опасным положением условия. Он ведет нас к войне с Германией, поскольку между ней и Советским Союзом дружба не продержится».⁵¹⁵ Из этого утверждения, по всей очевидности, вытекает следующее. Первое, это то, что Рюти явно скептически оценивал те договоры, которые были подписаны в 1939 г. между СССР и Германией. Другой вывод, который можно было сделать, сводился к тому, что Рюти допускал неизбежность советско-германского конфликта. Вот именно эти два положения, очевидно, и являлись определяющими с точки зрения выработки политической линии в отношении Германии у финского руководства и как раз они в наибольшей степени стали проявляться в отношениях с рейхом у Финляндии в 1940-1941 гг., когда у Германии уже началась активная стадия подготовки к войне против СССР.

Если же, опираясь на протоколы госсовета, говорить о видении в финском руководстве той ситуации, которая стала складываться к концу «зимней войны», то, явно в этот период надежды в Хельсинки на какой-то кардинальный перелом в ее ходе уже не проявлялось. По поступавшей в госсовет информации финская армия находилась на грани поражения. Помощь же Запада представлялась во многом иллюзорной. Отпали и радужные суждения, которые прежде то и дело можно было услышать на заседаниях о кризисе в СССР, о возможности падения советского строя и т.д. Теперь более четким были высказывания о

нереальности того, что «в России произойдет что-то изменяющее обстановку» и возникнет некая там перспектива «революции».⁵¹⁶

Понимая неизбежность окончания войны на советских условиях, в Хельсинки, естественно, продумывали и альтернативные варианты последующего внешнеполитического развития. В этом плане, наряду с «поворотом на позиции Германии», также предусматривалась и возможность скандинавской альтернативы. В частности, 28 февраля В. Таннер, докладывая о своем очередном турне в Швецию в связи с процессом мирных переговоров, сделал весьма любопытное заявление. Он сказал, что в Стокгольме встретился со шведским премьер-министром и спросил у него: «Возможно ли заключить между Швецией и Финляндией военный союз, к которому, вероятно, присоединиться Норвегия»? Уточняя эту мысль, Таннер тогда заметил, что этот союз «мог бы обеспечить устойчивую жизнь на Севере». И, по его словам, шведский премьер посчитал сделанное ему предложение «привлекательным».⁵¹⁷

Что же касается участников заседания, то они весьма внимательно отнеслись к данной информации. Паасикиви тогда прямо заметил, что «это большое дело», но, по его словам, быстро, «за несколько дней», сразу создать такой союз не удастся. Тем не менее он подчеркнул, что его «можно подготовить во время мирных переговоров», но главное заключить союз «после подписания мира как можно скорее».⁵¹⁸

В дальнейшем по мере того, как становилось ясно, что «армия в ожидании разгрома», а «заключение мира является военной необходимостью»,⁵¹⁹ вопрос о военном союзе со Швецией продолжал временами «всплывать» в ходе проходивших тогда дискуссий. Так, в частности, 9 марта Таннер отметил, что этот союз «является большим делом, которое требует времени».⁵²⁰ Указанная мысль затем начала находить соответствующую поддержку, поскольку на заседаниях твердо звучала такая мысль: «То, что важно теперь оберегать это - военный союз со Швецией».⁵²¹ В нем, очевидно, виделась определенная перспектива для будущего Финляндии после уже окончания войны.

Так в целом в недрах госсвета Финляндии формировалась последующая политическая линия страны, которую финское руководство стало осуществлять уже после подписания Московского мирного договора. При этом очевидным было тогда, что заключенный мир рассматривался как вынужденная мера и с его условиями, очевидно, стремились пересмотреть все же после окончания войны. Даже в последний день завершения войны, когда решался вопрос относительно подписания мирного договора в Москве на заседании госсвета, раздавались голоса о том, что «не следовало вести переговоры о мире с

русскими, а вместо этого принять помощь, предлагаемую западными державами».⁵²² Из такого призыва видно, почему в финском руководстве затем с достаточной легкостью пошли на соучастие в новой войне против СССР. Германская же альтернатива, возникавшая на протяжении декабря 1939 – января 1940 гг. на заседаниях госсовета, в конечном итоге превратилась уже после окончания войны в основную.

История болезни финских военнопленных в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. как исторический источник

История болезни в качестве источника, способного дать не только информацию исключительно медицинского свойства (в том числе относительно организации лечения различных категорий в определенный отрезок времени), но и обладающего самостоятельным значением, содержащим большой объем ценной информации по целому ряду вопросов, связанных как с историей медицины, так и социальной историей, практически не рассматривалась ранее. На это существовал целый ряд причин, что вывело этот источник за грань потенциально близких исследователям. Однако интерес к нему по-прежнему велик и при изучении отдельных вопросов может иметь особое значение.

В частности, обратившись к историям болезни, хранящимся в архиве военно-медицинских документов Военно-медицинского музея Министерства Обороны Российской Федерации, мы можем проследить как проходило лечение финских военнопленных в советских медицинских учреждениях в 1939 – 1940 гг. Немногочисленные исследования, по данному вопросу затрагивают лишь отдельные аспекты нахождения раненых и больных финнов в плену⁵²³, при чем подобная фрагментарность объясняется в первую очередь тем, что источниковая база подобных работ не всегда позволяет детально рассмотреть особенности медицинского обеспечения военнопленных. История болезни, вследствие того, что являлась и является в сегодняшних условиях основным и единым медицинским документом, заполняемым в лечебном учреждении на поступающего раненого и больного⁵²⁴, а также своих характерных особенностей, дает возможность проследить не столько «официальную» сторону оказания медицинской помощи, сколько показывает практические шаги в данном направлении, что придает этому источнику особую ценность.

В преддверии нашего исследования стоит в первую очередь охарактеризовать источниковую базу, которая была нам доступна. Нами было проанализировано 50 историй болезней финских военнослужащих, проходивших лечение в советских госпиталях⁵²⁵. Вследствие того, что в опубликованных на данный момент исследованиях нет единой точки зрения относительно числа финских военнопленных, находившихся в медицинских учреждениях Советского Союза в 1939 – 1940 гг.⁵²⁶, мы не можем говорить о том, какой процент из общего числа историй болезни был нами проанализирован. Вместе с тем, даже если опираться на максимальные цифры, приведенные В.П. Галицким, то мы можем

утверждать, что в результате проделанной работы, был рассмотрен значительный массив учетных документов, которые заводились на финских военнопленных в лечебных учреждениях в 1939 – 1940 гг.

Следует отметить также, что во всех просмотренных историях болезни, где указывалось место ранения, а также оказания первой медицинской помощи, фигурирует исключительно Карельский перешеек. Стоит предположить, что на других направлениях, хотя и в несколько меньших объемах, также шло оформление соответствующих медицинских документов на финских военнопленных, и, возможно, в перспективе они будут обнаружены и проанализированы нами. Даты ранений и заболеваний финских военнопленных (не всегда указывалось конкретное число), указанные в изученных нами историях болезни относятся к различным периодам боевых действий 1939 – 1940 гг., хотя большая часть из них приходится на время крупного наступления Красной Армии в феврале – марте 1940 г.

В ходе работы с историями болезни нами просмотрен не весь комплекс подобных документов, вследствие чего мы не можем говорить в данной связи о репрезентативной выборке. Исходя из вышеуказанного обстоятельства, а также принимая в расчет и тот факт, что нами представляются лишь предварительные результаты исследования, мы хотим отметить, что выводы, сделанные в рамках этой работы имеют локальный характер и с большой долей вероятности могут быть применены на более широкий масштаб исследования. Вместе с тем, отдельные наблюдения будут представлять интерес вследствие того, что они характеризуют особенности как лечебно-эвакуационного обеспечения финских военнослужащих в данное время, так и основные принципы ведения учетной документации в медицинских учреждениях Красной Армии в 1939 – 1940 гг.

Историю болезни условно можно разделить на следующие три основные части:

- общие сведения о раненом или больном, так называемая паспортная часть, включавшая в себя фамилию, имя и отчество, возраст, воинское звание, занимаемая должность, наименование части, откуда прибыл раненый или больной, семейное положение, адрес семьи и другие;
- анамнез больного, жалобы раненого или больного, данные объективного исследования (клинического, лабораторного и патолого-анатомического);
- сведения о течении ранения или болезни и лечения (последовательная запись клинических наблюдений, результатов анализов, примененных методов лечения, хирургических вмешательств и прочее)⁵²⁷.

Каждая из указанных частей включает специально отобранную по характеру и объему информацию, которая отвечает строго определенной цели, заключенной в пунктах этого документа. Однако, в отдельных случаях сведения, приводимые в истории болезни, дублируются, либо входят в другие пункты. Исходя из этого, можно отметить, что для исследователя представляют интерес практически все пункты истории болезни, в том числе и те, в которых излагаются исключительно сведения медицинского характера.

На финских военнопленных заводились истории болезни такой же формы, как и на советских военнослужащих. При этом в просмотренных нами материалах встречаются и формы историй болезни, которые велись в гражданских лечебных учреждениях. Как правило, это были формы № 11 и 13 (последние были наиболее употребимы). Данный факт говорит об отсутствии разработанных документов, а также целостного комплекса мероприятий в отношении содержания раненых и больных военнопленных в Советском Союзе в предвоенный период. Об этом также свидетельствует и обстановка в сфере размещения финских военнослужащих, нуждавшихся в лечении в медицинских учреждениях Ленинграда в период советско-финляндской войны 1939 – 1940 гг.

Отсутствие регламентирующих документов относительно организации медицинской помощи для военнопленных, а также общие проблемы в организации лечебно-эвакуационного обеспечения военнослужащих Красной Армии в начале войны, стали основными причинами возникновения затруднений при размещении финских военнопленных в городе. В первый период боевых действий раненые военнопленные содержались наряду с военнослужащими Красной Армии, чему наравне с общей сложной ситуацией в городе, способствовало их небольшое число (20 человек⁵²⁸). Вместе с тем, на уровне руководства Санитарного управления РККА высказывались предложения поместить указанных лиц, учитывая их статус, в тюремную больницу для прохождения лечения⁵²⁹. Не в последнюю очередь подобная ситуация была вызвана несовершенством необходимых регламентирующих документов. В утвержденном Экономическим советом СНК СССР 20 сентября 1939 г. «Положении о военнопленных» отсутствовали конкретные детали проведения мероприятий в отношении данной категории лиц⁵³⁰.

Как показывает анализ изученных нами историй болезни, большая часть военнопленных поступала для оказания квалифицированной медицинской помощи в эвакуационный госпиталь № 2019⁵³¹, в котором, можно предположить, отводились специально койки для размещения военнопленных. Таким образом, указанный госпиталь являлся для большей части из них последним пунктом оказания медицинской помощи,

откуда они поступали после выздоровления в распоряжение органов НКВД или военной прокуратуры. Вместе с тем, на более ранних этапах раненые и больные проходили лечение в медицинских учреждениях, развернутых в непосредственной близости от Ленинграда, либо в нем самом. Некоторые военнопленные сменили за время своего пребывания на советской территории по 3 – 4 госпиталя.

Одним из первых лечебных учреждений, где на раненого и больного заводилась история болезни, в большинстве из рассмотренных нами случаев являлся Сестрорецкий местный эвакуационный пункт (МЭП), который был местом сосредоточения раненых и больных финских военнопленных на Карельском перешейке. В данном случае использовались формы, которые имели хождение в санаториях РККА, на которой ставилась печать данного учреждения. Затем финских военнопленных, нуждавшихся в оказании медицинской помощи, переводили в другие лечебные учреждения, при чем не существовало одного госпиталя, куда бы целенаправленно направляли данных лиц. Большая часть эвакуировалась, эвакуационный госпиталь № 2019, вместе с тем, раненые и больные поступали и в ленинградские лечебные учреждения, в частности, сортировочно-распределительный госпиталь № 1170⁵³².

В большей части из изученных историй болезни отмечаются ранения финских военнослужащих, при чем подавляющая часть из них поступила в госпитали с ранениями верхних и нижних конечностей, несколько меньше с ранениями головы, грудной клетки и живота. Вместе с тем, в указанных документах нашли отражение и климато-географические особенности боевых действий 1939 – 1940 гг., в частности, были неоднократно отмечены случаи обморожений (как правило, нижних конечностей 2-й степени), а также пневмония и простудные заболевания (ангина, грипп).

Следует предположить, что опрос раненого или больного военнопленного начинался уже в приемном покое лечебного учреждения (если таковой существовал), когда первоначально его опрашивал с переводчиком представитель политорганов, так как значительная часть вопросов первой группы относилась именно к их компетенции и имела общий характер. Вторая группа имела уже специфический характер, вследствие чего требовалось обязательное присутствие врача. Это предположение может подтвердить также и то обстоятельство, что записи общих сведений в отдельных историях болезни сделаны разными почерками.

На следующих страницах истории болезни (включающих сведения второй и третьей частей) также существует информация, которая может быть интересна для общей

характеристики поступавших в лечебные учреждения военнопленных. Проиллюстрировать это можно обратившись к пункту «Жалобы и анамнез» одной из историй болезни: «Военнослужащий. Русской речи не понимает. Получил ранение пулевое одни сутки назад».

Как правило, пункты, заполнение которых не требовало опроса раненого или больного, более полно заполнялись в сравнении с теми, где необходимо было предоставление сведений от конкретного лица. Объем данных в истории болезни зависел от ряда факторов – состояния военнопленного, наличия и квалификация переводчика, осведомленности заполнявшего данный документ лица, его компетентности в лечебных и общих вопросах и других.

В истории болезни финского военнопленного содержится запись, которая в определенной степени может характеризовать процесс заполнения данных документов. В одном из пунктов отмечено: «Из документов и при помощи переводчика установлено...» В другом документе указано: «Со слов доставившего врача (доктора Алпычевой)...», а также «как выяснено через переводчика...».

Значительно облегчало процедуру заполнения истории болезни и сопутствовавших документов то обстоятельство, если военнопленный знал русский язык. В одном из рассмотренных нами случаев можно с большой долей уверенности говорить о том, что раненый военнопленный знал русский язык. На это указывает то обстоятельство, что военный служащий финской армии очень подробно, детально изложил интересующие советских представителей сведения: личные данные, место постоянного жительства и адрес родных (город Сортавала) и другую информацию, из которой, в частности, следует, что он был летчиком, во время разведки при аварии самолет загорелся. В результате, военный служащий финской армии получил ожоги лица, головы и правой кисти. До оказания первой медицинской помощи со стороны советских военнослужащих, он провел на земле. Необходимо отметить, что в целом, все сложилось довольно благоприятно для финского летчика, который был оперативно обнаружен с нашей стороны, проведя не столь значительное время в сложных климатических условиях, которые могли бы привести к обморожению.

В большинстве случаев в историях болезни в пунктах, содержащих сведения о личных данных пациента, указан номер полевой части, где служил военнопленный, почти в трети из рассмотренных документов приводится адрес проживания, в ряде случаев вплоть до номера дома.

Во всех историях болезни указано откуда прибыл военнопленный, куда направлен, а также сколько дней пробыл в том или ином учреждении, где был заведен этот документ. Подобное обстоятельство объясняется тем, что данная информация наравне с документами осмотра поступившего раненого или больного была наиболее доступна для медицинского персонала.

В процессе заполнения истории болезни допускались отдельные ошибки, однако в большинстве случаев они были произвольными. В частности, пункт «Воинское звание» довольно часто заполнялся с разными вариантами: в отдельных случаях указывалась конкретная информация, в других, что, по-видимому, объяснялось наличием или отсутствием переводчика, просто указывалось «военнопленный белофинн». В тех случаях, когда информация отсутствовала, заполнявший ставил вопрос, либо не заполнял соответствующие пункты. Встречаются истории болезни, где относительно поступившего указаны только имя, а в пункте «Фамилия» вписано «финн». Ответ на вопрос об особенностях такого заполнения документа дает пункт 15 «Жалобы больного», где отмечено: «На вопросы не отвечает». Это было связано с тяжелым ранением военнопленного: «проникающее ранение черепа, кровоизлияние с явлениями расстройства психики и правосторонняя слепота, перелом основания черепа».

Следует отметить также и формальный подход к заполнению форм историй болезни. В одной из них в пункте 13 «Наследственность» встречается такая лаконичная фраза, как «нет». Вместе с тем, в той же истории болезни в пункте 14 «Привычки» вписано: «Курение, употребление алкоголя», но есть дополнение – «мало».

Отдельные особенности заполнения историй болезни вызывают целый ряд вопросов. В частности, в одном случае в документе в пункте 11 «Жалобы больного» стоит запись: «Не говорит по-русски», что может свидетельствовать о невозможности получения информации от больного. Вместе с тем, в пункте 14 «Привычки» указано: «Курит и пьет».

Как показывает анализ истории болезни, если при заполнении данных документов присутствовал переводчик, а также раненый или больной находился в удовлетворительном состоянии, в историю болезни вносилась более полная информация, в частности, о времени ранения, а также обстоятельствах ему сопутствовавших. В этом случае приводились также данные относительно оказанных ранее процедур в лечебных учреждениях, в том числе, что было крайне редким явлением, отмечалось кем была оказана первая медицинская помощь. Подобная информация указывалась как на первой странице истории болезни, так и на следующих, в пункте, с общим для всех документов подобного рода наименованием

«Анамнез и история наступления заболевания». Судя по содержащейся в них информации, первая медицинская помощь оказывалась финским военным после ранения как финскими санитарями, так и советскими (последнее встречается в подавляющем числе случаев). Ни в одной из рассмотренных историй болезни информация о самопомощи не содержалась.

При перемещении раненого или больного военнопленного в другое лечебное учреждение, на него заводилась новая история болезни. При этом следует отметить, что приводимые сведения могли быть совершенно различными для одного и того же лица, что определялось уже отмеченными выше причинами (наличием переводчика, компетенцией медицинского персонала, условиями осмотра и другими). Вместе с тем, в новую историю болезни делались также выписки из старых и иногда эти документы сохранялись. В ряде случаев, связанных в первую очередь с летальным исходом лечения военнопленного, оформлялись копии документов, входивших в общий комплект истории болезни, а также включался протокол вскрытия. В состав истории болезни военнопленного при его перемещении входила также статкарта прибывшего по форме № 101, а также статкарта убитого.

Личные данные военнопленного записывались с большим числом ошибок, в первую очередь это касалось фамилии и имени пациента. Если на него заводили еще одну историю болезни, то, как правило, были существенные изменения в написании данных⁵³³. В некоторых случаях фиксировалось, что фамилия и имя раненого или больного неизвестно, что было связано, прежде всего, с тяжелым состоянием поступившего. При заполнении форм историй болезни врач или представитель политических органов стремились придерживаться тех шаблонов, которые существовали для советских военнослужащих, включая указание отчества пациента. В результате, финны получали столь непривычно для них звучащие отчества в русскоязычном варианте. Подобное следование стандартам, характерным для ведения документов в советских медицинских учреждениях, в повседневной их работе, проявлялось довольно часто при заполнении историй болезни, когда в отношении военнопленных вносились сведения, которые можно было отнести исключительно к советским гражданам.

Целый ряд сведений относительно предвоенной жизни военнопленных содержится в нескольких пунктах истории болезни, находящихся в разных ее частях (личные данные, «Наследственность», «Жалобы и анамнез» и прочие) однако, об их наличии и полноте можно

говорить лишь в том случае, если условия были благоприятны для опроса поступившего в лечебное учреждение.

Дополнительная информация для заполнения пунктов истории болезни содержалась в документах, входивших в состав истории болезни, в частности конверт-эвакуационная карта и карточка передового района, которые, как и истории болезни были установленного образца и заполнялись для военнослужащих Красной Армии. На конверте-эвакуационной карте специально отмечалось, что данный больной или раненый является военнопленным, а также фамилия и имя, воинское звание, а также диагноз. Карточка передового района также является довольно интересным документом, который дает возможность узнать каким образом был эвакуирован из войскового района военнопленный.

Истории болезни содержат информацию относительно перемещений раненых и больных военнопленных между лечебными учреждениями, при чем в большинстве случаев причины подобного перевода содержатся в самом документе. В истории болезни военнопленного, находившегося на лечении в Ленинграде, отмечено, что он был доставлен «скорой помощью из Сестрорецка из пересыльного пункта военнопленных»⁵³⁴. Другой финский военнослужащий, находившейся во второй половине декабря в Сестрорецком госпитале, и отправленный позднее в один из ленинградских госпиталей, был затем возвращен обратно, а по прошествии времени переведен в эвакуационный госпиталь № 2019. Пребывание этого военнопленного в Ленинграде было связано, по-видимому, с необходимостью консультации у специалистов из клиники ортопедии Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова.

На более ранних этапах (войсковом и армейском районах), предшествовавшим прибытию раненых в госпитали фронтового эвакуационного пункта, на раненых военнопленных заводились те же документы, что и на советских военнослужащих – госпитальная карта для лечебных учреждений войскового и армейского района, где указывались фамилия, имя и отчество, воинское звание, род войск, год рождения, место призыва, когда и откуда поступил раненый. При этом необходимо сказать, что заполнение вышеназванных пунктов в большинстве случаев было крайне фрагментарным.

В историях болезни содержится информация о диагностировании и лечении того или иного военнослужащего, где отмечено какие процедуры получил военнослужащий, каково его состояние в определенное время (приводятся данные за каждый день, однако есть случаи и более частых записей). Кроме того, ежедневно, а в случае осложнения ранения или болезни, то и в течение нескольких часов, больному замерялась температура. Безусловно, у нас нет

полной уверенности в том, что был действительно проведен тот или иной комплекс лечебных мероприятий, которые отмечены в истории болезни, что то состояние, которое отражено в ней соответствовало реальному, однако, вероятность подобных расхождений представляется нам крайне ничтожной. Вследствие этого, опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении данные, можно утверждать, что финские военнопленные получали медицинскую помощь в полном объеме, ничем не уступавшую, а в отдельных случаях и превосходившую ту, которую получали советские военнослужащие. Наравне с минимальным набором лечебных услуг (размещение на койке, медицинская эвакуация и прочее), в госпиталях их осматривали отдельные специалисты (хирурги, урологи и другие специалисты), они проходили целый ряд необходимых процедур различного характера. На следующей стадии, где советские военнослужащие либо направлялись для прохождения дальнейшего лечения и восстановления в дома отдыха или санатории, либо проходили курс реабилитации, финские военнопленные шли по иному пути и на них отмеченные права не распространялись.

При заполнении историй болезни медицинские работники отмечали также информацию, которая относилась к судьбе пациента впоследствии, в частности, в эпикризе одного из военнопленных указывалось: «Годен к нетяжелому физическому труду». В другом документе отмечено: «К тяжелому физическому труду готов». Возможно, эта информация была необходима для органов, в ведении которых находился военнопленный, в том числе при определении возможности их использования в местах заключения.

В отдельных случаях военнопленные не имели истории болезни, что было связано с особенностями их попадания в плен и дальнейшими условиями нахождения на советской территории. В частности, один финский военнослужащий «скончался в дороге», именно такая запись содержится в единственном медицинском документе, принадлежавшем ему, госпитальной карте, которая содержала сведения подобные тем, что заносились в историю болезни. В ней находилась также карта передового района, где заполнялись необходимые графы: фамилия, имя, отчество; диагноз; эвакуационный транспорт и каким образом шла эвакуация (пешком, сидя или лежа). В комплексе материалов данного военнопленного входят также и отдельные листки, взятые из документов лечебного учреждения, на которых велись записи (личные данные, диагноз и другие). На одном из таких листов вверху от руки написано: «Труп снят на ст. Кушелевка». В этих же документах содержится и протокол № 66, оформленный от руки карандашом «О вскрытии трупа военнопленного финна...»

В одной истории болезни находится «Карта патолого-анатомического исследования (вскрытия)», где указаны номер истории болезни военнопленного, его имя и фамилия, возраст, дата прибытия в госпиталь, прижизненный диагноз, время взятия материала (вскрытия), а также результат вскрытия. В специальном конверте помещался протокол вскрытия, на который наносились фамилия, имя отчество, должность и часть военнопленного и номер личного знака, место призыва, диагноз и оказание медицинской помощи (указывалось, в частности, вводилась ли противогангренозная сыворотка, приводились данные наружного осмотра).

В историях болезни военнопленных содержатся часто корешки от ведомости передачи вещей, которые принадлежали им по прибытии в лечебное учреждение. Здесь же находилась и накладная, принадлежавшая пациенту.

В некоторые истории болезни вложены подобные документы из разных лечебных учреждений. Как правило, это отмечалось в тех случаях, когда военнопленные попадали в эвакуационные госпитали фронтового района, пройдя при этом лечение в других лечебных учреждениях, в частности, армейского района. Довольно часто встречаются истории болезни, которые заполнялись на первом этапе в Сестрорецком санатории Ленинградского военного округа, местном эвакуационном пункте.

Включение в историю болезни других документов диктовалось также необходимостью внести всю наличную информацию о пациенте, что в связи с ограниченным объемом истории болезни было крайне тяжело. В частности, в качестве вкладышей использовалась форма № 129, утвержденная НКЗ СССР 7.7.1938 г. (для гражданских лечебных учреждений), однако в них продолжали заносить данные, используя их как чистые листы, не считаясь со структурой документа, существовавшие в них разделения. Так, в одном случае анамнез больного находился на последней странице, где в обычной форме был эпикриз. Для ведения историй болезни военнопленных использовались также подобные формы для санаториев, в частности, Сестрорецкого санатория РККА, но при этом обязательно отмечалось, что она принадлежит военнопленному.

На военнопленного заполнялась также и карточка поступившего в то или иное лечебное учреждение, при этом также в обязательном порядке ставилась отметка, что данное лицо является военнопленным, незаполненным оставался пункт о личном знаке. В одном из изученных документов содержится полная информация, которая включает не только номер личного знака военнопленного, но и номер воинской части, где он служил. Здесь же отмечалось место призыва. Представляет интерес пункт 8 «Оказание помощи», где

содержится информация о прибытии и убытии военнопленного. Так, один из них прибыл 7 марта 1940 г. из Райволо в Сестрорецкий эвакуационный госпиталь, 8 марта убыл в Ленинград, в сортировочно-эвакуационный госпиталь № 1170. Там же содержится информация относительно дальнейшей судьбы пациента: «эвакуирован по месту назначения» (однако конкретного объекта не указано). В одной истории болезни указано, что больной направлен в часть, но не отмечено в какую, что, по-видимому, можно считать стандартной фразой, которая вносилась в форму для советских военнослужащих.

Лишь в одной истории болезни было обнаружено «Учетное дело Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (Учетное дело)», составленное на одном листе, выполненное в форме под копирку, при чем документ оказался незаполненным.

В другом случае в истории болезни военнопленного содержится следующий документ. На простом бумажном листе поставлена печать с наименованием медицинского формирования «НКО СССР Полевой Подвижной госпиталь 632. 28. II. 40 г.», и далее следующий текст: «По распоряжению Особого отдела 13-ой армии направляется для стационарного лечения военнопленный... По прибытии в стационарный госпиталь военнопленного немедленно сообщить в Особый отдел. Начальник ППГ 632 госпиталя военврач 1 ранга Джамиров».

Крайне редко в рассматриваемых документах указана дальнейшая судьба военнопленного, а там, где есть записи в необходимом пункте, информация все равно остается недостаточной для того, чтобы составить четкое представление. Лишь в одном случае в истории болезни военнослужащего финской армии, получившего перелом левого предплечья, в пункте 16 «Куда выписан» было отмечено: «Выписан как здоровый в распоряжение органов НКВД».

В отдельных историях болезни на первой странице встречаются указания, что данный военнослужащий числится за военной прокуратурой (все встреченные нами пометки, сделанные карандашом или ручкой на истории болезни, относятся к военной прокуратуре 7-й армии).

В пункте 3 «Воинское звание и адрес части» одной истории болезни финского военнопленного стоит следующая запись: «Военнопленный числится за военной прокуратурой 7-й армии». В этих же документах присутствует также подписанное следователем Особого отдела НКВД 7-й армии направление военнопленного для оказания медицинской помощи. Присутствует также и опросный лист (форма № 1) Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных, заполненный на

военнопленного, взятого в плен 7 марта 1940 г. «у деревни Репола». Заполнен он был 10 марта 1940 и включал в себя 15 пунктов, которые были заполнены полностью.

В другом случае во всех графах опросного листа, за исключением имени (в графе «Фамилия» указано «Финн»), стоят вопросы. Подобная особенность при заполнении листа объясняется в первую очередь тяжелым состоянием опрашиваемого, вызванное серьезным ранением: «проникающее ранение черепа, кровоизлияние, с явлениями расстройства психики и правосторонняя слепота. Перелом основания черепа». В пункте 15 «Жалобы больного» его истории болезни отмечено: «На вопросы не отвечает»⁵³⁵.

Таким образом, можно констатировать, что истории болезни являются ценным источником, позволяющим сделать целый ряд локальных (на данной стадии исследования) выводов, связанных с процессом лечения финских военнопленных в период советско-финляндской войны. Для нашего исследования существенным является тот факт, что истории болезни способны дать представление не только относительно лечебно-эвакуационного обеспечения финских военнопленных, но и обстоятельствах их ранения или заболевания, пленения и особенностях их содержания на территории Советского Союза. Одним из наиболее важных наблюдений является то, что, как показывают подлинные документы, содержащие объективную и исчерпывающую информацию проводимого курса лечения, раненые и больные военнослужащие финской армии получали высококвалифицированную медицинскую помощь, в том объеме и того же качества, что и советские военнослужащие. Это подтверждается не только анализом тех данных, которые содержат истории болезни финских пленных, но и сопоставление с подобными документами военнослужащих Красной Армии.

Вместе с тем, не стоит требовать от данного источника исчерпывающей полноты и ответа на целый ряд важных, но не освещенных в нем вопросов, так как это в первую очередь документ военно-медицинского учета лечебного учреждения, который не должен быть по определению многословным⁵³⁶ и содержать дополнительную информацию, выходящую за рамки лечебных вопросов.

Останавливаясь на перспективах дальнейшей работы по изучению этого источника, важно отметить, что для более полного исследования необходимо привлечение более широкого круга подобных материалов. Это даст возможность более полно проанализировать не только особенности оказания медицинской помощи в тот или иной период, но и ведения учетной документации.

Феномен фальши: «победа в противостоянии». Финская историография о завершающихся боях лета 1944 г. с советскими войсками

19 сентября 1944 г. Финляндия вышла из войны на стороне фашистской Германии. Подписывая в этот день в Москве соглашение о перемирии представители Финляндии признали фактически поражение страны в войне и приняли установленные им конкретные обязательства, которые предстояло выполнять. Наблюдение за этим возлагалось на учреждавшуюся в Хельсинки Союзную контрольную комиссию (СКК) во главе с А.А. Ждановым. В итоге окончания войны Финляндия восстанавливала существовавшую с 1940 г. государственную границу с СССР и, порвав с Германией, обязана была очистить свою территорию от немецких войск, находившихся в северной части страны.

Но в современную официальную финскую историографию стало настойчиво внедряться иное представление относительно окончания войны. Оно получило определение в весьма пафосном выражении достигнутого якобы Финляндией итога в войне: была одержана «победа в противостоянии». Иными словами получалось так, что результат войны заключался не в поражении, а в победе Финляндии.

Именно в таком смысле отмечалось в Хельсинки в сентябре 2004 г. 60-летие выхода Финляндии из войны. На организованном тогда финским правительством торжественном заседании в виде своего рода научного семинара профессор Охто Маннинен сделал доклад, в котором была изложена «суть» достигнутой Финляндией «победы в противостоянии». Она заключалась, по словам докладчика, в том, что финским войскам удалось воспрепятствовать захвату Советским Союзом Финляндии и ее оккупации. В той финской печати, которая критически восприняла такое истолкование исторического события, связанного с выходом Финляндии из войны и заключением соглашения о перемирии, подчеркивается фальшь выдуманного празднования «победы в противостоянии». Историк и известный журналист Эрки Суси писал в этой связи: «Соглашение о перемирии положило начало независимой миролюбивой внешней политике нашей страны и началу создания добрососедства. На основе соглашения о перемирии всем финнам впервые в истории самостоятельной Финляндии

обеспечивались права человека и гражданские свободы». Совершенно выдуманым назвал автор то, что «празднуется «победа в противостоянии», а не соглашение о перемирии, имевшее столь важное историческое значение.⁵³⁷

Следует однако конкретно обратиться к тем событиям, которое истолковывается как достигнутую Финляндией победу в противостоянии советским войскам, что настойчиво внедряется в финскую историографию в последнее время. Заранее подчеркнем при этом наше желание не умалять проявлявшуюся с финской стороны стойкость в ходе оборонительных боев на ряде рубежей, где наступали советские войска. Рассматриваемый вопрос потребует выяснения происходившего на основе анализа не только сугубо военного аспекта, но и области политической в широком плане, вопросов дипломатического характера.

Что же произошло в условиях, когда 20 июня 1944 г. войска Ленинградского фронта овладели Выборгом и выдвинулись к Вуоксинской водной системе, а войска Карельского фронта в свою очередь перешли в наступление?

Уже 22 июня с финской стороны был предпринят «мирный зондаж». В последовавшем в тот день обращении к правительству СССР, переданном из Хельсинки через Министерство иностранных дел Швеции, выражалась Финляндией готовность отказаться от участия в войне и прервать отношения с Германией. Наряду с этим запрашивались условия мира. Посредническую миссию выполнял в данном случае генеральный секретарь МИД Швеции Э.Бухеман, общавшийся с советским посланником в Стокгольме А.М. Коллонтай.

Уже на следующий день, 23 июня, Коллонтай передала Бухеману ответ из Москвы. «Мы уважаем Бухемана и верим в его миротворческую миссию, - говорилось в этом обращении. - Тем не менее, так как мы были несколько раз обмануты финнами, мы хотели бы получить от финского правительства официальное заявление за подписью премьера или министра иностранных дел, что Финляндия капитулирует и просит мира у СССР. В случае получения нами от финского правительства такого документа, Москва будет согласна принять делегацию финского правительства».⁵³⁸

Финляндское руководство весьма озадачил такой ответ. Оно посчитало, что с советской стороны выдвигалось требование о безоговорочной капитуляции Финляндии, но об этом и слышать не хотели многие члены правительства. Шло время, а из Хельсинки не поступало ответа правительству СССР.

Не исключено, что по дипломатическим каналам из Финляндии предпринимались усилия побудить правительство США оказать содействие в достижении ею более благоприятного способа выхода из войны, для чего из Вашингтона имелись возможности повлиять на советское руководство. В пользу такого предположения говорит тот факт, что 26 июня американский посол в Москве У.А. Гарриман заявил И.В. Сталину, что президент Рузвельт поручил ему выяснить «не сможет ли он, президент, что-либо, по усмотрению Сталина, предпринять в отношении Финляндии». В последовавшем на это ответе Сталина Гарриману было сказано, что «он не знает, что можно было бы сделать в этом отношении» и была изложена суть переданного советским правительством ответа финскому руководству через Бухемана 23 июня. Сталин сказал следующее: «...Советское правительство желало бы получить от финского правительства документ за подписью премьера или министра иностранных дел, в котором указывалось бы, что Финляндия капитулирует и просит у русских мира. Однако скоро уже неделя, как финнам было передано об этом, но никакого ответа от них не поступало».⁵³⁹

Таким образом и в данном случае Сталиным было сказано не о безоговорочной капитуляции. А лишь о капитуляции, которая предусматривала двусторонние переговоры относительно определения содержания соглашения о перемирии. Для чего предполагался выезд финляндской делегации в Москву. При такой постановке вопроса капитуляция означала бы, иначе говоря, выполнение только требования сложить оружие, то есть прекратить ведение боевых действий, чтобы можно было начать мирные переговоры. К тому же существовавшая в СССР с сентября 1943 г. Комиссия по перемирию во главе с К.Е. Ворошиловым составила в течение июня-августа 1944 г. протоколы условий капитуляции для Финляндии, Румынии и Венгрии взамен существовавших ранее проектов документов о безоговорочной капитуляции указанных трех государств. Эти новые «Условия», переданные В.М. Молотову, были положены впоследствии в основу при выработке соответствующих соглашений о перемирии.⁵⁴⁰

В ходе беседы с Гарриманом Сталин сказал, что «не знает, что он мог бы посоветовать Рузвельту» по поводу действий США относительно Финляндии. По мнению Сталина, едва ли мог повлиять разрыв Вашингтоном отношений с

Финляндией на позицию ее правительства. Гарриман в ответ на это заметил, что «президент не хотел бы рвать отношения с Финляндией и таким образом лишать себя последней возможности заявлять финнам при подходящем случае, что если они, финны, заключат мир, то они сохраняют свою независимость».⁵⁴¹

Из сказанного послом США следовало, что позиция американского руководства заключалась в том, чтобы способствовать в конкретно сложившейся ситуации выходу Финляндии из войны и заключению мира. Что же касалось позиции Великобритании, то еще в марте 1944 г. министр иностранных дел А. Иден в беседе с советским послом в Лондоне И.М. Майским сказал, что «в отношении Финляндии у нас с вами ... не будет расхождений». Более того в порядке предложения или постановки вопроса Иден высказался следующим образом: «А не могут ли США сделать новый нажим на финнов, как это было сделано заявлением Хелла в начале февраля, может быть, это помогло бы ускорить капитуляцию Финляндии?».⁵⁴² Следовательно, еще до летнего наступления советских войск на Карельском перешейке и в Карелии явно в Лондоне были настроены довольно определенно: требовать капитуляции Финляндии. Вместе с тем молчание финляндского правительства по поводу полученного предложения из Москвы официально заявить о своем желании вступить в переговоры с СССР заключалось, очевидно, не только в содержании фразы относительно «капитуляции». Фактически дело обстояло в том, что в канун падения Выборга, 19 июня, по распоряжению К.Г. Маннергейма, согласованному с Р. Рюти, начальник генерального штаба финской армии генерал Э. Хейнрикс обратился к немецкому командованию через его представителя в ставке, в Миккели, генерала В. Эрфурта с запросом относительно возможности оказания Германией помощи Финляндии войсками (конкретно речь шла о шести дивизиях) и военной техникой. Ответ пришел быстро. Гитлер обещал предоставить помощь, но при том условии, что финские войска удержат в своих руках рубеж Выборг – Вуокса.⁵⁴³ Первоочередная помощь выразилась вскоре в переброске в Финляндию одной дивизии, бригады штурмовых орудий, эскадры пикирующих бомбардировщиков, противотанковых средств и в увеличении поставок военных материалов. Но для Гитлера важно было добиться теперь от Рюти политического соглашения с Германией, которое выражалось бы в открытом признании Финляндией того факта, что она является сражающейся на

стороне Третьего рейха. Для этого в Хельсинки был направлен И. Риббентроп. Он прибыл туда 23 июня – в день, когда финским правительством было получено из Москвы сообщение по поводу его запроса. О каком в таком случае ответе советскому правительству могла вестись речь в сложившейся ситуации?

Прибывший же в Финляндию Риббентроп проинформировал Эрфурта, что его миссия заключается в том, чтобы по заданию Гитлера окончательно разобраться в складывавшихся отношениях с Финляндией в том смысле, что ею должно быть открыто заявлено о признании себя сражающейся на стороне Германии. В случае уклонения от этого финны лишались бы в дальнейшем соответствующей помощи.⁵⁴⁴ Именно в таком направлении и стал вести себя Риббентроп на переговорах в Хельсинки.

Следовательно финское правительство должно было выбирать: идти на заключение мира или открыто заявить о продолжении «братства по оружию» с Германией и иметь возможность получать от нее военную помощь. Маннергейм выступил за продолжение военных действий и считал, что немецкая помощь имела решающее значение. В ходе беседы с премьер-министром Э.Линкомиесом он сказал, что, по его мнению, нет иной возможности, кроме как принять требование Риббентропа, каким бы тяжелым оно не было». ⁵⁴⁵ Большая часть правительства также склонялась к тому, чтобы дать германскому министру гарантию о своей поддержке его требования.

Вместе с тем В.Таннер, выражая мнение социал-демократической фракции парламента, настаивал на необходимости приступить к переговорам с Советским Союзом и ни в коем случае не брать тех обязательств, которые могли бы привязать Финляндию к Германии, поскольку не считал ее помощь решающей. К тому же и Р.Рюти поддерживал целесообразность ведения мирных переговоров.⁵⁴⁶

Однако тянуть с ответом на требование Германии у финского руководства не было времени. В тот момент советские войска вели уже бои за Выборгом и Маннергейм выражал серьезные опасения за дальнейшие последствия в ходе боевых действий. К тому же Гитлер направил 25 июня телеграмму Риббентропу, в которой говорилось о принятом им решении прекратить всякую поддержку Финляндии, пока она не сделает открытого заявления о своей политике.

В тот же день Риббентроп, посоветовавшись со своим посланником в Хельсинки Блюхером, решил, что для выполнения указанного в телеграмме Гитлера требования необходимо сообщить Рюти. Чтобы он открыто заявил о полной поддержке позиции Германии, «направив об этом письмо фюреру» и выступив с соответствующим заявлением по радио. Как вспоминает Блюхер, он передал министру иностранных дел Финляндии Рамсаю, который вел переговоры с Риббентропом, подготовленный для Рюти набросок письма к Гитлеру и речи по радио.⁵⁴⁷

Риббентроп проявлял, однако, большую нервозность, опасаясь в связи с имевшейся у него информацией, что требование Германии может быть внесено финским правительством на обсуждение в парламенте и там заблокировано представителями «мирной оппозиции» и ряда политических партий. Но это опасение оказалось напрасным. 26 июня Рамсай сообщил Блюхеру, что правительство приняло решение не обсуждать указанной проблемы в парламенте. Рюти склонился возложить на себя ответственность за принятие требования Германии. При этом он основывался на невозможности дальше оставлять фронт без необходимой вооруженной помощи.

В тот же день Рюти передал Риббентропу письмо, адресованное Гитлеру, в котором воспроизводился текст, подготовленный в германском посольстве (в нем были изменены лишь две фразы). Содержание письма сводилось к тому, что президент Финляндии не пойдет на заключение мира с Советским Союзом и не позволит назначенному им правительству или кому-либо иному начать переговоры о мире без согласования с германским правительством. В истории эта акция получила название «соглашение Рюти-Риббентропа». Что же касалось заявления по радио, то с ним выступил премьер-министр Э.Линкомиес. Им со всей твердостью было заявлено, что Финляндия продолжит ведение войны на стороне Германии. По словам Блюхера, эта речь по радио была произнесена «так именно, как было согласовано».⁵⁴⁸

Но у германского руководства не стало уже доверия к финляндским заверениям. Оно считало необходимым вести приготовления к таким действиям, которые, возможно, потребуются осуществлять в случае, если Финляндия захочет выйти из войны. В конце июня по указанию Гитлера верховное командование вермахта разработало план, согласно которому в этом случае Южная и Западная

Финляндия должны были быть взяты под контроль немецких войск и защищаться совместно с теми финскими частями, которые к ним присоединятся. На дальнейшее планировалось и создание некоего оккупационного управления. Вообще же, когда еще только прибыл Риббентроп в Хельсинки, то осведомился у Блюхера, «найдется ли в Финляндии тысяча надежных людей, на которых можно бы было положиться в политическом отношении и которые были бы готовы, если от них потребуют, взять власть в свои руки».⁵⁴⁹

Сама же уступка Гитлеру со стороны финского руководства оплачивалась дорогой ценой во внешнеполитическом и внутривнутриполитическом отношениях для Финляндии. После того, как за рубежом стало известно о соглашении Рюти-Риббентропа, правительство США разорвало дипломатические отношения с Хельсинки. В соседней Швеции открыто осуждали Финляндию за решение продолжать войну на стороне Гитлера, указывая на то, что это приведет в конечном счете ее к разгрому вместе с Германией. В Стокгольме резко осуждалось отстранение финского парламента от участия в определении позиции страны по ключевому вопросу войны и мира. Фактически в отношениях между политическим руководством Швеции и Финляндии образовалась весьма заметная трещина. Об этом можно было судить по резкой критике Бухеманом соглашения Рюти-Риббентропа.⁵⁵⁰

Кризисная внутривнутриполитическая обстановка в Финляндии наиболее отчетливо проявилась в поведении ряда политических партий и действиях «мирной оппозиции». Парламентская фракция Шведской народной партии потребовала выхода из правительства двух своих министров. Один из них – Х.Рамсай был непосредственно причастен к переговорам с Риббентропом. Бурно обсуждался вопрос о возможности дальнейшего нахождения в правительстве и представителей Социал-демократической партии. Жаркие дебаты по этому вопросу в ее парламентской фракции свидетельствовали о недовольстве занятой правительством позиции продолжения Финляндией войны, хотя 36 голосами против 26 решено было все же оставить своих представителей в качестве министров. Наконец, парламентская оппозиция во главе с У.К.Кекконеном требовала от Р.Рюти создания нового правительства, которое бы немедленно прекратило войну и начало затем соответствующие переговоры с СССР.⁵⁵¹

Эти действия приобрели большой размах в самый разгар событий, связанных с пребыванием в Финляндии Риббентропа.

Тот факт, однако, что президент Р.Рюти уступил давлению со стороны Германии побудил «мирную оппозицию» поставить вопрос о замене его на посту главы государства. В ее кругах считали, что К.Г.Маннергейм являлся именно той авторитетной личностью, от которой зависит достижение Финляндией мира в сложившейся обстановке. Поэтому по поручению «мирной оппозиции» У.К.Кекконен составил обращение и направил его 29 июня финскому главнокомандующему. В нем говорилось: «Общая военно-политическая обстановка стала таковой, что в самом спешном порядке необходимо добиться прекращения войны с Советским Союзом. Нам известно, что Советский Союз на определенных условиях готов к заключению мира или перемирия». Но далее указывалось, что правительство СССР «не пошло бы на переговоры ни с президентом Рюти, ни с правительством премьер-министра Линкомиеса». Поэтому необходима их замена и маршал Маннергейм является «единственной кандидатурой», подходящей на пост президента. Кроме того подчеркивалось, что при формировании нового правительства важно предусмотреть включение в его состав Ю.К.Паасикиви, поскольку он пользуется доверием в Советском Союзе. Обращение заканчивалось важной мыслью, что предлагаемые изменения будут означать «денонсацию договора с Риббентропом и разрыв отношений с Германией».⁵⁵²

В приведенных положениях обращения Кекконена от имени «мирной оппозиции» довольно отчетливо видны взгляды влиятельных общественно-политических кругов Финляндии, стремившихся к быстрейшему заключению мира с Советским Союзом. Значимость этого документа усиливается тем, что важнейшие его рекомендации получили затем свое практическое осуществление.⁵⁵³

Но вернемся к тому, что происходило на фронте в ходе боевых действий на Карельском перешейке и в Карелии в июне-июле 1944 г. При наличии даже широкомасштабных оперативных планов ведения боевых действий с финской армией в Ставке советского верховного главнокомандования определились еще до взятия Выборга весьма ограниченные задачи ведения дальнейших боевых действий. Об этом свидетельствует начальник Генерального штаба маршал А.М. Василевский. Он пишет,

что уже 17 июня им вместе с генералом А.И.Антоновым обсуждались у И.В.Сталина перспективы развития операции в отношении Финляндии и тогда было решено, что «после взятия Выборга необходимо будет продолжать наступление и с выходом войск на рубеж Элесенваара —Иматра – Виройоки и освобождением при помощи Балтийского флота Большого березового и других островов Выборгского залива прочно закрепиться на Карельском перешейке и перейдя там к обороне (подчеркнуто мною – Н.Б.), сосредоточить основное внимание Ленинградского фронта на участии в боях по освобождению Эстонии».⁵⁵⁴

Вообще же мыслилось, по словам генерала С.М.Штеменко, «создать угрозу вторжения советских войск в глубину Финляндии к основным политическим и экономическим центрам, в том числе Хельсинки».⁵⁵⁵ Но ориентация на выход войск к рубежу, названному А.М.Василевским, означала реально продвижение их только чуть дальше государственной границы с Финляндией.

Бои же за достижение указанного рубежа приобрели ожесточенный характер в связи с предпринятым с финской стороны возросшим сопротивлением в обороне. Существенную роль в этом сыграли переброска на Карельский перешеек максимально возможного количества дополнительных войск из резерва и других участков фронта. По оценке финских и российских военных историков там масштабы концентрации боевых сил достигли трех четвертей всей армии Финляндии. Группировка финских войск увеличилась более чем в два раза —на пять дивизий и три бригады.⁵⁵⁶ При всем этом весьма значительной оказалась помощь со стороны Германии.

События развивались так, как уже отмечалось, что еще 19 июня начальник штаба финской армии генерал А.Хейнрикс обратился к представителю финских войск в ставке Маннергейма генералу В.Эрфурту с просьбой о предоставлении помощи примерно шестью дивизиями. Маннергейм 21 июня заверил Гитлера в посланной ему телеграмме, что финны «будут до последнего держать оборону».⁵⁵⁷

Немецкая помощь, хотя и не выразилась в направлении в Финляндию шести дивизий, но явилась весьма существенной. Конкретно Финляндию быстро прибыли в помощь оборонявшимся 70 самолетов 5-го германского воздушного флота, бригада штурмовых орудий, 10,5 тысяч противотанковых ружей, 5 тысяч «фауст»-патронов и продвигалась к фронту пехотная дивизия, переброшенная из группы армий «Север».⁵⁵⁸

Четкость в выполнении обещанного, пишет генерал В. Эрфурт, проявленная «обязанность немцев, вызвала в финской ставке неприкрытую радость и облегчение».⁵⁵⁹

Естественно, результативность этих мер была достигнута. Прежде всего финское командование отметило существенные перемены в моральном духе оборонявшихся, поскольку они обрели уверенность в обороне, стали проявлять стойкость в боях,⁵⁶⁰ чего не наблюдалось до этого при паническом отступлении и оставлении сильно укрепленных позиций. Появившееся в пропаганде утверждение о достигнутой якобы «победе» обрело затем в финской историографии официальное определение «победе в противостоянии». Доказывается, что советские войска были остановлены и тем самым угроза оккупации ими страны миновала.

Надлежит в связи с этим сделать следующие существенные уточнения. Наступление советских войск продолжалось. Но в данном случае удар наносился соединениями и частями 59-й армии на Приморском участке. Ею были заняты во взаимодействии с кораблями Балтийского флота к исходу 5 июля острова Выборгского залива. 6 июля маршал Говоров поставил задачу в развитие дальнейшего наступления подготовиться до 12 июля к проведению десантной операции по высадке сразу двух стрелковых дивизий 59-й армии на западное побережье Выборского залива. Кроме того, в течение 4-9 июля войска 23-й армии включились в ожесточенные бои с целью прорыва через Вуоксинскую водную преграду на кексгольском направлении.⁵⁶¹ Иными словами, когда затормозилось наступление северо-восточнее Выборга (в районе Тали – Ихантала) командующий войсками Ленинградского фронта поставил задачу осуществить прорыв с двух фланговых направлений.

Но в это время последовали телеграфные переговоры Сталина с Говоровым, которые удалось перехватить финской разведке и дешифровать. Теперь в финской исторической и мемуарной литературе они дословно приведены,⁵⁶² хотя распространители мифа о «победе в противостоянии» старательно умалчивают о них. И вполне понятно почему: содержание этих переговоров является изобличающим в фальши изобретателей мифа о «победе в противостоянии».

Дело заключалось в том, что ставка ВГК потребовала от Говорова передачи нескольких дивизий в ее резерв для последующего использования в наступлении на другом участке советско-германского фронта. Говоров же просил разрешения оставить ему войска в прежнем составе для нанесения решительного удара по финской армии и заверял в способности достигнуть даже за две недели Хельсинки. Ответ Сталина последовал весьма быстро. Он гласил: «Война будет решаться в Берлине, а не в Хельсинки. Сосредоточенные войска, указанные в распоряжении, должны находиться в резерве, в Ленинграде».⁵⁶³

Полученные финской разведкой данные были немедленно доложены Маннергейму, что дало ему основание сделать заключение о благоприятности для финской армии дальнейшего развития событий. Характерно, что это конкретно отметил в своих мемуарах, приведя сведения, полученные от начальника разведки полковника А.Паасонена. В них указывалось: «Наступление русских на Карельском перешейке, а также в северной части Ладоги отложено по указанию свыше (подчеркнуто мною – Н.Б.)...То обстоятельство, что большую часть танков, использовавшихся для наступления, и артиллерии переброшены на Прибалтийский фронт, свидетельствует, что никакого крупного наступления не ожидается».⁵⁶⁴

Таким образом сказанное подтверждает, что высшее военное руководство Финляндии исходило в оценке обстановки не из того факта, что усилившееся противостояние финских войск определяло решение и действия советского командования. Как известно, впоследствии и сам Маннергейм был далек от того, чтобы прибегать к утверждению чисто пропагандистского характера о достижении якобы «победы в противостоянии». Иначе однако поступили историки, внедряющие этот тезис теперь. Здесь явно повлияла, видимо, политическая конъюнктура.

И, наконец, о сделанном 3 сентября 2004 г. в газете «Хельсингин Саномат» дипломатом и историком Максом Якобсоном утверждении о том, что будто бы «победа в противостоянии» открыла путь к миру. Оставим при этом в стороне удивительное по своей нелепости и извращении реальности заявление автора, называющего в своей статье осуществленное американскими и британскими войсками 6 июня 1944 г. вторжению в Нормандии операцией, «которая 11 месяцами позднее привела к разгрому Германии». Вопреки всякого рода уловкам Якобсона важно иметь

четкое представление как Финляндия все же стала на путь достижения мира после перехода войск Ленинградского фронта 11 июля 1944 г. к обороне на Карельском перешейке.

Ход событий конца лета – начала осени 1944 г. развеивает миф о якобы имевшемся у Советского Союза намерении лишить Финляндию самостоятельности. Из Москвы по дипломатическим каналам давалось ясно понять, что СССР не закрывает двери для установления мира с Финляндией и готов вести с ней соответствующие переговоры. В частности об этом было сказано полпредом в Стокгольме А.М. Коллонтай шведскому посланнику в Хельсинки Х.Бек-Фриису. Затем эти сведения стали также достоянием и финских руководителей.

Стимулирующим фактором к тому, чтобы в Финляндии со всей серьезностью подошли к окончательному решению проблемы выхода из войны явились успехи войск Ленинградского фронта в Прибалтике и прежде всего овладение ими южного побережья Финского залива. А 27 июля, когда советскими войсками был взят город-крепость Нарва, министр иностранных дел Х.Рамсай сказал, что «падение Нарвы создает для Финляндии новую ситуацию».⁵⁶⁵ Показательным для финского военного руководства являлось и то, что на следующий день германское командование отозвало направлявшуюся перед этим в помощь Финляндии 112-ю пехотную дивизию. В Хельсинки понимали, что в складывавшейся обстановке Гитлеру уже все меньше приходилось думать о «братстве по оружию» со своим северным союзником.

Именно в эти последние дни июля в правительственных кругах Финляндии созрело решение действовать без дальнейшего промедления и ликвидировать данное Гитлеру заверение о незыблемости «братства по оружию» с Германией.

В нашу задачу не входит рассмотрение дальнейшего процесса выхода Финляндии из войны, который закончился 19 сентября 1944 г. подписанием соглашения о перемирии. Но важно особо отметить в заключение, что произошедшее продемонстрировало отсутствие у Советского Союза какого либо стремления ущемить государственную самостоятельность Финляндии.

Терийоки 1944 года, глазами очевидцев

Нередко исторические события, которые уже достаточно полно изложены в научно-исследовательской литературе, затем находят свое подтверждение в совершенно неизвестных и еще не введенных в научный оборот источниках. Среди них можно назвать, в частности, воспоминания, которые до сих пор могут раскрыть отдельные детали, на которые ранее исследователи просто не обращали внимание. В этом отношении, несомненно, требуется дальнейшее изучение и те события, которые происходили летом 1944 г. на Карельском перешейке после того как советские войска уже заняли здесь основные поселки и города.

Весьма любопытным представляется, в частности, рассмотрение того, какая складывалась обстановка в Терийоки (Зеленогорске) первом городе, в который вступили части Красной армии, тесня финские войска, наступая на Выборгском направлении. При этом, как известно, бои с финской армией в период наступления войск Ленинградского фронта на Карельском перешейке развернулись с прорыва на реке Сестре. Утром 10 июня 1944 г. после авиационной и артиллерийской подготовки танки, увлекая за собой пехоту, прорвали оборону противника и в первый же день продвинулись на глубину до 14 км.⁵⁶⁶ 11 июня около пяти часов вечера советские части ворвались в Терийоки.⁵⁶⁷ Город был окутан дымом. Большинство каменных домов оказалось взорванным. На перекрестках и в подвалах домов были оборудованы многочисленные огневые точки, доты, дзоты. Но, несмотря на это, часом спустя город удалось полностью освободить от противника.

Как свидетельствуют очевидцы, Терийоки тогда представлял печальную картину. На месте домов были видны лишь груды развалин и пепла, битое стекло, раскиданный домашний скarb вперемешку с брошенной военной техникой.

В руинах находился железнодорожный вокзал. От здания остались обломки обгорелых стен. О движении поездов здесь вообще не могло быть и речи - на всем протяжении от Белоострова до Терийоки и дальше к Выборгу пути были взорваны, насыпи разворочены воронками от снарядов и бомб. Сгорели также хлебопекарня и пивоваренный завод, были разрушены электростанция, типографии, а также здания всех магазинов города.

Первому послевоенному Терийокскому городскому Совету предстояло вдохнуть жизнь в мертвый разрушенный город. Трудная это была задача. Не хватало рабочей силы, строительных материалов. Приходилось на месте изыскивать все необходимое.

Началось все с разминирования территории и ликвидации обнаруженных снарядов, противопехотных противотанковых мин. Саперов подкарауливали мины-сюрпризы на каждом шагу. Не менее важно было обезвредить и очистить в Терийоки все виды источников.

Три четверти всех, зданий в городе было разрушено или сожжено. Всего в нем имелось около 100 пригодных для жилья домов. На проспекте Виертотие (пр. Ленина) оставалось лишь 5-6 пригодных для восстановления каменных зданий. Там разместили магазины, типографию, госбанк и ряд другие учреждения.

В Терийоки вскоре прибыло 360 семей рабочих-переселенцев. Временно передачу электроэнергии в городе стали получать из соседнего поселка Куоккала (Репино). Первым делом восстановили железную дорогу. Из Ленинграда раз в сутки стал курсировать паровоз с двумя вагонами.

С самого раннего утра в городе стучали топоры и звенели пилы. Велись работы по расчистке территории, разбирались фундаменты зданий. Все строения и подходы к ним окутывали километры колючей проволоки. Для ремонта пригодных к жилью помещений и временных построек использовали старые фанерные щиты, бревна, укреплявшие стены траншей и землянок.

Специальные группы жителей восстанавливали железную дорогу. Комендантом железнодорожного поселка стала Зинаида Яковлевна Гдалина. О первых же днях работы на железной дороге поведала Евгения Павловна Баранова, которая тогда проживала со своим мужем-инвалидом Великой Отечественной войны в соседнем от Терийоки поселке Келломяки (Комарово), работая сначала стрелочницей, а потом путевой рабочей. Она отмечала: «Работа была тяжелой. На станции Келломяки нас было всего восемь человек - три стрелочника и пять путейцев. Все женщины. До Терийок была однопутка, а в Келломяках - разъезд на два пути. Мы восстанавливали железную дорогу - труд изнурительный. Впятером мы тащили одну шпалу - руки распухшие, ноги еле волочим. Если одна упадет - мы все падаем, не удержаться... Работали по 12 часов, получали 500 граммов хлеба за труд... На улице Морской (пос. Келломяки – Г.У.) располагалась комендатура. Там были солдаты, которые охраняли военнопленных... На перегоне Терийоки-Келломяки нас, путейцев, заставляли собирать убитых солдат. На специальных тележках мы свозили их в пакгаузы на

улицу Морскую, а оттуда их на машине свозили на улицу Ленинградскую в большую воронку от снаряда. Там похоронены и немцы, и финны, и русские. Все в одной братской могиле... Когда поставили памятник, я не помню...В поселке была и школа на улице Морской, и на 1-м Дачном был детским сад...».⁵⁶⁸

По имеющимся сведениям, уже в 1944 г. в Терийоки произошли значительные перемены. Там, в частности, открылись первые продовольственные магазины, причем овощи, выращенные в совхозе «Тепличный», поступали также и в военные госпитали. К концу года в Терийоки работало десять (!) телефонов. Однако с ближайшими поселками связи еще не было. Кроме того, приступили к строительству водопроводной и канализационно-очистительной станции. Начали прокладывать водопроводную магистраль и городскую канализацию. Заработала электростанция, зажглись лампочки в общественных учреждениях города.

В сентябре 1944 г. открылась начальная школа в доме № 27 на Красноармейском улице. Сюда пришли заниматься 40 ребят 1-4-х классов. Через два года уже стало работать семь детских садов, пять детских домов, дом пионеров, спортивная школа и методическим кабинет. В следующем же году появляются первые здравницы - дома отдыха и санатории. Для работников электростанции открылся санатории «Энергетик». Спустя тридцать лет старожилы здравницы вспоминали то время с заслуженной гордостью. Первыми начали работать девять человек. Директором был В.Я. Васильев.

Как свидетельствуют очевидцы, сложностей было много. Домики ветхие, пустые. самого необходимого нет. Собирали всякую утварь. Отправились по местам боев. Использовали остатки походных кухонь. О настоящем посуде могли только мечтать. «Чайный сервиз» состоял из пластмассовых стаканчиков для бритья. К обеду подавали алюминиевые ложки и вилки. Главным украшением стола были два больших медных чайника. Пищу же варили в непривлекательны железных котлах.

Особенно в памяти переселенцев, работавших на оборудовании санатория, запомнилась первая зима, которую они вынуждены были пережить на новом месте. В их воспоминаниях указывалось, что, в частности, что дров понадобилось очень много. Приходилось отапливать столовую, кухню, корпуса для жилья. По пояс в снегу сами валили деревья в лесу. Пилили и кололи по ночам. Велико было трудовое напряжение. Жили сотрудники в неотремонтированной даче. Не было там даже стекол. Окна на ночь закрывали подушками. Двери не имели петель, их просто приставляли к стенке. Домой возвращались

все вместе, ожидая один другого. Освещали разбитую дорогу факелами, смоченными в керосине тряпками, накрученными на палки.

Когда приехали первые 100 отдыхающих, они проводили вечера за коптилками - свечи были большой роскошью. Но и для коптилок керосина не хватало. Больших трудностей стоил приготовить обед. Овощи, картофель - все поступало в мороженом виде. Их оттаивали в теплой воде, а уж потом начинали готовить. Жили дружно, весело. Успевали концерты для отдыхающих готовить. Сами костюмы шили. Пели, плясали.

В трудных условиях 1945 г. создавались детские здравницы. Первые группы детей в санатории «Зорька» принимали в старых и ветхих зданиях, где протекали крыши, а веранды и вовсе сгнили. Баня и прачечная находились в одном помещении: сегодня купают детей, завтра здесь же стирают белье. Вся медицинская часть - в небольшой комнате. В одном углу - врач, в другом - медсестра, в третьем - лампа «соллюкс», в четвертом - столик лаборанта, а середину комнаты занимало зубоорудное кресло.

Воду носили из колодца. Печей в дачах было около полусотни. Санитарки целыми днями как топили их, так и сами заготавливали дрова.

Не только в самом городе, но и в ближайших поселках открывались здравницы. В 1945 г. в поселке Метякюля (Молодежное) появились первые 50 учащихся ремесленных училищ. Приезжали сюда целыми бригадами с мастерами.

На самые трудные участки восстановления города приходили фронтовики. В родные места вернулся и комиссар 120-го батальона, майор в отставке Николай Николаевич Дружинин. Он работал заместителем директора терийокского санатория «Железнодорожник».

Сразу после окончания военных действий началось активное восстановление железнодорожного транспорта. Первый поезд Ленинград-Терийоки курсировал один раз в сутки. Паровоз тянул три вагона, а находился в пути около трех часов. К 1947 г. был проложен второй железнодорожный путь между Белоостровом и Терийоки.

Осенью 1944 г. открылась 445 средняя школа в деревянном двухэтажном здании на Приморском шоссе. 9 мая 1945 г., когда все население Терийоки собралось отметить знаменательный день Победы, они собрались возле здания городского комитета партии. Размещался он в бывшей «даче Новикова». Среди самых заметных выступлений на этом митинге было выступление ученицы 445-й школы Софии Гдалиной.

Первые четыре года 445-я школа ютилась в полуторاةтажном деревянном доме. Некоторые классные комнаты были не только маленькими по размеру, но и проходными. Первый выпуск школы из 10 человек состоялся в 1948 г.

В 1951 г. в кратчайшие сроки, всего за 9 месяцев, было воздвигнуто величественное здание новой школы. Много душевных сил вложил в работу школы ее директор Андрей Сергеевич Шарков.

С каждым годом город рос и становился все более привлекательным. Жемчужиной Севера стали называть бывший Терийоки - Зеленогорск и ближайшие к нему поселки Карельского перешейка. Безусловно, при этом то, что происходило в этих местах в середине XX века также требует продолжения соответствующего изучения и воспоминания первых послевоенных переселенцев, несомненно, являются весьма важным в этом отношении историческим источником.

История мемориала «Свирская Победа»

О событиях связанных с боевыми действиями Карельского фронта уже существует достаточно большое количество как мемуарной, так и исследовательской литературы.⁵⁶⁹ Однако до сих пор еще мало известно о том, что еще в начале 1950-х гг. существовал целый комплекс материалов, который был создан в условиях продолжающейся войны и отражающий операцию советских войск по прорыву финских укреплений на реке Свирь летом 1944 г. Это была богатейшая коллекция документов, а также фотоиллюстративного и художественного материала, подкрепленного вещественными экспонатами.

К сожалению, созданная на этой основе экспозиция музея в городе Лодейное Поле, так и не смогла сохраниться, хотя, бесспорно, сейчас являлась бы одним из наиболее богатейших собраний, отражающих Свирско-Петрозаводскую операцию Карельского фронта, завершавшую целую эпопею боевых действий советских войск, связанных с битвой против немецкой и финской армий у стен Ленинграда. Тем не менее, сейчас в запасниках Лодейнопольского историко-краеведческого музея сохранились определенные сведения об утраченной экспозиции что, несомненно, не может не представлять определенную источниковедческую ценность.

И прежде всего, следует в этом отношении отметить, что сама эта экспозиция начала функционировать уже с 7 ноября 1944 г., когда в городе Лодейное Поле, ещё не остывшем от минувших боев на берегу Свири в торжественной обстановке был открыт мемориал Славы, названный «Свирская Победа». Дело в том, что еще в разгар Свирско-Петрозаводской наступательной операции против войск финской армии Военный Совет Карельского фронта принял решение о создании этого мемориала. Прежде всего, была организована проектная группа, в состав которой вошли воевавшие здесь архитекторы и художники. Во главе ее был назначен капитан К.Н. Калайда, командир маскировочной роты штаба фронта. Ему помогали архитектор, капитан Б.В. Воронцов⁵⁷⁰ и художник Я.В. Титов. Когда был готов проект, все сооружения музейного комплекса возвели бойцы военно-топографического отряда понтонно-мостового и дорожно-строительного батальонов и другие. Руководил всей работой инженер-майор Н.П. Белов, который являлся заместителем начальника управления Военно-полевого строительства Карельского фронта.

Что же касается самой работы, которая затем достаточно быстро была выполнена, то о ней есть определенные сведения, содержащиеся в специальном буклете, выпущенном ко дню

открытия мемориала. «В предельно короткие сроки, - сказано в нем, - ценою дружных усилий и творческого энтузиазма, по свежим следам недавно прошедшей битвы создан музей большого политического и военно-исторического значения, который должен оставить для последующих поколений памятник великого мужества и военного искусства Красной Армии... Территория музея занимает несколько десятков гектаров. В центре... главное здание музея, в котором собраны документы и материалы, характеризующие героическое сражение; по берегу Свири расположены 7 павильонов с образцами нашей техники и трофейного оружия, захваченного у врага. В территорию комплекса включен участок нашей обороны с сохранившимися траншеями и дзотам. И на всей площади разбит парк».⁵⁷¹

Из более позднего путеводителя по этому музею (1945 г.) узнаём, что в парке было проложено 7 километров дорожек, построено 11 мостов, сохранено 300 метров траншей и посажено 50 тысяч деревьев и кустарников. Это исторический источник повествует далее: «Строители музея – это люди, принимавшие активное участие в освобождении Советской Карелии. Едва успела отшуметь битва, как они взялись за работу и создали выразительный памятник эпохи Великой Отечественной войны. Величественный монумент, красивое здание музея, павильоны, раскинувшиеся на берегу реки, огромный парк с замечательными аллеями акаций, сирени, смородины, хвойных насаждений – всё это дело рук воинов карельского фронта. Они вложили в создание музея много любви, труда, таланта и выдумки. Все выставленные здесь экспонаты собраны и изготовлены офицерами, сержантами и бойцами различных соединений Карельского фронта. Музей «Свирская Победа» - один из памятников славы советских воинов, славы пехотинцев и артиллеристов, лётчиков и танкистов, сапёров и связистов – участников великой Свирской битвы, славы тружеников тыла, выковавших для своей Красной Армии великолепное грозное оружие победы».⁵⁷²

Здание, в котором теперь располагается Лодейнопольский историко-краеведческий музей, как раз и было центральным в мемориальном комплексе «Свирская Победа». Оно имело 9 залов. Причем можно достаточно подробно представить всю ту экспозицию, которая тогда была создана.

Первый, общий зал, как свидетельствует путеводитель, давал представление о роли и значении Свирской операции в ходе отечественной войны. В нем были размещены: Приказы Верховного Главнокомандующего, карты и схемы боевых действий; фотоснимки и макеты важнейших узлов противника; портреты членов Военного Совета Карельского фронта, бойцов и офицеров, отличившихся в боях за Свирь. Следующие же два зала посвящались пехотным войскам. Там находились фотодокументы, показывающие оборону финских войск

на свирском рубеже, а также подготовку советских частей и соединений к форсированию Свири с последующим прорывом обороны противника и дальнейшим его преследованием. Особую ценность в этом отношении представлял целый комплекс документов, отражавший непосредственный ход боевых действий, а также реликвийные экспонаты, такие как оружие Героев Советского Союза и бойцов, которые особо отличились в ходе этой операции. В их числе, конкретно находился автомат № 8785-42 Героя Советского Союза А.И. Степового.

В четвертом зале было широко все то, что характеризовало боевую деятельность артиллерии в этой крупной операции: макеты пушек, действовавших в ходе боев, хорошо выполненные схемы и чертежи, портреты и личные документы героев-артиллеристов, картины, отображающие боевые эпизоды. При этом еще в отдельном павильоне были размещены орудия наиболее отличившихся расчетов и образцы трофейной техники.

В зале инженерных войск и войск связи были представлены макеты финских дотов и дзотов. Модели понтонов, лодок, паромов, посредством которых войска Карельского фронта осуществляли переправу через Свирь. В павильоне можно было увидеть лодку Героя Советского Союза рядового Ф.Г. Загидуллина, перевезшего свыше 300 бойцов на правый берег Свири.

Конечно же, особый интерес представлял радиотелефонный аппарат посредством которого, командир гвардейского соединения генерал-лейтенант П.В. Миронов управлял войсками, форсировавшими Свирь.

Наряду с этим также отдельно существовал зал авиации. В нем размещались материалы, отображавшие подготовку новых временных аэродромов к наступательным действиям и сосредоточение советской авиации к моменту начала наступления. В числе экспонатов были модели типов самолётов и авиабомб, применявшихся в Свирской операции, макет аэродрома «Новинка», с которого наносился первый удар по противнику. Несомненный интерес представляли размещённые в павильонах боевые машины лётчиков, особо отличившихся в боях на свирском участке, авиабомбы всех калибров и систем, которые использовала советская авиация в этой операции.

В зале бронетанковых и механизированных войск давалось представление о роли и значении танков и самоходных орудий в прорыве укрепленной полосы противника. Кроме документальных фотоснимков, картин, скульптур, зарисовок, в зале были представлены макеты боевой техники, машин, а также танков Т-34, Т-70 и самоходных артиллерийских

установок СУ-152, СУ-76 в 1/20 их натуральной величины. В павильонах были размещены танки героических экипажей, участвовавших в прорыве обороны финских войск.

Отдельно существовал зал войскового тыла, в котором демонстрировалась работа автомобильной, дорожной и санитарной служб в период подготовки Свирской операции и в ходе её проведения. В этой части экспозиции имелись уникальные экспонаты: образцы автомобильных деталей, изготовленных в полевых условиях; макеты обмывочно-дизенфекционного пункта и путей санитарной эвакуации от Видлицы до Паши; образцы медикаментов и оборудования, которыми снабжались санитарные учреждения в ходе операции.

В центре заключительного зала была развернута большая карта с указанием линии фронта на 21 июня 1944 г. и линии государственной границы, установленной соглашением о перемирии с Финляндией. Были представлены и документы о восстановлении органов советской власти на освобождённой территории Карелии.

Вся экспозиция сопровождалась большим количеством картин, представлявших собой зарисовки фронтовых художников, в которых изображались места минувших боёв, встречу воинов с жителями освобождённых районов, выход войск на советско-финляндскую государственную границу и т.п.⁵⁷³

Было очевидно, что после открытия экспозиции среди экскурсантов она сразу же стала пользоваться достаточно большой популярностью. В частности, известно, что к первой половине 1946 г. музей посетило 7,5 тысяч человек.⁵⁷⁴ В докладной записке директора музея подполковника А.А. Масловского указывалось: «Местные жители музей любят и посещают его, проводят на его территории выходные дни и праздники. Во вторую годовщину Свирской Победы музей посетило 3 тысячи человек. Многие проезжающие через Лодейное Поле обязательно приходят сюда».⁵⁷⁵

В одной из записей в книге посетителей музея и приводимой в докладной записке директора музея, говорилось следующее: «Трудно передать словами то огромное впечатление, которое оставляет музей. Правильнее всего было бы разделить все впечатления на две части. Первая – это восхищение перед героизмом и мощью Красной армии, которое охватывает посетителя музея; второе – глубокое уважение прекрасным состоянием и тщательным подбором экспонатов. Сейчас все события ещё свежи, но пройдут годы, и будущее поколение счастливых советских граждан с почтением и гордостью будут проходить по прекрасным залам музея. 25.04.1946 г. Группа артистов Ленинградской Филармонии». Другая запись принадлежала уже крупному ученому академику Графтио. 16

мая 1946 г. он прямо указал: «Музей – великолепный памятник грандиозной операции, исполненный с величайшим знанием и воодушевлением. Удивительно хорошо общее расположение зданий музея и его экспонатов. Музей – памятник Славы Героев».⁵⁷⁶

К сожалению, сохранить музей в первозданном виде не удалось. Этот уникальный военный памятник, мемориал «Свирская Победа» в октябре 1951 г. прекратил свое существование. Его павильоны разобрали, экспонаты вывезли в музеи Ленинграда и Петрозаводска. С ним произошло то же самое, что и с музеем Оборона Ленинграда, закрытым в период, когда рассматривалось т.н. «Ленинградское дело». Тот и другой музей насчитывали сотни тысяч экспонатов. На сегодняшний день те уникальные экспонаты почти полностью утеряны.

Тем не менее, как представляется, задача возрождение утраченных исторических ценностей периода Великой Отечественной войны с исчезновением прежнего мемориала не должна остановить исследовательскую и музейную работу, направленную на то, чтобы продолжить то дело, которое была начато в далеком 1944 г.

Финский субстрат в географических названиях Санкт-Петербурга

В региональной топонимике важное значение имеет изучение географических названий иноязычного происхождения. На основе исследования иноязычных топонимов делаются выводы о языке населения, предшествовавшего данному, устанавливаются ареалы иноязычной топонимики, предлагаются выводы лингвистического и этногенетического порядка. До сих пор о топонимическом субстрате известно следующее: 1. Понятие топонимического субстрата. 2. Принципы выделения субстратных топонимов. 3. Методы изучения субстратной топонимии. 4. Субстратная топонимия и топонимическая система данного региона.

Что такое языковой субстрат вообще? Языковой субстрат – это «язык, побежденный другим языком в результате их взаимодействия и борьбы в пределах единой территории».⁵⁷⁷ Под субстратом часто понимают и слой в языке, возникший под влиянием предшествующего побежденного языка, т.е. фактически понятие «субстрат» часто отождествляется с понятием «субстратные черты». Важно подчеркнуть, что о субстрате как о специфическом виде языкового взаимодействия речь может идти лишь тогда, когда имеется в виду внутрирегиональное контактирование языков и их носителей, причем понятие субстрата отражает именно одностороннее (направленное) действие побежденного языка на язык-победитель.⁵⁷⁸

Однако в топонимике стихийно сложилось несколько иное понимание субстрата. Топонимические исследования вложили в них специфическое понимание субстрата применительно к потребностям топонимики. Под субстратом в топонимике чаще всего понимается язык топонимии всякого населения данной территории, которое предшествовало во времени населению, ныне доминирующему в пределах этой же территории.⁵⁷⁹

Отметим, что сама наука топонимики как нельзя лучше отвечает освещению понятия субстратности. Ведь эту науку часто называют топонимией и топономастикой. Термин «место» (топос) и «имя» (онома), - учение о местных именах, о названиях мест. Заметим, что словом «топонимика» обозначают также и тот фактический материал, который является здесь предметом изучения, т.е. совокупность географических имен какой-либо определенной местности или определенной языковой (финский субстрат) принадлежности.⁵⁸⁰

Такое понимание топонимического субстрата оправдано по следующим причинам. Прежде всего, топонимика, пользующаяся в значительной степени методами лингвистической географии, нуждается в установлении стратиграфии топонимов, то есть в выделении слоев (или «стратов») топонимии, которые различаются лингвистически и исторически. При синхроническом подходе к исследованию топонимии данного региона первостепенное значение приобретает фонетический облик топонимов различных слоев, их морфологическая и словообразовательная характеристика, морфологические особенности, степень лексической однородности и семантической прозрачности, функционирование в языке и т.д. При диахроническом подходе наиболее важно установление пространственного размещения топонимов различных слоев, в том числе установление топонимических ареалов, этимология топонимов и их хронологизация. Понятие стратификации пришло в топонимику из лингвистической географии. Под стратиграфией в топонимике понимается наличие слоев топонимии, имеющих определенную пространственно-временную характеристику. Это установление таких слоев исследователем.

В понятие стратификации входит выделение не только разноязычных слоев, но и различных пространственно-временных слоев топонимии одного и того же языка, последовательности различных синхронных срезов одного и того же языка, понимаемого как развивающаяся система.

Теперь важно определить субстратную форму. Субстратной формой называется первоначальная форма иноязычного топонима, восстановленная теоретически или установленная по старым записям.⁵⁸¹ В рассматриваемом нами случае местного финского субстрата имеются в виду старые шведские записи. Так, например, шведское название Невы – Ньюен – близко к финской субстратной форме «Нева». Далее важно в какой степени старинные субстратные формы соотносятся с нынешними суперстратными – уже русскоязычными – формами. В данной связи интересно суперстратное название «Термолото» на северо-западе Петербурга в том отношении, то форма «термоляйнен» в свое время стала названием местных ингерманландцев. Звуковой облик данной формы несомненно указывает на финское гидронимическое указание «тёрмя» - крутой берег, что свойственно холмистому северо-западу Петербурга.

Давно уже вошло в научный обиход субстратное происхождение многих топонимов и гидронимов Петербурга. Среди них следует отметить гидроним Охта – «медвежья река», хотя давняя народная этимология приписывает происхождение гидронима из восклицания Петра I: «Ох та!».

Гидроним Карповка указывает на финское «корпи» - густой лес.

Если топоним Автово указывает на финское «аутио» - пустырь, то топоним Лиговка отсылает к финскому существительному «лика» - грязь, в то время как Парголово скрывает в себе финское существительное «парка» - бедняга.

Однако многие топонимы остаются еще темными: Купчино и Южки и т.д.

**Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями
(XIX – начало XX века)**

Начало активизации миграционных контактов между Россией и Финляндией относится к XVIII веку, после возвращения под власть России Приладожской Карелии и Карельского перешейка (в результате Северной войны) и присоединения к ней Юго-Восточной Финляндии (в результате русско-шведской войны 1741-1743 гг.). В 1744 г. все эти земли были выделены в отдельную губернию с центром в Выборге. Именно с этой территории, известной также как Старая Финляндия, перемещение населения на территорию Петербургской и некоторых других российских губерний было особенно активным. В период финляндской автономии (1809-1917 гг.) Выборгская губерния, включенная в 1811 г. в состав Великого княжества Финляндского, продолжала удерживать первенство среди других финляндских областей по части миграционных связей с Россией, что объяснялось, в частности, традиционностью хозяйственно-культурной ориентации населения Старой Финляндии на восток и территориальной близостью к Петербургу.

Особенность миграционного движения из Выборгской губернии и Финляндии в целом в Россию состояла в том, что, в отличие, к примеру, от переселений из Прибалтики, оно не было связано с аграрным вопросом. Это объясняется в первую очередь тем, что в Финляндии не наблюдалось того аграрного переселения и земельного голода, который имел место в Прибалтике. Крестьяне Эстляндской и Лифляндской губерний, освобожденные от крепостной зависимости в результате реформ 1816 и 1819 гг., но не получившие при этом земли, были вынуждены искать новые возможности в России, которые стали более благоприятными после реформы 1861 г. и разрешения аренды и купли-продажи земельных участков в российских губерниях. В Финляндии, где раньше не было крепостного права, сельской общины и крестьянское население было более редким, земельный вопрос не представлял такой остроты. Зато наблюдался избыток рабочей силы в городах, равно как и среди сельских ремесленников. Согласно закону о единонаследии, сохранившему силу еще со шведских времен, крестьянские наделы нельзя было делить, и они доставались по наследству старшим сыновьям, младшие же должны были искать другие средства к существованию. Чаще всего они избирали себе различные ремесленные занятия. Наиболее престижным было кузнечное дело, распространены были также портновское мастерство и

сапожное ремесло.⁵⁸² С. Юнгар следующим образом объяснял мотивы, побуждавшие ремесленников выезжать из Финляндии: «Цеховое законодательство в Финляндии, затруднявшее возможность стать самостоятельным ремесленником... способствовало тому, что ученики и ремесленники покидали страну, особенно в периоды избытка рабочей силы. При такой ситуации формально более свободные условия в Петербурге, большие возможности стать самостоятельным ремесленником или иным способом заработать деньги благодаря знанию своего ремесла, вероятно, должны были казаться заманчивыми финляндским ремесленникам и ученикам».⁵⁸³

Наибольшей привлекательностью для финляндцев пользовалась столица Российской империи: Петербург в XIX – начале XX вв. был настоящим центром финляндской иммиграции. Для этого имелось несколько причин. Петербургская губерния территориально была близко расположена к Финляндии, и переезд туда не представлял большой сложности, особенно после постройки Сайменского канала (законченного в 1856 г.) и железной дороги, связавшей Петербург с Великим княжеством (линия Петербург–Выборг была закончена в 1870 г., позднее была также построена ветка Петербург–Кексгольм). Как имперская столица и один из крупнейших промышленных, научных и культурных центров страны Петербург мог предложить разнообразные возможности для поиска временной и постоянной работы и получения образования. Наконец, имело значение и то обстоятельство, что в Петербургской губернии проживало значительное число этнических финнов и представителей других прибалтийско-финских народов. В самом Петербурге имелась финская община, в Ингерманландии действовали финские лютеранские приходы, так что для финляндских подданных эта земля не была настолько чужой в этническом и конфессиональном отношении, как другие российские территории (исключая в какой-то степени Восточную Карелию и Эстонию). Рост финского населения Петербурга был особенно активным с середины XIX в. В 1820 г. в городе насчитывалось 5776 финских жителей, в 1869 г. – 17 205,⁵⁸⁴ а в 1881 г., на пике финской иммиграции в Россию, численность финнов в столице составила 24 374 человека,⁵⁸⁵ после чего наметилось ее некоторое снижение. Финское население имелось и в других городах Петербургской губернии. Согласно сведениям на 1910 г., в Кронштадте, в частности, проживали 703 финна, в Ямбурге – 530, в Шлиссельбурге – 342, в Царском Селе – 320, в Колпино – 250.⁵⁸⁶

Вне городских центров финляндцы в Петербургской губернии селились редко: подавляющее большинство примерно 110-тысячного сельского финского населения Петербургской губернии составляли местные финны-ингерманландцы, в уездах губернии, по

данным переписи 1897 г., насчитывалось лишь 11 196 финляндских подданных.⁵⁸⁷ Больше всего их было в Северной Ингерманландии (южной части Карельского перешейка): 4392 человека в Шлиссельбургском уезде и 4381 в Петербургском.⁵⁸⁸ Сравнительно много финляндских подданных встречалось в начале XX в. среди жителей Колтушской и Токсовской волостей.⁵⁸⁹ В уездах финляндские выходцы редко сами оседали на земле. Главным образом они приезжали наниматься на временные работы в ингерманландские деревни. Чаще всего приезжие финны находили себе применение на летний период в качестве пастухов. Как правило, пастух заключал с деревней договор на лето о выпасе коров и овец, его заработок за сезон варьировался от 20 до 50 рублей, в зависимости от размера стада, при этом местные крестьяне обеспечивали его также ночлегом и питанием. Летом и осенью в Ингерманландии порой возникала потребность в дополнительных рабочих руках на сенокосных работах и уборке урожая, в частности, при выкапывании картофеля (особенно в Колтушах, славившихся своими картофельными урожаями), и здесь пришедшим финнам также иногда находилась работа.⁵⁹⁰ В основном на такие работы приезжали жители пограничных с Ингерманландией приходов Карельского перешейка. Стабильным спросом в Петербургской и даже соседних губерниях пользовался труд финских строительных рабочих – плотников, каменщиков и маляров. До завершения постройки Сайменского канала и железной дороги жители финляндской части Карельского перешейка промышляли также перевозкой грузов на лошадях в Петербург и обратно; вес груза на одну лошадь составлял в среднем около 25 пудов (400 кг.).⁵⁹¹ В отдельных случаях финляндские выходцы брали земельные участки в аренду, но численность таких арендаторов была невелика. Имеются, в частности, данные о том, что в Петергофском и некоторых других уездах финляндские выходцы брали землю в аренду у частных владельцев. К примеру, в рапорте пристава первого стана Петергофского уезда, составленном в феврале 1879 г., сообщается о наличии на территории стана 81 семьи переселенцев-арендаторов, из них 32 арендатора были финляндскими уроженцами (большинство – из Выборгской губернии, а также из С.-Михельской и Куопиоской), остальные происходили из Эстонии.⁵⁹² На острове Котлин (фин. Ретусаари) жили финны, промышлявшие рыболовством. Некоторые финляндцы трудились в качестве ремесленников и на промышленных предприятиях на территории губернии за пределами Петербурга, в частности, в Кронштадте, Шлиссельбурге и Нарве. К примеру, Шлиссельбургский пороховой завод, основанный в 1865 г., привлек в свои цеха значительное количество финнов и эстонцев. В начале 1910-х гг. в поселке Невская Дубровка было основано норвежско-финское

предприятие по распилке леса и бумажному производству, на котором также нашло себе применение известное число финляндцев.⁵⁹³

Еще одна особенность российско-финляндских миграционных связей состояла в том, что миграционное движение было встречным. Наряду с переселениями, на временной или постоянной основе, из Финляндии в Россию, имело место движение населения в противоположном направлении. Наиболее активным это движение было опять же в близлежащую Выборгскую губернию («Новую» Финляндию российские подданные начали «осваивать» лишь после 1809 г.). С XVIII века на Карельском перешейке существовало два русских анклава: села Красное Село (Кююрёля) в волости Муолаа и Райвола (Райвола) на границе волостей Кивеннапа и Уусикиркко. Их население составляли потомки крепостных, переселенных на эти земли владельцами донационных (дарственных) имений. В Выборге уже до образования Великого княжества имелось значительное русское население.⁵⁹⁴ К 1850 г. русские составляли более половины всего выборгского купечества, в дальнейшем их доля начала снижаться.⁵⁹⁵ Однако еще в 1880-е гг., по данным изданного в те годы торгового календаря, русские составляли 55-60 % всего купечества городов Выборг, Кексгольм, Сортавала (Сердоболь) и Хамина (Фредриксхамн).⁵⁹⁶ Русскоязычные жители, значительная часть которых была связана с торговлей, в 1880 г. составляли 20 % всего населения города Лаппеенранта (Вильманstrand).⁵⁹⁷ Наряду с торговлей, русские предприниматели занимались и производством: на территории Выборгской губернии ими было основано несколько металлургических, лесопильных, стеклянных заводов. Для работы на этих предприятиях нередко привлекалась и русская рабочая сила, с которой хозяевам легче было иметь дело. Выборг, наряду с Хельсинки, оставался основным центром концентрации русского населения в автономной и в независимой Финляндии. По данным на 1900 г., в частности, в Выборге проживали 5350 российских подданных (в Хельсинки – 5304).⁵⁹⁸

Помимо крупных предпринимателей и их работников, в Финляндии появлялись, на более или менее длительные сроки, и мелкие русские торговцы и ремесленники. Наряду с миграцией сезонной рабочей силы из Финляндии в Россию, имел место и обратный процесс. Из России в Финляндию приезжали представители тех ремесленных профессий, труд которых мог иметь здесь спрос: либо их специальности были менее распространены в самой Финляндии, либо русские могли предложить свои услуги по более дешевой цене, чем местные мастера соответствующей квалификации. В частности, широкую известность в Финляндии, как в сельской местности, так и в городах, получили русские точильщики ножей и ножниц. В селениях Карельского перешейка предлагали свои услуги русские конопатчики,

лудильщики, жестянщики, стекольщики (последние приезжали, в частности, из Олонецкой губернии): эти ремесленные занятия имели репутацию специфически «русских».⁵⁹⁹ В 1880-е гг., когда в Финляндии, в связи с хозяйственным подъемом, начался строительный бум, здесь стали появляться артели русских рабочих различных строительных специальностей: каменщиков, штукатуров, маляров. Дороги в финских городах мостили также артели приезжих из России рабочих. Как правило, миграция рабочей силы такого рода имела сезонный характер: артели из России обычно приезжали весной и осенью уезжали назад. Местным работодателям было выгодно иметь с ними дело: русские рабочие выполняли свою работу более качественно, чем местные, и в то же время соглашались на более дешевую оплату своего труда.⁶⁰⁰ Тем более, что русским предпринимателям, бравшим строительные подряды, удобнее было общаться именно с русскоязычными рабочими. Появлялись на Карельском перешейке и в других финляндских местностях, несмотря на законодательные запреты и всяческие препоны, и бродячие торговцы-коробейники из России (в Финляндии их называли *konttikauppiaat* или *laukkuryssät*); коробейниками могли быть как русские, владевшие в той или иной мере финским языком, так и ингерманландцы и беломорские карелы.⁶⁰¹ В 1872 г., в частности, в Финляндии побывали свыше 3000 коробейников, их торговые обороты доходили до двух миллионов рублей.⁶⁰² Часть русского населения Выборга, Хамины, Лаппеенранты, как и других финляндских городов, составляли семьи русских военнослужащих, чиновников и священнослужителей.

Со второй половины XIX в., особенно после ввода в эксплуатацию Финляндской железной дороги, в Выборгской губернии, в первую очередь в прибрежных местностях Карельского перешейка, во все возрастающих количествах стали появляться русские дачники. Дачный бум на Перешейке достиг своего пика в начале 1910-х гг. К 1908 же г., по данным Выборгского губернского сельскохозяйственного комитета, в волостях Кивенапа, Уусикиркко, Муолаа, Куолемаярви и Койвисто российским подданным принадлежало в общей сложности 4730 дач, 230 дачных участков и 333 надела без построек.⁶⁰³ Только в Терийоки в 1911 г., согласно полицейским данным, количество отдыхающих (предъявивших российские паспорта) составило 45 960 человек, в июле 1912 г. – 46 500 человек, а летом 1914 г. оно доходило до 75 000 человек (при том, что постоянное население Кивенапа и соседней волости Уусикиркко составляло лишь около 35 000 человек), в целом же по Перешейку, по некоторым данным, число отдыхающих превышало 100 000 человек.⁶⁰⁴ Среди владельцев и съемщиков дач на Карельском перешейке преобладали, что вполне естественно, жители

Петербурга. Владельцы дач привозили с собой и русскую прислугу, которая подчас проживала там круглый год.

События 1917 г. и последующих лет придали новую специфику перемещениям населения через границу на Карельском перешейке, ставшую теперь межгосударственной. При этом движение продолжалось в обоих направлениях. Подданные бывшего Великого княжества Финляндского, проживавшие в России, стремились вернуться в Финляндию, туда же бежало от эксцессов внутриросийского кризиса немало русских и ингерманландцев (большинство последних позднее вернулись на родину). С другой стороны, часть русского населения Финляндии после провозглашения независимости последней была выслана или выехала по своей инициативе в Россию, туда же бежали, спасаясь от белого террора, многие «красные финны» - участники потерпевшей поражение финляндской революции.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. Хамфельд

**Научное сотрудничество между университетом Упсала и Санкт-Петербургом:
современное состояние и перспективы**

К истории геральдики и вексиллологии Великого княжества Финляндского

Период, когда Финляндия входила в состав Российской империи в качестве Великого княжества Финляндского является важным этапом в развитии геральдики и вексиллологии страны Суоми.¹

Во-первых, именно в этот период формируются основные государственные символы Финляндии и прежде всего государственный флаг страны. До присоединения Финляндии к России цветовым прообразом государственного флага был синий прямоугольный флаг с тремя косицами (треххвостыми или трехступенчатыми вырезами на конце), который являлся флагом шведской военной флотилии, находящейся в Выборге. Этот флаг условно считался финским флагом. В 1813 г., уже после вхождения Финляндии в состав Российской империи, был введен финский торговый флаг в виде синего прямоугольного полотнища с российским государственным триколором в крыже и с изображением под ним двух скрещенных кадуцей.² 13 мая 1848 г. в Гельсингфорсе на Кумтехском поле под звуки впервые прозвучавшего национального гимна представителями студенческого союза Императорского Александровского университета³ было поднято белое полотнище с финляндским гербом.⁴ Это было фактически первое точное государственное вексиллологическое определение страны.

С 1883 по 1912 гг. на территории Великого княжества Финляндского для лоцманских станций и маяков использовался белый флаг с голубым прямым крестом (в традициях скандинавской группы государственных вексиллологических символов) и солярным знаком в крыже. Несколько ранее, в начале 60-х гг. 19 в. финскими яхтклубами использовался именно такой бело-голубой флаг, но вместо солярного знака в крыже помещался соответствующий герб округа или города. Иногда подобные гербы изображались под российским триколором, который располагался в крыже бело-голубого флага. Уже на рубеже 19-20-х вв. в финской прессе развернулись оживленные дебаты по поводу национального финского флага. Поборником белого флага с голубым крестом был известный скандинавский поэт-гуманист Закрис Топелиус.⁵ Предлагался также флаг в виде красного полотнища с синим или желтым крестом (в соответствии с основной расцветкой финляндского герба 13 в.). Его изображение было помещено в гельсингфорской газете «Дагблад» - отсюда и его условное название «Дагбладский флаг». Однако, флаги с

изображением старинного финляндского герба или гербового финляндского льва на полотнищах гербовых цветов: красного или желтого, получили большее распространение и уже в 1915 г. они считались почти официальными флагами Великого княжества Финляндского. Поэтому, когда в декабре 1917 г. Финляндия получила независимость, красный флаг с гербовым львом был объявлен официальным государственным флагом Финляндии.⁶

Во-вторых, древний государственный герб Финляндии 13 в., узаконенный в 1556 г. сыном шведского короля Густава 1 Ваза Юханом, после присоединения Финляндии к России прочно вошел в число российских геральдических символов. Так, например, щит с финляндским гербом был помещен на лицевой стороне специальной медали, посвященной 300-летию празднования принятия лютеранства в Финляндии и учрежденной 31 октября 1817 г.⁷ Он же украшал знамена всех воинских частей Великого княжества Финляндского (включая и пожалованные им Георгиевские знамена). В 1832 г., при императоре Николае I, на левом крыле двуглавого российского орла, среди титульных гербов, появился и герб Великого княжества Финляндского (т.е. все тот же финляндский герб XIII в., но без герцогской короны). Еще ранее, в 1826 г. к коронации Николая I изображение старинного финляндского герба было помещено на государственном знамени России. После завершения работ по приданию российским государственным символам западноевропейских черт, проводимых под руководством управляющего Гербовым отделением Департамента герольдии Сената барона Б.В.фон Кене, 8 декабря 1856 г. был утвержден Малый государственный герб России. На нем, на левой стороне двуглавого орла был закреплён все тот же финляндский герб. 11 апреля 1857 г. он же был утвержден в качестве титульного герба на всем комплекте государственных гербов Российской империи: Большом, Среднем и Малом.⁸ Финляндский герб вошел и в изображение окончательного варианта Большого государственного герба России, утвержденного 3 ноября 1882 г. императором Александром III,⁹ и в изображения Среднего и Малого российского государственных гербов, утвержденных 23 февраля 1883 г.¹⁰ Причем, на Большом и Среднем государственных гербах Российской империи гербовый щит Великого княжества Финляндского был дан с так называемой финляндской короной в виде золотого венца с драгоценными камнями, к которому прикреплялись сходящиеся под золотым яблоком (державой) две золотые дуги, украшенные жемчугом, и черным государственным российским орлом с красным щитком Московского герба в его груди. Золотое яблоко было увенчано алмазным крестом. На территории же Финляндии для украшения гербового щита использовалось изображение короны

западноевропейских великих княжеств (так называемый финский вариант короны Великого княжества Финляндского). Финляндский герб украсил и новые государственные знамена России 1856, 1883 и 1896 гг., изготовленные к коронациям российских императоров Александра II, Александра III и Николая II. В 1904 г. вышел Указ о форменной одежде для чиновников гражданского ведомства Великого княжества Финляндского. На пуговицах мундиров данного ведомства помещался финляндский герб, правда в щитке, увенчанном российской императорской короной.¹¹

В-третьих, заметным явлением в российской и финляндской геральдике было введение специальных гербов для образованных в 1811 г. губерний Великого княжества Финляндского. Все они в эмблематической форме отражали историю данных районов земли Суоми. Так, на геральдическом щите Або-Бьернеборгской губернии были представлены эмблемы двух основных центров: Або (г. Турку) – в виде изображения золотых рыцарских доспехов с двумя золотыми копьями со шведскими флагами на красном поле; Бьернеборга (г. Пори) – в виде идущего на задних лапах коронованного медведя с мечом в правой передней лапе на пересеченном сине-желтом поле с двумя серебряными шестиконечными звездами, расположенными по обе стороны от медведя на верхнем синем поле; и Аландских островов, представленных изображением серебряного северного оленя на красном поле. Гербовый щит был увенчан золотой герцогской короной.

В центре герба Вааркой губернии была изображена золотая ваза – символ г. Вазы, на красно-синем скошенном справа щите с серебряной перевязью влево. Гербовый щит был увенчан золотой, украшенной жемчугом, графской короной.

Гербом Выборгской губернии был пересеченный красно-синий щит с изображением трех золотых герцогских корон в верхнем красном поле и золотой литеры «W» - символ г. Выборга, на нижнем синем поле. Щит венчала золотая герцогская корона.

Герб Куопиосской губернии представлял собой рассеченный черно-красный щит, в правой стороне которого на черном поле был изображен герб лена Куопио – золотой лук с золотой стрелой под золотой герцогской короной, а в левой – на красном поле две руки в серебряных доспехах со шпагой и мечом под золотой герцогской короной. Гербовый щит венчала золотая, украшенная жемчугом, графская корона.

Герб Нюландской губернии представлял собой синий щит с двумя волнообразными серебряными поясами, увенчанный золотой, украшенной жемчугом, графской короной, с изображением в центре золотым судном.

На красном щите Сант-Михельской губернии были изображены две руки в серебряных доспехах со шпагой и мечом под золотой герцогской короной. Щит венчала также золотая герцогская корона.

На красном щите Тавастгустской губернии, увенчанной золотой герцогской короной, была изображена золотая, стоящая на четырех лапах рысь. Над ней – три серебряные шестиугольные звезды, а под ней – три серебряные розы, обозначающие шесть уездов, входящих в данную губернию Великого княжества Финляндского.

Герб Улеаборгской губернии представлял собой увенчанный золотой, украшенной жемчугом, графской короной, синий щит с изображением шести серебряных горностаев по числу уездов, входящих в эту губернию.

В целом, геральдические и вексиллологические символы Великого княжества Финляндского составляют яркую страницу в эмблематике страны Суоми. Неразрывно связанные с древней историей Финляндии, они получили дальнейшее развитие и являются важной частью социальной семиотики современной Финляндской Республики.

**Старообрядческие поселения в Финляндии:
система внешних связей во второй половине XIX-начале XX в.**

Дробление старообрядческого движения на толки, административный нажим на религиозных диссидентов приводил к переселению старообрядцев в труднодоступные для гонителей места. К середине XIX в. местом для укрытия приверженцев «древлего благочестия» стала Финляндия, откуда проповедники старообрядчества могли совершать путешествия в сопредельные территории России, распространяя свои пессимистические воззрения на «никонианскую» церковь. Впервые информация о расположенных в Великом княжестве Финляндском Мегорском и Пахкаламбском скитах появляется в материалах делопроизводства российских органов власти в 1839 г., когда при проведении границ между Куопиоской и Олонецкой губерниями обнаружились доселе скрываемые старообрядческие часовни и при них поселение — «общежительство»⁶⁰⁵.

Однако никаких сведений о проповедниках из этих селений, странствующих по Карелии, в деле не имеется. Возможно, эти походы начались лишь в 1856 г., то есть вскоре после разгрома Выговской пустыни и, следовательно, исчезновения общепризнанного лидера старообрядцев Европейского Севера России⁶⁰⁶. В то же время, из документов Олонецкой духовной консистории видно, что карельские старообрядцы регулярно посещали расположенные в Финляндии скиты, где, как говорилось в доношениях священников, «публично совершают службы, как рукоположенные в сан священства, простые мужики»⁶⁰⁷. Речь шла о тех же старообрядческих скитах Пахкаламби и Мегре (Иломанси). По данным финского историка Исмо Бьерна, первый из скитов был основан бежавшим в Финляндию из Олонца крестьянином Марком Алексеевым. Мегорский скит основан в начале XIX в. также выходцем из России — государственным крестьянином по имени Онуфрий⁶⁰⁸. Здесь необходимо заметить, что финский историк основательно изучил хозяйство скитов, происхождение их обитателей и прочие вопросы внутренней жизни старообрядческого пристанища⁶⁰⁹. Однако взаимосвязь между Олонецкой епархией и расположенными в Финляндии скитами осталась за рамками его исследований.

Между тем на протяжении длительного времени расположенные в Финляндии скиты не порывали связь с Россией. С одной стороны, приходящие из Финляндии проповедники были желанными гостями во многих крестьянских домах. Здесь они опирались на помощь и поддержку местных старообрядцев. Как говорилось в отчетах духовенства, «иногда тайно

приходят из пустыни сами наставники или лживые попы их, коих раскольники принимают с честью и скрывают от нас»⁶¹⁰. Этот вывод вполне соответствует наблюдению И. Бьерна: «Обитатели монастырей Иломанси служили духовными наставниками для старообрядцев из соседних приходов, вследствие чего влияние монастыря распространилось по всему Северному Приладожью»⁶¹¹.

Как видно из доношений священников в адрес консистории, старообрядческие наставники, посещая крестьянские дома, осматривали кресты, давая собственные заключения о том, можно ли «этому кресту молиться». В январе 1864 г. один из старообрядческих наставников — выходцев из Финляндии, — сделав прорубь во льду Сандал-озера, «перекрещивал всех желающих» в полном соответствии со старообрядческим суждением о том, что «сатанинское (т.е. совершенное в церкви.-М.П.) крещение несть крещение, но паче осквернение». Часто перекрещивание по старообрядческим правилам происходило во время тяжелой болезни, которую старообрядческие наставники связывали с отпадением от их учения или упорным неприсоединением к старой вере. В такие моменты, как говорилось в документах консистории, «к сему незаконному делу служат поблажкою родственники больного или соседи, которые нарочно посылают за наставником в пустыню». И старообрядец отправлялся в неблизкий и опасный путь из Финляндии, чтобы исполнить свой пастырский долг. Впрочем, иногда старообрядческие наставники из Пахкаламбы подолгу жили в крестьянских домах, поддерживая в крестьянах «раскольнический» дух и попутно, чтобы не есть даром хлеб, занимались вязанием сетей⁶¹². Анализ следственных документов приводит к выводу о высокой активности старообрядцев: им удалось за короткий срок развить успешную деятельность в Соломенском, Шуйском, Ялгубском, Сунском, Кондопожском, Лычноостровском и Машезерском приходах, т.е. в окружающих Петрозаводск, где располагалась Олонецкая духовная консистория, местностях⁶¹³.

Благодаря внимательному изучению материалов делопроизводства Олонецкой духовной консистории, вполне вероятным представляется вывод о том, что обитатели старообрядческих скитов в Пахкаламбе и Мегре принадлежали к федосеевскому толку в старообрядчестве, остававшемуся одним из самых влиятельных в России на протяжении всего XIX в⁶¹⁴. Федосеевцы проживали в Москве, Петербурге, Новгороде, Риге, а также в Польше и по всей Сибири. Кроме того, они обретались в Турции и до настоящего времени живут в Прибалтике. Принадлежность к этому толку создавала разнообразные, в том числе и экономические, преимущества. Доказательством принадлежности к федосеевскому толку финских старообрядцев является, в частности, то, что о своих симпатиях именно к этой части

сторонников «древлего благочестия» заявляли все перекрещенные финскими старообрядцами крестьяне⁶¹⁵. Кроме того, финляндские старообрядцы, которые позднее, на допросах в судебных органах, открыто заявляли о своей приверженности федосеевскому толку, встречали наиболее теплый прием именно в Петрозаводском уезде, где позиции федосеевцев были особенно сильны.

Успеху деятельности старообрядческих наставников-выходцев из Финляндии в значительной степени благоприятствовало то обстоятельство, что финские власти, в отличие от духовной и светской администрации в Карелии, не принимали мер к пресечению деятельности старообрядческих наставников. В этой связи, в частности, священник Гимольского прихода отмечал: «а еще более сим наставникам таковые пакости делать и совращать народ потворствует заграничное свое начальство, нисколько не обращая на такие их дела внимания»⁶¹⁶. В своей поддержке старообрядцев Финляндия была не одинока: старообрядческие общины возникали в разное время в Болгарии, Польше, Соединенных Штатах Америки и Канаде⁶¹⁷. Однако, по сути дела, укрывательство старообрядцев в непростой для них период гонений и создание приверженцам «древлего благочестия» благоприятных условий в Великом княжестве Финляндском все же было уникальным явлением.

Примечательно, однако, что и сами духовные власти оказывались бессильны в борьбе против старообрядческих наставников-выходцев из Финляндии. Распространенным наказанием за бродяжничество, в котором, как правило, обвиняли старообрядческих наставников, была высылка на Кавказ, в Сибирь, или в другие отдаленные губернии. Однако материалы делопроизводства судебных органов показывают, что эта мера применялась исключительно к тем странствующим старообрядческим наставникам, которые были жителями, используя терминологию источников, Империи. В отношении обитателей Финляндии порядок решения дел был иным: после выяснения личности их отправляли обратно на место жительства, откуда они вновь могли вернуться в Олонецкую епархию для продолжения странствий по карельским деревням⁶¹⁸.

Нетрудно заметить, что в своей деятельности старообрядческие наставники опирались на накопленный в старообрядчестве опыт пастырской практики. В момент создания Выговского «общежителства» в нем не ощущалось недостатка в священнослужителях. «Тот факт, что по существующим церковным правилам они не имели на это права, роли для старообрядцев не играл, так как патриарх Никон был объявлен ими Антихристом, а стало быть, все, идущее от него, также несло на себе Антихристову печать»⁶¹⁹.

Продолжение традиций Выговского «общежителства» проявилось и в другой сфере. В расположенные в Финляндии скиты постоянно поступали новые переселенцы, по разным причинам не сумевшие или не пожелавшие сохранять «благочестие» в суровых российских условиях. Довольно часто это были паломники, нуждающиеся во временном жилье, беспрепятственном исполнении религиозных обрядов и, не в последнюю очередь, в общении с единоверцами. В делах Олонецкой духовной консистории эти миграции отражены достаточно подробно: «на исповедь они (жители Карелии.-*М.П.*) ходят иногда явно, иногда тайно, в пустыни заграничные в Пахкаламбу и Мегру»⁶²⁰. К такому же выводу приходит и финский историк: «Монастыри в Иломанси (Финляндия.-*М.П.*) были местом паломничества, где собирались, чтобы предаться благочестивым размышлениям, старообрядцы с обширной территории»⁶²¹. В числе тех, кто постоянно проживал в Пахкаламбском старообрядческом скиту и лишь время от времени появлялся в России, упомянут беглый солдат Евдоким Петров, замеченный в 1864 г. в Ялгубском, Соломенском, Сунском и Кондопожском приходах, где он занимался обычным для старообрядческого наставника делом — перекрещиванием местных жителей по старообрядческим правилам⁶²².

Помимо опоры на те территории, где законодатели отличались большей терпимостью к старообрядческому вероучению, сторонники «древлего благочестия» могли найти поддержку в Петербурге, старообрядческая община которого к концу XIX в. стала богатой и влиятельной. Поддержка северных старообрядцев выражалась, во-первых, в поставках «пропитания», которое распределялось среди приверженцев «древлего благочестия» и, во-вторых, в присылке литературы⁶²³. Священники Олонецкой епархии, вплотную занимающиеся «противораскольнической» деятельностью, были убеждены в том, что обе разновидности материальной поддержки старообрядцев переплетены: выходцы из Мегорского и Пахкаламбского скитов и являются посредниками в обеспечении старообрядцев разнообразной помощью, поступающей из Санкт-Петербурга. Таким образом, они унаследовали один из главных источников существования Выговского «общежителства»: пожертвования «доброхотов».

Заметим, что поддержка финских старообрядческих поселений выражалась и в иной форме: вплоть до прекращения своего существования, произошедшего в начале XX в., они принимали в состав своей братии выходцев из России, которые становились духовниками, т.е. занимали весьма влиятельные и требующие немалой богословской подготовки должности в старообрядческой иерархии⁶²⁴. Прекращение притока переселенцев из России,

произошедшее после вероисповедных реформ 1905 г., стало основной причиной исчезновения старообрядческих поселений в Финляндии⁶²⁵.

Итак, успех деятельности старообрядческих наставников — выходцев из расположенных в Финляндии скитов, стал возможен благодаря сочетанию ряда факторов. Прежде всего, финские старообрядцы заполнили своеобразную лакуну, образовавшуюся после исчезновения Выговской пустыни — крупнейшего духовного и экономического центра «древнего благочестия» на Европейском Севере России. Кроме того, финским старообрядцам удалось восстановить важнейшие составляющие части внешних связей старообрядческих поселений Карелии: во-первых, отношения с влиятельными благотворителями, проживающими в столице, и, во-вторых, обширные контакты с местным населением, опирающиеся на традиции наставничества и устойчивую систему связей местного населения с Финляндией.

Страны Скандинавии в русских иллюстрированных изданиях из собрания Николая Соловьева

Среди петербургских коллекционеров начала XX века Николай Васильевич Соловьев был личностью заметной и яркой. Известный книжный деятель, издатель журналов «Антиквар» и «Русский библиофил», владелец знаменитого книжного магазина, он с юных лет питал нежную любовь к странам Скандинавии. В его обширной библиотеке, собирать которую Соловьев начал еще в гимназические годы присутствовал, по свидетельствам современников, большой раздел, посвященный скандинавским странам. Книги о странах Северной Европы всегда присутствовали и в ассортименте его книжного магазина. Магазин Соловьева, благодаря неустанным заботам Николая Васильевича, был не просто известным торговым заведением, а явился, по сути, первым в Петербурге специальным магазином – клубом для коллекционеров иллюстрированных изданий и графики. В своей деятельности Соловьев пытался совместить страсть к коллекционированию с заботами книготорговца. И в его случае желание коммерческого успеха все же оказалось менее сильным, чем любовь к «изящным изданиям». В процессе комплектования книжного фонда своего магазина Соловьев первым среди петербургских букинистов начала XX века стал целенаправленно собирать редкие иллюстрированные издания разнообразной гуманитарной тематики. Но со многими из них, даже предназначенных к продаже, расстаться он не мог, оставлял для собственного собрания, основная часть которого располагалась в его же магазине.

О тематическом подборе книг, в том числе и о Скандинавии, сообщали каталоги «Антикварной книжной торговли Н.В. Соловьева», известные каждому петербургскому коллекционеру и библиофилу. Хотя книги о Скандинавии, в том числе и издания иллюстрированные, составляли не основную часть от общего ассортимента, но, судя по каталогам «Антикварной книжной торговли Н.В. Соловьева», присутствовали они в магазине постоянно и давали возможность заинтересованному покупателю – коллекционеру приобретать разнообразные издания о странах Северной Европы.

Николай Васильевич Соловьев (1877-1915), по отзывам современников «самый образованнейший и даровитейший из всех русских книжников старого и нового времени»⁶²⁶, родился в Петербурге 11(24) февраля 1877 г. Его отец, Василий Ионович Соловьев, был владельцем многих фруктовых и бакалейных магазинов, знаменитого «соловьевского» гастронома на Невском проспекте, ресторанов, винных складов и двух гостиниц. Не

стесненный в средствах, он дал сыну великолепное образование. Младший Соловьев окончил Анненшуле (мужскую гимназию при Лютеранской церкви святой Анны) и юридический факультет Петербургского университета. С юных лет Соловьев начал собирать собственную библиотеку, отдавая предпочтение книгам по библиографии и истории, иллюстрированным изданиям о России и Скандинавии. К моменту окончания Университета⁶²⁷ его книжное собрание было уже весьма значительным и являлось предметом гордости владельца. Издания о Финляндии из собственного собрания использовал Соловьев для написания первой статьи «Еще о Финляндии». В 1898 г. он обратился к Сергею Николаевичу Шубинскому, редактору популярного журнала «Исторический вестник», с просьбой «если найдется возможность, просмотрев, поместить ее [статью о Финляндии – *С.И.*] в Вашем уважаемом журнале»⁶²⁸.

Продолжил свое образование Николай Соловьев, путешествуя по Европе, где посетил знаменитые университетские центры Германии и Сорбонну. Он изучал опыт работы европейских антикварных книжных магазинов, знакомился с собраниями крупных зарубежных библиотек. После почти двухлетнего отсутствия, в 1901 г. Соловьева вернулся в Петербург, и его интересы оказались всецело сосредоточены на вопросах коллекционирования книг и графики. Он завязал знакомства с петербургскими букинистами В.И. Клочковым и П.П. Шибановым, коллекционером графики Н.К. Синягиным, активно пополнял библиотеку, приобретал редкие иллюстрированные издания. Устремления Николая Соловьева развивались далеко от семейного бизнеса, а Соловьев – старший желал видеть сына продолжателем фамильного дела и доверил Николаю Васильевичу руководство одной из своих гостиниц – «Большой Северной»⁶²⁹. Управление гостиницей мало интересовало молодого Соловьева и отец, разгневанный его небрежением к порученному делу, лишил сына материальной поддержки. Проявив твердость характера, в том же 1901 г. без помощи родных, на собственные средства Соловьев открыл в доме 11 по Симеоновской улице небольшую книжную лавку и положил в основу предприятия собственную библиотеку с ее скандинавским разделом.

Первое время в книжном мире он был фигурой скромной, но очень скоро прекрасное образование, знакомство с европейской антикварной торговлей, личный опыт коллекционера сделали Соловьева известным среди петербургских собирателей и книгопродавцев. Его магазин стал заметным явлением в книжном мире Петербурга, прежде всего потому, что Соловьев изначально определил ему необычные для книготоргового заведения задачи. Он задумал создать первый в своем роде магазин – собрание, магазин – коллекцию редких

иллюстрированных книг, роскошных «библиофильских» изданий, гравюр и рукописей, место, где эти издания можно было не только купить, но изучить, просмотреть, сравнить с другими экземплярами и с экземплярами его личного собрания. В своей деятельности Соловьев стал ориентироваться, прежде всего, на особый слой собирателей – коллекционеров, знатоков книг и графики, а не просто любителей старины.

Популярность магазина поддерживали известные у собирателей-книжников «Каталоги книг антикварной книжной торговли Н.В. Соловьева». Их владелец заведения начал выпускать практически одновременно с началом своей книготорговли. Первые соловьевские каталоги были похожи по содержанию на подобные издания других книгопродавцев. Книги, предназначенные к продаже, традиционно располагались в алфавитном порядке авторов с указанием цены издания. По внешнему виду, от каталогов других букинистов «Каталоги книг Соловьева» отличались только обложками, выполненными более изящно. По воспоминаниям коллег, в «Каталоги» за 1901 – 1902 гг. вошла практически вся личная библиотека Соловьева и находившиеся в ней издания о Северной Европе⁶³⁰. В соловьевских «Каталогах» были представлены издания, которые мог купить, или просмотреть в магазине любознательный читатель, интересующийся Скандинавией. Так в нескольких номерах были обозначены работы популярного в России немецкого географа Фридриха фон Гельвальда, в том числе его известный четырехтомник «Земля и ее народы» (СПб.: 1878) со множеством иллюстраций. В томе 3-м – «Живописная Европа» были замечательные главы, посвященные Скандинавии ее природе и описанию основных черт характера скандинавских народов, что, как соседям, было интересно русским читателям. «Скандинава воспитало море, которое он называет своей второй родиной, считая первой – «великий Север». С гордостью вспоминает он своих викингов <...>, чтит память старинных морских королей, на могилах коих еще и теперь часто стоят надгробные камни с руническими эпитафиями...»⁶³¹. Главы были снабжены иллюстрациями-вклейками с видами Швеции и Норвегии. Сочинения Гельвальда несколько раз попадали в «Каталоги» и после их краткой аннотации неизменно значилось – «уже распродано».

Значительную часть «скандинавских» книг, обозначенных в первых номерах «Каталогов», составили сочинения о Финляндии, «любимом предмете собирательства» Соловьева. Это были сочинения исторические, статистические, географические, книги о политическом устройстве и повседневной жизни Финляндии. Значительная часть этих работ входила в первый выпуск указателя М.Бородкина⁶³². Среди изданий, находившихся в магазине у Соловьева и указанных в его «Каталогах» обращала внимание одна из первых

работ академика Якова Грота: «Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео» (СПб.: 1847) и его же книги-оттиски «Знакомство с Рунебергом», «Гельсингфорс», «Записки о путешествии в Швецию и Норвегию» с пометками о них: «встречаются редко» и «уже продано». Скромно изданные отдельные оттиски из журнала «Современник» и «Приложений к запискам Императорской Академии наук» были, видимо, особо любимы Соловьевым и через несколько лет появились опять уже в роскошных тематических «Каталогах» его магазина с пометкой – «встречаются редко». Несомненно, любопытному читателю, купившему в магазине Соловьева редкую книгу - оттиск Я.Грота «Гельсингфорс», интересно было сравнить взгляд академика на финскую столицу почти полувековой давности с собственными современными впечатлениями.

Про Гельсингфорс 1840 г. Грот писал: «Гельсингфорс красавец, но красавец еще развивающийся, полудикий, исполненный противоположностей и страшно поражающей путешественника, особенно Петербургского жителя, вокруг которого все так правильно, стройно, гладко. Напротив, в Гельсингфорсе рядом с приветливым искусством видишь природу мрачную и грозную»⁶³³.

В «Каталогах» за 1902 г. значились: издание «Калевалы» (СПб.:1889) и сочинение знаменитого норвежского полярного путешественника Фритьофа Нансена «В стране льда и ночи. В 2-х частях со множеством иллюстраций. Переведено с норвежского действительным членом Русского географического общества Филипповым». (СПб.: 1897-1898). Про книгу Нансена в «Каталоге» №12 сообщалось: «имеется в нескольких экземплярах», «чрезвычайно интересна для юношества».

Отец Соловьева, видя, что сын смог справиться без его поддержки, и в дальнейшем, полон решимости заниматься только любимым делом, «признал в нем деловые качества, примерился и предоставил неограниченные кредиты»⁶³⁴.

В жизни Николая Соловьева наступил новый этап.

В начале 1903 г. он перебрался с Семеоновской улицы на «улицу букинистов» – Литейный проспект в дом 51. Коллега-букинист Павел Шибанов вспоминал, что Соловьев «отделяет с небывалой дотоле в Петербурге роскошью магазин в стиле *empire* [ампир], устанавливает с большим вкусом великолепные витрины, издает превосходные по внешности каталоги»⁶³⁵. Теперь основной задачей Соловьева стало пополнение магазина изданиями исключительно редкими, преимущественно иллюстрированными. Издания по скандинавской тематике Соловьев стал подбирать также, руководствуясь этими принципами, и явное предпочтение отдавал иллюстрированным изданиям. Так в нескольких «Каталогах» за 1903 г.

значились великолепно иллюстрированные книги врача-антрополога и известного путешественника Александра Васильевича Елисеева: «Путешествие по Скандинавии и Лапландии» (М.: 1886) и, как сообщалось в «Каталоге» № 16 «особо роскошное, богато иллюстрированное издание» «По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света» (СПб.: 1894) с иллюстрациями художников Н.Н.Каразина, Д.Д.Кившенко, Н.С.Самокиша, Е.Б.Самокиш-Судковской и других. Первые шесть глав книги были посвящены нескольким путешествиям по разным частям Финляндии, описанию антропологических и этнографических особенностей ее жителей. К разряду «великолепно иллюстрированных изданий» были отнесены и «Путевые заметки о севере России и Норвегии» (СПб.: 1888) академика архитектуры Владимира Васильевича Суслова. Путешествие «через Швецию и Норвегию» было предпринято им по поручению Императорской Академии художеств «дабы ознакомиться с древним искусством соседней страны и получить ясное представление, по сколько оно имело отношение к нашему северному искусству»⁶³⁶. Почти каждая страница книги была оформлена изящными видовыми рисунками самого Суслова, выполненными во время «Северного вояжа». Как «издание иллюстрированное, особого качества» было обозначено в «Каталоге» №60 за 1906 г. сочинение Константина Случевского «По северо-западу России», изданное А.Ф.Марксом. Многочисленные иллюстрации сопровождали каждую главу книги, в том числе и главы о самоедах и лопарях – жителях русского Севера.

Расширяя собирательскую деятельность и пользуясь широкой денежной поддержкой отца, Соловьев в 1903-1908 гг. удачно приобрел несколько ценных библиотек: графа Алексея Ивановича Демидова (книги XVIII века), историографа Михаила Пыляева, профессора Помяловского, историка С.С. Татищева и некоторые другие. Соловьев, предоставив часть экземпляров этих собраний Публичной библиотеки и библиотеки Ватикана, получил звание почетного комиссионера этих учреждений. Это еще больше расширило коллекционерские контакты Соловьева.

Новой идеей, всецело поглотившей его, стало издание книжных каталогов нового типа. По замыслу Николая Васильевича каталоги эти должны были стать не просто перечнем книг, а по образцу западноевропейских антикварных каталогов приобрели бы характер библиографических справочников. Актуальность и своевременность их выпуска для Соловьева была очевидна. В журнале «Старые годы» за 1908 г. он писал: «превосходно составленные систематические каталоги европейских книгопродавцев являются ценным вкладом во всемирную библиографию и представляют собой незаменимое пособие при всех

научных и литературных работах. Полное отсутствие у нас таких каталогов, взамен которых издаются бестолковые книжные преysкурaнты,<...> лишает наше антикварное книжное дело серьезного значения и обращает его в ненужную роскошь, в торговлю дорогими игрушками для богатых маньяков».⁶³⁷ С начала 1909 г. подобного типа богато иллюстрированные каталоги Соловьев начал выпускать регулярно. Многие из них стали первыми в России тематическими книжными каталогами редких иллюстрированных изданий: № 100 (1910) «Редкая книга. Искусство, археология, архитектура, художественные издания», № 105 (1910) «Редкая книга», №114 «Искусство, архитектура, костюм». Даже при столь широких и разнообразных интересах Соловьев не забросил «скандинавское» направление. В его роскошных тематических каталогах-справочниках постоянно присутствовали книги о Скандинавии. Чаще всего они значились в разделах «Иностранцы о России» (книги о Финляндии и пограничных областях русского Севера) или «Живописные путешествия. Страны и народы». Пометки: «редкая», «большая редкость», «редчайшее издание» чаще всего сопровождали их.

С января 1911 г. Соловьев начал издавать журнал «Русский библиофил». Этот журнал, каждый номер которого был полон возвышенной любви к изящной книге, стал центром изучения русских иллюстрированных изданий. Многие редкие книги, упомянутые в «Русском библиофиле» значились и в «Каталогах книг Соловьева», их можно было увидеть, изучить и купить в его магазине.

В общей сложности под маркой магазина Соловьева вышло 145 каталогов и тематических, и именных. Последний, №145, вышел в конце 1915 г., уже после скоропостижной смерти Николая Васильевича от простуды в августе 1915 г. В этом каталоге, как последний привет от столь дорогой Соловьеву Скандинавии, значилась книга Фадея Булгарина «Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 2-х частях» (СПб.: 1839) с большим литографированным видом Стокгольма в первой части и очаровательными видовыми концовками-политипажами в части второй.

В.И. Фокин

Ленинград – центр международных арктических исследований в 1920 – 1930-е гг.

Освоение арктических просторов издавна будоражило воображение европейских народов, но только жители северных стран в полной мере осознавали все трудности и опасность путешествий в полярной области. Это объединяло их в повседневной практической и научно-исследовательской деятельности и в тоже время порождало дух конкуренции в борьбе за приоритеты в продвижении к северному полюсу и его достижение. Длительное время покорение арктических широт было уделом бесстрашных и решительных одиночек-энтузиастов, которые вызывали всеобщий восторг и ажиотаж. Платой за популярность была собственная жизнь арктических исследователей. Первая мировая война заставила обратить внимание на морские коммуникации в Арктике. Потребности в обеспечении надежных метеорологических прогнозов, вызванные развитием регулярных авиационных сообщений, а так же необходимость вовлечения в хозяйственный оборот полезных ископаемых арктических территорий, - все это определило бурное развитие исследований в Арктике в 20 – 30-е гг.

Особое значение исследования в Арктике имели для СССР, стремившегося к хозяйственному освоения Заполярья и прокладке для этого северного морского пути. Масштабы подобных исследований требовали длительной и целенаправленной деятельности, которая обеспечивала хорошую организацию, последовательность и междисциплинарность исследований. Возникла потребность не в героях-одиночках, а в научных коллективах, которые могли быть хорошо оснащены исследовательским инструментарием, разнообразными транспортными средствами самого высокого класса и снабжением на индустриальном уровне. Арктическая экспедиция, сопровождающие ее исследования превращались в крупное предприятие, требовавшее серьезного финансирования, которое не могли обеспечить отдельные фирмы и крупные меценаты. Требовалась концентрация ресурсов на государственном уровне.

В этих условиях традиционные центры арктических исследований в Скандинавских странах оказались не способны удовлетворить потребности в данной работе. Научно-исследовательская деятельность в соответствующих географических областях и отраслях знаний стала развиваться в тех странах, которые могли обеспечить кадровым потенциалом комплексность исследований и финансирование широкомасштабных и технически сложных

проектов. Во второй половине 20-х гг. центр арктических исследований перемещается в Италию и Германию, которые привлекают для исследований в Арктике дирижабли, ведут активную аэрофотосъемку приполярных областей и побережья арктических морей. Военная подоплека подобных исследований была очевидна уже для современников, но все же иностранные правительства предоставляли немецким ученым возможность для работы на территории государств Баренц-Арктического региона в расчете на то, что они предоставят необходимые сведения для использования в хозяйственном освоении этих районов мира. К тому же итальянская и немецкая стороны соглашались координировать деятельность ученых из приполярных стран. Самостоятельные исследования вели ученые США и Канады. Так международный центр исследований в евроазиатском секторе Арктики переместился с Северной Европы в континентальные страны во второй половине 20-х гг.

Россия традиционно проявляла естественную хозяйственную и научно-исследовательскую активность в зоне арктических морей. Однако до начала индустриализации ее интерес носил локальный характер. Индустриализация в СССР вызвала потребность не только в масштабных исследованиях Арктики, но предоставила новые технические возможности исследования региона. Отечественная наука смогла обеспечить исследования специалистами различных отраслей знаний на мировом уровне.

Первым актом международного сотрудничества стран Северной Европы явилась инициатива Ф. Нансена 1921 г., когда были установлены контакты советских и норвежских полярников на Шпицбергене.⁶³⁸ Свой вклад в организацию международного научного сотрудничества на просторах Арктики внесли общества дружбы с СССР в странах Северной Европы. Норвежское общество культурных с СССР организовало сотрудничество с Академией наук Норвегии (ее президент был членом общества) с другими академическими и университетскими центрами, крупными издательствами и журналами Норвегии.⁶³⁹ В работе «Общества для поощрения культурных и научных связей между Швецией и Советским Союзом» активное участие принял исследователь Арктики проф. Альман и др. С большим интересом следила общественность Швеции за советской экспедицией на Северный полюс, другими достижениями Советского общества.

Широкий отклик у международной научной общественности получили исследования советских географов. В то время географические и этнографические экспедиции сохраняли для общественности романтическую окраску, а их открытия - оттенок сенсации для прессы. Всеобщее внимание привлекло участие ледокола «Красин» в спасении экспедиции итальянца Э. Нобиле в Арктике, весь мир был взволнован мужеством членов экспедиции О.Ю. Шмидта

на пароходе «Челюскин» и широкомасштабной операцией по их спасению, в которой приняли участие не только советские летчики, но и авиаторы с Аляски. Наконец, организация дрейфующей станции «СССР-1» с использованием авиации дальнего действия - все это создало нашей стране славу крупнейшей арктической державы.

Укреплению авторитета советских географов способствовало их участие в международном сотрудничестве. В 1933 г. в рамках проведения Международного полярного года (1932 - 1933 г.) была осуществлена программа исследований, включавшая наблюдения атмосферного электричества и радиоактивности, океанографические, метеорологические, аэрологические работы, горные исследования. Научные работы были проведены на прибрежных станциях и в 15 морских экспедициях. Впервые ледокол «Сибиряков» за одну навигацию прошел Северный морской путь. Правда, из-за мирового экономического кризиса часть плана, которую должны были осуществить западные страны, не была выполнена.⁶⁴⁰ С 1933 г. Ледниковая комиссия Географического общества СССР включается в работу Международной ледниковой комиссии, объединявшей исследователей Арктики и Антарктики.⁶⁴¹ Более того, СССР становится одним из крупных международных научных центров в этой области. После закрытия в Германии международного журнала «Арктика» с августа 1933 г. издание было возобновлено на русском, английском и немецком языках Арктическим институтом в Ленинграде.⁶⁴²

Активное участие советские ученые приняли и в работе Международного географического конгресса, состоявшегося 23-31 августа 1934 г. в Варшаве. В президиум конгресса был избран О.Ю. Шмидт, его участниками стали Ю.М. Шокальский, Н.Н. Баранский и В.Е. Мотылев. Советские участники выступили с 10 докладами, ряд сообщений был распространен среди участников конгресса. На пленарном заседании О.Ю. Шмидт сделал доклад «Исследования Арктики в СССР», был показан кинофильм «Челюскинцы», который затем шел на экранах варшавских кинотеатров для широкой публики. Параллельно с конгрессом действовала Международная картографическая выставка. Советская экспозиция оказалась самой интересной и пользовалась широкой популярностью.⁶⁴³

В 1936 г. АН СССР стала членом Международного геодезического и географического союза. Советские ученые стали организаторами ряда международных научных объединений, принимали активное участие в формировании перспективных направлений научных исследований в координации научно-исследовательской деятельности представителей науки разных стран. Подготовка к международному конгрессу геологов в СССР началась в ноябре 1933 г. Весной 1935 г. Геологическая ассоциация при президиуме АН СССР создала оргбюро,

которое при поддержке ЦИК СССР вело подготовительную работу, предопределившую успех XVII Международного геологического конгресса (Москва, июль 1937 г.). В его работе приняли участие около 400 делегатов из 50 стран, в том числе ученые из Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии.⁶⁴⁴ Не смогли приехать в Москву немецкие и итальянские представители: их поездки были запрещены на правительственном уровне. Участники конгресса познакомились с научными исследованиями в Карелии, на Кольском полуострове и на Новой Земле.⁶⁴⁵

К концу 30-х гг. наметилось резкое сокращение масштабов международного научного сотрудничества, стала сказываться милитаризация научной деятельности, возрос уровень закрытости научных разработок. Но и в условиях сокращения международного сотрудничества признанием достижений отечественной науки со стороны мировой научной общественности являлось избрание членами зарубежных научных объединений ученых из СССР. К концу 30-х годов во многих отраслях естествознания СССР добился передовых позиций. Широкую известность получили работы в различных областях научных исследований, в том числе географии, геологии, метеорологии, исследования в стратосфере и в Арктике. Активное участие советских ученых в международном сотрудничестве позволяло четко определить перспективные направления деятельности и сконцентрировать на них свои усилия.

Конные монументы в странах Скандинавии: исторический образ

Культура Скандинавии самобытна, обладает ярким национальным характером и легко узнаваема по стилистике произведений. Географическая обособленность региона и единство его исторического развития предопределили культурную общность скандинавских стран, выразившуюся в межнациональном обмене идеями и духовным наполнением произведений искусства. Один из очевидных примеров художественно-мировоззренческой общности скандинавских государств – конные монументы, установленные в столицах и крупных городах Дании, Швеции, Норвегии и Финляндии.

Жанр конного монумента был привнесен в скандинавскую культуру из Европы на рубеже XVII-XVIII веков. Безусловно, иконография конника была известна здесь намного раньше⁶⁴⁶, однако первые скульптурные всадники Скандинавии в большинстве своем носили культовый характер, предназначаясь для интерьеров и фасадов церквей, либо фигурировали в качестве мемориальной скульптуры, устанавливаемой на надгробиях. В это время в странах Западной Европы – Италии, Франции, Испании – иконография скульптурного всадника, преодолев рамки культово-мемориального творчества, реализовывала себя в кардинально новом, неведомом культуре Скандинавии жанре – конном монументе.

Каковы принципиальные отличия конного монумента и конной статуи?

В отличие от культовых статуй, большинство которых посвящено интернациональному образу святого конника Георгия Победоносца, монумент является репрезентативным светским произведением, запечатлевшим в образе всадника монарха, военачальника, национального героя. Статуя, как правило, утверждает конкретные события и образы, ориентируясь на сюжет и повествовательность, монумент же апеллирует к вечному, возвышает заложенные в него идеи до уровня вневременных абстрактных категорий и по степени семантического обобщения образа тяготеет к «нефигуративным» формам монументального искусства. Тем не менее, ориентированный на пропаганду всеобщих и вечных ценностей, монумент не утрачивает своей конкретно-исторической, политической значимости. В отличие от камерных по своей сути статуй, монумент публичен и громогласен: если, уютно жмущиеся к фасадам зданий памятники или затерявшиеся в парковой листве статуи, словно нарочно «заземлены», то монумент, с изначально присущей ему устремленностью ввысь, становится доминантой городской площади, которая некогда

отождествлялась со спущенной на землю сакральной сферой небес. По сути своей монумент является действенным оружием «монументальной пропаганды» и призван утверждать доминирующие в культуре данного региона духовные, социальные, геополитические приоритеты. В самой репрезентативной композиции скульптурного всадника изначально, со времен античности, заложено стремление к актуализации насущных идей и современных героев. Таким образом, конный монумент можно охарактеризовать как светскую, репрезентативную, идейно насыщенную форму общедоступного искусства, в металле и камне запечатлевшую государственную идеологию своей эпохи.

Возникнув в эпоху Античности более двух с половиной тысячелетий назад⁶⁴⁷, традиция создания конных монументов, возрожденная мастерами Итальянского Ренессанса, начала движение по Европе. На одном из этапов своего распространения жанр монументальных всадников был привнесен в культуру Скандинавии.

Какое место занимает конный монумент Скандинавии в контексте общеевропейской традиции жанра?

Точкой отсчета истории европейского конного монумента Нового времени следует считать творчество скульптора Джованни Болонья (1529-1608), благодаря которому жанр монументальных всадников окончательно укрепился в Италии⁶⁴⁸ после «прививки» возрожденной античной традиции, сделанной Донателло и Верроккьо, и стал известен за пределами Апеннинского полуострова – в Испании, Франции и Англии. Снискав славу автора двух конных памятников великим герцогам Тосканским из могущественного семейства Медичи, установленных на крупнейших площадях Флоренции, Болонья был приглашен к испанскому двору и в 1613 г. совместно со своим учеником Пьетро Такка окончили работу над первым конным монументом Испании, запечатлевшим в образе всадника короля Филиппа III (Мадрид). Закрепил привнесенную традицию Пьетро Такка, который после смерти учителя создал второй конный монумент Испании - «Филиппа IV» (1640 г.). Через год после Испании Болонья отправился во Францию для создания первого в истории страны конного памятника – им стал бронзовый всадник «Генрих IV» (открыт в 1614 г.). Третьей страной, где благодаря Болонье узнали об этом жанре, стала Англия: автором первого британского конного памятника – «Карла I» (открыт в 1674 г.) - стал ученик Болоньи Хуберт Ле Сюэр.

Первый – «Болониевский» - период в процессе распространения жанра конного монумента сменился вторым этапом, хронологически охватившим отрезок с последней

четверти XVII в. до начала XVIII в. В это время роль страны-экспортера от Италии перешла к Франции⁶⁴⁹, а в качестве реципиента новой традиции выступила Скандинавия.

Скандинавская традиция создания конных монументов проистекает из французской культуры, генетически восходя к крупнейшим мастерам классического искусства. Автором первого Скандинавского конного памятника стал французский мастер А. Ламореск (Lamougeux Abraham-Cesar). Созданный им прижизненный памятник датскому королю Христиану V из Ольденбургской династии был открыт в 1688 г. в Копенгагене на Новой Королевской площади напротив Королевского театра. К этому моменту Христиан V находился на датском престоле 18 лет, и еще 11 лет мог любоваться своим конным изваянием, выполненным из позолоченного свинца⁶⁵⁰.

В 1699 г., спустя 11 лет после открытия Ламореском первого скандинавского конного монумента (в год смерти его героя - Христиана V) в Стокгольме был установлен первый бронзовый конник Швеции – король Карл XI - работы французского мастера Б. Фуке (Foucquet Bernard). Через год после открытия первого конного монумента Швеции в Копенгагене (на площади Амалиенборг) появился второй датский бронзовый конник, запечатлевший короля Дании и Норвегии из Ольденбургской династии Фредерика V. Его автором стал французский скульптор Ж.-Ф. Сали (Saly Jacques Francois Joseph). Спустя еще два года, в 1773 г. французский мастер П.-Х. Ларшевеск (Larchevesque Pierre Hubert) создал третий по счету конный монумент Швеции – памятник шведскому королю, выдающемуся полководцу, участнику Тридцатилетней войны Густаву II Адольфу.

Французское авторство перечисленных памятников свидетельствует о том, что знакомству с репрезентативной иконографией монументального конника Скандинавия обязана исключительно французским мастерам, которые на протяжении почти двух столетий приносили в регион выработанную несколькими поколениями скульпторов художественную форму прославления государственного величия, передавая ее из поколения в поколение - от учителя к ученику. Причем в формировании скандинавской традиции немаловажную роль сыграло творчество представителей знаменитой фамилии французских художников и скульпторов⁶⁵¹ Кусту (Coustou). Так, автор первого скандинавского конного монумента А. Ламорекс учился у Никола Кусту. Из мастерской его брата Гийома Кусту вышли создатель второго датского памятника Ж. Сали и автор двух конных монументов Людовика XIV в Париже и в Реймсе Э. Бушардон, который в свою очередь передал мастерство создания конных памятников П.-Х Ларшевеску - автору третьего по счету конного монумента Швеции.

После появления перечисленных памятников наступило затишье, длившееся 80 лет: скандинавской культуре требовалось время для осмысления новой формы пластического творчества. Французское влияние ослабевало по мере ассимиляции привнесенной в Скандинавию традиции: с середины XIX века французские скульпторы уже не создавали конной скульптуры на территории Скандинавии, а выступали в качестве учителей местных мастеров⁶⁵².

Первым скульптором, который после перерыва обратился к жанру конного монумента, стал шведский мастер Б.Э. Фогельберг (Fogelberg Bengt Erland), обучавшийся у француза Франциска Бозио – автора конного памятника Людовику XIV в Париже. В 1854 г. в Стокгольме был открыт выполненный по проекту Фогельберга памятник Карлу XIV Юхану. Таким образом, спустя 166 лет после привнесения в регион европейской традиции в Скандинавии появился первый национальный конный монумент, созданный местным мастером. Это знаменательное событие следует считать исходным пунктом в становлении собственной Скандинавской традиции конного памятника.

«Французский» период развития типа конного монумента сменился «национальным», на протяжении которого в качестве очага распространения нового жанра выступала Дания – первая из скандинавских стран, воспринявшая форму монументального всадника. Родоначальником национальной школы конного монумента стал датский скульптор Герман Вильгельм Биссен (Bissen Herman Vilhelm).

Специальность скульптора Герман Вильгельм Биссен (1798-1868) получил в Академии искусств в Копенгагене, после чего на протяжении 10 лет (1824-1834 гг.) работал в Риме в мастерской Б. Торвальдсена⁶⁵³. Здесь молодой мастер стал свидетелем создания конного памятника Юзефу Понятовскому для Варшавы (открыт в 1829 г.) и, возможно, присутствовал и при работе Б. Торвальдсена над проектом монумента Максимилиана I, который был установлен в Мюнхене после 1839 г. Таким образом, во время пребывания в Европе Г.В. Биссен получил прекрасную возможность воочию увидеть знаменитые конные монументы, а также ознакомиться непосредственно с процессом работы над произведениями этого жанра в мастерской знаменитого Б. Торвальдсена, и по возвращению в Данию имел огромный – в масштабах Скандинавии – потенциал для создания собственной школы монументальных всадников.

В июле 1873 г. в Копенгагене (Кристианбург) был открыт созданный по проекту Г.В. Биссена конный памятник Фредерику VII – первый национальный конный монумент Дании, положивший начало становлению скандинавской школы монументальных всадников. Этот

единственный в творческом наследии Г.В. Биссена созданный им памятник данного жанра явился примером для многочисленных учеников, которым мастер сумел передать искусство создания монументальных всадников, сочетающее в себе таланты анималиста и портретиста, умение построить сложную композицию, просматриваемую с многих ракурсов, с учетом перспективного сокращения, и установить произведение так, чтобы оно выполняло роль художественно-тематической доминанты городского ансамбля.

Из мастерской Г.В. Биссена вышло пять скульпторов, каждый из которых, в различной степени обладая перечисленными умениями, реализовал их как создатель конных памятников либо передал «через поколение» своим ученикам.

Первым учеником Г.В. Биссена стал его сын Вильгельм Биссен (1836-1913). Получив первоначальные навыки скульптора в мастерской отца, он обучался в Академии, затем – в Риме, в Карраре. В своем творчестве продолжал классические традиции Б. Торвальдсена. Дебют Биссена-младшего как автора конного монумента состоялся в конце 60-х – начале 70-х годов XIX столетия, когда после смерти отца в 1868 г. он продолжил работу над памятником Фредерику VII для Копенгагена.

В 1902 г. в Копенгагене был установлен созданный Биссеном-младшим конный памятник государственному деятелю Дании XII столетия, способствовавшему христианизации страны, - епископу Абсалону. Через год в датской столице появился «Юноша на коне» работы Вильгельма Биссена.

Трое из учеников Биссена-младшего – датчане по национальности - продолжили скандинавскую традицию конного монумента. Если Л. Брандstrup (Brandstrup Ludvig, 1861–1935) - автор двух памятников королю Христиану IX для датских городов Эсбьерга (1899) и Слагельсе (1910) - укрепил иконографию монументального конника в культуре скандинавского региона, то география всадников, созданных Л. Йенсеном (Jensen Lauritz, 1859-1935)⁶⁵⁴ и К. Рохл-Смиттом (Rohl-Smith Carl, 1848-1900), выходит далеко за пределы Скандинавии: оба мастера обратились к образу знаменитого генерала северян в годы Гражданской войны в Америке Уильяма Текумзе Шермана, памятники которому установлены в Вашингтоне соответственно в 1902 и 1903 гг.

В последней четверти XIX века Дания выступила в качестве страны-экспортера жанра иконографии монументального всадника. 7 сентября 1875 г. в Осло, у королевского дворца, состоялось открытие первого в Норвегии конного памятника королю Швеции и Норвегии Карлу XIV Юхану, выполненного по проекту норвежского скульптора Б.-Л. Бергслейна (Bergslien Brynjulf-Larsen, 1830-1898) - ученика Биссена-старшего. Отливка скульптуры

осуществлялась в Копенгагене, что свидетельствует о значимости датской традиции и технического обеспечения процесса работы над конными статуями для привнесения нового жанра в Норвегию.

Другим норвежским скульптором, который одним из первых в стране обратился к иконографии скульптурного всадника, стал также ученик Биссена-старшего – Х. Хансен (Hansen Hans, 1820-1858), автор мраморной статуи «Ребенок на коне» (музей Осло).

Продолжателем классических традиций Г.В. Биссена стал датский скульптор А. Хансен (Hansen Aksel, 1853-1933) - автор открытого в 1912 г. в Оденсе (Дания) конного памятника «Христиану IX», в котором просматривается влияние знаменитого мастера.

Помимо названных скульпторов - авторов конных памятников - из мастерской Г.В. Биссена вышел датчанин А. Сааби (Saabye August, 1823-1916), который, хотя сам и не обращался к иконографии скульптурного всадника, явился основателем уникальной датско-норвежской традиции, участницами которой стали женщины. Ученица А. Сааби датчанка А.-М. Нильсен (Nielsen Anne-Marie-Carl, 1863-1945) стала автором четырех скульптурных всадников: ей принадлежат памятники Христиану IX и композитору Карлу Нильсену (собственному супругу) – в Копенгагене, скульптура «Всадник» в Гамбурге, а также конная статуя королевы Маргариты. Плодовитый скульптор, А.-М. Нильсен реализовала себя еще и как педагог, привив интерес к иконографии всадника своей ученице датчанке Х. Шоу (Schou Helen, род. 1905), которая в своем творчестве обращалась к этому жанру дважды: в 1955 г. в датском городе Орхус был установлен созданный ею памятник Христиану X, а спустя 14 лет появилась жанровая работа «Бегущий конь» (1969). Помимо обучения у А.-М. Нильсен, продолжавшегося с 1922 по 1927 гг., и в Академии искусств, Х. Шоу совершенствовала талант скульптора в мастерской Э. Утзон-Франка (Utzon-Frank Einar, 1888-1955), датского мастера, первый опыт работы которого с жанром конного памятника состоялся в 1940-1941 гг., когда он занимался реконструкцией первого конного монумента Скандинавии – «Христиана V» работы А. Ламореска. Единственный созданный Э. Утзон-Франком конный памятник – «Христиан X» - был открыт в Копенгагене в 1954 г., за год до смерти автора. После себя мастер оставил двух учениц, для которых образ всадника являлся одним из излюбленных мотивов: упоминавшуюся выше датчанку Х. Шоу и норвежку А.-М. Гримдален (1899-1961), ставшую автором конного памятника норвежскому королю XI века Харальду Хардероде, установленного у западного фасада ратуши в Осло, и жанровой скульптуры всадника.

Отметим, что за редкими исключениями профессия скульптора-монументалиста считается сугубо мужским видом творчества, поэтому существование в Скандинавии локальной традиции создания конных памятников женщинами, восходящей к школе Биссена-старшего, имеет чрезвычайную ценность для истории жанра в целом.

Что же касается самого Германа Вильгельма Биссена, то его роль в развитии жанра конного монумента в Скандинавии по своей колоссальной значимости может быть сравнима лишь с влиянием Жанна Батиста Болоньи на распространение жанра в Европе XVII века. Каждый из мастеров, развивая в собственном творчестве иконографию скульптурного конника, выступил как основатель национальной школы. Утвердив новый жанр в культуре своей страны, мастера совместно со своими учениками, вынесли его за пределы регионов, впервые открыв новую форму монументального творчества для других государств. Благодаря Ж.-Б. Болонье из Италии жанр переключался в Испанию, Францию, Великобританию; Г.-В. Биссен повлиял на экспорт жанра из Дании в Норвегию.

Таким образом, в последней четверти XIX века Дания - подобно Италии в первой трети XVII века и Франции в последней трети XVII века – выступила в качестве страны-экспортера жанра конного монумента. Причем способ привнесения французской традиции в культуру Скандинавии и России был тот же, что и в Италии в конце XVII – первой половине XVIII вв. Как и в случае с Болоньей и его учениками Такка и Ле Сюзером, которых из Италии приглашали во Францию, Испанию и Англию для создания конных статуй местным монархам, импорт идеи конного монумента в страны Скандинавии и Россию происходил посредством привлечения французского мастера для исполнения заказа. Так, в Данию были приглашены французы Ламореск и Сали, в Швецию – Фуке и Ларшевек. В России работал сначала проведший полтора десятилетия в Париже итальянец Растрелли, потом – Фальконе.

Сравнение общего механизма развития жанра показывает, что в Скандинавии в миниатюре повторилась общеевропейская схема, которая может быть представлена в виде трех «волн», каждая из которых составляет определенный период в эволюции жанра и отделяется от другого качественно нового периода временной лакуной, необходимой для переосмысления творчества в сменившихся исторических условиях.

В рамках первой волны – «Болониевского периода» - выпестованный в культуре ренессансной Италии жанр конного монумента с Апеннинского полуострова был привнесён в монументальную традицию Франции, Испании, Великобритании. Активная фаза процесса распространения нового жанра приходилась на первую половину XVII столетия, после чего наступило затишье, длившееся четверть века. За это время новая традиция,

ассимилировавшись в монументальном искусстве Франции, обрела «критическую массу», выплеснувшуюся за пределы национальных границ. В последней четверти XVII-XVIII вв. – в рамках второй волны - французская культура являлась основным экспортером жанра конного монумента в Россию и страны Скандинавии. После 30-летнего перерыва, наступившего в начале XIX в., Европу захлестнула третья волна: со второй трети XIX в. до первых десятилетий XX в. жанр конного монумента распространялся из Италии в Восточную и Юго-Восточную Европу и из Франции в страны Бенилюкс и Балканы (Румыния).

Большинство конных памятников, созданных в Европе за эти три столетия, при помощи различных художественных приемов, символических и аллегорических образов запечатлело общую идею - утверждение силы, мощи, власти. Однако в разные исторические эпохи со свойственным им мировоззрением и эстетическими ценностями эта идея реализовывалась по-своему. Так, символика образов, созданных в Скандинавии и России в последней трети XVII – XVIII вв., является связующей между символической программой памятников первой и третьей волны. Если в странах первой волны, когда в Европе еще только возрождался жанр конного монумента, монархи сами заказывали мастерам свои конные статуи и потом могли лицезреть себя в образе бронзовых всадников, то в рамках третьей волны заказчики зачастую увековечивали исторических героев прошлого. Таким образом, сначала конный монумент утверждал заложенные в него идеи – прямо, пышно и репрезентативно; потом – косвенно, с усиленной символикой и акцентировкой национального характера. Памятники второй волны объединили в себе обе эти тенденции. Ранние скандинавские и российские конные монументы наследовали традициям предшествующего периода и создавались по инициативе самих монархов: в начале 80-х годов XVII столетия король Дании Христиан V, чуть позже – шведский король Карл XI, а в начале XVIII в. – российский император Петр I задумали создать собственные конные статуи. Усилиями французских мастеров Ламореска, Фуке и итальянца Растрелли соответственно в Дании, Швеции и России появились первые заказанные самими императорами конные монументы. (Собственный конный памятник довелось увидеть только датскому королю Христиану V. Памятник Карлу XI был открыт через два года после смерти героя; Петру I – через три четверти столетия).

Следующее поколение конных памятников, предвосхищая символику монументов третьей «волны», создавалось, как правило, не при жизни самих героев, а в их память. Такие произведения уже не являлись средством пропаганды величия и силы действующего монарха, а были призваны возвышать мудрого правителя в свойственной эпохе Просвещения

духе уважения к историческому прошлому государства и своим царственным предшественникам. Характерный пример - российский «Медный всадник», превозносящий свою заказчицу – Екатерину II - намного выше, нежели это могло сделать ее собственное изваяние в случае осуществления первоначального замысла М. Ломоносова и Р. Штелина. К этому мудрому способу прославления через уважение и почитание своих венценосных предшественников прибегали и скандинавские монархи. Так, король Швеции Густав III – приверженец политики просвещенного абсолютизма - установил конный монумент своего знаменитого предшественника выдающегося полководца, участника тридцатилетней войны Густава II Адольфа (П.-Х. Ларшевек, 1773-1796 гг., Стокгольм). В годы правления короля Дании и Норвегии Христиана VII, в Копенгагене был открыт исполненный французом Сали памятник короля Фредерика V (1770/1771 г.). В 1875 г. в Норвегии при Оскаре II Шведском также был создан бронзовый образ исторического героя прошлого – основателя династии Бернадотов короля Швеции и Норвегии Карла XIV Юхана⁶⁵⁵.

Итак, мы рассмотрели процесс становления жанра конного монумента в Скандинавии. На сегодняшний день в этом регионе насчитывается более полусотни памятников, что составляет чуть более 4% от общего числа конных монументов Европы⁶⁵⁶.

Первой скандинавской страной, воспринявшей новый жанр монументальной скульптуры, стала Дания, которая в дальнейшем явилась эпицентром его распространения в регионе. На сегодняшний день именно Дания обладает наибольшим числом конных памятников – 20. Второй страной – импортером европейской традиции стала Швеция, насчитывающая 19 монументальных всадников. Норвегия восприняла новый жанр спустя почти два столетия после появления первого на территории Скандинавии конного памятника: соответственно в настоящее время страна сильно отстает от Дании и Швеции по числу монументальных всадников - здесь их только 5. На последнем месте Финляндия - 4 памятника.

Финляндия – единственная страна Северной Европы, где жанр конного памятника был выпестован из недр собственной культуры, а не привнесен извне. Это исключение подтверждено общеевропейской практикой развития жанра: в Европе страной с внутренним становлением традиции явилась Германия, обширное скульптурное наследие которой не нуждалось в дополнительном стимуле для переосмысления иконографии скульптурного конника в плоскости монументального искусства. Финляндия же внутренним развитием жанра обязана обстоятельствам не культурного, а политического характера.

Попеременно находясь в зависимости то от Дании, то от Швеции, то от России, долгое время страна была лишена собственной государственности. Не было здесь ни монархов, ни местных князей, ни герцогов, ни даже собственной конницы – т.е. отсутствовали герои, достойные увековечивания в образе монументальных всадников. Единственным финским военным, ставшим героем конного памятника, был Маннергейм - за десятилетие, прошедшее после его смерти, в Финляндии установили две его конные статуи: в 1959 г. памятник работы В. Леппинена в Лахти, в 1960 г. – скульптура А. Тукиайнена в Хельсинки.

Первый же конный памятник Финляндии - скульптурный дуэт «Дружба начинается» работы Аалтонена Вайне - появился в Турку лишь в 1955 г., спустя четыре десятилетия после обретения независимости от России, причем в Финляндии, в отличие от получивших свободу государств Центральной и Юго-Восточной Европы, памятники посвящались не королям, полководцам и героям-освободителям, а деятелям культуры, спортсменам, эпическим персонажам. Таким образом, из всех государств Скандинавского региона в Финляндии традиция монументальных конников оказалась наименее развитой. Ее становление происходило изнутри национальной культуры, ибо к тому времени, когда в стране назрела необходимость обратиться к иконографии скульптурного конника, в соседних государствах, всегда имевших сильное влияние на Финляндию, существовало немало памятников аналогичного типа, на которые могли ориентироваться финские мастера⁶⁵⁷.

Подводя итоги развития жанра конного монумента в Скандинавии в целом, отметим, что наивысший интерес к нему пришелся на первую треть XX века (в Швеции в этот период появилось около дюжины скульптурных всадников, в Дании – порядка десяти). Следующий, уже не столь значительный всплеск наблюдался в 40-50-е гг. XX века (в Финляндии – в 50-60-е гг.).

Итак, анализ динамики роста числа конных памятников в регионе в очередной раз подчеркнули нерасторжимую культурную взаимосвязь скандинавских стран.

Б.М. Сергеев

Образы древней Скандинавии в современном искусстве Петербурга

Т.В.Папаскири, И.В. Кириленко

Норвежский художник Эдвард Мунк

Эдвард Мунк черпал драматизм сюжетов картин из собственной жизни и впечатлений от природы. Однажды вечером он шел по дороге: с одной стороны простирался город, а с другой фьорд. Он был усталый и больной. Остановившись, посмотрел на солнце и фьорд. В это время садилось солнце, а тучи становились кроваво-красными. Так родилась картина «Крик» (1893, холст, масло, 91х73,5 см. Национальная галерея, Осло), в которой ему казалось, что он слышит крик природы (1889-1909).

Норвежский художник Эдвард Мунк родился в Лётене, а жизнь его окончилась в Экеме близ Осло⁶⁵⁸.

Его живопись во всех проявлениях относится к экспрессионистическому направлению, т.е. она лирична и очень драматична. Его работы наполнены человеческими чувствами в момент наивысшего напряжения. Наиболее выразительным примером этого направления является картина «Крик». Крик рвется из всех живописных элементов картины: из глаз, из открытого рта, из всех бегущих линий улицы, контрастных цветов пейзажа, мрачных темно-голубых цветов и красно-желтого.

До Эдварда Мунка такой прием напряженно-драматического смысла в конце XVI века можно увидеть в картине Эль Греко «Толедо»: страшная стихия непогоды, нависшая над городом, отчего искажены собор и замок. Два символа власти озарены светом, и как бы небо низвергает на них два наказания.

В искусстве Ван Гога (1889-1890) также выражены стихия в форме закрученного неба, изуродованных деревьев, вихрь красок и форм, таким образом, выплеснуты собственные переживания.

Несмотря на то, что Мунк был из достаточно состоятельной семьи, его судьба оказалась трудной. Отец его Кристиан был военным врачом. Юность Эдварда проходила в Христиании (прежнее название Осло). В семье было пятеро детей, и всем детям родители хотели дать хорошее образование. Эдварду было пять лет, когда их постигло большое горе – смерть матери от туберкулеза. В 1877 г. умерла его любимая сестра Софи также от туберкулеза. Отец Мунка целые дни и ночи проводил в молитве, что пугало Эдварда.

Под влиянием всех переживаний в 1902 г. он сделал портрет отца⁶⁵⁹.

Именно все переживания, которые обрушились на его семью, повлияли на него, и он решил стать художником, о чем в 1880 г. записал в своем дневнике. Отец не мог повлиять до конца на Эдварда стать инженером, хотя он поступил в Высшую техническую школу в 1879 г., но в 1881 г. перешел в Государственную академию искусств и художественных ремесел. Он изучал живопись под руководством Кристиана Крога, известного норвежского художника (его искусство было посвящено социальным темам)⁶⁶⁰.

К шедеврам Мунка относится картина «Больная девочка» (1885-1886) (1906-1907, холст, масло, 112x114,5 см. Галерея Тейт, Лондон). Темой портрета была его сестра Софи. Композиция создана в пяти вариантах (в Национальной галерее в Осло, в галерее Тейт в Лондоне). Через 15 лет он создает лицо Софи в рисунке, офорте, литографии.

Импрессионисты на Мунка оказали большое влияние в технике свободного нанесения живописных красок, независимости цвета от формы. Именно картина «Больная девочка» научила его новому подходу к живописи.

В таком же духе в 1885 г. созданы картины «Танец» (1899-1900, холст, масло, 125,5x190,5 см. Национальная галерея, Осло) и «Тет-а-тет» (1885, холст, масло, 65,5x75,5 см. Музей Мунка, Осло). В последней картине он использовал темную палитру, отличную от импрессионистов. Этим достигнута особая выразительность женского образа, одухотворенного и несколько скрытого в табачном дыму.

Для Мунка характерна врожденная суровость, хотя эта типичная черта скандинавов. И эта черта характера отразилась на серьезных образах его персонажей⁶⁶¹.

Его картинам присущи мотивы молчания, одиночества, отрицания, грезы – все это как бы растворено в очаровании деталей, приглушенной атмосфере, мягком освещении.

Пребывание в Париже в 1890 г. также отразилось на его творчестве и заставило его подумать над проблемами цвета. В результате он создал картины «Улица Лафайет» (1891, холст, масло, 92x73 см. Национальная галерея, Осло), «Улица Риволи» (1891, холст, масло, 92x73 см. Музей Фогт, Кембридж, США)⁶⁶².

Эдвард Мунка побывал в кратковременных путешествиях по Италии, Германии, где очень ценили скандинавских художников, особенно в Германии. В начале XX века сформировалось яркое течение экспрессионизм, истоки которого зародились в Германии как протест художников-экспрессионистов против консервативных традиций в немецком искусстве. Впервые этот протест выразила группа «МОСТ» в 1905 г. Линейный рисунок экспрессионистов обладает острым нервным ритмом, тяготея к деформации силуэта. Это

направление не обошло и Мунка. И, вместе с этим, в его работах присутствуют мистические настроения.

Тема женственности проходит через все его творчество – это получило телесное и духовное развитие. Движение цвета он запечатлел в картине «Мадонна» (1894-1895) (1894, холст, масло, 90x71 см. Собрание Кустхалле, Гамбург). В этой работе Мунк объединил идеал женского образа и воплощение зла, что явилось олицетворением мистических и эротических желаний художника. Вместе с тем, его женский образ пронизан целомудрием. Тема женщины его очень волновала и проходит все периоды развития. Он исследовал образ женщины, изображая разные возрасты женщины. Иногда он в своем творчестве уподобился Стринбергу (1849-1912), шведскому писателю и драматургу, который будучи разочарованным в браке, измученный раздорами, выражал ненависть к женщине, представив в своих пьесах Мадонну и вампира в одном образе⁶⁶³.

Его автопортрет под женской маской 1893 г. представляет оцепеневшее лицо с чувством страха, отвращения. Вместе с тем, самая ненавистная женщина одновременно и притягательная. Кроме всего понятно, что образ женщины пронизан мистикой и тайной.

Графика в его творчестве занимает огромное место. С 1894 г. он создает гравюры сухой иглой и экспериментирует с различными техниками, объединив офорт и акватинту по примеру Гойи, при этом он отрабатывал медную пластину лаком, достигая впечатления рисунка тушью, в котором штрих травления усилен акватинтой. Примером гравюры, где использованы все техники, является «Поцелуй».

1895-1896-е гг. он провел во Франции – Ницце. У него были выставки в известных салонах. О нем писали парижские издатели. Его мучили внутренние конфликты, тяжелые любовные связи, навязчивые идеи. В 1908 г. он попал в неврологическую клинику в Копенгагене.

Неприятные, даже трагические события, связанные с женщинами, оставили неизгладимый след в его душе; он так и не решился на брак.

Живопись Мунка на протяжении 60 лет его жизни была разнообразной, находилась под влиянием его противоречивого характера, и, при этом его работы притягательны, они завораживают, оставляя глубокое впечатление.

Выставка «Сергель и европейская терракота» в Национальном музее Стокгольма (2004)

Интернациональный общемузейный проект 2004 г. был посвящен искусству европейской терракоты и включал такие страны, как Франция, Соединенные Штаты Америки, Швеция, Россия, Италия и Германия. Выставки были поочередно организованы в Париже в Лувре, в Нью-Йорке в Музее Метрополитен и в Стокгольме в Национальном музее. Италия, Германия, Англия и Россия выступили в качестве экспонентов, предоставив скульптурные произведения для показа на всех трех выставках. Обратим внимание, что созданные в Париже, Нью-Йорке и Стокгольме экспозиции отличались друг от друга, так же как и изданные каталоги выставок⁶⁶⁴.

Поскольку наше внимание сконцентрировано на шведском варианте выставки, отметим, что в Стокгольме на первое место был поставлен скульптор Иоганн (Юхан) Тобиас Сергель (1740 – 1814). Полное название выставки – «Сергель и его римский круг. Европейская терракота 1760 – 1814», также был назван и обстоятельный научный каталог⁶⁶⁵. Одной из основных задач организаторов шведской выставки было «сравнить работу Сергеля как скульптора с его международными современниками»⁶⁶⁶. И не просто сравнить, а «показать его центральную роль на Европейской художественной сцене этого периода. Может быть странно, что Сергель не получил большого внимания в других странах. Но причина в том, что все его значительные работы остались в Швеции, в результате того, что государство приобрело существенное число произведений после смерти скульптора у его потомков. Только те, кто посетили Швецию и имели возможность читать шведские монографии, могли сформировать мнение о художественных достижениях этого мастера. Поэтому наступил момент представить Сергеля международной аудитории. Предлагая сравнение его с другими скульпторами-современниками, эта выставка должна помочь преодолеть национальную изоляцию Сергеля», - писал в своем вступлении к каталогу выставки генеральный директор Солфрид Сёдерлинд⁶⁶⁷. Обратим внимание, что 1814 г. отмечает последнюю дату экспонируемых на выставке произведений и одновременно указывает на год смерти скульптора Сергеля.

Организатором выставки и составителем каталога являлся ведущий шведский искусствовед Магнус Олассон⁶⁶⁸. В Национальном музее в Стокгольме экспозиция была развернута в выставочных залах второго этажа и работала с 13 мая по 29 августа 2004 г. В

первом – самом просторном зале были показаны знаменитые статуи и скульптурные группы, выполненные Сергелем из мрамора и подготовительные эскизы этих произведений из терракоты. Решение экспозиции отличалось исключительной продуманностью, а показ скульптурных произведений поражал своим совершенством.

По периметру зала были устроены своеобразные затемненные витрины, за стеклами которых размещались эскизы и варианты из терракоты, выхваченные светом из темноты. Напротив витрин и рядом с ними на каменных постаментах возвышались мраморные оригиналы, одноименные находящимся в витринах работам. Например, выполненная из каррарского мрамора в 1776 г. «Венера» была установлена на постаменте, а в витрине – эскиз этой статуи из терракоты, относящийся к 1772 г. Композиция «Амур и Психея», созданная из каррарского мрамора в 1787 г., стояла на постаменте, а в витрине – подготовительный эскиз этой композиции из терракоты 1770 г. Группа «Марс и Венера», высеченная из каррарского мрамора в 1775-1804 гг., – на постаменте и ее эскиз из терракоты 1771-1772 гг. – в витрине. Небольшая терракотовая статуя «Диомед» 1770 г. стояла в витрине, а мощная мраморная статуя «Диомед», созданная в 1773-1774 гг., гордо возвышалась на постаменте. Для осмотра мраморных произведений был предусмотрен круговой обход, позволявший составить не только наиболее полное представление о скульптуре, но и дававший возможность одновременно сравнивать завершенную работу с ее подготовительным эскизом, находящимся рядом в витрине.

В других залах были представлены произведения европейской терракоты, привезенные из Лувра, музея Метрополитен, Государственного Эрмитажа и Государственного Русского музея, Старой Национальной галереи и Государственных музеев Берлина, Лондонского музея Виктории и Альберта, Музея Ватикана, Римской Национальной Академии Св. Луки и других собраний ⁶⁶⁹. Работы были распределены в витринах по странам, мастерам и по сюжетам. Отдельно были выделены рельефы и широко показаны рисунки, главным образом выполненные Сергелем.

Итальянская скульптурная школа была представлена терракотовыми эскизами А. Кановы и Б. Кавачеппи. Из французских мастеров обращали на себя особое внимание работы Ж.-А. Гудона, Едме и Жака-Филиппа Бушардонов, К. Мишеля, называемого Клодионом. Тематическое и пластическое сходство эскизов Сергея выявилось при сравнении с подготовительными набросками немецкого скульптора И.Г. Даннекера. Из русских скульпторов – представителей классицизма в экспозицию выставки были включены

терракотовые эскизы М.И. Козловского – «Аякс, защищающий тело Патрокла» и «Бдение Александра Македонского» и проект надгробия, выполненный И.П. Мартосом.

Сравнение терракотовых работ свидетельствовало о пластической, композиционной и тематической близости работ европейских мастеров разных школ. Однако сравнить мраморные работы Сергеля с подобными произведениями других скульпторов (экспонирование мраморных произведений из других стран не планировалось) можно было только по памяти, мысленно вызывая возникающие ассоциации.

Этот значительный выставочный проект для Швеции был необычайно важен, как блестящая возможность познакомить зрителей на примере мраморных статуй, терракотовых эскизов и моделей, а также рисунков, с творческой биографией выдающегося шведского скульптора и главными фактами его жизни. В России о Сергеле написано мало и фрагментарно. Видимо, редкая возможность увидеть выставку его произведений в Эрмитаже, вслед за парижским Лувром и стокгольмским Национальным музеем, была утрачена.

В этой статье не стояло задачи дать представление о биографическом аспекте, однако имеет смысл указать лишь несколько наиболее важных моментов из творческой деятельности Сергеля. Отметим, что еще в начале XX века П. Ганзен в статье «Шведское искусство» писал: «Первый скульптор-швед выступил на сцену в конце XVIII столетия; это был Иоганн Сергель (1740-1814), происходивший, однако, из поселившейся в Стокгольме немецкой семьи. Его художественным принципом было воспроизведение природы в духе античных мастеров, но без их объективной холодности... Сергель был также первым шведским скульптором, порвавшим со стилем барокко и французскими традициями»⁶⁷⁰. Обратим внимание что и в художественных энциклопедиях, изданных в последние годы, оценка творчества скульптора близка к вышеприведенной. Например, – «Испытал влияние французской барочной и античной пластики; в зрелый период творчества (с 1760-х гг.) стал одним из основоположников классицизма в европейской скульптуре 18 в.»⁶⁷¹.

Определение приверженности Сергеля в стилю классицизма подчеркивалось всеми критиками и искусствоведами. «Сергель определился как своеобразный классицист, как бы отталкиваясь от стиля французских барочных мастеров Жака Бушардона и Ларшевека, вместе с которыми он работал в начале своей деятельности. По сравнению с манерным и вялым изяществом мастеров европейского классицизма Сергель более патетичен и взволнован, он предпочитает более энергично и весомо показывать объемы своих фигур и групп, пластику человеческого тела», – отмечал известный знаток искусства Скандинавских стран – А. Тихомиров⁶⁷².

Из биографии Иоганна Тобиаса Сергеля известно, что начинал он свою рабочую деятельность, как каменотес. В Стокгольме он довольно быстро попал на строительство королевского дворца, где обратил на себя внимание скульптора П. Ю. Ларшевека, который принял его в число своих учеников. Этот период приходится на 1756-1757 гг. В 1767 г. Сергель был отправлен на счет из королевской казны в Париж и Рим, где совершенствовал свое мастерство и обучался работе из мрамора. 1779 г. оказался особенно значительным для Сергеля: шведский король Густав VII назначил его своим придворным скульптором, и он был произведен в звание профессора Стокгольмской Академии художеств. Известен факт, что при открытии в 1808 г. монумента Густаву III Сергель получил диплом на дворянство с правом внести в свой герб изображение статуи этого короля, отлитой из бронзы по его модели для монумента.

При последующем шведском короле Карле XIV скульптор становится королевским гофинтендантом и получает заказ на создание в Риме мраморной статуи Карла XIII и произведения «Юнона». Чаще всего критики упоминают кроме названных работ Сергеля такие, как «Амур и Психея». «Марс и Венера», «Венера Каллипига», «Фавн», «Диомед – похититель Палладия», «Спартанец, пишущий на своем щите», «Густав III», «Аксель Оксенштиерна, которому муза диктует повествование о великих деяниях Густава-Адольфа». Один из биографов Сергеля сообщает: «Из прочих работ Сергеля замечательны: памятник Картезая в церкви Адольфа-Фридриха, огромный барельеф «Воскресение Христово» в церкви св. Кларенса в Стокгольме, два ангела над алтарем соборной церкви в Карлштадте, монумент Эренсверда в Свеаборге и некоторые из мраморных бюстов, изображающих знаменитых современников художника и членов королевской фамилии»⁶⁷³.

Необходимо указать, что Сергель являлся создателем значительного количества портретных медальонов. Эти работы отличаются «живыми, четкими характеристиками современников. Этим он как бы продолжал высокую традицию шведского медальерного искусства»⁶⁷⁴.

Все писавшие о произведениях Сергеля, отмечали, что они отличаются глубиной и силою замысла, соединенных с приятностью и жизненностью форм. Добавим, что и пластические решения его статуй и композиций исключительно композиционно продуманы и эффектны. При станковом решении, его работы носят монументальный характер. Идеальная обработка мрамора, доведенная до совершенства, способствует сильному и одновременно сдержанному воздействию на зрителя.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Базарова Т. А., к.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН.
Барышников В.Н., д.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет
Барышников Н. И., д.и.н., Северо-Западная академия государственной службы.
Бельский С.А. Санкт-Петербургский институт культурного наследия
Бурков В.Г., д.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет.
Возгрин В. Е., д.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет.
Дмитриев А. П., к.фил.н., государственный музей «Крепость Корела».
Дубровская Е.Ю. к.и.н., Карельский научный центр РАН.
Жарковская О.А., Государственный Русский музей.
Журавлев Д. А., к.и.н., Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга.
Ивлева С.Е., Государственный Русский музей.
Кириленко И.В., Союз дизайнеров России.
Ковалевский А.В., музей истории Мариинской больницы.
Кривдина О.А., к.и., Государственный Русский музей.
Кротов П. А., д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.
К-Ф.Гёуст, авиационный музей Финляндии.
Макуров В.Г., к.и.н., Карельский научный центр РАН.
Митюрин Д.А., Русская христианская гуманитарная академия
Мусаев В.И., д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН.
Пааскари Т.В. к. экон. и сел. хоз. наук, Государственный университет по землеустройству.
Партала М.А., к.в.н., Военно-морской институт радиоэлектроники им. А.С. Попова.
Петров П.В., к.и.н., Российский государственный архив Военно-Морского Флота.
Подсобляев Е. Ф., к.в.н., Морской корпус Петра Великого – Санкт-Петербургский Военно-Морской институт.
Попов Ю. М., к.и.н.
Пулькин М. В., к.и.н., Карельский научный центр РАН.
Сергеев Б.М., Союз художников России
Смирнова Т.М., д.и.н., Санкт-Петербургский аэрокосмический университет
Смолин А.В., д.и., Санкт-Петербургский государственный педагогический университет.
Строгов Д.И.
Терюков А.А., к.и.н., Музей антропологии и этнографии РАН.
Тетеревлевой Т. П. к.и.н., Поморский государственный университет.
Трошева Н.В. Лодейнополюский историко-краеведческий музей.
Усыкин Г.С., д.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусства.
Федоров И. А. Санкт-Петербургский государственный университет.
Федоров М.В. к.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет.
Фишер А.Е. Русская христианская гуманитарная академия.

Фокин А.И., д.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет.
Фридкин В.Н., к.и.н., Мурманский государственный педагогический университет
Фруменкова Т.Г.
Халипов С.Г. к.фил.н., Русская христианская гуманитарная академия.
Шрадер Т.А., к.и.н., Музей антропологии и этнографии РАН.

- ¹ Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». СПб., 1999. С. 431-490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2005.
- ¹ Ландер И. Г. Художественные собрания П. К. Сухтелена // Царскосельская научная конференция. Ч. VI. СПб., 2000.
- ² Ниве П. А. Война России и Швеции в 1808 и 1809 гг. СПб., 1910. С. 34.
- ³ Подробнее см.: Митюрин Д. В. Падение Свеаборга: легенда о «золотом порохе» // Stop in Finland. 2005., №1. С. 22-25.
- ⁴ Цит. по: Бородин М. М. История Финляндии. Царствование Александра I. СПб., 1909. С. 582.
- ⁵ Подробнее см.: Митюрин Д. В. Политик, дипломат, коллекционер. // Antiq info. 2005, №34. С. 42-45.
- ⁶ Цит. по Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. 1. М., 1999. С. 352.
- ⁷ Бородин М. М. История Финляндии. Царствование Александра I. С. 423.
- ⁸ Там же. С. 583.
- ² Безбородов М.А., Ключков И.Г. Работа академика К.Г. Лаксмана над применением сульфата натрия в стеклоделии. // Стекло и керамика. 1948. № 6; Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII-XIX веков. М.-Л., 1940; Накамура Синтаро. Японцы и русские. Из истории контактов. М. 1983; Лагус В.Г. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования, переписка. СПб., 1890; Летопись Российской Академии наук. Т. 1. 1724-1802. СПб., 2000; Раскин Н.М., Шафрановский К.И. Эрик (Кирилл) Густавович Лаксман, выдающийся путешественник и натуралист XVIII века. Л., 1971; Сольский Д.И. Русский путешественник и минералог XVIII века академик К.Г. Лаксман. // Труды Минералогического музея. Вып. 12. Л., 1961; Ясуси Инноуэ. Сны о России. М., 1977; Laxmann E. Sibirische Briefe. Göttingen & Gotha., 1769.
- ³ Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917 – 1925 гг.) М., 2004. С. 33 – 34.
- ⁴ Там же. С. 33.
- ⁵ Там же. С. 39.
- ⁶ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940. Сб. документов в 2-х книгах. М., 1998. Кн. 2. 1938-1940. С. 388-390. док. 8, 10; Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции... С. 42-43.
- ⁷ Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции... С. 38-39.
- ⁸ Архив Гуверского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (далее: АГИ). Русское посольство во Франции. Ящ. 11. Соловьев М. 1917-1918. В.А. Маклаков – поверенному в делах в Мадриде. 22 ноября 1917 г.
- ⁹ Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции... С. 39-40.
- ¹⁰ АГИ. Русское посольство во Франции. Ящ. 5. К. Гулькевич 1917-1918; Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции... С. 40-41. Кононова полагает, что Гулькевич выступил против предложения миссии в Дании, в действительности он выразил несогласие с точкой зрения В.А. Маклакова.
- ¹¹ Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции... С. 83-85.
- ¹² Шишкин В.А. Антисоветская блокада и ее крушение. Л., 1989. С. 47-48.
- ¹³ Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции... С. 57-58.
- ¹⁴ Там же. С. 71.
- ¹⁵ Там же. С. 121.
- ¹⁶ АГИ. Русское посольство во Франции. Ящ. 5. К. Гулькевич 1917-1918. Маклаков – Гулькевичу 3 декабря 1918 г. № 68.
- ¹⁷ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918-1920 гг.). СПб., 1999. С. 92 – 93; Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции... С. 75.
- ¹⁸ Смолин А.В. Страны Балтии (Эстония, Латвия) и Финляндия в политике российских консерваторов в годы Гражданской войны. // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. Материалы международной научной конференции, 15 февраля 2002 г. Под ред. А.С. Карцова. СПб., 2002. С. 157.
- ¹⁹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России... С. 65.
- ²⁰ Там же. С. 80, 237, 238.
- ²¹ Там же. С. 245-246.
- ²² Там же. С. 94.
- ²³ Там же. С. 109.
- ²⁴ Там же. С. 239-242, 375.
- ²⁵ Там же. С. 241-242.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции... С. 40.

- ²⁸ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России... С. 317-319.
- ²⁹ Там же. С. 274 – 275; Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции... С. 50-54.
- ³⁰ См. О.В. Будницкий «Деньги для «белого дела» // Исторические записки. 2005, № 7. С. 57-85.
- ³¹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России... С. 210.
- ³² ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 187. Лл. 24,25. Справка о состоянии сумм Русского политического совещания с 20/XI-18 г. по 1/VI-19 г.; Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России... С. 204, 205, 233, 318; Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции... С. 131.
- ³³ Башмакова М., Лейнонен Н. Из истории и быта русских в Финляндии // *Studia Slavica Finlandensia*. Hels., 1990. Vol. VII. P. 15.
- ³⁴ Безбережьев С.В. О численности российских беженцев в Финляндии // Тезисы докладов Всероссийской конференции Европейский Север: История и современность. Петрозаводск, 1990. С. 44; *Simpson J.H.* The Refugee problem. Report of a survey. London, 1939. P. 74.
- ³⁵ Многочисленные упоминания о нелегальном переходе границы как об основном способе эмиграции в Финляндию содержатся, например, в воспоминаниях эмигрантов, опубликованных в сборнике: *Stone N., Glenny M.* The Other Russia: The experience of exile. London-Boston, 1990. P. 107, 109, 112.
- ³⁶ Bentwich N. The League of Nations and Refugees // *The British Yearbook of International Law*. London, 1935. P. 115.
- ³⁷ *Simpson J.H.* The Refugee problem. Report of a survey. P. 374.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ *Marrus M.* The Unwanted: European refugees in the twentieth century. N.Y.-Oxford, 1985. P. 55.
- ⁴⁰ *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. М., 1989. С. 93.
- ⁴¹ Данные из: *Raeff M.* Russia Abroad: a cultural history of Russian Emigration. 1919-1939. N. Y., 1990. P. 202.
- ⁴² Письмо о. Александра (Рубеца) (Швеция, Ольстен) В. Каррику (Норвегия, Вальста) от 3/16 апреля 1934 г. / Центральная библиотека Осло.
- ⁴³ *Norges Offisielle Statistikk. Folketellingen i Norge*. 1920. VII 81. Hefte 4. S. 19; *Rimscha H.* Der russische Bürgerkrieg und die Russische Emigration 1917-1921. Jena, 1924. S. 50-51.
- ⁴⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 5867. Оп. 1. Д. 63. Л. 28. Копия телеграммы Е.К. Миллера С.Д. Сазонову в Париж от 25 февраля 1920 г. / ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 513. Л. 2. Копия письма Е.К. Миллера Н.В. Чайковскому в Париж от 4 марта 1920 г.
- ⁴⁵ *Добровольский С.Ц.* Борьба за возрождение России в Северной области // Белый Север. 1918-1920 гг.: Документы и материалы. Вып. II. Архангельск, 1993. С. 193.
- ⁴⁶ Цит. по: *Куприн А.И.* Благодарность и привет Норвегии // *Куприн А.И.* Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919-1921). СПб., 2001. С. 171-172.
- ⁴⁷ *Еленевская И.* Воспоминания. Стокгольм, 1968. С. 192.
- ⁴⁸ *Graham S.* The dividing line of Europe. N-Y., 1925. P. 58.
- ⁴⁹ *Pachmuss T.* The Moving River of Tears: Russia's experience in Finland / *American University Studies*. Ser. XII: Slavic Languages and Literature. Vol. 15.
- ⁵⁰ Письмо о. Александра (Рубеца) (Швеция, Ольстен) В. Каррику (Норвегия, Вальста) от 3/16 апреля 1934 г. / Центральная библиотека Осло.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Куприн А.И.* Суоми // *Куприн А.И.* Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919 – 1921). СПб., 2001. С. 338-345.
- ⁵³ *Каррик В.* Русские в Норвегии // Последние новости. 1920 г. 16 февр.
- ⁵⁴ Письмо В.В. Каррика В.А. Нестерову (Уругвай) от 4 сентября 1934 г. / Центральная библиотека Осло.
- ⁵⁵ *Арцыбашев М.* Жгучий вопрос // Литература Русского Зарубежья. Кн. 2. М., 1991. С. 460.
- ⁵⁶ *Квакин А.В.* Психология русских эмигрантов // Российское зарубежье: итоги и перспективы изучения. Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1997. С. 11.
- ⁵⁷ *Набоков В.В.* Другие берега // Собрание сочинений. М., 1990. Т. 4. С. 284.
- ⁵⁸ Письмо о. Александра (Рубеца) (Швеция, Ольстен) В. Каррику (Норвегия, Вальста) от 3/16 апреля 1934 г. / Центральная библиотека Осло.
- ⁵⁹ Имеются в виду персонажи произведений известного норвежского писателя-драматурга Г. Ибсена (1828 — 1906) доктор Штокман (драма «Враг народа», 1882) и пастор Бранд (драматическая поэма «Бранд», 1866), выражавшие идеи свободной, высокодуховной личности и жертвенного служения.
- ⁶⁰ Письмо В.В. Каррика В.А. Нестерову (Уругвай) от 4 сентября 1934 г. / Центральная библиотека Осло.
- ⁶¹ Подробнее см. *Смирнова Т.М.* Редактор финской газеты «Вапаус» Карл Карлович Леппола // Персонажи российской истории (история и современность): Тезисы Третьей Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1996. С.251-254.
- ⁶² По материалам: ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.9. Д.5-66. Л.109-111; Д.172. Л.14-19, 21-22, 32-33, 35-38; Д.236. Л.41.
- ⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.9. Д.172. Л.71-75.
- ⁶⁴ Там же. Оп.2(II). Д.1730. Л.38-39, 41.

- ⁶⁵ Там же. Оп.9. Д.171. Л.1.
- ⁶⁶ Там же. Д.260. Л.90.
- ⁶⁷ По материалам: ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.9. Д.5-66. Л.4,109 об.; Д.172. Л.38; Д.133. Л.37-39; Д.236. Л.41.
- ⁶⁸ Там же. Д.236. Л.25.
- ⁶⁹ ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.9. Д.5-66. Л.110-111.
- ⁷⁰ По материалам: ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.9. Д.5-66. Л.3,110-111; Д.133. Л.40-41; Д.236. Л.42.
- ⁷¹ Там же. Д.236. Л.25-25 об.
- ⁷² Там же. Ф.16. Оп.11. Д.10809. Л.3.
- ⁷³ Там же. Оп.10. Д.85. Л.135.
- ⁷⁴ Там же. Оп.9. Д.172. Л.15, 32; Ф.25. оп.11. Д.16. Л.40,46 об.,50.
- ⁷⁵ ЦГАИПД СПб. Ф.Оп.9. Д.133. Л.98; Д.172. Л.37; Д.5-66. Л.109 об.
- ⁷⁶ Там же. Д.133. Л.33.
- ⁷⁷ Там же. Ф.16. Оп.11. Д.10937. Л.3.
- ⁷⁸ Там же. Ф.24. Оп.9. Д.76. Л.23.
- ⁷⁹ Там же. Д.15. Л.3, 23-24; Ф.25. Оп.11. Д.16. Л.40, 46 об.,50,54.
- ⁸⁰ Там же. Ф.24. Оп.9. Д.15. Л.3; Д.5-66. Л.110; Д.236. Л.42.
- ⁸¹ Там же. Д.236. Л.42.
- ⁸² Там же. Д.15. Л.3; Д.133. Л.25.
- ⁸³ Там же. Д.15. Л.3.
- ⁸⁴ Вапаус. 1937. 2 окт.; ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.9. Д.236. Л.15-18а.
- ⁸⁵ ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.9. Д.171. Л.48.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 2(П). Д.2092. Л.63.
- ⁸⁷ ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.8. Д.110. Л.45; Финское кооператив. изд-во «Кирья». Каталог. № 4. С.14.
- ⁸⁸ Список абонентов телефонных сетей Ленинград. области. 1931. С.26; Весь Ленинград: 1933. С.364.
- ⁸⁹ Список абонентов телефонных сетей Ленинград. области. 1931. С.26; Весь Ленинград: 1933. С.365.
- ⁹⁰ Список абонентов телефонных сетей Ленинград. обл. 1931. С.26; ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.9. Д.172. Л.36; Д.236. Л.41.

91

Редакция газеты «Вапаус» без нескольких технических работников обслуживающего персонала:

1. Лепола Карл Карлович – ответственный редактор, член ВКП(б)
 2. Лехтокиви Эмиль Генрихович – зам. ответственного редактора, член ВКП(б)
 3. Рекола Вьяне Иванович – ответственный секретарь редакции, член ВКП(б)
 4. Лехтинен Иван Адольфович – зав. отделом писем и низовой печати, член ВКП(б)
 5. Викстрем Ульяс Карлович – зав. отделом внутренней и внешней информации, член ВЛКСМ
 6. Саволайнен Георгий Израилевич – зав. отделом культуры, школ и искусств, член ВКП(б)
 7. Лехто Арво Карлович – зав. партийным отделом, член ВКП(б)
 8. Нотко Пенти Густавович – зав. промышленным и транспортным отделом, член ВКП(б)
 9. Койву Иван Карлович – зав. отделом сельского и рыболовецкого хозяйств, член ВКП(б)
 10. Пало Аня Ивановна – технический редактор, беспартийная
 11. Такала Урпо Карлович – литсотрудник отдела сельского и рыболовецкого хозяйств, член ВКП(б)
 12. Росси Вальтер Матвеевич – литсотрудник отдела писем и низовой печати, беспартийный
 13. Танту Тойво Никодимович – ответственный переводчик, беспартийный
 14. Пастак Эмилия Александровна – литсотрудник промышленного и транспортного отдела, беспартийная
 15. Ройне Хельми Генрихович – литсотрудник отдела сельского хозяйства и рыболовства, член ВКП(б)
 16. Сюкийнен Адам Осипович – литсотрудник отдела сельского хозяйства и рыболовства, член ВКП(б)
 17. Курроонен Лидия Ивановна – литсотрудник отдела сельского хозяйства и рыболовства, член ВКП(б)
 18. Алто Вьяне Густавович – литсотрудник отдела сельского хозяйства и рыболовства, беспартийный
 19. Кето Вьяне Францевич – литсотрудник отдела торговли, беспартийный
 20. Линдрус Ирья Августовна – ответственный переводчик, член ВЛКСМ
 21. Лепола Эвя – машинистка, член ВКП(б)
 23. Валтонен Айно Туомасович – зав. отделом писем, беспартийный
- Редакция газеты «Нуори Каарти»
27. Яккола Матвей Матвеевич – ответственный редактор, кандидат ВКП(б)
 28. Ховила Яльмар Оттович – зам. ответственного редактора, член ВЛКСМ
 29. Айрола Вейкко Матвеевич – ответственный секретарь редакции, член ВЛКСМ
 30. Вуокко Анна Васильевна – ответственный переводчик, беспартийная
 32. Лайтинен Иван Исаакович – литсотрудник отдела писем и низовой печати, член ВЛКСМ
 33. Вилликайнен Семен Иванович – литсотрудник отдела колхозной молодежи, член ВЛКСМ

34. Лейно Вели Андреевич – литсотрудник отдела рабочей молодежи, член ВКП(б)
Редакция газеты «Кипиня»
 36. Ахде Элли Ивановна – ответственный редактор, член ВКП(б)
 37. Линден Соня Яковлевна – зам. ответственного редактора, зав. отделом
школьной и пионерской работы, член ВКП(б)
 38. Койхосало Матильда Густавовна – ответственный секретарь редакции,
выпускающая, беспартийная
 39. Хуттунен Лидия Петровна – литсотрудник дошкольного и пионерского отделов,
беспартийная
 40. Дал Нелла Павловна – литсотрудник дошкольного и художественного отделов,
член ВЛКСМ
 41. Птичникова Вера Ивановна – редактор школьного и пионерского отдела, член
ВЛКСМ
 42. Энрут Люли Оллиевна – машинистка, беспартийная
Редакция журнала «Неувостонайнен»
 43. Латукка Лидия Томасовна – ответственный редактор, член ВКП(б)
 44. Разимович Тюне Августовна – ответственный секретарь редакции, член ВКП(б)
 45. Корхонен Ева Фоминична – инструктор, беспартийная
Редакционно-издательский отдел
 46. Пелтола Уно Андреевич – зам. главного редактора по национальным изданиям,
член ВКП(б)
 47. Коссо Юлия Андреевна – заведующая делопроизводством и хозяйством, беспар-
тийная
 48. Вьяйсянен Ида Павловна – заведующая книгохранилищем, член ВКП(б)
 49. Хеймонен Гавриил Гаврилович – фотооператор, член ВКП(б)
- (Сохранены нумерация документа и особенности написания имен собственных. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 236. Л. 41-42).

⁹² Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1 / Сост. Т.С. Майкова. М., 2004. С. 104, 108, 205, 215, 230, 292 и др.

⁹³ Письма и бумаги императора Петра Великого (*Далее* — П и Б). СПб., 1887. Т. I. С. 338; *Кротков А.* Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году. СПб., 1896. С. 33.

⁹⁴ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV. Ч. II. С. 192–194.

⁹⁵ П и Б. СПб., 1889. Т. II. № 405. С. 3–5; *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. М., 1842. Т. XIV. С. 21–22.

⁹⁶ *Волынский Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. I: 1698–1706 гг. Кн. 3: Приложения. С. 5.

⁹⁷ Шлиссельбургский комендант с 1704 г.

⁹⁸ Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. С. 415.

⁹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 894. Л. 1–8.

¹⁰⁰ Там же. Д. 307. Л. 1–1 об.

¹⁰¹ Там же. Д. 312. Л. 1; Д. 316. Л. 1.

¹⁰² Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 150; Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 693. Л. 60.

¹⁰³ Там же. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 250 об.–251; Ф. 36. Оп. 1. Д. 693. С. 101–101 об.

¹⁰⁴ Там же. Ф. 83. Оп. 2. Д. 2. Л. 211–212; Ф. 36. Оп. 1. Д. 694. С. 146–147.

¹⁰⁵ Там же. Ф. 83. Оп. 2. Д. 2. Л. 212.

¹⁰⁶ *Kensu С.* Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000. С. 104.

¹⁰⁷ П и Б. Т. II. Примеч. к № 532. С. 555.

¹⁰⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 276 («Издательский фонд»). Оп. 1. Д. 108. Л. 26.

¹⁰⁹ Там же. Оп. 1. Д. 96. Л. 6.

¹¹⁰ Материалы для истории русского флота (*Далее* — МИРФ). Ч. I. СПб., 1865. С. 114.

¹¹¹ *Берх В.Н.* Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя. СПб., 1829. Ч. 1. С. 64–65.

¹¹² RA. Defensions-kommisionen. Vol. 121. 21.VII.1704.

¹¹³ Подробное описание этого и других шведских чертежей Петербурга и окрестностей см.: *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 34–81.

¹¹⁴ SRA (Stockholm). Defensions-kommisionen. Vol. 135. 18.I.1705. Опул.: *Bagrow L., Köhlin H.* Maps of the River Neva and Adjacent Areas in Swedish Archives. Malmö, 1953. Nr VI.3.

¹¹⁵ SRA (Stockholm). Defensions-kommisionen. Vol. 135. 17.I.1705.

¹¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп.1. Д. 349. Л. 1.

¹¹⁷ МИРФ. Ч. I. С. 103.

- ¹¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 694. Л. 130.
- ¹¹⁹ Например, «Карта Петербурга и его окрестностей, составленная по показаниям дезертиров и пленных» и «Карта Петербурга и его окрестностей» (Подробнее см.: Базарова Т.А. Планы петровского Петербурга... С. 59–81).
- ¹²⁰ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. С. 243.
- ¹²¹ Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы.... Вып. I. Кн. 3. С. 177.
- ¹²² Шведской (Карельской, Финской, Выборгской) стороной называли территорию по правому берегу Невы.
- ¹²³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 452. Л. 1–1об.; Ф. 36. Оп. 1. Д. 693. Л. 28–29.
- ¹²⁴ МИРФ. Ч. I. С. 107.
- ¹²⁵ Там же. С. 153.
- ¹²⁶ РГАВМФ. Ф. 233 (Канцелярия адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 42. Л. 103–103 об.
- ¹²⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4863. Л. 1.
- ¹²⁸ П и Б. СПб., 1900. Т. IV. Вып. 2. Примеч. к № 1391. С. 1134.
- ¹²⁹ Rigsarkiv. Tyske Kancellis Udenlandske Avdeling. Special Del. Rusland B 54. Депеша датского посланника Вестфалена от 11 (30) сентября 1723.
- ¹³⁰ На самом деле, документ был готов в марте 1725 г.
- ¹³¹ Герцог Голштинский был однако племянником Карла XII и его преемницы Ульрики Элеоноры.
- ¹³² Северный архив. 1828. Ч.31. №1. С.53-56, 60-61.
- ¹³³ Rijks Archief te s'Gravenhage. De liasen Rusland. Briven van den Nederlandschen Resident in Rusland W. de Wilde en Secretaris M. de Swart aan den Griffier der Staten Generaal Ao 1725 (van №170 tot №780) en Ao 1726-1729 (van №781 tot №1070). Wilde, 1726, № 800.
- ¹³⁴ АСПБII. Ф. Воронцовых. Оп.1. Д.77/42. Л.157-165.
- ¹³⁵ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т.II. Л., 1924. С.295.
- ¹³⁶ Северный архив. 1828. Ч.31. №1. С.1.
- ¹³⁷ История внешней политики России в XVIII в. М., 1998. С.60.
- ¹³⁸ Письма посла Франции в России Ж. Кампредона. Сб.РХО. 1887. Т.58. С.3, 65.
- ¹³⁹ Советская историческая энциклопедия. Т.X. С.655.
- ¹⁴⁰ Напр.: Duchhardt H. Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen, 1700-1785. Paderborn; München; Wien. 1997.
- ¹⁴¹ Neue Deutsche Biographie. Bd.XIX. 1999. S.620.
- ¹⁴² Bagger H. Ruslands alliancepolitik efter freden i Nystad. København, 1974. S.231-232.
- ¹⁴³ Семеникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1999. С.160.
- ¹⁴⁴ См.: Фруменкова Т.Г. Московский воспитательный дом в 1812 году // Воинский подвиг защитников Отечества. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Часть вторая. Вологда, 2000. С. 168 – 175.
- ¹⁴⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 320. Л. 17, 32, 34 - 34 об., 37, 38, 40, 41 об.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 1.
- ¹⁴⁷ РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 58. Л. 3; Д. 320. Л. 2 об.
- ¹⁴⁸ Там же. Д. 282. Л. 82 об.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ Там же. Д. 58. Л. 3 об. – 4; д. 282. Л. 78; д. 320. Л. 4.
- ¹⁵¹ Там же. Д. 282. Л. 78 об. – 79.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Балабанов М. Царская Россия XX века (накануне революции 1917 года). Харьков, 1927. С. 93 - 94.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 94.
- ¹⁵⁵ Хроника. – Внутреннее обозрение. //Вестник Европы. Журнал политики, науки, литературы. Кн. 12. Декабрь. СПб., 1911. С. 372—373.
- ¹⁵⁶ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 138.
- ¹⁵⁷ Шарапов С.Ф. У др. Антона Нистрöма. //Сенокос. Сочинения Сергея Шарапова. Вып. 9 (Т. III). М., 1901. С. 55.
- ¹⁵⁸ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 б. Л. 89 об.
- ¹⁵⁹ Там же. Л. 90 об.
- ¹⁶⁰ Шарапов С.Ф. Как финны знакомятся с Россией? //Сенокос. Сочинения Сергея Шарапова. Вып. 9 (Т. III). М., 1901. С. 72—73.
- ¹⁶¹ Шарапов С.Ф. У др. Антона Нистрöма. С. 55.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 56.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 54.
- ¹⁶⁷ Там же.

- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Там же.
- ¹⁷¹ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. С. 321.
- ¹⁷² РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 191.
- ¹⁷³ Там же. Л. 2.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 4 – 4 об.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 2 об.
- ¹⁷⁶ Платонов О.А. Николай Второй. Жизнь и царствование. СПб., 1999. С. 90.
- ¹⁷⁷ Речь о Финляндии, произнесённая в вечернем заседании Государственной думы 5 мая 1908 года. (Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 г.г. М., 1991. С. 133).
- ¹⁷⁸ Шарапов С.Ф. Как финны знакомятся с Россией? С. 77.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ Аврех А.Я. Столыпин и Третья дума. М., 1968. С. 46.
- ¹⁸¹ Речь о Финляндии, произнесённая в вечернем заседании Государственной думы 5 мая 1908 года. (Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 г.г. С. 130).
- ¹⁸² Там же. С. 146.
- ¹⁸³ Речь о Финляндии, произнесённая в Государственной думе 21 мая 1910 года. (Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 г.г. С. 295).
- ¹⁸⁴ Речь о Финляндии, произнесённая в вечернем заседании Государственной думы 5 мая 1908 года. (Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 г.г. С. 148).
- ¹⁸⁵ Там же. С. 149.
- ¹⁸⁶ Две речи о новых законах, касающихся Финляндии, произнесённые в государственном совете 8 и 11 июня 1910 года. Речь 8 июня 1910 г. (Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 г.г. С. 310).
- ¹⁸⁷ РГИА. Ф. 1620. Оп.1. Д. 408. Л. 22 об.
- ¹⁸⁸ Окраины России. 1911. № 33—34. С. 458.
- ¹⁸⁹ Балабанов М. Царская Россия XX века (накануне революции 1917 года). С. 94.
- ¹⁹⁰ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 452. Л. 184.
- ¹⁹¹ Меньшиков М.О. Мещерская перо-торговля. // Новое время. 27 августа 1911 г.
- ¹⁹² Там же; См. также: РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 453. Л. 110--112.
- ¹⁹³ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 452. Л. 184.
- ¹⁹⁴ Там же. Л. 164.
- ¹⁹⁵ Там же. Д. 452. Л. 171 об.
- ¹⁹⁶ Там же. Д. 453. Л. 144.
- ¹⁹⁷ Хроника. - Внутреннее обозрение. // Вестник Европы. Журнал науки, политики, литературы. Кн. 12. Декабрь. СПб., 1911. С. 373.
- ¹⁹⁸ Показания С.П. Белецкого ЧСК. //Падение царского режима. Стенограммы допросов и показаний ЧСК Временного правительства (1917 г.). М.-Л., 1925. Т. 4. С. 384—385.
- * This research has been supported by the Swedish Cultural Foundation (Svenska Kulturfonden) in Finland
- ¹⁹⁹ Istoriya Velikoi Otechestvennoi Voiny Sovetskogo Soyuza (History of the Great Patriotic War). Т. I. М., 1960. С. 264.
- ²⁰⁰ *All sources:* Sota-arkisto; Ulkoministeriön arkisto; Blue-White Book of Finland. Vol.2 Hels., 1941; Tajny podvodnoj vojny. Vyp. 7. Lvov, 2001; Arnesen O. Grøne vingar over Norge. Widerö's Flyselskap A/S 50 år. Haugesund, 1984; Belcarz B. GC 1/145 in France 1940. Sandomierz, 2002; Berg, Å. Att flyga Fiat G.50 // Flyghistoriskt Månadsblad. 1983. N 4; Berg Å. Resa genom Europa 1940 (Robert Winstons rapport) // Svensk Flyghistorisk Tidskrift. 1998. N 4; Berg Å. Rapport från Finland // Svensk Flyghistorisk Tidskrift. 1999.N 1; Berg Å. Finska krigsflygarveteraner tackar Sverige // Svensk Flyghistorisk Tidskrift. N 3. 2000; Bjuggren, Björn: Svenska flygare i österled. Stockholm. 1942; Buffotot P. Le projet de bombardement des pétroles soviétiques du Caucase en 1940 // Revue Historique des Armées. N. 4. 1979; Buffotot P. L'aide aérienne à la Finlande (novembre 1939-mars 1940), // Revue Historique des Armées. N 4. 1980; Clauson K. K. Et liv i luften. København. 1940; Cynk J. B. The Polish Air Force at War. V.1 1939-1943, Atglen, 1998; Falk G. F 19 – en krönika. Uddevalla, 1989; Forslund M. J 11 – Fiat CR 42. Lund, 2001; Geust C-F., Tirkeltaub, S., Petrov, G. Red Stars. Vol.5. Baltic Fleet Air force in Winter War. Hämeenlinna, 2004; Geust C-F. Sovjet sköt ned Kaleva // Hufvudstadsbladet. 1988 6.8; Geust C-F. Lentokoulu Norjassa talvisodan aikana // Ilmailumuseoyhdistyksen tiedote. 1990. N 1; Geust C-F. A Small Nation and Air Power: Finland, Air Power. Doctrine and Technology. Linköping, 1996; Geust C-F.; Tajny "prodolzhitel'noj vojny" // Aviatsiya i Kosmonavtika. 1997. N 11-12; Geust C-F. F 19 enligt ryska källor. Linköping. 1997.Gripenberg G.A. Finland and the Great Powers. Lincoln, 1965; Keskinen K., Stenman K. Suomen Ilmavoimien Historia. Vol. 1

(Brewster), Vol.3 (Fokker D.21), Vol. 4 (Morane-Saulnier MS.406), Vol. 7 (Soviet Fighters), Vol. 8 (Fiat G.50), Vol.9 (Soviet Bombers), Vol. 10 (Blenheim), Vol. 12 (British Fighters), Vol. 13 (Dive Bombers), Vol. 17 (LeR 2). Hels., 1985-2004. Khokhlov P.I. Nad tremjami moryami. Leningrad, 1988; Laaksonen L. Todellisuus ja harhat. Kannaksen taistelut ja suomalaisten joukkojen tila talvisodan lopussa 1940. Hels., 1999; Lehtonen K. R. Trollhättan 55 vuotta myöhemmin // Feeniks. 1995. N 4; Lehtonen K. R. Yhtä ja toista Carl Cugnascasta // Feeniks. 1998. N 1; Lehtonen K. R. Kuinka monta Brewsteriä // Feeniks. 1998. N 1; Lehtonen K. R. Brewstereiden muistotaulu Trollhättaniin // Feeniks. 2000. N 2; Nevakivi J. The Appeal that was Never Made – The Allies, Scandinavia and the Finnish Winter War 1939-1940. London, 1976; Nordström, C.-G. Brev från en som var med // Flyghistoriskt Månadsblad. 1982. N 7-8; Omholt-Jensen E. Ole Reistad. “The Spirit of Little Norway”. Oslo, 1986; Pajari R. Talvisota ilmassa. Porvoo, 1971; Raunio J. Lentäjän näkökulma. Vol.2, 4, Forssa, 1993, 1998; Ritaranta E. Vapaaehtoisia vaivaksi asti // Suomen Ilmailuhistoriallinen Lehti. 1996. N 1; Skarphol, P.Ö. Finner i transitt // NFF-Kontakt. 1981. N 2; Söderberg N. Flygplansleveranser till finska Vinterkriget // Flyghistoriskt Månadsblad. 1981. N 7-8; Temmes, K.J. Ruotsin ryhmä/SotaOhjaajaKurssi 2 Eskilstunassa 11.2.-9.4.1940 // Feeniks. 1994. N 4; Ueberschär G. R. Hitler und Finland 1939-1941. Wiesbaden, 1978. Ulrich J. Döden har vinger. Köbenhavn, 1941; Winston R. A. Aces Wild. 1941.

²⁰¹ Although Gripenberg was a skilled and experienced diplomat – to become Finland’s first permanent representative to the United Nations in 1955 – he had absolutely no competence to buy aircraft...

²⁰² The British avoided to sign Finnish contracts by Government Agencies “in order not to provoke the Soviet Union”

²⁰³ Additional comments by this author in brackets

²⁰⁴ A Blenheim flown by a Finnish pilot disappeared between Scotland and Norway, while one Lysander and one Hurricane crashed in Norway. 98 British aircraft arrived in Finland.

²⁰⁵ 199 planes were in fact promised, Gripenberg has forgotten the second batch of 12 Blenheims, and in addition a promise of another 30 Gladiators is mentioned elsewhere in his book.

²⁰⁶ All 30 Gladiators arrived in Finland.

²⁰⁷ 24 Gauntlets arrived in Finland.

²⁰⁸ Only 11 Lysanders arrived in Finland.

²⁰⁹ No Rocs arrived in Finland.

²¹⁰ Gripenberg is mistaken, his notes are apparently mixed up: both 12 long-nose and 12 short-nose Blenheims were ferried to Finland, of which 23 arrived. One Blenheim disappeared between Scotland and Norway.

²¹¹ 10 Hurricanes arrived in Finland.

²¹² Aircraft type codes: BL Bristol Blenheim; BU Bristol Bulldog; BW Brewster B.239; CA Caudron C.714; DC Douglas DC-1; FA; Fiat G.50; FK Fokker C.X; FO Fokker C.V; FRFokker D.21; G Gloster Gladiator; GT Gloster Gauntlet; HC Hawker Hurricane; HH Hawker Hart; JF Jaktfalk; JU Junkers F.13, Junkers K.43; KO Koolhoven FK.52; LY Westland Lysander; MS Morane-Saulnier MS.406; RI Blackburn Ripon; VP Ilyushin DB-3.

²¹³ См.: Ny Dag, 1940.16.3.

²¹⁴ Johansson A. Per Albin och kriget. Samlingsregeringen och utrikespolitiken under andra världskriget. Stockholm, 1984. P. 123.

²¹⁵ Ibid. P. 124.

²¹⁶ См.: Daily Worker, 1940.9.4.

²¹⁷ Кан А.С. Внешняя политика скандинавских стран 1939-1945. М., 1967. С. 94-99.

²¹⁸ Björkman L. Sverige inför Operation Barbarossa – svensk neutralitetspolitik 1940-1941. Stockholm, 1971. P. 117.

²¹⁹ См.: Правда, 1940.11. 4.

²²⁰ Boheman E. På vakt – Kabinettssekreterare under andra världskriget. Stockholm, 1964. P. 135.

²²¹ Carlgren W. Svensk utrikespolitik 1939-1945. Stockholm, 1973. P. 60.

²²² Ny Dag, 1940.12.4.

²²³ Известия, 1940.24.4.

²²⁴ Johansson A. Per Albin och kriget. P. 136.

²²⁵ Ibid. P. 137.

²²⁶ Carlgren W. Svensk utrikespolitik 1939-1945. P. 62.

²²⁷ См.: Daily Worker, 1940.29.4.

²²⁸ Ibid. 26.4.

²²⁹ Boheman E. På vakt – Kabinettssekreterare under andra världskriget. P. 143.

²³⁰ Carlgren W. Svensk utrikespolitik 1939-1945. P. 61.

²³¹ <http://www.smb.nu>

²³² Documents on German Foreign Policy 1918-1945. Series D (1937-1945). Vol. X. London, 1957. N 14.

²³³ Carlgren W. Svensk utrikespolitik 1939-1945. P. 62.

²³⁴ Björkman L. Sverige inför Operation Barbarossa – svensk neutralitetspolitik 1940-1941. P. 134.

²³⁵ http://home.s.wipnet.se/Sverige_under_kriget

²³⁶ Johansson A. Per Albin och kriget. P. 140.

²³⁷ Ibid. P. 141.

²³⁸ Carlgren W. Svensk utrikespolitik 1939-1945. P. 64.

²³⁹ Documents on German Foreign Policy 1918-1945. N 15.

²⁴⁰ Ny Dag, 1940. 23.5.

- ²⁴¹ Boheman E. På vakt – Kabinettsskreterare under andra världskriget. P. 156.
- ²⁴² Carlgren W. Svensk utrikespolitik 1939-1945. P. 65.
- ²⁴³ См.: <http://www.sub.su.se>
- ²⁴⁴ Кан А.С. Внешняя политика скандинавских стран 1939-1945. С. 148.
- ²⁴⁵ Carlgren W. Svensk utrikespolitik 1939-1945. P. 67.
- ²⁴⁶ Ny Dag, 1940.09. 6.
- ²⁴⁷ По обе стороны Карельского фронта. 1941-1944 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 54—59; Sinivalkoinen Suomi 1939—1941 julkisten asiakirjojen valossa. II. 1978. S. 128—136.
- ²⁴⁸ Карельский фронт в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1984. С. 17—20.
- ²⁴⁹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 605.
- ²⁵⁰ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф.1280. Оп. 1. Д. 9. Л. 15—17; Румянцев Н.М. Разгром врага в Заполярье. (1941—1944). М., 1963. С. 30.
- ²⁵¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 606.
- ²⁵² По обе стороны Карельского фронта. С. 69-70; Puhtain aseinen Suomen marsalkan päiväkäskyjä vuosilta 1918-1945. Helsinki, 1970. S. 120; Suomen historian dokumentteja. Helsinki, 1970. S. 420.
- ²⁵³ Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 23—24.
- ²⁵⁴ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 610.
- ²⁵⁵ ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 23. Л. 23, 28.
- ²⁵⁶ По обе стороны Карельского фронта. С. 111—112; Puhtain aseinen Suomen marsalkan päiväkäskyjä ... S. 130.
- ²⁵⁷ ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 87. Л. 152.
- ²⁵⁸ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 603-604.
- ²⁵⁹ Карелия в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. Документы и материалы. Петрозаводск, 1975. С. 183; В грозные годы. Документы и материалы о героических подвигах женщин Карелии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Петрозаводск, 1970. С. 221—222.
- ²⁶⁰ Kulomaa J. Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941—1944. Helsinki, 1989. S. 132—133; Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 176.
- ²⁶¹ Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ). Ф. 213. Оп. 1. Д. 620. Л. 2—3; Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1982. С. 12.
- ²⁶² История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 647.
- ²⁶³ ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1340. Л. 3—6, 24—25; Морозов К.А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. (1941-1945). Петрозаводск, 1983. С. 186—187.
- ²⁶⁴ Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 297—298, 305—306.
- ²⁶⁵ ЦАМО РФ. Ф.1622. Оп. 1. Д.78. Л. 17.
- ²⁶⁶ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т.5. М., 1947. С. 423.
- ²⁶⁷ Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 295—310.
- ²⁶⁸ Книга памяти. Списки воинов, партизан, подпольщиков Карелии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Т. 1-8. Петрозаводск, 1994-1997.
- ²⁶⁹ Официально до 1917 г. город назывался Кексгольмом, однако в бытовой речи населения, финноязычных изданиях, в деловой переписке, на почтовых штемпелях и проч. широко употреблялся карело-финский топоним *Кякисалми* («Кукушкин пролив»), который осознавался переводом-эквивалентом шведского топонима *Кексгольм* («Остров Кекс»).
- ²⁷⁰ Любопытно, что тогда ситуация с названием города переменялась «с точностью до наоборот»: в бытовой речи населения (переселенцев из различных областей России, Украины и Белоруссии) город именовался Кексгольмом, однако официально ему было присвоено название Кякисалми, так как он вошёл в состав Карело-Финской ССР.
- ²⁷¹ См. об этом: Яблочков В. В те тревожные дни // Красная звезда. [Приозерск], 1978. 28 окт.
- ²⁷² Архив музея-крепости «Корела» (далее: АМКК). Ф. 5. Д. 6. №. 9247. Л. 1, Руденко (Володкевич) Р. Л. Письмо к Л. П. Потёмкину, 1970-е гг.
- ²⁷³ Там же. №. 9252. Л. 3, Раймаников В. Н. Письмо к К. В. Сергееву, 25 октября 1965 г.
- ²⁷⁴ Центральный военно-морской архив (далее: ЦВМА). Ф. 505. Оп. 017869. Д. 16. Л. 26.
- ²⁷⁵ Kärävä S. Käkisalmi sodan kourissa // Kärävä S., Tenkanen O. Käkisalmemme. Saarilärvi, 2001. S. 221.
- ²⁷⁶ Свитченко Ю. И. Парнишка из горящего Кексгольма. Л., 1986.
- ²⁷⁷ Главный герой приключенческой повести, Генка, — собирательный образ, хотя во многом и автобиографический. Сама же повесть с момента своего выхода в свет стала настоящим бестселлером.
- ²⁷⁸ См.: Свитченко Ю. И. От автора // Парнишка из горящего Кексгольма. С. 3-4.
- ²⁷⁹ Там же. С. 205, 207, 230, 245.
- ²⁸⁰ Rainio R. Herroja Helsingistä // Kärävä S., Tenkanen O. Käkisalmemme. S. 258.
- ²⁸¹ Kärävä S. Käkisalmi sodan kourissa. S. 220.
- ²⁸² АМКК. Ф. 5. Д. 6. № 456. Л. 1.
- ²⁸³ Там же. № 1158. Л. 1, Архивная справка из ЦГА КАССР № Н-17 от 8 июня 1979 г.
- ²⁸⁴ Rainio R. Herroja Helsingistä S. 260.

- ²⁸⁵ *Kaasinen A.* Kymmenen päivää takaisinvalloitetussa Käkisalmissa // Kansallismuseo. Historiallinen asasto. Topografinen arkisto. Käkisalmi. FN-90/126. L. 1—15.
- ²⁸⁶ Ibid. L. 8.
- ²⁸⁷ См.: *Kuujo E., Puramo E., Sarkanen J.* Käkisalmen historia. Lahti, 1958. S. 958.
- ²⁸⁸ Ibid. S. 959.
- ²⁸⁹ Ibid.
- ²⁹⁰ Ibid. S. 959-960.
- ²⁹¹ ЦВМА. Ф. 505. Оп. 017869. Д. 16. Л. 1.
- ²⁹² *Kuujo E., Puramo E., Sarkanen J.* Käkisalmen historia. S. 965.
- ²⁹³ Ibid. S. 964.
- ²⁹⁴ Ibid. S. 966.
- ²⁹⁵ ЦВМА. Ф. 505. Оп. 017869. Д. 16. Л. 26, Сводка разведотдела штаба Ленинградского фронта, 15 мая 1942 г.
- ²⁹⁶ См.: *Konca П.* Кякисалми в 1941—1944 гг. // Красная звезда. [Приозерск]. 2000. 15 авг.
- ²⁹⁷ *Kuujo E., Puramo E., Sarkanen J.* Käkisalmen historia. S. 962.
- ²⁹⁸ Ibid. S. 963.
- ²⁹⁹ Ibid. S. 962.
- ³⁰⁰ Ibid. S. 964.
- ³⁰¹ Ibidem.
- ³⁰² Ibid. S. 969.
- ³⁰³ См.: *Дмитриев А.* Красная Армия в Кексгольме // Красная звезда. [Приозерск]. 2004. 25 сент.
- ³⁰⁴ Носков А.М. Северная Европа в военных планах милитаризма: исторический очерк. М., 1987. С.119.
- ³⁰⁵ Фёдоров В. Финляндия сегодня. М., 1990. С. 48.
- ³⁰⁶ Кекконен У.К. Финляндия: путь к миру, добрососедству. Статьи, речи, письма. 1943-1978 гг. М., 1979. С.279.
- ³⁰⁷ Там же. С. 272-282.
- ³⁰⁸ См.: Борьба СССР против ядерной опасности, гонки вооружений, за разоружение: Документы и материалы. М., 1987; Советский Союз в борьбе за разоружение. Сборник документов. М., 1977; Советско-финляндские отношения, 1948-1983: Договор 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. М., 1983; Finnish disarmament policy. Ministry of foreign affairs. Hels., 1983.
- ³⁰⁹ Yearbook of finnish foreign policy. Finnish institute of international affairs. Hels., 1978. P. 30.
- ³¹⁰ См.: Новое время. 1981. №41. С. 6.
- ³¹¹ См.: Helsingin Sanomat. 1981. 26 9.
- ³¹² Фёдоров В. Финляндия сегодня. М., 1990. С. 43-51.
- ³¹³ См.: Helsingin Sanomat. 1981. 18.3.
- ³¹⁴ Правда. 1982. 12 дек.
- ³¹⁵ Правда. 1983. 7 июня.
- ³¹⁶ Фёдоров В. Советский Союз и Финляндия: Добрососедство и сотрудничество. М., 1988. С. 104.
- ³¹⁷ Комиссаров Ю.Д. Безопасность и сотрудничество: опыт Европейского Севера. М., 1989. С.19.
- ³¹⁸ Носков А.М. Северная Европа в военных планах милитаризма. С.120.
- ³¹⁹ Комиссаров Ю.Д. Безопасность и сотрудничество: опыт Европейского Севера. С.28-29.
- ³²⁰ За мир и безопасность народов: документы внешней политики СССР. 1988 год: В 2-х кн. Кн.1. М., 1990. С. 106 -107.
- ³²¹ Комиссаров Ю.Д. Безопасность и сотрудничество: опыт Европейского Севера. С.32.
- ³²² Международная жизнь. 1987. № 12. С.99-100.
- ³²³ Койвисто М. Взгляд на мир. М., 1992. С.76.
- ³²⁴ Правда. 1988. 14 февр.
- ³²⁵ Мир не должен упустить реального шанса. М., 1990. С. 8-9.
- ³²⁶ Смирнов В. По пути добрососедства. Тампере, 1983. С. 22.
- ³²⁷ См.: Iivonen J. Venäjän mureneva sotilasmahti // Ulkopoliitiikka. 1999. N3. S.154-155.
- ³²⁸ Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1914—1918. Вып. 1—4.
- ³²⁹ Hangöudd på 1700-talet: svensk utpost i tsarens skugga / Sammanställning B. Ekström. Hangö stad, 1987.
- ³³⁰ *Hyvönen V. A.* Slaget vid Hangöudd 1714 // Hangöudd på 1700-talet: svensk utpost i tsarens skugga. S. 71 – 91.
- ³³¹ *Mattsson R.* Peter den store och slaget vid Hangöud enligt ryska källor // Skärgård. 1985. № 1. S. 11– 17.
- ³³² *Кротов П.А.* К вопросу о силах и тактике русского гребного флота в Гангутском сражении 1714 года // История СССР. 1990. № 6. С. 137–150.
- ³³³ Третий шведский шхербот был захвачен 26 июля 1714 г. в ходе прорыва первого отряда из 20 русских галер мимо полуострова Гангут.
- ³³⁴ *Никитин А.А.* Где же произошел Гангутский бой 27 июля 1714 года? // Цитадель. 2004. № 11. С. 67–72.
- ³³⁵ Материалы для истории Гангутской операции. Пг, 1914. Вып. 1, ч. 2. С.195–199.

- ³³⁶ Муравьев М.А. Записки // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XIX вв. М., 1994. Вып. 5. С. 19.
- ³³⁷ Там же. С. 20.
- ³³⁸ Никитин А.А. Где же произошел Гангутский бой 27 июля 1714 года? С. 68.
- ³³⁹ Hausen R. När tsar Peter sommaren 1719 låg med sin flotta vid Lemland // Åland. 1930. № 9. S. 57.
- ³⁴⁰ Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. XII. Т. 24-25. М., 1988. С. 401, 402.
- ³⁴¹ Попов Ю.М. Русский флот в первую кампанию Семилетней войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы 6 ежегодной научной конференции 2004 г. СПб., 2005.
- ³⁴² Российский государственный архив Древних Актов (далее: РГА ДА). Ф. 178. Оп. 1. Д. 38. Л. 142, 143.
- ³⁴³ Бумаги государственного канцлера графа М.Л. Воронцова // Архив князя Воронцова. Кн. 6. М., 1873. С. 394.
- ³⁴⁴ РГА ДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 31. Л. 67.
- ³⁴⁵ ПСЗ. Т. XV. С. 229.
- ³⁴⁶ Коробков Н.М. Русский флот в Семилетней войне. М., 1946.
- ³⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.
- ³⁴⁸ РГА ДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 32. Л. 223.
- ³⁴⁹ Бородин М.М. Война 1854 –55 гг. на Финском побережье. СПб., 1904; История Финляндии. СПб., 1908; Мехелин Л. Финляндия в 19 столетии. Гельсингфорс, 1894; Федоров Ф.А. Финляндия в ее нынешнем состоянии. СПб., 1855; Сверчков В.Д. Эскизы из войны в Финляндии 1854 года. СПб., 1954; Дюма А. Путевые впечатления в России. Т.1. М., 1993. С. 169.
- ³⁵⁰ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926. С.201.
- ³⁵¹ Российский государственный архив Военно-морского Флота (далее: РГА ВМФ) Ф.418. Оп.1. Д.192. Л.4.
- ³⁵² Там же. Д.94. Л.46.
- ³⁵³ Там же. Л.47,48.
- ³⁵⁴ Там же. Л.249-255.
- ³⁵⁵ Там же. Л.197.
- ³⁵⁶ РГА ВМФ Ф.418. Оп.1. Д.194. Л.3.
- ³⁵⁷ Там же. Л.28.
- ³⁵⁸ Там же. Ф.479. Оп.1. Д.146. Л.1-40.
- ³⁵⁹ Там же. Л.9.
- ³⁶⁰ Там же. Ф.418. Оп.1. Д.23778. Л.2,3.
- ³⁶¹ Петров М.А. Подготовка России к первой мировой войне на море; Морская оборона берегов в опыте последних войн России. М., 1927. Несколько ранее была опубликована работа Новицкого В. (См.: Новицкий В. Критический разбор плана операций на Балтийском море // Военно-морская комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 гг. на море. Сборник № 2. Пг., 1922. С. 58-64).
- ³⁶² Флот в первой мировой войне. Т. 1, 2. М., 1964.
- ³⁶³ Золотарев В.А., Козлов И.А., Шломин В.С. История флота государства Российского, Т.1. М., 1996.
- ³⁶⁴ Симоненко В.Г. Морской генеральный штаб русского флота 1906-1917 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1976; Цветков И.Ф. Строительство Балтийского флота накануне и в период первой мировой войны. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1993; Подсобляев Е.Ф. Подготовка Балтийского флота к первой мировой войне 1906-1914 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1995.
- ³⁶⁵ Подсобляев Е.Ф. Развитие теории войны на море и ее влияние на развитие флота и военно-морского искусства (1890 – 1945). Ч.1. СПб., 1998; Шацлло В.К. Первая мировая война 1914-1918. Факты, документы. М., 2003 и др.
- ³⁶⁶ Козлов Д.Ю. «Утрата флота на Балтийском море... отзывается расстройством самого государственного организма». Планы оперативно-стратегического применения флота Балтийского моря накануне Первой мировой войны в 1907-1914 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 10-17.
- ³⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 131. Л. 2-5об.
- ³⁶⁸ Памятная записка контр-адмирала А.С. Максимова с проектом «Плана войны № 2» от 10(23) декабря 1913 г.
- ПЛАН ВОЙНЫ № 1**
- План войны с вариантами на минные заграждения в узких частях Финского залива, куда предполагается завлечь неприятеля, или куда он сам пойдет, желая завладеть заливом, – имеет одно достоинство: он позволяет нам действовать всеми наличными силами, не исключая устарелых подводных лодок, старых миноносцев и тихоходных заградителей, – одним словом, он дает возможность использовать все наши силы.
- Однако только исключительные обстоятельства дают этому плану преимущества, т.к. вообще этот план обладает огромными недостатками:
1. Мы отказываемся от инициативы.

2. Отказываемся от неожиданности и неизвестности нашего плана неприятелю, который, зная его, примет все возможные меры для обеспечения себе прорыва. (Полагаю, что план этот, повторяемый нами ежегодно на маневрах, отчет о коих проходит через множество рук, не может дать гарантию полнейшего секрета).

3. Оборона Финского залива нисколько не прикрывает другие наши берега Балт[ийского] моря, Ботнического и Рижского заливов.

4. Заграждения, в случае успеха, помешают нам самим эксплуатировать победу.

5. Самые незначительные неприятельские силы будут в состоянии блокировать наши берега, ввиду того, что наш флот отвлечен ожиданием нападения на избранные позиции.

6. Слух о возможной высадке Германских войск в пределах Финского залива отвлечет большое количество войск наших от западной границы.

7. В случае небольшого десанта в Або или Гангэ, предпринятого неприятелем для поднятия населения Финляндии, наше заграждение может сыграть обратную роль, т.к. после прибавления к нашим минам еще своих неприятель чрезвычайно затруднит нам нападение на его транспорты, тем более что тралящий караван наш находится в Кронштадте и неизвестно, будет ли возможно ему в свое время присоединиться к нам.

8. В заключение можно сказать, что оборонительный план этот не даст славы Начальнику и его подчиненным.

Оборонительные кампании – Севастопольская и Русско-японская – погубили наш Флот, погубили Славу его, Славу времен Екатерины и Петра – времен войн наступательных.

ПЛАН ВОЙНЫ № 2

Получив от Правительства извещение о предстоящем разрыве дипломатических отношений с Германией и ожидании начала военных действий со стороны ее, Командующий флотом начинает действовать согласно особому плану, не сообщенному никому в Петербурге и никому во Флоте, за исключением нескольких лиц, выбранных для разработки этого плана и выработки деталей. При этом Командующий берет на себя ответственность за начало военных действий, как делал это Нельсон; в случае удачи он поставит свое имя на ряду с именами Великих людей, и свой Флот на ряду с Их Флотами.

План этот вкратце следующий:

1. Подрывной партией подорвать шлюзы Кильского канала и этим на некоторое время отделить Флот Германии Балтийского моря от Флота Немецкого моря.

2. Перевести место боя за заграждениями к узкостям: Гиедзер, Фемарн и выход из Кильской бухты.

Наступательные действия с нашей стороны были бы неожиданностью для всего мира; во-первых, потому что со времен Екатерины наш Флот только оборонялся, а во-вторых, потому что наступление против второго Флота мира будет всем казаться немыслимым.

Однако он выполним и по трудности своей не превышает планов, выполненных Великими людьми в свое время.

В тактическом отношении проходы Гиедзер и Фемарн в особенности имеют преимущества перед соответствующими местами Финского залива, т.к. эти проходы уже и длиннее.

В стратегическом положении план блокады Германского флота заставит Германию опасаться высадки наших войск и заставит оттянуть часть их сил от границы. Зунд остается открытым для сообщений с Английским Флотом, часть которого, наверное, будет находиться в Датских водах.

ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА № 2

1. Первым и необходимым условием является полнейшая скрытность.

Решив выполнять этот план, следует продолжать на бумаге придерживаться старого плана во всех секретных приказах и планах, представляемых Морскому Министру и Генеральному Штабу. С Бригадами и Дивизиями продолжать готовиться по плану № 1.

В последний момент могут быть сделаны распоряжения, непонятные для непосвященных в этот план, – распоряжения, которые могли бы способствовать передвижению наших сил ближе к Либаве. (Например: Могут быть посланы «Амур» и «Енисей» в Либаву будто бы для ввода в док с приказанием в док без разрешения не входить, таким же образом могут быть передвинуты к Либаве миноносцы 5-го Дивизиона.)

2. Следует установить наблюдение за Кильским флотом с Датских островов, в особенности с Лааанда. Сообщения о передвижении должны быть передаваемы через Копенгаген. Сообщения эти должны быть передаваемы особым шифром непосредственно Командующему Флотом помимо иных инстанций.

3. Исследовать шлюзы Кильского канала и найти наивыгоднейшие пути к нему от Датской границы, чтобы в нужный момент можно было бы на автомобиле (около 2 часов езды) подойти к каналу и возможно более его попортить.

4. Желательно иметь подкупленным человека на Борнгольме, который мог бы при нашем подходе на видимость острова пресечь возможность донесения об этом куда бы то ни было. В противном случае придется Борнгольм миновать ночью.

5. «Океан» должен идти в Ревель и принять возможно больше мин заграждения для того, чтобы впоследствии снабжать ими миноносцы во время действия их в Германских водах. 1-й Дивизион подводных лодок следует в Свеаборг.

[...]

Когда обстоятельствами определяется время действий, Бригады Линейных Кораблей и Крейсеров отправляются к Дагерпорту, якобы для проверки боевой готовности и эволюций. Отсюда посылается радиограмма в Либаву Заградителям и Миноносцам с приказанием выйти в определенный час из Либавы и идти в назначенный квадрат на соединение с Главными Силами для следования всем Флотом в Ревель.

Далее посылается радиограмма в Петербург с донесением, что по окончании маневров Флот предполагает идти на Рейд Дредноутов (примерно).

По соединении, вне видимости Либавы, с Заградителями и Миноносцами, Флот движется к Борнгольму и далее к проливам. При Флоте находятся 2-й Дивизион подводных лодок и «Океан», также «Рига» и «Анадырь» с углем.

Встречные немецкие пароходы должны быть останавливаемы нашими миноносцами, у пароходов следует портить машины и уничтожать беспроволочные телеграфы.

Если по пути к проливам будет получено известие, что неприятельские крейсера следуют на север, то это обстоятельство не препятствует выполнению нашего плана в проливах; если же будет получено известие, что большая часть непр[иятельского] Флота следует в наши воды, то нужно или вернуться к плану № 1, или, если время не позволит этого произвести, запретить неприятельский Флот в Финском заливе.

По прибытии к проливам, если возможно, ставят минное заграждение в Фемарн-Бельте, начиная с западной его части. Сначала ставят Заградители, миноносцы в это время принимают мины с «Океана» и затем продолжают постановку, начатую Заградителями. Считаю более целесообразным ставить мины в большом расстоянии друг от друга, чем это у нас сейчас принято; увеличив в 5 – 6 раз расстояния между минами, мы получим возможность поставить значительно больше линий, и таким образом образуется целое минное поле.

Если почему-либо не представится возможности поставить заграждения у Фемарна, то буде возможно поставить его у Гиедзера, хотя этот последний проход, в смысле минных постановок, далеко уступает первому, т.к. он шире и короче, кроме того, у Фемарна наши корабли в пространстве несколько не стеснены, что нельзя сказать о Флоте, который будет по другую сторону от заграждения.

После постановки заграждения Командующий извещает Наше Правительство и Иностранные Державы, что от Кильской бухты до Гиедзера проход для судов закрыт вследствие поставленного минного заграждения, и Германские берега блокированы. Этой телеграммой открываются военные действия.

Минные заграждения, поставленные по возможности ночью, в течение дня будут охраняться от неприятельских тральщиков огнем наших судов. Если неприятель тралит проход, то подводные лодки идут за заграждение и атакуют неприятельские большие корабли, поддерживающие своих тральщиков. Если неприятель, по примеру Фаррагута, решив пожертвовать одним или двумя кораблями, идет полным ходом, то следует занять место по его курсу, что выполнить легко, т.к. при заграждении глубиной в 7 – 8 миль времени для занятия нашей позиции будет достаточно. Трудно предположить, чтобы кильватерная колонна смогла сохранить свой строй, подвергнувшись сильному продольному огню. Уклонение же неприятеля от курса или какое-нибудь перестроение даст лишние шансы ему встретить мины.

На ночь некоторые миноносцы остаются у заграждения для охраны его от тральщиков, другие ставят заграждение у Килиа и, если возможно, атакуют. На ночь некоторые миноносцы остаются у заграждения для охраны его от тральщиков, другие ставят заграждение у Килиа и, если возможно, атакуют Немецкие суда. Наши большие корабли уходят на ночь в море или становятся без огней в подходящем для стоянки месте; подводные лодки тоже уходят в пролив Гиедзер, – с рассветом Флот наш должен быть у заграждения.

Рассматривая силы Германского Флота, которые могут быть выставлены против нас, мы убедимся, что потеря Германией очень малого количества кораблей уже дает в наши руки перевес над ним.

Необходимо заметить, что во все время действий нашего Флота в проливах должно быть учреждено неустанное наблюдение при помощи наших Крейсеров за Фемарн-Бельтом, у Гиедзера и Дрогденского канала, чтобы не дать возможности неприятельским миноносцам поставить у нас в тылу заграждения.

Для поддержки Флота в смысле запасов могут служить «Рига», «Анадырь» и «Океан».

На второй или третий день после начала военных действий можно ожидать, что Английские резервные корабли небольшого углубления уже будут в Датских водах, и в случае присоединения этих кораблей к нам можно открыть действительную блокаду Германских берегов, прекратить ее торговлю в Балтийском море и отобрать в ее портах все возможные средства переправы десанта и тем обеспечить себя от него в будущем.

В случае полной неудачи, если Флот наш будет разбит, то оставшимся судам есть возможность отступить к плану № 1, т.к. Германские корабли преимущественно в ходе перед нашими не обладают, а Броненосных Крейсеров у них в Балтийском море нет, за исключением старого «Йорка». Флот наш отступит под прикрытие 1-го Дивизиона подводных лодок у Свеаборга, оставшихся миноносцев и резервных судов, которые к тому времени могут быть передвинуты из Кронштадта.

Смелое нападение вызовет взрыв восторга в Англии, и трудно сомневаться, что Англия не начнет действий. В этом случае, даже если Флот наш будет разбит, Германия не отважится его преследовать, т.к. эти она откроет англичанам все свои берега.

Контр-адмирал А.С. Максимов

10 февр[аля] 1913 г.

- ³⁶⁹ Сакович А. Радиоразведка на Балтийском театре в войну 1914-18 гг. // Мор. сб. 1931. № 12. С. 46-62.
- ³⁷⁰ Петров Е. Организация войсковой разведки на морских силах Балтийского моря в мировую войну. (Период 1914-1916). // Мор. сб. 1931. № 6. С. 13-30.
- ³⁷¹ Янкович В. К истории возникновения радиоразведки в русском флоте // Воен.-ист. журн. 1961. № 2. С. 114-117.
- ³⁷² Дудоров Б.П. Адмирал Непенин – С.-Петербург: «Облик» - «Вита», 1993.
- ³⁷³ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 415, 496.
- ³⁷⁴ В книге Б.П. Дудорова «Адмирал Непенин» излагается несколько иная версия появления названия радиостанции «Жандарм», которая однако не подтверждается архивными источниками.
- ³⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. 736. Оп. 1. Д. 184. Л. 60а.
- ³⁷⁶ Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 770. Л. 67 об. Мичман В.И. Марков находился на РОН временно и приказом от 18.05.15 г. был возвращен на крейсер «Рюрик».
- ³⁷⁷ Там же. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 112.
- ³⁷⁸ Там же. Л. 114, 115.
- ³⁷⁹ Там же. Л. 116. Пользуясь пребыванием в МГШ, И.И. Ренгартен дополнительно обговорил вопросы взаимодействия создаваемого при РОН дешифровального «бюро» с так называемым «черным кабинетом» (дешифровальным подразделением МГШ).
- ³⁸⁰ Там же.
- ³⁸¹ Там же. Ф. 736. Оп. 1. Д. 400. Л. 38-42.
- ³⁸² Там же. Л. 35.
- ³⁸³ По другим документам Б. Орлов числится, как не имеющий чина.
- ³⁸⁴ Там же. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4258. Л. 3 об, 4.
- ³⁸⁵ Там же. Д. 3465. Л. 74об.
- ³⁸⁶ В июле 1916 г. приказом начальника морского штаба Верховного Главнокомандующего было увеличено число помощников начальника РОН на 6 человек.
- ³⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 21; Национальный архив Финляндии – Kansallisarkisto (KA). Ф. Русские военные бумаги. 1970.
- ³⁸⁸ Колоницкий Б.И. Изобретения революционной традиции: случай Петрограда // Abstracts: 6th ICCEES World Congress. Tampere, Finland, 29 July – August, 2000. Helsinki, 2000. P. 215; Он же. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001; Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985.
- ³⁸⁹ Шаццло К.Ф. Россия перед первой мировой войной. Вооруженные силы царизма в 1905–1914 гг. М., 1970; Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1818. Helsinki, 1997; Roudasmaa S. Oulun varuskunnan historia. Kemi, 1981; Korkama E., Roudasmaa S. Tapparasta Tankkeihin: Hämeenlinnan varuskunnan historia. Joensuu, 1988.
- ³⁹⁰ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» / Сост. Павлова Т.В., Перченко Ф.Ф., Сафонов И.К. М., 1996. С. 73; Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 3.
- ³⁹¹ Бажанов Д.А. 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в дни Февральской революции // Вестник молодых ученых: исторические науки. 1999. № 5. С. 12–19. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 122–132; Черняев В.Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партия, власть. СПб., 1994. С. 308–323; Чистиков А.Н. Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией // Интервенция на Северо-Западе России: 1917–1920. СПб., 1995. С. 159–174 и др.
- ³⁹² Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
- ³⁹³ КА. Ф. Русские военные бумаги. 11970.
- ³⁹⁴ Архипов И.Л. Словари «нового политического мышления» как источник по изучению политической психологии в 1917 г. // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2002. С. 302–315; Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб, 2001.
- ³⁹⁵ КА. Ф. Русские военные бумаги. 11970.
- ³⁹⁶ Ibidem.
- ³⁹⁷ Ibidem.
- ³⁹⁸ Ibidem.
- ³⁹⁹ Ibidem.
- ⁴⁰⁰ Ibidem.
- ⁴⁰¹ Ibidem.
- ⁴⁰² См. об этом: Дубровская Е.Ю. Символы революции 1917 года в письмах российских военнослужащих в Финляндии // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 336–344; Ее же. Русские войска и Великое княжество Финляндское в XIX – начале XX в. // Новый часовой. 2001. № 11–12. С. 23–35; Ее же. Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны // Клио. 2001. № 3. С. 128–134.
- ⁴⁰³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 671. Л. 1.

- ⁴⁰⁴ Там же. Л. 1–2.
- ⁴⁰⁵ Там же. Л. 2.
- ⁴⁰⁶ Там же. Л. 5–14.
- ⁴⁰⁷ Там же. Л. 6–7.
- ⁴⁰⁸ Там же. Л. 15–24.
- ⁴⁰⁹ Там же. Л. 3.
- ⁴¹⁰ Там же. Л. 3.
- ⁴¹¹ Там же. Д. 672. Л. 8.
- ⁴¹² Там же. Л. 9–10.
- ⁴¹³ Там же. Д. 671. Л. 25.
- ⁴¹⁴ Там же. Л. 26.
- ⁴¹⁵ Там же. Л. 27–30.
- ⁴¹⁶ Там же. Д. 672. Л. 175–178. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 60–61.
- ⁴¹⁷ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 672. Л. 174–175, 179а. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 61–62.
- ⁴¹⁸ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 672. Л. 172–174, 179а–179б. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 61–62.
- ⁴¹⁹ Полпреды сообщают...: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г.–август 1940 г. М., 1990. С. 370–371, 374–376, 386–387, 389–390, 394–401.
- ⁴²⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 672. Л. 178–179а.
- ⁴²¹ Там же. Л. 179а.
- ⁴²² Там же. Д. 502. Л. 74.
- ⁴²³ Там же. Л. 74.
- ⁴²⁴ Кочкуркина С.И. Археологические памятники корелы V – XV веков. Л. 1981; Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М. 1989; Ailio, J. Karjalaiset soikeat kupurasojet // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXXII. Hels., 1922; Gluck H., Wennberg B., Hirsch H. Artalsföreteckning över Svenska Mynt med värderingspriser gällande 1975. Stockholm, 1974; Jansson, I. Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet. Aun 7. Uppsala, 1985; Kivikoski, E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Hels., 1973; Lehtosalo, P-L. Rapukoristeisten solkien ajoituksesta. Suomen museo 1966; Nordman, C.A. Karelska järnåldersstudier. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXXIV:3. Hels., 1924; Petersen, J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928; Saksa, A. Rautakautinen Karjala. Joensuu, 1998.
- ⁴²⁵ Petersen, J. Vikingetidens smykker; Jansson, I. Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet. Aun 7. fig.53, 69.
- ⁴²⁶ Ailio, J. Karjalaiset soikeat kupurasojet. S. 44-45, Lehtosalo, P-L. Rapukoristeisten solkien ajoituksesta. S. 29-32.
- ⁴²⁷ Kivikoski, E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. abb 679.
- ⁴²⁸ Кочкуркина С.И. Археологические памятники корелы V – XV веков. С.13.
- ⁴²⁹ Определения монет даны по каталогу : Gluck H., Wennberg B., Hirsch H. Artalsföreteckning över Svenska Mynt med värderingspriser gällande 1975.
- ⁴³⁰ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. С. 253.
- ⁴³¹ Kivikoski, E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. abb 781.
- ⁴³² Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденберг С. История Швеции. М., 2002. С. 146.
- ⁴³³ История Швеции. М., 1974. С.292-295.
- ⁴³⁴ Там же. С. 314.
- ⁴³⁵ Кан А.С. Россия и русско-шведские отношения в освещении шведской публицистики «эры свобод» и густавианского времени // Скандинавский сборник. XXVI. Таллин, 1981. С.102-103.
- ⁴³⁶ Там же. С.103.
- ⁴³⁷ Там же. С.106.
- ⁴³⁸ Там же. С.107.
- ⁴³⁹ Там же. С.108.
- ⁴⁴⁰ Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семёнов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т.1. Москва, 1977. С. 70,77.
- ⁴⁴¹ Примечаний к Ведомостям. Ч.77,78,79, Санкт-Петербург сентябрь 25 дня,1741; Примечаний к Ведомостям. Ч. 30, 32, Санкт-Петербург, апрель 12 дня, 1742.
- ⁴⁴² Учёные Записки Императорской Академии наук по Первому и Третьему отделениям. Т. II. СПб., 1854. С. 144-148.
- ⁴⁴³ Новые ежемесячные сочинения. Ч. XXIX. СПб., Изданием Императорской академии наук, сентябрь 1789. С. 45,46.
- ⁴⁴⁴ Новые ежемесячные сочинения. Ч. XXXV. СПб., Изданием Императорской академии наук, май 1789. С.94.
- ⁴⁴⁵ Пролог на случай победы приобретённой над шведами // Театр. Ч.XXXIV. СПб., 1790. С. 241-264.
- ⁴⁴⁶ Державин Г. Ода на Высочайше в Санкт-Петербурге при бытие к торжеству о мире с Королём Шведским Императрице Екатерины 1790, августа 15 дня, //О новейших ежемесячных сочинениях. Ч.LIV. СПб., Изданием Императорской Академии наук декабрь 1790. С.3-15.
- ⁴⁴⁷ Там же. С.6.

⁴⁴⁸ Комическая опера Екатерины II. Горько-богатырь // Журнал Министерства народного просвещения. Ч.152. 1870, № 12. С.172-186.

⁴⁴⁹ Михайловский-Данилевский. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море, в 1808 и 1809 годах, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским с 20 планами и картами. СПб., 1841; Сухтелен П.К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 годах. Пер. с фр. СПб., 1832.; Ниве П.А. Русско-шведская война 1808—09 гг. СПб., 1910; Шведская война 1808—1809 гг. Сост. воен. истор. отделом шведского Ген. Штаба. СПб., 1910; Кяйвяряйнен И.И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965; Захаров Г. Русско-шведская война 1808—8109 гг. М., 1940; Бородин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909; Боот-Холмберг Ц. Роль предательства в борьбе за Финляндию. Петр., 1916; Danielson J. R. Suomen yhdistäminen. Venäjän valtakuntaan K. Ordinin "Suomen valloitus" nimisen teoksen johdosta. Helsinki, 1891; Erkki K. Osmonsalo. Suomen Rajapolitiikka Venäjän vallan aikana. Helsinki, 1990; Danielson J. R. Suomen yhdistäminen. Venäjän valtakuntaan K. Ordinin "Suomen valloitus" nimisen teoksen johdosta. Helsinki. 1891; Danielson J. R. Suomen sota ja suomen sotilaat; J.R. Danielson-Kalmari. Suomen sota 1808—1809. Porvoo, 1908; Lehtonen U. L. Tilsitistä Haminaan. Tutkimus Aleksanteri I:n ulkopoliitikasta mikäli siitä on johtunut suomen valloitus. Porvoo, 1908.

⁴⁵⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/АН.; Российский фонд культуры;-3-е изд., стереотипное испр. и доп. М., 1995. С. 484.

⁴⁵¹ Донесения можно просмотреть в таких трудах, как: Сухтелен П.К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 годах; Михайловский-Данилевский. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море, в 1808 и 1809 годах, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским с 20 планами и картами; Бородин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I.

⁴⁵² Там же.

⁴⁵³ Боот-Холмберг Ц. Роль предательства в борьбе за Финляндию; Danielson J. R. Suomen yhdistäminen. Venäjän valtakuntaan Ordinin K."Suomen valloitus" nimisen teoksen johdosta; Erkki K. Osmonsalo. Suomen Rajapolitiikka Venäjän vallan aikana; Danielson J. R. Suomen yhdistäminen. Venäjän valtakuntaan Ordinin K."Suomen valloitus" nimisen teoksen johdosta; Danielson Joh. Rich. Suomen sota ja suomen sotilaat; Danielson-Kalmari J.R. Suomen sota 1808—1809; Lehtonen U. L. Tilsitistä Haminaan. Tutkimus Aleksanteri I:n ulkopoliitikasta mikäli siitä on johtunut suomen valloitus.

⁴⁵⁴ См. указанные в данной работе исследования российских историков.

⁴⁵⁵ Сухтелен П.К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 годах. С. 12; Захаров Г. Русско-шведская война 1808—1809 гг. С. 18.

⁴⁵⁶ Ниве П.А. Русско-шведская война 1808—09 гг. С. 33.

⁴⁵⁷ Михайловский-Данилевский. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море, в 1808 и 1809 годах, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским с 20 планами и картами. С. 218—219.

⁴⁵⁸ Сухтелен П.К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 годах. С. 73.

⁴⁵⁹ Ниве П.А. Русско-шведская война 1808—09 гг. С. 85; Сухтелен П.К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 годах. С. 78.

⁴⁶⁰ Ниве П.А. Русско-шведская война 1808—09 гг. С. 56—58.

⁴⁶¹ Там же. С. 10 и др.

⁴⁶² Сухтелен П.К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 годах. С. 34.

⁴⁶³ Шведская война 1808—1809 гг. С. 242.

⁴⁶⁴ Михайловский-Данилевский. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море, в 1808 и 1809 годах, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским с 20 планами и картами; Ниве П.А. Русско-шведская война 1808—09 гг.; Сухтелен П.К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 годах; Боот-Холмберг Ц. Роль предательства в борьбе за Финляндию; Бородин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I.

⁴⁶⁵ Кяйвяряйнен И.И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. С. 5.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Там же. С. 5.

⁴⁶⁸ Кяйвяряйнен И.И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. С. 5, 191.

⁴⁶⁹ Захаров Г. Русско-шведская война 1808—8109 гг. С. 33.

⁴⁷⁰ Там же. С. 144.

⁴⁷¹ Там же. С. 144.

⁴⁷² Там же. С. 202,203, 209, 211, 214, 217.

⁴⁷³ Михайловский-Данилевский. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море, в 1808 и 1809 годах, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским с 20 планами и

- картами. С. 91—95; Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I. С. 146—148.
- ⁴⁷⁴ Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I. С. 152.
- ⁴⁷⁵ Шведская война 1808—1809 гг. С. 159.
- ⁴⁷⁶ Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I. С. 154.
- ⁴⁷⁷ Там же. С. 150.
- ¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, 16 апреля.
- ² Там же. 2 мая.
- ³ Там же. 4 мая, 5 мая.
- ⁴ Речь. 1917. 24 мая.
- ⁴⁷⁸ Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999.
- ⁴⁷⁹ Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. М., 2003.
- ⁴⁸⁰ Kansallisarkisto (далее: КА). А.Е. Tudeerin kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston ja sen valiokuntien istunnoista 5.12.1939-21.3.1940.
- ⁴⁸¹ Ulkoasianministeriön arkisto (далее: УМ). 109. В 6. Tanerin kokoelma; 110. G 12.
- ⁴⁸² КА. А.Е. Tudeerin kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston ja sen valiokuntien istunnoista 5.12.1939-21.3.1940.
- ⁴⁸³ Ibid. 5.12.1939.
- ⁴⁸⁴ Ibid. 7.12.1939.
- ⁴⁸⁵ Ibid. 11.12.1939.
- ⁴⁸⁶ Ibid. 15.12.1939.
- ⁴⁸⁷ Ibid. 2.01.1940.
- ⁴⁸⁸ Ibid.
- ⁴⁸⁹ Ibid.
- ⁴⁹⁰ Ibid. 8.01.1940.
- ⁴⁹¹ Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. С. 163.
- ⁴⁹² Там же. С. 194.
- ⁴⁹³ Там же. С. 198-199.
- ⁴⁹⁴ Там же. С. 201.
- ⁴⁹⁵ Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo-Hels., 1970. S. 267.
- ⁴⁹⁶ УМ. 109. В 6. Tanerin kokoelma. 23.02.1940.
- ⁴⁹⁷ Ibid. 23.02.1940; 25.02.1940; 28.02.1940; 2.03.1940.
- ⁴⁹⁸ Ibid. 2.03.1940.
- ⁴⁹⁹ Ibid. 25.02.1940.
- ⁵⁰⁰ Ibidem.
- ⁵⁰¹ Ibid. 25.02.1940; 3.03.1940
- ⁵⁰² См.: Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. Барышников В.Н. Эволюция во взглядах Советского Союза на финско-германские связи в 1920-1930 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1 (№ 2). 2001.
- ⁵⁰³ Paasikivi J.K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. Os. I. Talvisota. Porvoo-Hels., 1958. S. 138.
- ⁵⁰⁴ УМ. 109. В 6. Tanerin kokoelma. 3.03.1940.
- ⁵⁰⁵ Ibidem.
- ⁵⁰⁶ Ibidem.
- ⁵⁰⁷ Ibidem.
- ⁵⁰⁸ Kivimäki T. M. Suomalaisen politiikan muistelmat. Porvoo-Hels., 1965. S. 127-128.
- ⁵⁰⁹ См.: Kivimäki T. M. Suomalaisen politiikan muistelmat. S. 128-129; Ylikangas H. Tulkintani talvisodasta. Hels., 2001. S. 202.
- ⁵¹⁰ УМ. 109. В 6. Tanerin kokoelma. 28.02.1940.
- ⁵¹¹ Ibidem; Salaiset keskustelut. Lahti, 1967. S.33.
- ⁵¹² Ibidem.
- ⁵¹³ УМ. 109. В 6. Tanerin kokoelma. 29.02.1940; 11.03.1940; 12.03.1940.
- ⁵¹⁴ Ylikangas H. Tulkintani talvisodasta. S. 148.
- ⁵¹⁵ УМ. 109. В 6. Tanerin kokoelma. 25.02.1940
- ⁵¹⁶ Ibid. 23.02.1940; 28.02.1940.
- ⁵¹⁷ Ibid. 28.02.1940.
- ⁵¹⁸ Ibidem.
- ⁵¹⁹ Ibid. 11.03.1940.
- ⁵²⁰ Ibid. 9.03.1940.
- ⁵²¹ Ibid. 11.03.1940.
- ⁵²² КА. А.Е. Tudeerin kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston ja sen valiokuntien istunnoista 12.03.1940 (9⁰⁰).
- ⁵²³ Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939 – 1953 гг.). М., 1997; Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939 - 1955). Вологда, 2002; Кузьминых А.Л. Положение иностранных военнопленных на Европейском Севере. 1939 – 1945.

(На материалах Вологодской и Архангельской областей): Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. Вологда, 2003; Советско-финляндская война 1939 – 1940. Т. 2. СПб., 2003.

⁵²⁴ Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 2. М., 1947. Ст. 1041; Пособие по военно-медицинской терминологии. Л., 1979. С. 77.

⁵²⁵ Как следует из просмотренных 50 историй болезни, 43 были выписаны после выздоровления, 7 человек умерло.

⁵²⁶ По данным Д. Д. Фролова, во время советско-финляндской войны 1939 – 1940 гг. в советских лечебных учреждениях находилось 58 человек финских военнопленных, из них – 2 офицера, 8 младших командиров и 48 рядовых (т. е. около 6 % военнопленных). (Советско-финляндская война 1939 – 1940. Т. 2. СПб., 2003. С. 306.). В то же время, в исследовании В. П. Галицкого приводится следующая информация. В марте 1940 г. только в эвакуационном госпитале № 2019 содержалось 133 финских военнопленных, из них только 60 было здоровых (выздоровевших) на 14 марта 1940 г. (Галицкий В.П. Указ. соч. С. 98 – 99).

⁵²⁷ Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 2. Ст. 1042.

⁵²⁸ В данное число, судя по официальным материалам, входили в большинстве своем шоккоровцы. Однако с полной уверенностью говорить о том, что в Ленинград поступали целенаправленно именно члены данной организации, у нас нет оснований, т. к. имеющиеся документы не конкретизируют состав данных лиц.

⁵²⁹ Архив Военно-медицинского музея (ВММ). Ф. 1. Оп. 13738. Д. 5. Л. 60.

⁵³⁰ Галицкий В.П. Указ. соч. С. 21.

⁵³¹ Эвакуационный госпиталь № 2019 был развернут в г. Боровичи.

⁵³² Сортировочно-эвакуационный госпиталь № 1170 являлся центральным элементом в системе фронтового эвакуационного пункта 50, развернутого в Ленинграде и прилегающих районах и выполнявшим основные функции по приему, распределению и последующей эвакуации раненых и больных военнослужащих Красной Армии в период боевых действий 1939 – 1940 гг. Размещался в зданиях на территории Александро-Невской лавры. (Архив ВММ. Ф. 141. Оп. 5924. Д. 20. Л. 7.).

⁵³³ В одном комплекте медицинских документов, содержащем несколько историй болезни военнопленного, приводятся различная транскрипция одной фамилии, при чем в одной из них все три варианта даны вместе.

⁵³⁴ В рассмотренных историях болезни встречается и обратный случай, когда раненый был переведен из сортировочно-эвакуационного госпиталя № 1170 в Сестрорецкий эвакуационный госпиталь, что определялось особым положением этого учреждения, где концентрировались раненые и больные военнопленные.

⁵³⁵ Учитывая тяжелое состояние раненого, в Сестрорецком эвакуационном госпитале, где он первоначально находился, проводились консультации невропатолога. В истории болезни за 23 марта 1940 г. сделана следующая запись: «Самочувствие, судя по внешнему виду, удовлетворительное... Сознание ясное, отвечает на все вопросы переводчика, по их словам, не сразу понимает все их вопросы, иногда и вовсе отвечает невпопад или на разные вопросы дает один и тот же ответ». 10 апреля следует следующая запись: «...Речь не понимает, общение посредством знаков». Для оказания квалифицированной помощи он был переведен в сортировочно-эвакуационный госпиталь № 1170, а впоследствии в Ленинградский красноармейский военный госпиталь им. З.П. Соловьева.

⁵³⁶ Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 2. М., 1947. Ст. 1041; Пособие по военно-медицинской терминологии. Л., 1979. С. 77.

⁵³⁷ Suuren käänteen vuosipäivä // Tiedonantaja, 2004. 17. 9.

⁵³⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф.06. Оп.6. П.52. Д.710. Л.10. См. также: Комаров А.А. Окончание второй мировой войны и советские интересы в Финляндии и Норвегии (1944-1947) // Северная Европа. Проблемы истории. М., 1999. С.222.

⁵³⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы. Т.2. 1944-1945. М., 1984. С.148.

⁵⁴⁰ Комаров А.А. Указ. соч. С.223.

⁵⁴¹ Советско-американские отношения... С.148.

⁵⁴² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы. Т.2. 1944-1945. М., 1983. С.50.

⁵⁴³ Vehviläinen O. Rytin-Ribbentropin sopimus // Kansakunta sodassa. Osa 3. Kuulun yli. Hels., 1992. S.83.

⁵⁴⁴ Ibid. S.86.

⁵⁴⁵ Mannerheim G. Muistelmät. Osa 2. Hels., 1952. S.449-450; Linkomies E. Vaikea aika. Hels., 1970. S.354.

⁵⁴⁶ Vehviläinen O. Rytin-Ribbentropin sopimus. S.88.

⁵⁴⁷ Blücher W. Suomen kohtalonaikoj. Porvoo-Hels., 1951. S.384-385.

⁵⁴⁸ Ibid. S.388.

⁵⁴⁹ Ibid. S.381.

⁵⁵⁰ Polvinen T. Teheranista Jaltaan. Suomi kansainvälisessä politiikassa . Osa II: 1944. Porvoo-Hels.-Juva, 1980. S.80.

⁵⁵¹ Viitala H.M. Rauhanoppositio. Hels.-Pori, 1969. S.176-178.

⁵⁵² Кекконен У.К. Финляндия: путь к миру и добрососедству. Статьи, речи, письма 1943-1978 гг. М., 1979. С.18-20.

⁵⁵³ См.: Барышников В.Н. Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943-1944 гг.// Скандинавский сборник. XXIX. Таллинн, 1985. С.67-68.

- ⁵⁵⁴ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1976. С.450-451.
- ⁵⁵⁵ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1973. С.381.
- ⁵⁵⁶ Manninen O. Suomi toisessa maailmansodassa // Suomen historia. 7. Espoo, 1987. S. 407; Морозов В.П. Разгром врага на Карельском перешейке (июнь-июль 1944 г.) // Битва за Ленинград 1941-1944. М., 1964. С.488; Uusi tietosanakirja. 19 osa. Helsinki, 1965. S. 601.
- ⁵⁵⁷ Эрфурт В. Финская война 1941-1944. М., 2005. С.220.
- ⁵⁵⁸ Там же. С.219; Seppälä H- Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo- Helsinki, 1969. S. 253-254; Uusi tietosanakirja. 19 osa. S.601.
- ⁵⁵⁹ Эрфурт В. Указ. Соч. С.220.
- ⁵⁶⁰ Oesch R.L. Suomen kohtalon ratkaisu Kannaksella v.1944. Helsinki, 1956. S.113.
- ⁵⁶¹ Морозов В.П. Указ. Соч. С.484-485.
- ⁵⁶² Lehmus K. Tuntamat Mannerheim. Helsinki, 1967. S.179-180; Wirtanen A. Salaiset keskustelut. Lahti, 1967. S.268; Seppälä H. Op. Cit. S.272-273.
- ⁵⁶³ Lehmus K. Op. cit.S.180; Seppälä H. Op. cit. S.273.
- ⁵⁶⁴ Mannerheim G. Muistelmat. Os.2. Helsinki, 1952. S.482-483.
- ⁵⁶⁵ Цит. по: Hölter H. Armee in der Arktis. Bad Nauheim, 1953. S.25.
- ⁵⁶⁶ См.: О подвиге Ленинграда строками хроники. Л., 1989. С. 561.
- ⁵⁶⁷ Там же.
- ⁵⁶⁸ Цит. по: Петербургский Посад. 2004.12 авг.
- ⁵⁶⁹ См.: См.: Битва за Ленинград. М., 1964; Героям Родины Слава! Петрозаводск, 1970; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974; Карельский фронт в годы Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (военно-исторический очерк) М., 1984; Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. СПб., 2005; Куприянов Г.Н. От Баренцева моря до Ладоги. Л., 1972; Мерецков К.А. На службе народу. М., 1968 и др.
- ⁵⁷⁰ Воронцов Б. В. проектировал экспозицию здания музея «Свирская Победа», а также павильон «Артиллерия», Калайда К. Н. - павильона «Артиллерия», а также павильоны «Авиация» и «Бронетанковые войска».
- ⁵⁷¹ Свирская Победа. Справочник-путеводитель по музею. Лодейное-Поле, 1944.
- ⁵⁷² Свирская Победа. Справочник-путеводитель по музею. Лодейное-Поле, 1945.
- ⁵⁷³ В художественном оформлении музея тогда принимали участие: Васильев А. (картина «Десант в районе реки Тулокса»), Медведев М. (картина «Перед боем»), Угаров Б. (картина «Переправа орудий через Свирь»), Синайский (бюсты «Героя Советского Союза Гальченко», «Героя Советского Союза Кутахова»), Марков (картина «После боевого вылета»), Копейкин (картина «На фронтовой дороге»), Епифанов (скульптуры «У пограничного столба» и «Медсестра: первая помощь на поле боя»), Емельянов (картина «Перед боем»), Титов Я. В. (картины «Штурм Самбатуксы» и «Двенадцать комсомольцев гвардейцев», рисунок с натуры Маршала Советского Союза К.А. Мерецкова), Львович (офорты «Мегругский узел сопротивления» и «Самбатукский узел сопротивления»), Расторгуев Е. А. (картина «Военный натюрморт», фриз «Форсирование Свири»), Берестовенко. (бюст ефрейтора Валентеева), Байков (картина «Подвиг капитана Белого»), Бобровников (обелиск с приказом о Свирской Победе, скульптура «Понтонер»), Коровин Ю. Д. (картина «Постройка понтонного моста через Свирь»), Стрыгин (картина «Клятва»), Семенюк (картина «Танки форсируют Свирь»), Гольяшев (картина «Автоколонна с боеприпасами следует с боеприпасами через Свирь», акварель «Водители разминируют дорогу»), Штаркер (картина «Регулировщица Чернявская»), Орлов (картина «Переливание крови», портрет донора-медсестры Прокопченко), Остапенко (картины «Пункт первой помощи при форсировании Свири», «Главный хирург полковник Вишневский за операцией», «Погрузка раненых на пароход «Чапаев»), Гроздовский (рисунок «Портрет санитары Соколова»), Жадановский («Портрет майора медицинской службы Воскресенского»), Егоров (картина «Погрузка раненых на санитарный самолет»), Островский (картина «У родного очага»), Слета П. (картина «Встреча в Петрозаводске, освобожденном нашими воинами»), Ефтятов (картина «Пленные»). Часть этих работ составляет фонд Лодейнопольского историко-краеведческого музея.
- ⁵⁷⁴ Фонды Лодейнопольского историко-краеведческого музея, отчёте А.А.Масловского «О состоянии филиала ЦМКА "Свирская Победа"», 15 августа 1946 г.
- ⁵⁷⁵ Там же.
- ⁵⁷⁶ Цит. по: Там же.
- ⁵⁷⁷ Серебренников Б.А. О взаимодействии языков (Проблема субстрата) // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 7-25.
- ⁵⁷⁸ Агеева Р.А. Проблема топонимического субстрата. Этническая топонимика. М., 1987. С. 14-22.
- ⁵⁷⁹ Смолицкая Г.П. Об одном этническом аспекте топонимики. Этническая топонимика. М., 1987. С. 23-27.
- ⁵⁸⁰ Попов А.И. Географические названия. М., 1965. С. 7.
- ⁵⁸¹ Дульзон А.П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения // Вопросы языкознания. 1959. № 4. С. 25-46.
- ⁵⁸² Юхнева Н. В. Финны в столице Российской империи // История Петербурга. 2001. № 3. С. 51.
- ⁵⁸³ Юнгар С. Финляндские ремесленники в Санкт-Петербурге. // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Л., 1975. С. 97.

- ⁵⁸⁴ Engman M., Jungar S. Flyttningsrörelsen från Finland till Ryssland // Historiallinen arkisto. 75. 1980. S. 28.
- ⁵⁸⁵ Engman M. Migration from Finland to Russia during the Nineteenth Century // Scandinavian Journal of History. 1978. Vol. 3. No. 2. P. 164.
- ⁵⁸⁶ Российский государственный исторический архив. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 48. Л. 11 об., 12 об., 14 об.
- ⁵⁸⁷ Памятная книжка С.-Петербургской губернии. СПб., 1905. С. 51.
- ⁵⁸⁸ Engman M. S:t Petersburg och Finland: Migration och influens. 1703–1917. Helsingfors, 1983. S. 257.
- ⁵⁸⁹ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. Suomalaisten paot ja paluumuutot idästä 1917–1939. Helsinki, 2002. S. 20.
- ⁵⁹⁰ Karste-Liikkanen G. Pietari-suuntaus Kannakselaisessa elämäntähtäyksessä 1800-luvun loppupuolelta vuoteen 1918. Helsinki, 1968. S. 74, 76–77.
- ⁵⁹¹ Ibid. S. 86–87.
- ⁵⁹² Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга. Ф. 960. Оп. 3. Д. 16. Л. 67–95.
- ⁵⁹³ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 20–21.
- ⁵⁹⁴ По официальным данным на 1835 г., русское население Выборгской губернии составляло 24 398 человек, в том числе 4156 человек в волости Кивеннапа и 954 – в Муолаа (*Hämäläinen V.* Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus ja sen vaikutus Suomen ja Venäjän suhteiden kehitykseen autonomian ajan lopulla. Tampere, 1974. S. 27).
- ⁵⁹⁵ Vihavainen T. Venäläiset ja suomalaiset // Suomi Suuriruhtinaanmaa. Helsinki, 1991. S. 56.
- ⁵⁹⁶ Kuusterä A. Venäjä ja Suomen talous // Ibid. S. 86.
- ⁵⁹⁷ Rönkkö M.-L. Kosketuskohtia // Ibid. S. 151.
- ⁵⁹⁸ Turpeinen O. Venäjänkielisten määrä Suomessa vuonna 1900 // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Helsinki, 1984. S. 21–22.
- ⁵⁹⁹ Для обозначения профессии конопатчика в финском языке даже получил распространение термин, заимствованный из русского языка (konopaatsikko).
- ⁶⁰⁰ Karste-Liikkanen G. Pietari-suuntaus Kannakselaisessa elämäntähtäyksessä. S. 104–106.
- ⁶⁰¹ Ibid. S. 114.
- ⁶⁰² Бородин М. М. История Финляндии. Время Императора Александра II. СПб., 1908. С. 447.
- ⁶⁰³ *Hämäläinen V.* Die russische Sommerhausbesiedlung auf der Karelischen Landenge am Ende des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Band 34. 1986. Heft 4. S. 527.
- ⁶⁰⁴ *Hämäläinen V.* Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 205, 216; *Katajala K.* Rautatie suuntaa Itä-Suomen alueiden tuotantoa // Itä-Suomi ja Pietari. Kirjoituksia toimeentulosta suurkaupungin vaikutuspiirissä. Joensuu, 1997. S. 187–188.
- ⊥ Финляндия вошла в состав Российской империи после окончания русско-шведской войны 1808–1809 гг. и подписания Фридрихсгамского мира 5(17) сентября 1809 г. 23 ноября (6 декабря) 1917 г. финляндский сейм объявил Финляндию суверенным государством. 18(31) декабря 1917 г. независимость Финляндии была признана СНК РСФСР и подтверждена ВЦИК РСФСР 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.).
- ⊥ Магический жезл, обвитый двумя змеями, атрибут Гермеса-Меркурия.
- © Императорский Александровский университет был основан в 1640 г. в г. Турку (Або) и в 1828 г. был переведен в Гельсингфорс. Ныне – Хельсинкский университет.
- ≡ Герб страны Суоми появился в 1284 г., когда в результате крестовых походов земли финнов были захвачены шведами, население насильственно обращено в христианство и Финляндия стала герцогством в составе Шведского королевства. На красном гербовом щите, украшенном герцогской короной, были изображены – золотой коронованный лев с занесенным мечом в правой передней лапе, попирающий задними лапами брошенную кривую саблю, и девять стилизованных серебряных роз. Попранный восточный сабля символизировал победу христианства над язычеством, а окружающие льва девять роз – тогдашнее количество ланей (губерний) финляндского герцогства.
- ⌘ *Laurila K.K.* Suomen Lippu. Hels., 1999. S.7.
- × В 1918 г. государственным флагом Финляндии становится белое прямоугольное полотнище с синим прямым крестом, в пересечении которого помещен государственный герб.
- ↗ Автором рисунка этой медали был известный русский медальер граф Ф.П.Толстой.
- ↗ Полное собрание законов Российской империи. Собр.второе. Т.32. СПб., 1858. № 31720.
- ⌒ Там же. Собр.третье. Т.2. СПб., 1886. № 1159.
- ⊥ Там же. СПб., 1886. Т.3. №1402.
- ⊥ Чиновники местной финской администрации носили мундиры, на пуговицах которых были гербы уездов и городов Великого княжества Финляндского.
- ⁶⁰⁵ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1962. Л. 19.
- ⁶⁰⁶ Пулькин М.В. Старообрядческие наставники из Финляндии и их деятельность в Олонецкой епархии (вторая половина XIX в.) // Старообрядчество: История, культура, современность. М., 2000. С. 175.
- ⁶⁰⁷ Национальный архив Республики Карелия (далее - НА РК). Ф. 25. Оп. 8. Д. 4/15. Л. 3.
- ⁶⁰⁸ *Björn I.* Pomantsin vanhauskoiset // Kahden Karjalan välillä. Kahden riikin riitamalla. Joensuu, 1994. S. 237.
- ⁶⁰⁹ Бьёрн И. Старообрядцы Иломанси: пограничные деревни как места убежища // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. Сб. научных статей и материалов. СПб., 2003. С. 59–70.
- ⁶¹⁰ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 4/15. Л. 3.

- ⁶¹¹ Bjorn I. Ilomantsin vanhauskoiset. S. 238.
- ⁶¹² РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1974. Л. 6, об.
- ⁶¹³ Там же. Л. 304.
- ⁶¹⁴ Подробнее о федосеевцах см.: Федосеевское согласие // Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 287-288.
- ⁶¹⁵ РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1974. Л. 5, об.
- ⁶¹⁶ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 4/15. Л. 3.
- ⁶¹⁷ Робсон Р. Культура поморских старообрядцев в Пенсильвании // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 27-32; Иванец Э. Обряд крещения у старообрядцев в Польше // Там же. С. 262-268 и др.
- ⁶¹⁸ РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1975. Л. 129-130.
- ⁶¹⁹ Соколовская М.Л. Складывание института «учительства» в Выго-Лексинском общежитии (об исполнении «келейного правила» скитскими старостами // Мир старообрядчества. Личность. Книга. Традиция. Вып. 1. М., СПб., 1992. С. 31-32.
- ⁶²⁰ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 4/15. Л. 3, об.
- ⁶²¹ Bjorn I. Ilomantsin vanhauskoiset. S. 238.
- ⁶²² НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 4/15. Л. 3, об.
- ⁶²³ Там же. Оп. 14. Д. 59/16. Л. 31.
- ⁶²⁴ Bjorn I. Ilomantsin vanhauskoiset. S. 242.
- ⁶²⁵ Ibid. S. 242.
- ⁶²⁶ Шибанов П.П. Антикварная книжная торговля в России // Книжная торговля. М., – Л.: 1925. С. 231.
- ⁶²⁷ Николай Соловьев получил выпускное свидетельство в 1899 году. См.: Годиный акт. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С-Петербургского Университета за 1899 г. СПб., 1900. Приложение III. Список лиц, получивших выпускное свидетельство в 1899 году. Юридический факультет. № 307. С. 130.
- ⁶²⁸ Соловьев Н.В. Письмо к С.Н. Шубинскому от 9 февраля 1898. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее: ОР РНБ). Ф. 874 (С.Н.Шубинский). Д. 74. Л. 271.
- ⁶²⁹ В настоящее время – центральное здание гостиницы «Октябрьская» (Невский проспект дом 118).
- ⁶³⁰ Шибанов П.П. Антикварная книжная торговля в России. С. 231.
- ⁶³¹ Гельвальд Ф. Земля и ее народы. Том 3 «Живописная Европа». СПб., 1878. С. 233.
- ⁶³² Бородин М. Финляндия в русской печати. Материалы для библиографического указателя книг и статей о Финляндии. Выпуск I. (А – Е). СПб., 1899. Второе издание труда М. Бородина (СПб.: 1902) тоже продавалось у Соловьева, о чем многократно указывалось в «Каталогах» за разные годы.
- ⁶³³ Грот Я.К. Гельсингфорс. Отдельный оттиск из журнала «Современник» 1840. Т. XVIII. С. 2.
- ⁶³⁴ Шибанов П.П. Антикварная книжная торговля в России. С. 232.
- ⁶³⁵ Там же.
- ⁶³⁶ Сулов В.В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888. С. 6.
- ⁶³⁷ Соловьев Н.В. Цена на книги и книжная торговля // Старые годы. 1908. № 1. С. 51.
- ⁶³⁸ Романовский С.К. Международные культурные и научные связи СССР. М., 1966. С. 27.
- ⁶³⁹ Архив Российской Академии Наук (далее: АРАН). Ф. 2. Оп. 2. Д. 186. Л. 1-7
- ⁶⁴⁰ См.: Зубов Н.Н., Козицкий Н.И. Участие Советского Союза в проведении II Международного полярного года (1932 - 1933 гг.). М., 1959.
- ⁶⁴¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 9.
- ⁶⁴² Известия. 1933. 12 авг.
- ⁶⁴³ Документы внешней политики. Т. 17. М., 1971. С. 765; Известия. 1934. 25 и 28 авг., 2 сент.; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 882. Л. 1.
- ⁶⁴⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 18. М., 1973. С. 637, 642.
- ⁶⁴⁵ Санкт-Петербургское отделение АРАН. Ф. 265. Оп. 3. Д. 121. Л. 2.
- ⁶⁴⁶ В 1489 г. в Стокгольме в церкви св. Николая немецкий мастер Бернт Нотке создал статую св. Георгия в память о победе 1471 г., которую одержал шведский регент Стен Стуре над датчанами. По преданию, победить героя помог св. Георгий – и Стен Стуре дал обет поставить алтарь святому всаднику в церкви св. Николая в шведской столице. В 1520 г. опять же немецким мастером Бруггерманом была создана очень красивая и динамичная скульптура св. Георгия с драконом, которая сейчас находится в Национальном музее в Копенгагене. В начале XVI века деревянный конник св. Георгий появился в церкви финского город Хаттула. Началом XVII столетия датируется надгробная статуя всадника – Карла IX в шведском городе Доткучка. К концу XVII века относится конная скульптура работы мастера Питера Шульца.
- ⁶⁴⁷ Наиболее ранним конным памятником считается мраморный «Всадник Рампина» из Афинского музея Акрополя, датируемый примерно 560 г. до н.э.
- ⁶⁴⁸ Во Флоренции Дж. да Болонья создал два конных монумента великих герцогов Тосканских из семейства Медичи – Козимо I (1594 г., пл. Синьории) и Фердинанда I (1608 г., пл. Аннунциаты), по своим идеологическим и художественным качествам отличающихся от прежних памятников и ставших образцами для становления новой традиции.

⁶⁴⁹ После привнесения традиции конного монумента из Франции в страны Скандинавии процесс распространения жанра по Европе не завершился. Со второй трети XIX в. до первых десятилетий XX в. идея конного монумента экспортировалась из Италии в Восточную и Юго-Восточную Европу и из Франции в страны Бенилюкс и Балканы (Румыния). Скандинавские скульпторы в этом процессе не участвовали, замкнувшись внутри своего региона и интерпретируя привнесенную традицию в русле национальной культуры.

⁶⁵⁰ После Второй Мировой войны памятник был реконструирован в бронзе и обнесен оградой. Проведением реставрационных работ занимался датский скульптор Эйнар Утзон-Франк - автор конного памятника Христиану X в Копенгагене (1954 г.), участвовавший в процессе распространения жанра на последующем этапе.

⁶⁵¹ Самые известные представители семьи Кусту - скульпторы Никола Кусту (Nicolas Coustou, 1658–1733) и Гийом Кусту Старший (Guillaume Coustou I, 1677–1746) - учились у своего дяди Антуана Кузевокса (1640–1720) – придворного скульптора Людовика XIV, в 1695 г. создавшего монументальный конный портрет «Короля-Солнца» (Ренн), в 1702 г. – мраморную статую «Меркурий и Беллерофонт». В дальнейшем братья Кусту работали с Кузевоксом и, разделив его симпатию к иконографии скульптурного всадника, неоднократно обращались к этому мотиву в собственном творчестве. Никола Кусту стал автором конного памятника Генриху IV в Лионе, последняя работа мастера – большой рельеф «Людовик XV пересекает Рейн» (Версаль, вестибюль) – осталась неоконченной и была завершена его братом Гийомом Кусту. Гийом Кусту – автор пьедесталов лионского монумента «Людовика XIV» М. Дезиардинса (совместно с Никола Кусту) и парижского «Людовика XIV» Ф. Жирардона; наиболее значительным произведением мастера признаны две мраморные группы укротителей коней для дворца в Марли.

⁶⁵² У французского мастера Франсуа Жоффроя (1806-1882) учился шведский скульптор Карл Петер Хасселберг (1850-1894) – будущий автор конного памятника Карлу X Густаву (1894 г.). Помимо Хасселберга из мастерской Жоффроя вышел француз Жан-Александр Жозеф Фальгуэр (1831-1900) – создатель конного монумента генерала Паса (Кордова, Аргентина), который в свою очередь воспитал интерес к иконографии скульптурного всадника у своих учеников - шведских скульпторов: Карла Вильгельма Фриберга (1868-1953) – автора памятника Карлу XV (Стокгольм, 1909 г.) и Теодора Лундберга (1852-1926) – автора памятника Карлу X Густаву (Уддевалла, 1915 г.).

⁶⁵³ Сам Б. Торвальдсен, хоть и являлся автором двух монументальных всадников, не повлиял на развитие этого жанра в родной Скандинавии, зато его ученик Г.-В. Биссен сыграл огромную роль в становлении традиции конного памятника.

⁶⁵⁴ Л. Йенсен обращался к иконографии всадника в статуэтках датских королей Христиана IX и Фредерика VIII (музей Фредериксборг).

⁶⁵⁵ Французский маршал Жан Батист Бернадот, занимавший престол Швеции под именем короля Карла XIV Юхана, стал для норвежцев символом освобождения Норвегии от Дании, в зависимости от которой страна находилась вплоть до 1814 г., а спустя три десятилетия после кончины «освободителя» Ж.-Б. Бернадота в Осло был открыт его конный памятник (скульптор Б.-Л. Бергслейн). Таким образом, этот наиболее поздний из скандинавских конных монументов второй «волны» и поэтому хронологически близкий памятникам следующего периода, семантически является связующим звеном со всадниками третьей «волны», которые в большинстве своем посвящались именно освободителям, героям, в образах которых персонифицировалась идея свободы еще недавно зависимых стран.

⁶⁵⁶ По данным Санкт-Петербургского коллекционера В.П. Тюкина в настоящее время на территории Европы, РФ и бывших советских республик насчитывается порядка 1200 конных монументов (памятники, установленные в городских ансамблях; осуществленные конкурсные проекты; статуи, находящиеся в музеях; а также произведения, несохранившиеся до наших дней).

⁶⁵⁷ Ко времени появления в Финляндии первого конного памятника в странах Скандинавии было установлено четыре десятка монументальных конников.

⁶⁵⁸ Живопись и графика Эдварда Мунка. Каталог выставки. Л., 1982

⁶⁵⁹ Bischoff W. Edvard MUNCH 1863-1944, Des images de vie et de mort. Berlin, 2001. S. 20, 21, 29, 30

⁶⁶⁰ Сельз Ж Эдвард Мунк, М., 1972.

⁶⁶¹ Там. же.

⁶⁶² Фар-Бекар Г. Искусство модерна. СПб., 2000. С. 288-291.

⁶⁶³ Прете М. К., Де А. Как понимать искусство. Джорджис. Живопись. Скульптура. Архитектура. Интербук. М., 2002. С. 110, 396.

⁶⁶⁴ L'esprit créateur de Pigalle à Canova Terres cuites européennes 1740-1840. Sous la direction de James David Draper et Guilhem Scherf. Paris, 2003; Playing with Fire European Terracotta Models, 1740-1840. The Metropolitan Museum of Art. New-York, 2004.

⁶⁶⁵ Sergel och hans romerska krets. Europeiska terrakottor 1760-1814. Nationalmuseum. Stockholm, 2004.

⁶⁶⁶ Sergel och hans romerska krets. Europeiska terrakottor 1760-1814 // 13 maj –29 augusti 2004. Nationalmuseum. // Проспект выставки. С. 3.

⁶⁶⁷ Solfrid Söderlind. Foreword. - Sergel och hans romerska krets. Europeiska terrakottor 1760-1814. Nationalmuseum. Stockholm, 2004. S. 7. Перевод цитаты сделан автором статьи.

⁶⁶⁸ Utställningskommissarie Magnus Olausson.

⁶⁶⁹ Приводим полный список музеев, участвовавших в стокгольмской выставке и подготовке каталога: Baynonne, Musée Bonnat; Berlin, Alte Nationalgalerie, Staatliche Museen zu Berlin, Stiftung Preußischer Kulturbesitz, Große Loge Royal York zur Freundschaft; Boston, Museum of Fine Arts; Detroit, The Detroit Institute of Arts; London, Victoria and Albert Museum; Lyon, Musée des Beaux-Arts de Lyon; Montpellier, Musée Fabre; New York, The Arthur M. Sackler Collections; New York, The Metropolitan Museum of Art; Orléans, Musée des Beaux-Arts d'Orléans; Paris, Musée Carnavalet; Paris, Musée Cognacq-Jay; Paris, Musée du Louvre; Rom, Accademia Nazionale di San Luca; Rom, Museo del Palazzo di Venezia; S:t Petersburg, Statliga Eremitaget; S:t Petersburg, Statliga Ryska Museet; Stockholm, Nationalmuseum; Stockholm, Kungliga Akademien för de fria konsterna; Stuttgart, Staatsgalerie; Vatikanstaten, Musei Vaticani. Данный перечень музеев приведен в каталоге: *Sergel och hans romerska krets. Europeiska terrakottor 1760-1814*. Nationalmuseum. Stockholm, 2004. S. 9.

⁶⁷⁰ Ганзен. П. Шведское искусство. – Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. Т. XXXIX, СПб., 1903. С. 271

⁶⁷¹ Популярная художественная энциклопедия//Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. Т. II (М-Я). Кн. II. М., 1999. С. 226.

⁶⁷² Тихомиров А. Искусство Швеции. – Всеобщая история искусств в шести томах. Т. IV. М., 1963. С. 461.

⁶⁷³ Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. Т. XXIX, СПб., 1900. С. 645. Статья называется «Сергель», напечатана без указания автора.

⁶⁷⁴ Тихомиров А. Искусство Швеции. – Всеобщая история искусств в шести томах. Т. IV. М., 1963. С. 461.